

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

- 3 **В.О. БОБРОВНИКОВ** *Историческая память горского «хищничества» в аварской «Песне о Хочбаре»*
- 34 **И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ** *Заложники крепости. Национальный этос и проблема исторической памяти в молодой польской прозе 2000-х гг.*
-

ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

- 50 **Л.А. КАЦВА** *Древняя Русь в современных школьных учебниках*
- 82 **П.В. ЛУКИН, Е.В. ПЧЕЛОВ** *Как рецензент не раскрыл тему. О рецензии Л.А. Кацвы*
- 110 **А.Ю. СКАКОВ** *Пробные учебники истории для классов с русским языком обучения средних школ Туркменистана*
- 121 **И.А. ХУХРОВ** *Презентация истории в учебниках обществознания*
-

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мир

- 145 **Д. МЕССИНА** *Рец.: Canali M. Il tradimento. Gramsci, Togliatti e la verità negata. Roma, 2013. Pp. 257*

Россия

- 148 **Н.В. РЫБАЛКО** *Управление в условиях военного времени. Рец.: Герасимова И.В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 344 с., ил.*
- 154 **Д.И. ОЛЕЙНИКОВ** *Книга-дворец. Рец.: Пашкова Т.Л. Император Николай I и его семья в Зимнем дворце: В 2 ч. / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. (Жизнь императорской резиденции). 462+524 с.*
- 161 **А.В. СТЕПАНОВА, Ю.Г. СТЕПАНОВ** *Что отразилось в зеркале? Рец.: Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 376 с. (Серия HISTORIA ROSSICA)*

- 167 **М.В. МЕДОВАРОВ** *Князь-гражданин или enfant terrible русского консерватизма? Рец.: Пронина И.А. Князь В.П. Мецкерский: консервативная оппозиция Великим реформам. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. 208 с.*
- 172 **А.А. ТЕСЛЯ** *Одиночество идеолога. Рец.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост.: А.В. Репников, Б.С. Котов; авт. предисл., коммент и примеч. А.В. Репников. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 599 с.: ил.*
- 178 **С.Л. ФИРСОВ** *Крушение «симфонии»: православная российская церковь и светская власть в 1917 г. Рец.: Соколова А.В. Государство и Православная Церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 года. СПб.: Д.А.Р.К., 2015. 660 с.*
- 188 **О.Е. ЗУБКО** *Рец.: Базанов П.Н. Книжное дело русской эмиграции: курс лекций. СПб.: СПбГИК, 2015. 192 с.*

ПОЛЕМИКА

- 195 **С.Б. КРИХ, О.В. МЕТЕЛЬ** *Снова о двух парадигмах: предварительный ответ М.А. Базанову*

ОСТОРОЖНО: ХАЛТУРА

- 200 **П.И. ТАХНАЕВА** *Имамат Шамиля в современной историографии. Рец.: Дадаев Ю.У. Государственное образование (имамат) Шамиля: органы власти и управления. Махачкала, 2015. 504 с.*
- 220 **В.А. ШНИРЕЛЬМАН** *Конспирология и оккультные силы*

КОНФЕРЕНЦИИ

- 241 **И.В. САВЕРКИНА** *Конференция Государственного Эрмитажа «Петровское время в лицах» (с 1998 по настоящее время)*
- 245 **Н.М. СПЕРАНСКАЯ,
А.А. ЗЛАТОПОЛЬСКАЯ** *«Вольтеровские чтения 2015: Вольтер, русская литература и общество» (Российская национальная библиотека, 05–06.11.2015)*
- 248 **А.А. КРИХ, С.А. МУЛИНА,
Ю.А. СОРОКИН, Н.Г. СУВОРОВА** *«Азиатская Россия: люди и структуры империи» – 10 лет спустя*
- 263 *Сведения об авторах*
- 265 *About the authors*

В.О. Бобровников

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ГОРСКОГО «ХИЩНИЧЕСТВА» В АВАРСКОЙ «ПЕСНЕ О ХОЧБАРЕ»¹

Ключевые слова: фольклор, мусульманское пограничье, власть, насилие, военные предводители, абреки, газават, Дагестан, горцы, Хочбар.

На основе сравнительного лингвистического и исторического анализа известной Аварской баллады о храбром разбойнике Хочбаре, заживо сожженном вероломным ханом Хунзахом, автор рассматривает изменение отношений между властью и насилием, а также историческую память о социальном бандитизме в традиционном обществе Горного Дагестана. После установления русской колониальной администрации в середине XIX в. традиционные мужские союзы мусульманских горцев оказались вне закона и постепенно исчезли, их военные предводители превратились в преступников. В культурной памяти народа этот сдвиг нашел отражение в новом образе благородного разбойника, мусульманского Робина Гуда. Статья также включает новый русский перевод песни о Хочбаре и подробные исторические комментарии.

Былина основана не на передаче в стихах исторического факта, а на художественном вымысле, который именно как вымысел определяется историей. Непонимание этого приводит к тому, что былинные героев ищут в летописях и в повествовательной литературе и полагают, что находят их, так как отличие художественных форм и жанровой принадлежности эпоса и летописи полностью игнорируется...

В.Я. Пропп. Основные этапы развития русского героического эпоса

© В.О. Бобровников, 2016.

¹ Первоначальная версия работы опубликована в журнале *Ab imperio* (2003. № 1. С. 177–208) и почти без изменений воспроизведена в (Империя и нация... 2011). Статья существенно переработана и дополнена по материалам, собранным в ходе работы по проектам Фонда Фольксвагена «Transformations of sacred spaces, pilgrimages and conceptions of hybridity in the post-Soviet Caucasus» под руководством К. Тьюита и Ф. Мюлфрида (Йенский университет) и РГНФ «Современные исламские политические концепции в России: идеология и практика», грант 14-03-00511 (руководитель А.А. Ярлыкапов).

Позволю себе начать эту работу с важного для меня воспоминания. На рубеже двух столетий я увлекался темами восприятия насилия в горском обществе нового времени и изобретения горских традиций на русском Кавказе. На исторических и этнографических материалах, собранных в Дагестане, который был и остается моим главным «полем», я написал тогда ряд статей и одну вызвавшую много откликов книгу (*Bobrovnikov* 2007: 239–267; *Бобровников* 2000: 19–46; 2002), которыми невольно больно обидел своих коллег, этнографов и историков-русистов, занимавшихся сходными сюжетами в регионе. (Замечу в скобках, что в большинстве случаев это не помешало нам остаться в дружеских отношениях.) В порыве деконструкции я утверждал, что абречество и другие кавказские «традиции», которые мои коллеги и друзья полагали архетипом горской культуры, возникли сравнительно недавно, в колониальную и советскую эпохи, да и сами горцы уже давно не горцы, и изучение горских «традиций» сегодня равнозначно этнографической фикции. Еще обиднее было подвергнуть сомнению героиню маскулинной горской культуры, отвергнув ее внеисторические интерпретации этнографами петербургской школы. И уж совсем нехорошо было не отвечать на неконструктивную критику позитивистов, требовавших изучения действительности, в то время как я изучал скорее представления о ней.

Следуя известной максиме, что лучше поздно, чем никогда, я хочу, наконец, ответить на критику моего понимания абречества в горском

фольклоре. За прошедшие годы я собрал, перевел и частью опубликовал новые материалы. Представления мои (и некоторых из моих оппонентов) сильно изменились. К этому меня также побуждают и личные мотивы — некоторых из моих критиков уже нет в живых, в первую очередь, признанного знатока Кавказа Ю.Ю. Карпова, скончавшегося несколько месяцев тому назад. Отдавая дань памяти другу, я посвящаю ему эту статью. Никак не оправдываясь, я хотел бы предупредить читателя, что оппоненты часто не замечали более важных моих публикаций и переводов восточных источников. Сами же они работали по переводам. Даже исключительный полиглот Ребекка Гоулд разбирает чеченский героический эпос об абреках колониальной (имперской) эпохи по его русским литературным пересказам и откликам на него среди жертв абречества в Алазани (*Gould* 2006: 37–46; 2007: 271–306).

Признавая справедливость многих частных упреков, я считаю, что по сути мой подход обоснован. Я по-прежнему полагаю ошибочным смешивать историю и историческую беллетристику, тем паче историческую действительность и историческую память о ней. Рискуя навлечь на себя новые обвинения, позволю себе предположить, что вторжение в историю литературоведов (даже таких именитых, как Харша Рам и Александр Эткин²) открыло перспективные темы для изучения, но вместе с тем привело к чрезмерному усложнению (и девальвации)

² См. рец.: (*Киселев* 2014: 144–158).

историографического нарратива. Не менее фатальным было вмешательство беллетристики в советскую позитивистскую историю, как на примере теории тайпа у М.А. Мамакаева показал недавно К. Детмеринг (*Dettmering* 2005: 469–489). В сущности, они ничего нового не разъяснили, но лишь окончательно запутали читателя в его представлениях о том, что происходило на Кавказе под российским колониальным и советским владычеством и как это прошлое воспринимается в регионе и за его пределами.

Я долго думал, как мне лучше ответить моим оппонентам. И решил не обосновывать нового подхода и не создавать нового абстрактного языка для осмысления абречества в исторической памяти. Вместо ответа я предпочел дать текст источника, перевести и разобрать его сюжет, исторический контекст и место в исторической памяти. Несмотря на обилие публикаций, посвященных роли насилия в домодерном и современном горском обществе (*Карпов* 1996; 2007; *Ботяков* 2004; *Gould* 2006: 37–46; 2007: 271–306; *Grant* 2009), многие первоисточники, в первую очередь фольклорные материалы на восточных языках, остались вне поля зрения исследователей. Между тем среди них есть такие важные тексты, как Джарские песни (*Цоралгул кГучИдул*) о военных предводителях аварских сельских конфедераций и их набегах на Грузию (авар. *Цор*, ‘Загорье’), песни о благородных разбойниках-абреках начала XX в., цикл песен о противостоянии знаменитого удальца Хочбара из Гидатлинского союза общин и аварского хана Хунзаха. Последний и будет предметом данной статьи.

XVIII и первая половина XIX в. были переломной эпохой в истории Нагорного Дагестана. По мере русского завоевания регион превращался в буферную зону мусульманского пограничья империи. Отличительными чертами местного общества той эпохи были конфликтность, подвижность и маргинальность. Горцы-мусульмане не принадлежали вполне ни к османским, ни к иранским, ни к российским подданным. Сохранив связи с исламскими центрами Ближнего и Среднего Востока, они поддерживали контакты и с внутренними мусульманскими регионами империи – главным образом с исламскими центрами Поволжья (*Назир ад-Дургили* 2012: 27, 44, 46, 50, 53, 60, 63, 64, 75, 99, 131, 140; *Ризаэддин Фэхреддин* 2006: 233; см. также: *Кетфер* 1998: 89–90). Кроме государственной границы (Кавказской линии) по горным районам проходил более подвижный политический рубеж, отделявший территории, находившиеся под властью имама Дагестана и Чечни (в исламской терминологии, *дар ал-ислам* или ‘исламский мир’), от тех, за которые шла борьба между мусульманами и русскими (араб. *дар ал-харб*, ‘области войны’). В Кавказских войнах XIX в. горцы сражались как на стороне русской армии, так и в ополчении имамата. В целом мусульманское повстанчество той эпохи оказало немалое влияние на идентификацию мусульманского пограничья (*Bobrovnikov* 2008: 29–30).

В эпоху русского завоевания о Кавказе шла дурная слава «разбойничьего гнезда». Как русские, так и мусульманские авторы удивительно

единодушно отзывались о горцах как о «природных хищниках»³. О разбойниках-абреках и их нападениях на соседей написаны горы литературы (*Козачковский* 1913; *Гатуев* 1926; *Бердяев* 1930; 1936 и др.). Но мало кто изучал отношение к насилию самих горцев⁴. Лишь в последнее время этим, как уже говорилось, занялись этнологи и литературоведы. Историков же в основном интересовали в основном реальные события и лица, а не запечатленные в исторической памяти представления о прошлом. Опираясь на аварскую «Песню о Хочбаре», я хочу разобрать отношения власти и насилия среди горцев, их отражение в исторической памяти, переходя от разбора сюжета песни к ее историческому контексту и постепенно расширяя круг источников.

«ПЕСНЯ О ХОЧБАРЕ»

Начну с краткой историко-лингвистической характеристики памятника. Песня эта, пожалуй, едва ли не самая знаменитая в дагестанском

фольклоре. Известно несколько десятков ее аварских версий, даргинские и лакские варианты. Ее записал и ввел в научный оборот известный кавказовед барон П.К. Услар. В 1868 г. был издан его прозаический перевод «Песни о Хочбаре» с аварского на русский язык (*Услар* 1868: 41–42). Высокую оценку художественным достоинствам песни дал Л.Н. Толстой, ознакомившись с записями Услара во время работы над «Хаджи-Муратом» (*Толстой* 1950: 635). С тех пор песню о Хочбаре не переставали записывать и публиковать как в русских переводах, так и в аварском оригинале. Сегодня она входит в каждую хрестоматию народных песен Дагестана. Ее аварский текст изучается в 6-м классе средней школы в аварских районах, так же как, скажем, в русских школах «Слово о полку Игореве». Поэтическое переложение песни на русский язык сделано уже в советское время известным дагестанским писателем Эффенди Капиевым. Перевод Э. Капиева неоднократно переиздавался, см., напр.: (*Песни горцев* 1990: 26–31).

Несмотря на художественные достоинства перевода Э. Капиева, он не годится для научного анализа самого памятника. Дело в том, что Капиев дополнил усларовский текст деталями из более поздних аварских версий песни, а также ее даргинского и лакского вариантов, основываясь на записях, сделанных им в Нагорном Дагестане в 1915–1934 гг. По справедливому замечанию дагестанского фольклориста А.А. Ахлакова, перед нами не столько перевод, сколько «сводная литературная» версия (*Ахлаков*

³ Об ориенталистском дискурсе дикости специально см. в моих работах: (*Бобровников* 2002: 16–26; 2006: 367–383). Тема исламских вариаций ориентализма как дискурса на мусульманских окраинах Российской империи еще ждет своего исследователя. Примеры ориенталистских высказываний северокавказских 'улама' см.: (*Мухаммадрафи* 1993: 97–98; *Абдурахман из Газикумуха* 1997: 201a (араб. текст)).

⁴ Аннотированную библиографию дореволюционных работ о кавказском «хищничестве» читатель найдет в (*Леонтович* 2002: I. 257–259, 261, 262, 264–271, 275, 277–280, 282, 285–292; II. 253–261, 267, 270–273, 278, 280). В позднее советское время изучение абречества и набегов оказалось под негласным запретом в силу официальной установки на «дружбу народов» в СССР.

1968: 12). Аварский оригинал песни отличается от перевода Капиева по содержанию, форме и даже длине. В переводе Капиева песня о Хочбаре занимает 158 строк, а в оригинале — всего 67, многословный перевод почти в три раза превышает краткий оригинал!⁵ Капиев вводит в песню связи между эпизодами. От этого пропадает энергия оригинала, стиль становится слишком вялым. Краткость и очарование аварской песни в этом переводе пропали. Есть отличия в действующих лицах: у Капиева гидатлинец заменен на мать Хочбара, нет хунзахского кади, введены жена Хочбара, ханские *нуке*ры, женщины и старики Хунзаха. В переводе исчезает граничащая с нищетой бедность горцев Хунзаха и Гидатля. Вместо этого переводчик щедро рассыпает перед читателем богатства Востока.

Эти соображения заставили меня взяться за новый прозаический перевод песни. Из множества аварских вариантов я выбрал не самую древнюю (усларовскую), а наиболее популярную версию последней трети XIX — первой трети XX в.⁶

⁵ Строки 3–4, 6, 8, 10–20, 22–26, 30–41, 43–45, 48–50, 52, 55–56, 58–60, 63–64, 69, 71–79, 82, 87–136, 140, 142–149, 155–158 поэтического перевода Капиева не имеют параллелей с аварским оригиналом песни. В переводе опущена перебранка Хочбара с хунзахским кади, в которой упомянуты герой Муртузали и его меч Зу-л-Факар. Эпизод с глашатаем перенесен из начала песни в середину, после приезда Хочбара в Хунзах и заточения его в ханскую темницу.

⁶ Этот текст и попал в школьную хрестоматию: (Литературияб хрестоматия 1988: 34–37). Он был опубликован известным краеведом и фольклористом Абдулатипом Шамхаловым (*Шамхалов* 1929) и воспроизве-

В отличие от Капиева и Услара я отказался от включения в перевод отсутствующих в оригинале связок-описаний, чтобы объяснить развитие действия. Именно так переводил героические песни аварцев Ахлаков. Это позволяет дать более адекватное прочтение памятника. Подробный комментарий и разбор сюжета читатель найдет в следующих разделах статьи.

«Песня о Хочбаре» служит ярким примером исторического фольклора аварцев. Исполняли ее на общеаварском койне (авар. *болмацIцI*), в основу которого был положен язык общества (*бо*) Хунзахского плато. Как и другие героические песни, она имеет 11-сложную строку с цезурой посередине, близкую к арабскому размеру *басит* (*Далгат* 1962: 60–61; *Ахлаков* 1968: 213–215). Поражает обилие диалогов в песне. Все важнейшие сюжетные узлы переданы в диалогах. Судя по рассказам очевидцев, записанным в середине XX в., аварцы любили петь героические песни дуэтом под аккомпанемент трехструнного *пандура* или *чаганы*. Мелодии исполнялись в очень быстром ритме, близком к плясовому (*Ахлаков* 1968: 188). Столь же стремительно развивается действие песни.

Центральная тема песни — власть и насилие у горцев Дагестана.

ден в Антологии аварской поэзии (1958; см.: Аваразул кялул кучIдул ва балладаби 2003: 315). Имеется близкий вариант, записанный в середине XX в. Мансуром Гайдарбековым и изданный в посмертном сборнике трудов А.А. Ахлакова (Аваразул кялул кучIдул ва балладаби 2003: 15–20, 315–316), но в нем опущены многие важные для понимания песни эпизоды и детали.

По содержанию она смыкается с песнями о военных предводителях и абреках, но при этом возникла раньше и просуществовала дольше и тех, и других. На это указывает ее форма. В ней нет ни похода на врага, ни приготовлений к нему, составляющих основу любой песни о набегах. Еще дальше от нее героические песни о «подвигах» отдельных реальных абреков начала XX столетия. Сюжет песни не трафаретен, но ее структура и художественные приемы в целом типичны для местного героического фольклора, к которому относятся и два отмеченных выше жанра. Кроме диалогичности сюда нужно отнести отсутствие зачина, обращение героя в начале песни к другу (по другой версии — к матери) за советом, гибель героя в конце песни, резкие переходы от героики к хвостовству и ругательствам, характерные эпитеты (например «короткоухий волк»), рассказ от первого лица, употребление кратких форм прилагательных в роли постоянных эпитетов, замена личных форм глаголов причастиями прошедшего времени (Ахлаков 1968: 185, 192–193, 198, 202–204, 207)⁷, что в аварском языке придает повествованию оттенок уверенности, убежденности в своей правоте.

На русский язык песню о Хочбаре можно перевести так:

⁷ Сходные художественные приемы встречаются в героическом фольклоре других пограничных регионов различных эпох, например в песнях «Старшей Эдды» скальдов раннесредневековой Скандинавии. Автор благодарен Т.А. Бобровниковой за это критическое замечание.

1. Приходит письмо от Хунзахского хана:

— В Хунзах приезжай,
Гидатлинский Хочбар,
Старики собрались, старшины
(*чIухIби*) собрались,
Сход (*руккел*) проведем у входа
в мечеть.

5. — Не поднимайся⁸ в Хунзах,
Хочбар!
[Там] ты встретишь сирот тобой
убитых отцов,
[Там] ты встретишь вдов тобой
убитых мужей.

8. — Не говори таких слов,
гидатлинец!
Иначе подумают, что я, верно,
испугался какого-то хана.

10. Взяв быка на убой
для верховного хана,
Набросив быку на рога саван,
Хочбар отправился наверх
в Хунзах.

13. Когда я подъехал к ХъахIал
къанабахъе (авар. 'Белые плиты'⁹),
Я услышал как кричит хунзахский
глашатай (*магъуи*):
— У кого есть ишак, вези [дрова]
на ишаке!

⁸ Букв. «не ходи наверх» (авар. *унге... тIаде Хунзахъе*). Столица аварских ханов находится на высокогорном Хунзахском плато, путь на которое из долины Аварского Койсу, где располагался союз гидатлинских селений, идет круто в гору. Противопоставление в песне жителей ущелья Гидатля и горцев Хунзаха отражает характерное для домодерного общества на Кавказе противостояние «верхних» и «нижних» (Карпов 2000: 63–67).

⁹ Название местности по дороге из Гидатля на подьеме на Хунзахское плато. Склон горы там занимают пашни на террасах. См. (КъанабатIа 1967: 689).

60. — Что вы плачете, *нуцалыта*,
Ведь и плоть Гидатлинского
Хочбара жарится с вами!
Что вы стонете, осиротевшие
ягнята,
Ведь и усы Гидатлинского Хочбара
палятся с вами!

64. — Скажите моей матери, пусть
не рыдает,
Не напрасно погиб короткоухий
волк!
Скажите родным, пусть не стонут,
Не сломили того, у кого повадки
волка!

СЮЖЕТ ПЕСНИ

Итак, гидатлинского удалца Хочбара постигла злая гибель. Он заживо сгорел на костре. Но вместе с ним погибли оба наследника ханского престола. Род правителей Хунзаха по мужской линии пресекся. Когда хунзахцы уже торжествовали победу над врагом, их постигла божья кара. Нельзя безнаказанно попирать священные законы гостеприимства и казнить гостя, пусть даже отъявленного преступника. Такова основная идея песни. Ее еще в 80-е гг. XX в. убедительно определил известный дагестанский этнограф и прекрасный знаток горского фольклора М.А. Агларов (Агларов 1988: 103–104). И здесь незачем говорить о суровости нрава горцев, о которой так любят рассуждать литературоведы (см., напр.: Чудакова 1970: 158).

Однако кроме общечеловеческой морали, так поразившей Толстого, у песни о Хочбаре есть и более частное социальное содержание. Чтобы понять его, нужно рассмотреть ее

сюжет и встречающиеся в нем местные реалии. Действие разворачивается в среднем Дагестане (ныне Шамильский и Хунзахский районы Республики Дагестан). Родиной Хочбара был Гидатль (авар. *гыид*) — большая и могучая конфедерация (авар. *бо*) самоуправлявшихся сельских общин, просуществовавшая в долине р. Аварское Койсу до начала русского правления. Ее основу составляли шесть аварских селений — Урада, Гента, Тидиб, Хотода, Гоор и Кахиб. Центром союза была Урада. В разное время к конфедерации присоединялись другие селения и даже союзы общин, например упомянутый в песне Келеб (авар. *кълел*, ‘келебцы’), Койсубулу (авар. *хьиндалал*) и др. Накануне русского завоевания в Гидатле было 19 селений с 3869 домов (Хрисанф 1958: 273). На северо-востоке от Гидатля высится Хунзахское плато — огромная столовая гора высотой от 2 до 2,5 тыс. м, — с резиденцией давних соперников Гидатля аварских ханов (*нуцалов*).

По легенде, знаменитый джигит Хочбар жил в с. Хотода где-то в XVIII или даже в XVI–XVII вв. Он прославился дерзкими налетами на земли врагов гидатлинцев. Письменные источники о нем молчат, но имя Хочбара сохранилось в фольклоре и микротопонимике. В союзе общин Карах сохранилось предание о друге Хочбара, шестишолом воителе из с. Сох по прозвищу Анлькилиц. В долине Аварского Койсу есть местность, называемая Хучбарил салу. По преданию, здесь по очень крутому склону Хочбар пустил своего коня вскачь (Аваразул кьалул кучьдул... 2003: 316). Хочбар угонял стада хунзахцев,

грабил и убивал их. В варианте песни, опубликованном Усларом, он бросает в лицо нуцалу: «Разве я не убил шестьдесят человек из вашего общества (зд. бо. — В. Б.)?» (Услар 1868: 42). Поймать его не удавалось. Обращения к старшинам Гидатля с требованием приструнить разбойника тоже не давали результата. Тогда хунзахцы решили заманить Хочбара к себе и убить его. Нуцал прислал Хочбару приглашение принять участие в сходе (авар. *руккел*) старшин Аварского ханства. Хитрость хунзахцев была шита белыми нитками, но Хочбар не посмел уклониться от приглашения, боясь обвинения в трусости. Он знал, что идет на верную смерть и поэтому вместе с подарком нуцалу взял для себя саван. В отличие от варианта Э. Капиева в нашей версии резче показана стойкость разбойника. Подъезжая к Хунзаху, он случайно узнал о приготовлениях к его казни, но не повернул назад.

Поднявшись на плато и въехав на центральную площадь у мечети (*годекан*), где было назначен совет старшин, Хочбар встречает *кади* Хунзаха. Тот удивленно спрашивает его, как же он осмелился приехать в стан своих злейших врагов. Реплики *кади* с упоминанием хорошо известных в Дагестане, но не объясненных в песне исторических персонажей, требуют комментария. Например, он называет некоего Муртузали, которого, похоже, можно отождествить с сыном Сурхай-хана Казикумухского, одним из предводителей ополчения горцев, которое осенью 1741 г. разбило войска Надир-шаха, вторгшиеся в Дагестан из Ирана. Муртузали стал одним из любимых

героев исторического фольклора аварцев, лакцев и даргинцев¹². Кади приписывает ему чудесный меч пророка Мухаммеда по имени Зульфукар (от араб. *Зул-Факар*, ‘С волнистым лезвием’), доставшийся тому в битве при Бадре (март 624 г.), а после смерти пророка перешедший к Али. Шиитские легенды говорят о волшебных свойствах этого меча (Плютковский 1991: 79). На святых местах Северного Кавказа встречаются поздние иранские реплики этого меча с двумя лезвиями. Две из них, сработанные в XIX в., мне довелось видеть в 2013 г. в с. Кубачи. Общий смысл слов *кади* — спасти Хочбара может только герой Муртузали и то при помощи своего чудесного меча. В ответ ему Хочбар называет Муртузали своим отцом и показывает саблю Зульфукар.

Действие быстро приближается к трагической развязке. Кади ведет Хочбара на гумно за ханским дворцом. Здесь их встречают юноши-хунзахцы, которые бросаются на Хочбара, обезоруживают и вяжут его. Перерезают горло его коню, разбивают о скалу кремневку и чудесную саблю Хочбара. Затем самого его подводят к огромному костру и издевательски просят потешить их музыкой и пением с пляской. Хочбар прославился не только как разбойник, но и как искусный танцор и музыкант. Он хорошо играл на бубне и *чагане*, струнном инструменте вроде

¹² Муртузали Казикумухский был реальным историческим лицом, о чем свидетельствуют восточные источники XVIII в. (Хроника войн Джара, 1931: 21, 22, 27, 31). В исторической памяти горцев он стал предводителем объединенного ополчения горцев, разбившего Надир-шаха: (Песни горцев, 1990: 209–216).

скрипки или виолончели, звучащей на манер арабского *уда* или новогреческой лютни. Услар, поясняя значение этого слова русскому читателю, назвал его «липовым гудком» (Услар 1868: 42). Чагана оканчивалась длинной спицей, которую при игре упирали между ступнями. Хочбар соглашается исполнить просьбу хунзахцев, если ему освободят руки и ноги. Старики-старшины не соглашаются, но гордая молодежь переспоривает их и Хочбара развязывают. Чуть ли не все эти подробности и развитие действия в песне опущены. Слушатели и так прекрасно знали сюжет песни. В ней остался только диалог-перебранка хунзахской молодежи с Хочбаром.

Под аккомпанемент бубна и чаганы Хочбар поет импровизированную песню, в которой поносит врагов как никчемных трусов, сравнивает их с баранами, а себя с отважным волком, разоряющим овчарни. Хочбар насмехается над прошлым величием Хунзаха, рассказывая, как съездил в Тифлис на рыжей кляче, прежде служившей конем знаменитому правителю Аварского ханства Умма-хану Великому (1774–1800). Под конец он бесчестит нуцала. Показывая на стоящую рядом жилую башню ханского дворца в квартале Самилакх (авар. *Самилахъ*), Хочбар похвалится, как украл оттуда шелковую сорочку (по другой версии, шаровары — авар. *тIажу*) жены нуцала и, разодрав ее на части, разделил в качестве свадебных подарков среди гидатлинцев и келебцев. К этому месту песни Услар сделал следующее примечание: «Нет большего позора для горца, как если шаровары его жены унесет чужой мужчина» (У-

лар 1868: 42). В версии, записанной Гайдарбековым, Хочбар вспоминает, как куривал в Джаре отделанную серебром трубку (авар. *хъалиман*) нуцала (Аваразул кьалул кучIдул..., 2003: 16). Окончив песню, Хочбар пустился в пляс. Внимание хунзахцев ослабело. Они и не заметили, как разбойник схватил обоих сыновей нуцала и, зажав их под мышкой, сам прыгнул в костер. Мальчики были совсем маленькие. Они еще не умели ходить, а ползали на четвереньках. Несмотря на жестокость мести симпатии певца остаются на стороне героически погибшего Хочбара.

МЕНЯЮЩИЙСЯ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Что можно сказать об историческом контексте только что разобранный сюжета? Вопрос этот непростой. Исторический фон обрисован в песне о Хочбаре слишком бегло. Не совсем понятно даже, к какому времени она относится. Литературоведы помещают ее где-то между XVI–XVII и XVII–XVIII вв. (Аваразул кьалул кучIдул... 2003: 316; ср.: *Айтбефов* 1990: 127). Но никаких твердых оснований для такой датировки нет, кроме разве того, что в песне ни слова не говорится о русских, появившихся в Аварии в начале XIX в. Аргумент, по-моему, слабый. Ведь Аварское ханство недолгий срок существовало и в составе империи (до 1864 г.). К тому же в песне упомянут знаменитый аварский нуцал Уммахан (ум. 1801). Целый ряд обстоятельств указывает на то, что песня складывалась на протяжении столетий. В аварском тексте заметны следы воспоминаний о двух разных эпохах: 1) объединения сельских

конфедераций горцев под властью Аварского ханства (XV–XVIII вв.); 2) раскола ханства и всего горского общества в ходе Кавказских войн (конец XVIII – 1864), окончившихся присоединением мусульманского пограничья к Российской империи.

Ключевой для понимания исторического контекста обоих периодов опять же является тема власти и насилия. Она связывает главных героев песни – аварского нуцала и молодежь Хунзаха с противостоящим им гидатлинским удальцом Хочбаром. В начале песни есть мелкая, но существенная деталь. Читатель, наверное, помнит, что нуцал пригласил Хочбара на совет старшин Аварского ханства¹³. В историческом фольклоре других народов, например в русских песнях о Стеньке Разине, такое было бы просто невозможно. Как связаны между собой разбойник и «государственный совет»? Что общего у разбойника и государя? Ответ на этот вопрос нужно искать в отдельных аварских соционимах XV–XVIII вв., упомянутых в песне. Это понятия *бо*, *руккел*, *магъуш* и *чухлби*. Первое слово означает одновременно как ‘общество, народ’ (в смысле политического образования, союза сельских общин), так и ‘войско, ополчение’. Остальные три термина касаются органов управления и должностных лиц конфедерации-ополчения. Нуцал был лишь военным предводителем (араб. *амир*, авар. *цевехъан*)

¹³ В варианте Гайдарбекова хунзахский союз (авар. *бо*) посылает гонца к Хочбару: *VutIyn чи vacIana хундерил боца*. Хан только встречает удальца в Хунзахе как военный предводитель союза (Аваразул кьалул кучIдул ва балладаби, 2003: 15).

аварского *бо*, которым управляли старшины-*чухлби*, собиравшие через глашатая-*мангуша* сельский сход всего общества. Только некоторые сильные правители, вроде Уммахана, подчиняли своей воле общество.

Ополчение охватывало всех свободных горцев. Полноправным членом общества мог быть лишь его воин. При этом, конечно, сохранялось деление на простолюдинов (*узденей*) и знать (*ханов*, *беков*), к числу которой относились кланы (*тухумы*) шамхалов Гидатля и *нуцалов* Хунзаха. Основу ополчения составляли союзы неженатой молодежи, реликты которых описаны уже этнографами советского времени (*Шиллинг* 1949; *Булатова* 1988; *Карнов* 1996 и др.). К такому союзу принадлежала и молодежь (авар. *гIолохъаби*), стоявшая вокруг они костра Хочбара. Юноши, достигшие половой зрелости, проводили зиму и часть весны в большом доме-крепости (авар. *гъоркъо фукъ*), пируя и упражняясь в воинском искусстве. Крепости такого рода сохранились до наших дней. Одну из них я видел в с. Кванада недалеко от границ Нагорного Дагестана с Грузией и Чечней. На эти увеселения молодежи, которые, будучи членом мужского союза, ценил сам Хочбар, похоже намекает одна из версий песни, говоря про ее «грубые шутки» (авар. *махсару*, вар. *масхафа*) (Аваразул кьалул кучIдул... 2003: 15). У союза молодежи был военный предводитель (*шах*) и сложная внутренняя иерархия. Особенно почетным считался пост глашатая-церемониймейстера (*мангуш*). В любую минуту горская община могла превратиться в военный отряд, способный сокрушить врага.

Понимание общества как войска можно обнаружить в позднесредневековых источниках из Нагорного Дагестана. *Бо* переводилось на арабский как «войско» (*джайш*, 'аскар'). Ополчения селений объединялись в конфедерации, а те — в сверхсоюзы и ханства. Похожая военно-политическая иерархия была и у других народов Нагорного Дагестана — андо-цезских, даргинцев, лакцев и лезгин. Она отмечена также у хевсур, пшавов и сванов горной Грузии¹⁴. Крупнейшим политическим образованием мусульманского пограничья этого периода было Аварское ханство, представлявшее военно-политический союз конфедераций, управлявшийся старшинами (*чулхби*) Хунзаха. У пятничной мечети Хунзаха проходили сходы (*руккел*) представителей конфедераций ханства. Отношения между Хунзахом и Гидатлем не всегда определяла вражда. Сохранились арабские копии соглашений (араб. *иттифак*) между обоими союзами. Одна из них вошла даже в знаменитый сборник Гидатлинских адатов XV–XIX вв. Этот договор закреплял объединение Гидатля и Аварского ханства в единый союз-*бо*. «Поистине члены Хунзахского *бо* (*джайш*) со своим предводителем (*амиру-хум*, зд. 'хан'. — В. Б.) Мухаммед-нуцалом и члены Гидатлинского союза (*джайш Хид*) согласились объединиться при хорошем и дурном и стать единым союзом (*ка-джайш вахид*)». Далее в нем говорилось о решении хунзахцев и гидатлинцев подчиняться решениям их союзного права

¹⁴ Синонимами аварского понятия *бо* служили андийское *игба*, даргинское *хуробо*, грузинское *эри* (Бобровников 2002: 321).

(*расм*, 'адат) и старшин (*пу'аса*) союза (Гидатлинские адаты, 1957: 38, 40; Обычай и закон, 2009: I. 160, 172). Мухаммед-нуцал, при котором было заключено соглашение, приходился отцом Умма-хану и правил в 1735/36–1774 гг. Итак, еще в XVIII в. нуцал и Хочбар вполне могли сойтись на государственный совет «у входа в мечеть». Их пути разошлись позднее, к XIX в., а песня отразила сразу оба исторических периода, отчего в ней появились некоторые противоречия.

Первоначально гидатлинцев и хунзахцев связывала не только иерархия институтов власти, но и совместные походы. Насилие было направлено не столько внутрь, сколько вовне мусульманского пограничья, в основном на Грузию. Осенью, а чаще в апреле–мае, когда горные перевалы были свободны от снега, молодежь Хунзаха совершала набеги на христиан Кахетии. Во главе войска часто шел сам нуцал. Умма-хан дважды разорял Алазанскую долину, в 1785 и 1800 гг., а в 1797 г. поход на Грузию совершил его брат Гебек (*Бутков* 1869: 437). Нуцал рассылал письма в другие конфедерации с приглашением, а порой приказом присоединиться к походу. В конце XVIII в. по требованию аварского хана гидатлинцы выставляли ополчение «на собственном их продовольствии» (*Хрисанф* 1958: 269). В одной из грузинских хроник говорится, что когда владетель Хунзаха совершил набег на Кварельскую крепость, «он взял с собой всех лезгин (зд. горцев-мусульман Дагестана. — В. Б.), живущих по ту и по сю сторону хребта; кто добровольно не пошел, взял си-

лой» (Мегреадзе 1953: 4). Путь от Хунзаха до Тифлиса, который согласно песне проделал Хочбар на коне Умма-хана, до 60-х гг. XIX в. шел через Северный Азербайджан (дагестанский союз общин Джар) и занимал пять-шесть дней. Джар был важным стратегическим и перевалочным пунктом, через который шли набеги в Алазанскую долину. Не случайно в одной из версий песни Хочбар похвально, как курил отнятую им у нуцала серебряную трубку (Аварзул кьалул кучдул... 2003: 16). Сборы юношей в набег (авар. *чабхъен*) стали общим местом песен о военных предводителях:

Как узнаю я, матушка, о начале лета
 Как не по отрядам и войскам (*баял*),
 поднимающимся в Цор?²
 Кто дал знать мне, матушка,
 о приходе весны
 Как не оседланные кони?
 Уходят, матушка, войска (*баял*)
 в Цор.
 Неужели, матушка, и мой
 возлюбленный уйдет?²
 Седлают, матушка, коней на войну.
 Неужели, матушка, и мой дружок
 оседлает [коня]?
 (Ахлаков 1968: 49)¹⁵

Так поет девушка-невеста в начале аварской песни «Ополчения ушли в Грузию» (авар. *Боял Цороре араб*). В записанной Усларом знаменитой песне «О хромом Раджбадине»,

¹⁵ Рии швараб, эбел, щиб льялеб дида —
 Доб Цоралде боял кьокки гурого?
 Ихх бачАраб, эбел, льял бицун льялеб —
 Гьоркь рекАрал чуял кьолой гурого?
 Унел руго, эбел, боял Цоралде —
 Инадайла, эбел, дирги вокьулев?
 Чьвалеб руго, эбел, чуязда кьалал —
 Чьвалебдайла, эбел, дирги гьудулас?

(Пер. с авар. мой. — В. Б.)

военном предводителе аварцев из койсубулинского селения Карачи возле с Гидатлем, Раджбадин обращается к молодежи ополчения со следующей речью:

Выступим, юноши, поднимемся
 в Голода,
 Сделаем красной [от крови] синюю
 Алазань!
 Снаряжайтесь, друзья, [в поход]
 за Джар,
 Чтобы кровью покрыть неверный
 Гурджистан,
 Джарских красавиц менять
 на серебро!
 (Ахлаков 1968: 53)¹⁶

В другой песне, пересказанной Усларом, подробно описываются приготовления к набегу, оружие, которое берет с собой удалец: «...египетский меч с написанным приветствием Пророку, крымская или мажарская винтовка с голубым прикладом; конь, как невеста, убранная к свадьбе; гурии держат стремя молодцу; хлопнув ладонью по коню, садится на него молодец и пускается в путь! “Дай Бог тебе счастья!” — приговаривает ему вслед певец». Торжество звучит в строках о разгроме неверных: «...куда коснулась рука наша там плач поднялся, куда ступила нога наша, там пламя разлилось; захвачены девы с прекрасными руками и глазами; пойманы мальчики, пышущие здоровьем...» На обратном пути мусульмане, отягощенные добычей, вынуждены вновь биться —

¹⁶ Рахъа, Глолохъаби, доре Гьолоде
 ХьахИлаб Алаза баГар гьабизе!
 КъачАй, гьудулзаби, нахъа Цоралде
 Капураб Гурджистан бида белгине,
 Цоралул мусудул гарцухъ хисизе!

(Пер. с авар. мой. — В. Б.)

теперь уже с догнавшим их неприятелем. При этом они проявляют чудеса храбрости: «Один ринулся, как орел, сложивший крылья; другой ворвался в ряды врагов, как волк в овчарню. Неприятель бежит подобно листьям, гонимым осенним ветром. Не туча легла на горы, столб дыма покрыл Ширак; не весенний дождь, а кровавые ручьи полились в Алазань. Горцы возвращаются с добычей и славой» (*Услаф* 1868: 39–41).

Ополченцы занимались не только грабежом и насилиями. По свидетельству источников, они также защищали свое общество (*бо*) от вторжений. Участники ополчений не были ни профессиональными воинами, ни тем более разбойниками. Косвенно на это указывает огромная численность *бо*, никак не сопоставимая со скромными размерами разбойничьих шаек. Местные арабские источники определяют размеры горских ополчений в десятки и даже сотни тысяч человек. В это число явно входило всё боееспособное мужское население мусульманского пограничья.

В знаменитом «Завещании Андуника», политическом памфлете, датированном 1485 г., но дошедшем до нас в поздних копиях XVIII–XX вв., правитель Аварского ханства Андуник перечисляет своему племяннику и наследнику Булач-нуцалу земли, входившие в ханство, конфедерации, связанные с ним военно-политическими союзами, и численность крупнейших в Нагорном Дагестане ополчений (араб. *'аскар*, *риджал*, зд. как синоним аварского *бо*): «В области (*вилайа*) Да-

гестан двести десять тысяч мужей, [в том числе] шестьдесят тысяч в Тафасаране (Табасаран. — В.Б.), тридцать тысяч — у Хайдака (Кайтаг. — В.Б.), сто тысяч мужей в войске (*'аскар*) падишаха ал-Гумуки (*шамхала* Казикумухского. — В. Б.), двадцать тысяч — в войске (*'аскар*) нуцала Аварии...» (Завещание Андуника 1485 г., 2009: 118). Интересно, что один из списков «Завещания» адресован одновременно «Булач-нуцалу хану (*амир*) области (*вилайа*) Авария и Хаджи-Али-шамхалу, правителю (*амир*) области Гидатль (араб. *вилайат Хид*)». В нем численность совместного гидатлинско-хунзахского ополчения определена в 40 тыс. (Там же: 121; ср.: *Аглафов* 1989: 25; *Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996: 323–324). Тут Гидатль выступает как равноправный участник военно-политического союза общин Аварии, а правившие им военные предводители (араб. *амир*, авар. *цевехъан*) из рода Шамхалов — соправители нуцалов.

Отголоском былого равенства военных предводителей Гидатля и Хунзаха, в роли которых выступают нуцал и Хочбар, в другой версии песни, возможно, являются эпитеты, которыми она награждает ее главного героя и потомство нуцала. Приветствуя Хочбара, нуцал величает его «соколом» (авар. *лачин Хучубар*). Сгорая на костре, последний просит передать радостную весть ополчению гидатлинцев (авар. *ДубгIайшлан абе Гидалъ боялда*), что, погибнув, разбил оба яйца, из которых не успели вылупиться «соколята» (авар. *КIуго лочнол хоно бекуи*) (Аваразул кьалул кучIдул... 2003: 15, 17).

На конец XVIII столетия пришелся не только пик могущества Аварского ханства, но и начало его распада. Без сильного правителя конфедерации переставали признавать власть Хунзаха. После смерти Умма-хана, оставшегося в фольклоре в образе мудрого правителя, политическое влияние Аварии быстро падало. Его преемник Гебек был убит в 1801 г. После него ханская власть перешла к зятю Умма-хана Ахмет-хану (1801–1823), который присоединился к союзу горских князей под протекторатом России (Георгиевский трактат 24 июля 1783 г.) и принял в 1803 г. российское подданство. В 1803 г. власть империи признала Джаро-Белоканская конфедерация, а в 1809–1812 гг. — несколько союзов общин, отпавших от Аварского ханства (Броневский 1996: 148–150). Русские власти стали вмешиваться во внутренние дела ханства, смещая неудобных им правителей. В 1819 г. главнокомандующий Кавказским корпусом генерал А.П. Ермолов пытался передать власть над Аварией сыну Гебека Сурхай-хану. В 1828 г. под нажимом русских военных властей вдове Ахмет-хана Паху-бике пришлось разделить ханство между своим сыном Абу-Нудал-Султаном и Сурхай-ханом.

Во второй период обострились противоречия между знатью и общинами. Последние начали ставить выходцев из кланов (*тухумов*) беков и ханов вне закона, объявляя в постановлениях сельских сходов (араб. *иттифакат*), что в случае убийства или ранения выходца из знати его кровь не вызывает кровомщения, обычного в таких случаях, остается без отмщения (араб. *махдар*), согласно букве исламского права. Харак-

терно в этом отношении соглашение, принятое при объединении конфедераций Андалал и Цудахара. Подобно изгнанным из общества кровникам, семьи знати подлежали по нему безжалостному уничтожению: убийцы беков премировались, а принявшие представителей знати под свой кров выплачивали своей общине высокий штраф. «Если кто-либо из обоих селений, — читаем мы в нем, — присутствовал при том, как бека (араб. *ас-султан*) накормили, и не помешал этому, позвав [на помощь] или каким иным способом, пусть уплатит штраф. Если кто убьет бека, то оба селения (Чох и Цудахар. — В. Б.) обязаны выплатить ему двадцать баранов» (Бобровников 2009: 145; ср. Омаров 1968: 223).

Мощный толчок усилению общин дало мусульманское повстанчество, направленное первоначально против шиитской экспансии Ирана, а затем против русского проникновения в Нагорный Дагестан и вставших на сторону неверных коллаборационистов. В Аварии оно принимает форму войны за веру, *джихада* и *газавата*. Интересно отметить, что на фоне дальнейшей исламизации горского общества еще в XVIII в. шли споры о дозволенности для мусульман набегов (араб. *газават*, авар. *чабхъал*) на христиан Закавказья. В них принимали участие ведущие богословы Дагестана. Не все из них одобряли ежегодные рейды горцев-мусульман в Алазанскую долину с точки зрения исламской риторики. В частности, известный правовед Дауд ал-Усиши написал религиозно-правовое заключение (*фатва*) о том, что шариат запрещает дагестанским

мусульманам проливать кровь и посягать на имущество грузин-христиан, выплачивающих подати *харадж* и *джизью* мусульманским правителям Османской империи и Ирана, и потому находящимися под охраной шариата как *зиммии*. Это сочинение, включенное в сборник под арабским названием «Маса'ил Мухаммад Титилав ал-Карати вадживбат Дауд ал-Усиши» (Ответы Дауда Усишинского на вопросы Мухаммада Титилава Каратинского), пользовалось популярностью в XIX в. (Мусаев 2013: 3225).

Первоначально идею джихада против русских, но не грузин поддерживали ханы и близкая к ним горская знать¹⁷. Ее разделяли все последние правители Аварского ханства, не исключая упомянутого выше Сурхай-хана. Но к 1830-м гг. большинство горской знати отошло от участия в движении за *джихад*. Беки, *чанки* (потомки от браков беков с женщинами из нижестоящего сословия *узденей*) и аварские ханы приняли сторону имперских русских властей, видя в них гарантию сохранения своих привилегий

¹⁷ Идеологи исламского повстанчества первоначально пытались опереться на ханов Аварии. В 1819 г. аварский ученый Саид Араканский призвал горцев к *джихаду* против русских под руководством Сурхай-хана Аварского. Он направил письмо с просьбой о помощи к османскому султану Махмуду II (Научный архив Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН, Махачкала, далее: НА ИИАЭ. Ф. 14 (письма). Оп. 1. № 248). Однако из этого плана ничего не вышло и вскоре сам Саид Араканский присоединился к сторонникам подчинения мусульман Дагестана власти Российской империи. Об этой малоизвестной странице религиозно-политической истории Аварии см. исследование немецкого ученого Михаэля Кемпера (Kemper 2002: 265–278; 2005: 202–204).

в борьбе с общинами горцев. В песне о Хочбаре отголоски исламского повстанчества чувствуются в эпизоде о шашке пророка Мухаммеда и Али, обладателем которой назван Хочбар. Мы еще вернемся к этому эпизоду при разборе исторической памяти об этом периоде.

Борьба между общинами и знатью вылилась в затяжную Кавказскую войну, точнее войны (1817–1864). Во главе движения за джихад сначала встал койсубулинец Гази-Мухаммед из с. Гимры (1794/95–1832). Его отец был родом из Гидатлинского союза. Избрание Гази-Мухаммеда имамом на сходе отдельных селений и конфедераций Аварии положило начало имамату Дагестана и Чечни – военно-политическому сверхсоюзу горских конфедераций. В целом оно основывалось на старой системе управления в Аварском ханстве. Армия имамата представляла собой объединение сельских ополчений и по временам включала 8–10 тыс. воинов. При Гамзат-беке (1832–1834) и особенно при третьем имаме Шамиле (1834–1859) была создана единая государственная организация мусульманского пограничья в районе Большого Кавказского хребта. Она имела единую администрацию, казну и армию и подготовила почву для включения всего Нагорного Дагестана в российское имперское пространство. В то же время в основе имамата по-прежнему лежал союз общин и конфедераций (Kemper 2005: 282–314)¹⁸. В военном деле

¹⁸ Подробнее о военно-политической организации имамата см. (Gammer 1994: 225–256), а также русские переводы статей того же автора: (Гемер 1993; 1997).

все имамы следовали привычной тактике сезонных набегов (араб. *газават*) сельских ополчений, но уже не на Грузию, а на районы Дагестана и Чечни, признавшие власть империи.

Порвав с наследными мусульманскими правителями и предводителями Аварии, имамы сделали ставку на физическое истребление кланов горской знати. Насилие было направлено на бывших держателей власти и получило в этот период преимущественно внутривнутриполитический социальный характер. Уничтожение горской знати в годы Кавказской войны велось с беспрецедентной жестокостью (*Бобровников* 2002: 46–48). Не щадили ни женщин, ни детей. За недолгое правление Гази-Мухаммеда было казнено 30 влиятельных беков. Гамзатбек, хотя и принадлежал к чанкам по рождению, вырезал несколько кланов горской знати. Наиболее известным его предприятием был захват в 1834 г. Хунзаха и истребление всего аварского ханского дома, включая престарелую ханшу Паху-бике. В том же году имам казнил Сурхай-хана Аварского. Шамиль продолжал его политику. При нем последний представитель рода аварских ханов, мальчик Булач-хан, был сброшен в пропасть (1834 г.), а большинство кланов беков и чанков в горах и предгорьях поголовно вырезаны. Их владения составили основу общественного имущества имамата (*байт ал-мал*), а после его разгрома перешли в российскую казну. В 1843 г. Аварское ханство было включено в состав имамата и разделено на наибства (араб. *вилайаты*) в рамках бывших союзов-ополче-

ний). В с. Кеди весь род местных беков (шамхалов) был заживо сожжен в их родовой башне наибом Аличем поздней осенью 1844 г. (РГВИА. Ф. 400. Д. 45. Л. 512). В с. Карата Е.М. Шиллинг записал предание об истреблении рода беков Акибай (авар. *Гакибай*): главу тухума Малу и его сыновей убили, «жен велели бросить в реку и пригласили в Карату Шамяля... Трое детей [сына Малы] Турач-Али были... заперты в доме. Пленники пытались вылезти через дымоход. Тогда про них сказали – всё равно из волчат вырастут волки, и лишили детей жизни» (*Шиллинг* 1993: 107).

В годы Кавказской войны военная верхушка ополчений горцев кристаллизировалась. Многие из военных предводителей былых времен, как, например, знаменитый Бей-Булат Таймиев в горной Чечне, превратились в абреков. Есть одно любопытное аварское предание, записанное со слов Казанбия, внука знаменитого шамилевского наиба Хаджи-Мурата. В нем говорится, что после убийства имама Гамзат-бека (1834) в Хунзахе «один год не было правителя – ни имама, ни ханов, ни русских. В то время в Хунзахе появилась *партия* (русизм в оригинале – в значении времен Кавказской войны: военный отряд, шайка. – В. Б.) молодежи, которую прозвали “ГамурикІзаби” (диал. авар. ‘абреки’. – В. Б.). Они не были людьми отдельного тухума (авар. *кьибил*). Что им приходило в голову, то и творили. Один другого убивали, у одного отнимали имущество, у другого – хлеб. Хаджи-Мурат не был среди них, но его двоюродный брат Хедарас сын Гасана –

был» (Ясулов 2009: 32–33)¹⁹. В этом историческом эпизоде, возможно, отразилось начавшееся в то время превращение военных дружин молодежи в бандитов. Этот процесс захватил Гидатль и другие конфедерации Нагорного Дагестана.

Русские власти со своей стороны вытесняли мусульманскую знать с политической арены, привлекая бывших военных предводителей на службу империи. За время Кавказской войны были уничтожены последние независимые мусульманские владения Дагестана. Их бывшие правители получили пожизненные пенсии. «Мирным горцам» запрещалось производить набег. С 20-х гг. XIX в. на основе ополчений под руководством знати создавались конные и пешие отряды горской милиции (с функциями жандармерии). После разгрома имамата большинство отрядов милиции было распущено (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6281, 6317, 6342; НА ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2308). В 1859 г. Аварское ханство было восстановлено под властью родственника нуцалов Ибрагим-хана Мехтулинского. Но уже в 1861 г. он был лишен власти, а в 1864 г. ханство вместе с частью конфедераций было преобразовано в Аварский округ Дагестанской области. В 1864–1869 гг. в Хунзахе была построена русская крепость с церковью, лазаретом и школой. Завоевание мусульманского пограничья закончилось. Начался новый этап колониальной трансформации региона, выходящий за рамки данного исследования.

¹⁹ Я благодарен Ю.Ю. Карпову, обратившему мое внимание на этот источник.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Встает вопрос, как соотносить предание о Хочбаре с обрисованным выше историческим контекстом присоединения к Российской империи мусульманского пограничья. Здесь для исследователей исторического фольклора кроется одна ловушка. Велик соблазн найти реально существовавшего гидатлинского абрека. Где только его не искали! И в Гидатле, и в Хунзахе, и даже среди аварских заложников-аманатов в русском Терском городке XVII в., одним из которых был родственник нуцалов по имени Хочбар (Алиев, Умаханов 1999: 295). В 1920 г. на съезде мусульман Дагестана в Кахибе древний старец из Тидиба рассказывал дагестанскому востоковеду М.-С. Саидову о том, что во времена его детства (в начале XIX в.) в Гидатле действительно жил известный абрек Хучубар (Айтберов 1990: 127–128). Ахлакову показывали в Хотода развалины родовой башни Хочбара. В то время в селении жил некий Хочбарил Абдурахман, считавший себя прямым потомком абрека (Аваразул кьалул кучИдул... 2003: 316). Но никаких надежных известий об историческом прототипе героя песни отыскать так и не удалось. Не стоит отчаиваться. Когда-нибудь он будет обнаружен. Однако так ли это важно, как кажется? Даже если биографии всех действующих лиц будут установлены, это не поможет узнать, как горцы мусульманского пограничья понимали власть и насилие, и как менялись эти взгляды.

Да, в любом историческом фольклоре присутствует прошлое,

но это не просто история, а устная история, прошлое, отразившееся в коллективной памяти народа. Для исполнителя и слушателей героических песен было важно не столько узнать что-то о прошлом, сколько насладиться произведением искусства. Ведь исторические песни сочиняют не для того, чтобы лучше запомнить и сохранить в памяти те или иные события, а для того, чтобы выразить определенные чувства и настроения. О значении героических песен для аварцев середины XIX в. неплохо сказал знаток жизни и быта Нагорного Дагестана князь Н. Львов: «У горцев длинным зимним вечером, с чего бы ни начался разговор, он непременно переходит на любимую тему — об удалстве цевекханов (предводителей) давно и недавно прошедших времен. Легенды, сказки, песни... горцы очень уважают. И чем фантастичнее и баснословнее рассказы, тем с большей охотой их слушают, чем неправдоподобнее событие, тем охотнее верят в действительность его» (Львов 1870: 10–11).

Нельзя прямо переносить данные фольклора в историю для его реконструкции. В исторической памяти образы прошлого неизбежно осовремениваются. Здесь сплошь и рядом встречается путаница разных эпох, например, двух периодов существования мусульманского пограничья — до и после прихода русских. Изучение исторической памяти ставит перед историком иные задачи, нежели реконструкция прошлого. Здесь есть своя логика, свое представление о времени и пространстве. Историческая память обращена не столько в прошлое, сколько

в настоящее. Для нее важно не то, как всё случилось на самом деле, а то, какое значение прошлое имеет для осознания людьми своего настоящего. Заслуживает внимания тонкая оценка отражения истории и исторической памяти в фольклоре, принадлежащая перу В.Я. Проппа. Критикуя сторонников исторической школы, видевших в былинах только искажение событий, происходивших в прошлом, он замечал, что «в ф[ольклоре] нет простой реальной действительности. Действительность или сдвинута (шут[очное]), или уничтожена (сатира), или поэтизирована (лирика, эпос). Герой героизирован (в эпосе). Враг только уничижен» (Пропп 1998: 147).

Отношение ко времени в эпосе Пропп определяет следующим образом: «Певец, конечно, понимает, что события песни относятся к прошлому. Об этом свидетельствует название песен “старинами”... Тем не менее, вопрос этот не так прост, как может показаться на первый взгляд. Искусство эпоса до некоторой степени родственно искусству драматическому. Когда зритель смотрит на сцену, он, конечно, знает, что изображаемые на сцене события в преобладающем большинстве случаев относятся к прошлому. Воспринимаются же они как события, происходящие перед нашими глазами в настоящем. Нечто сходное имеется и в эпической поэзии. Относясь воспеваемые события к прошлому, певец вместе с тем видит их перед глазами. Они для него совершаются в настоящем» (Пропп 2001: 142).

При анализе представлений о власти и насилии следует также иметь

в виду, что историческая память лепит из порой случайного исторического материала образы, важные для идентификации общественных групп. Она имеет коллективную природу. Герои и события прошлого в народной исторической памяти теряют индивидуальные черты. Эту особенность уже отмечали зарубежные специалисты, занимающиеся изучением сходных сюжетов. Египтолог Ян Ассман определяет историческую память как «осознание своего общего исторического прошлого», помогающее общине почувствовать свою «самость» в культурном отношении. В этом контексте рассказ о прошлом отражает не реальные исторические факты, а их современное общественное значение (Ассман 2004: 37, 41, 43). Такой знаковой фигурой исторической памяти мусульманского пограничья стал к XIX в. гидатлинский удалец Хочбар. Его образ помогает понять характер горской идентичности и произошедшие в ней с расколом обществ-ополчений мусульманского пограничья и включением его в российское имперское пространство перемены.

В основе это образ не преступника, а горского рыцаря. Знаток Кавказа В.А. Потто недаром отмечал, что «все поэтические предания, все мечты горца сосредоточены на его военных подвигах» (Потто 1888: 188). В песне Хочбар ведет себя не как пойманный бандит, а как воин без страха и упрека, очутившийся в стане смертельных врагов. В памяти слушателя остаются не столько случаи грабежа и убийств им врагов, которые перечисляет Хочбар, сколько его отвага

перед лицом неизбежной смерти, противопоставленная коварству и трусости хунзахцев. Грабежи и убийства, совершенные в стане врагов, по мысли автора, позорят не Хочбара, а ограбленных им трусов. Стилистически описание чувств и действий героя удивительно напоминает образ военного предводителя (авар. *цевехъан*) в песнях о набегах, например в песне о Гамзате, использованной Толстым в «Хаджи-Мурате». Сюжетная линия песни также близка к песням о предводителях: в обоих случаях герой погибает, окруженный врагами, но не сдается. Чтобы пояснить образ Хочбара православному русскоязычному читателю, Услар уподобляет его ветхозаветному Самсону (Услар 1868: 41), кстати тоже и разбойнику и правителю (судье *шофет*), павшему от рук врагов-филистимлян. При этом характерно, что он относит саму песню к области народной памяти о давнем прошлом.

Певец не случайно сравнивает бесстрашного Хочбара с волком. По словам Услара, волк является излюбленной метафорой всего фольклора горцев. «Волк самый поэтический зверь... Лев, орел изображают силу — они идут на слабого; волк идет на более сильного, чем он; недостаток силы заменяет отвагой, дерзостью, ловкостью... Попавшись в безысходную беду, волк умирает молча, не выражая ни страха, ни боли. Эти свойства характеризуют героя по горским понятиям...» (Услар 1868: 9). Не менее важно, что волк служил важнейшим символом мужских союзов аварцев и других горских народов Дагестана и Грузии

(Сванетия, Хевсурия). Он сохранился до настоящего времени в семантике народного календаря. У цезов и бежтин юноши до недавнего времени устраивали весной игру под названием «волчье войско» (цез. *боцДа бо*). В цезском селении Шайтли в день середины зимы (5 февраля) устраивается праздник *игби*, главные действующие лица которого ряженые волками (цез. *боцИуби*) юноши (Карпов 1996: 149–150, 164). В героических песнях войско, ополчение как правило уподоблялось волчьей стае. Характерный образ волка, режущего овец, используется при описании боя горского ополчения с грузинами в песне о хромом Раджабдине:

Подобно волкам, бросившимся
на [отару] овец,
Врезались в гушу [врагов]
голодинцы
(Ахлаков 1968: 203)²⁰.

В другой аварской песне нападение армии Шамиля на войско русских гяуров описывается следующим образом:

...И начало бой войско (бо) Шамиля,
Стали стрелять лучшие храбрецы,
К нападению готова стая волков
(Ахлаков, НА ИИАЭ: 3. 5: 112).

Фигура рыцаря сливается в аварском фольклоре с образом героя – воителя за веру (*гази*). Корни этой темы уходят в глубокую древность, но героями песен стали более современные деятели исламского повстанчества XVIII – первой по-

ловины XIX в., в первую очередь Муртузали Казикумухский и Хаджи-Мурат Аварский. Отголоски ее чувствуются и в песне о Хочбаре, который предстает наследником и продолжателем защитника дагестанских мусульман Муртузали Казикумухского. Причем если его названный отец Муртузали боролся с «подлыми шиитами» Ирана, то Хочбар поднимает меч против нечестивого нуцала и его войска, в образе которых несложно узнать характерные черты грузин-кяфи-ров из песен о военных предводителях. В руке Хочбара – чудесный меч пророка Мухаммеда и халифа Али по имени Зульфукар. Название этого меча стало в Нагорном Дагестане синонимом храбрости, удалства в войне за веру. Это имя любил давать мальчикам. У аварцев оно встречается в форме *Гали-Зульпукар* или просто *Зульпукар* (Жирков 1927: 109–110). Но в целом тема газавата звучит тут еще смутно. Она получила развитие в более позднем жанре песен о благородных разбойниках мусульманского пограничья империи. Так, в песне о чеченском абреке Зелимхане Харачоевском поется:

...Идет слух, что в чеченских лесах
[появился] лев,
Объявивший газават за перебитых
детеньшей,
Идет слух, что в глубоком ущелье
[живет] зверь,
Заставляющий бледнеть христиан
(букв. крещеный люд. – В. Б.)...
(Ахлаков, НА ИИАЭ: 3. 5: 171.
Пер. с аварского мой. – В. Б.).

С песнями об абреках образ Хочбара роднит тема насилия, направленного против тиранов-правителей.

²⁰ Гиялье КланцУлеул бацЛал киниги
Гьорлье жорон ана гьел гьолодисел
(Пер. с авар. мой. – В. Б.).

Она вошла в горский фольклор во второй исторический период его развития и окончательно сложилась при русском правлении. Исследователи советского времени верно отмечали, что Хочбар выступает прежде всего в роли борца с социальной несправедливостью. Однако этот мотив, как следует из приведенных выше материалов, не был присущ песне изначально. Только к XIX в. Хочбар из военного предводителя (*цевекхана*) превратился в благородного разбойника (*абрека*). Именно в таком смысле его, похоже, воспринял первый переводчик песни Услар. Для него она служит ярким свидетельством как культа мужества среди горцев, так и присущего им издавна «хищничества», которое должно быть искоренено благодаря цивилизаторской миссии русских на Кавказе (*Услар* 1868: 37–38, 41). Всё это хорошо вписывается в характерные ориенталистские страхи. Не случайно современный историк-кавказовед О. Джерсилд по мировоззрению отнес Услара к числу российских ориенталистов, пусть даже симпатизировавших горцам, но разделявших колониальные предрассудки своего времени (*Jersild* 2002: 68).

В отличие от песен о набегах пафос песни о Хочбаре в том виде, как ее исполняли при Усларе, заключается не в прославлении подвигов юношей-джигитов среди грузинских кяфиров, а в противопоставлении свободных горских общин и ханской власти. Однако до конца эта тема тут еще не разработана. Фигура трусливого и коварного хана-тирана намечена в песне крайне схематически. Из текста песни не со-

всем ясно даже, в чём заключалась причина вражды нуцала и Хочбара. Этой теме суждено было развиваться в рассказах о борьбе горцев с ханами и беками, а отчасти и в героических песнях об абреках XIX – начала XX в. В этих фольклорных произведениях, записанных в основном уже при Советской власти, роли действующих лиц поменялись. Ханы и беки превратились в отъявленных разбойников. Горская молодежь и старики Гидатля и Хунзаха объединяются в борьбе с ханом, а в роли верховных предводителей и защитников народа выступают абреки. Чтобы дополнительно очернить горскую знать, ее род выводят от разбойников «без закона и религии», установивших среди горцев варварские адаты, такие как обычай умерщвления стариков (*Кафров* 1996: 137). Символом злого и коварного тирана стал легендарный родоначальник аварских нуцалов родом из «проклятых русских» Суракат, погибший в борьбе с благородным арабом Абу Муслимом, не менее легендарным исламизатором Дагестана и Чечни (*Мухаммадрафи* 1993: 98, 103).

Смешивая события из времен арабско-хазарских и Кавказских войн, фольклор нового и новейшего времени рассказывает об истреблении тухумов правителей-тиранов удальцами-абреками, поддержанными остальным народом, находившимся прежде в беспросветном рабстве у феодальной знати. В роли мудрых советчиков народа и абреков выступают старики. Так, по одной из версий этой истории совет о том, как погубить тирана Гидатля по имени Оло дал сыну мудрый старик, которого тот

пощадил и не сбросил со скалы, как других. Составившие заговор против ханов горцы подпилили деревянные опоры балкона, на которое каждое утро выходил полюбоваться своими владениями злой тиран, и тот погиб, низвергнувшись в пропасть (*Чурсин* 1995: 19–20; *Карнов* 2007: 176–177). Рисуя ханов и беков «феодалными хищниками», создатели песен и легенд невольно повторяли ориенталистские клише колониальной (и советской) эпохи²¹.

Семантика горского фольклора позднего имперского и советского времени испытала сильное влияние официальной государственной идеологии. В свою очередь все жанры местной литературы, театра и даже кино, созданных при Советской власти, широко черпали материалы в историческом фольклоре горцев. Об абреках прошлого, за которыми к этому времени утвердилось слава защитников простого народа вроде Робин Гуда, не раз писали Эффенди Капиев, крупный аварский поэт Расул Гамзатов и менее известные авторы. После исчезновения в послевоенные десятилетия горского исторического фольклора «абрекиана» заняла прочное место в поп-культуре

²¹ Российские этнографы и публицисты начала XX в. широко использовали негативные ориенталистские оценки для идентификации народов Кавказа. В этой галерее этнических карикатур армяне рисовались «хищными дельцами» еврейского типа, грузины — напыщенными болтунами и лентяями, азербайджанцы — мелкими жуликами, чеченцы — коварными разбойниками, аварцы — беспокойными бродягами и т. п. (см. напр.: *Величко* 1904; *Ш[тернберг]* 1903: 785–786). При Советской власти эти негативные клише были перенесены на национальную буржуазию и феодальную знать.

Дагестана. На сцене Театра оперы и балета в Махачкале уже много лет с успехом идет балет и музыкальный спектакль «Хочбар», на экраны Дагестана вышел кинофильм по поэме Расула Гамзатова «Сказание о храбром Хочбаре» (съемки окончены в 1987, выход в прокат 2008). Развитие тематики насилия и власти, обретшей небывалую актуальность на беспокойном постсоветском Северном Кавказе, продолжается уже в новых формах и иных жанрах²².

Песня о Хочбаре, проанализированная в этой статье, выводит нас на общую тему связи власти и насилия в мусульманском пограничье, и исторической памяти о них. Проблема эта слишком сложна и обширна, чтобы решать ее на примере одной исторической песни²³. Но ряд выводов всё же можно сделать. В методологическом отношении важно различать историческую память и историю, о чём так убедительно писал еще В.Я. Пропп. В героических песнях и других жанрах фольклора, относящихся к исторической памяти, история часто превращается в миф и даже гротеск. Так, в дагестанском фольклоре Кавказские войны засло-

²² Советская «абрекиана» в беллетристике, театре и кино составляет специальную большую тему, выходящую за пределы этого исследования. Подробнее я разобрал ее в своей книге (*Бобровников* 2002: 14–30; см. также: *Grant* 2009: 10–18).

²³ Подробнее проблематика исторической памяти мусульманского пограничья на Кавказе разобрана в статье, написанной мною совместно с дагестанским этнографом Р.И. Сефербековым (*Бобровников, Сефербеков* 2003: 154–214).

нили собой чуть ли не всю дореволюционную историю края, а имам Шамиль стал крупнейшим в истории Дагестана суфийским шейхом, хотя при жизни и не был им (*Кемнер* 2003: 279–281). При анализе произведений исторической памяти нельзя игнорировать их художественные особенности, случайность выборки исторических фактов, из которых певец лепит нужные ему художественные образы.

С большой осторожностью следует подходить к вопросу о роли насилия в идентификации мусульманского пограничья. С одной стороны, нельзя сводить историю региона к цепи «хищнических» набегов, рисуя ее себе в ориенталистских клише в духе Бестужева-Марлинского и других модных беллетристов эпохи русского завоевания Кавказа. С другой стороны, не стоит и идеализировать горцев мусульман прошлого, повторяя методологические ошибки историков и этнографов советского времени. Избегая обеих крайностей, нужно признать, что насилие, несомненно, послужило одной из доминант в политической и социальной организации горских общин и знати XV–XVIII вв. Как можно было убедиться из приведенных выше материалов, тема насилия является центральной в горском героическом фольклоре. На мусульманском пограничье общество понималось как постоянно готовое к бою ополчение, армия (*бо*). Насилие было основой любой законной власти и политической организации горцев. Набеги на стоявших вне местного закона врагов служили также формой социализации горской мо-

лодежи. Одной из их функций было получение добычи, которой щедро оделяли членов общины. При этом врагами горских удальцов не всегда были иноверцы, о чём рассказывает история противостояния Хочбара и нуцала.

В XVIII – первой половине XIX в. отношение к насилию менялось. После включения Нагорного Дагестана в состав Российской империи вольнице военно-политических союзов горцев пришел конец²⁴. Служившие опорой им мужские союзы и ополчения, а также набеги и кровная месть оказались вне закона. Большая часть этих институтов отошла в историю. Некоторые послужили основой для складывания на Кавказе профессионального бандитизма в форме абречества²⁵. Граница отодвинулась в Закавказье. Стирались политические, социальные и даже конфессиональные рамки внутри региона. В исторической действительности насилие оказалось обращено уже не вовне, а вовнутрь горского общества. Его жертвами вместо гяуров-грузин стали лишённые власти и перешедшие на русскую службу представители мусульманской знати. Эти изменения нашли отражение в исторической памяти горцев под российским (имперским) владычеством. Недаром так резко изменилось понимание Песни о Хочбаре, а сам Хочбар из предводителя набега превра-

²⁴ Та же судьба постигла и противостоявшие горцам, однако близкие к ним по типу социальной организации сельские общины казаков на Тереке и Кубани.

²⁵ История появления абречества как социального бандитизма на дореволюционном Северном Кавказе подробнее проанализирована в моей книге (*Бобровников* 2002: 16–97).

тился в благородного разбойника. Дальнейшую трансформацию тема социального насилия претерпевает при советской власти, в период складывания национальных литератур, для которых она стала одним из источников вдохновения, правда, уже в сильно видоизмененном и героизированном виде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

НА ИИАЭ – Научный архив Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Махачкала. Ф. 1. Материалы по истории Дагестана; Ф. 14. Письма.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Москва. Ф. 400. Главный штаб. Д. 45. Об истреблении кедебских беков.

РГВИА ВУА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. Военно-учетного управления. Д. 6281, 6317, 6342.

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.

Абдурахман из Газикумуха 1997 – *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний / *Китаб тазкира*. Махачкала, 1997 (на араб. и рус. яз.).

Аваразул кьалул... 2003 – Аваразул кьалул кучдул ва балладаби. Текстал, таржамаби, баянал / Тяхь данде гьабурав А.А. Ахлаков (Героические песни и баллады аварцев. Тексты, переводы, комментарии. Сост. А.А. Ахлаков, на авар. и рус. яз.). Махачкала, 2003.

Аглафов 1988 – *Аглафов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.

Аглафов 1989 – *Аглафов М.А.* К чтению Завещания Андуника // Источниковедение истории и культуры народов Даге-

стана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования. Махачкала, 1989.

Айтберов 1990 – *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990.

Алиев 1999 – *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн. I. Махачкала, 1999.

Антология аварской поэзии 1958 – Антология аварской поэзии / Сост. М. Магомедов. Махачкала, 1958.

Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Ахлаков б/д. – *Ахлаков А.А.* Героико-исторические песни и баллады аварцев // НА ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 112.

Ахлаков 1968 – *Ахлаков А.А.* Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968.

Бердыев 1930 – *Бердыев С.К.* Чечня и разбойник Зелымхан. Париж, 1930.

Бердыев 1936 – *Бердыев С.К.* Разбои на Кавказе. Париж, 1936.

Бобровников 2000 – *Бобровников В.О.* Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 19–46.

Бобровников 2002 – *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие (Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана). М., 2002.

Бобровников 2006 – *Бобровников В.О.* «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе XIX в. // Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2006. С. 367–383.

Бобровников 2009 – *Бобровников В.О.* Ишкиль: обычай или преступление в Дагестане XVIII – середины XIX в. // Обычай и закон в письменных памят-

никах Дагестана V – начала XX в. / Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. Т. I: До присоединения к России. М., 2009. С. 127–152.

Бобровников, Сефербеков 2003 – *Бобровников В.О., Сефербеков Р.И.* Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культов святых) // Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Под ред. С.Н. Абашина и В.О. Бобровникова. М., 2003. С. 154–214.

Ботяков 2004 – *Ботяков Ю.М.* Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. СПб., 2004.

Броневский 1996 – [*Броневский С.М.*] Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, на Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича донныне. СПб., 1996.

Булатова 1988 – *Булатова А.Г.* Традиционные праздники и обряды народов Нагорного Дагестана в XIX – начале XX в. Л., 1988.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. II. СПб., 1869.

Величко 1904 – *Величко В.Л.* Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. СПб., 1904.

Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996 – *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.

Гатуев 1926 – *Гатуев К.* Зелымхан. Ростов н/Д.; Краснодар, 1926.

Гемер 1993 – *Гемер М.* Государство Шамиля // Восток. 1993. № 2. С. 37–43.

Гемер 1993 – *Гемер М.* Шамиль – правитель государства и его дипломатия. Махачкала, 1997.

Гидатлинские адаты 1957 – Гидатлинские адаты / Араб. текст и пер. М.-С. Саидова; под ред. Х.-М. Хашаева. Махачкала, 1957.

Далгат 1962 – *Далгат У.Б.* Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962.

Жирков 1927 – *Жирков Л.И.* Старая и новая аварская песня // Дагестанский сборник. Вып. III. Махачкала, 1927.

«Завещание Андуника» 2009 – «Завещание Андуника» 1485 г. / Введ., пер. и коммент. А.Р. Шихсаидова // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. / Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. Т. I: До присоединения к России. М., 2009. С. 111–117.

Империя и нация 2011 – Империя и нация в зеркале исторической памяти / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семёнов. М., 2011.

Карнов 1996 – *Карнов Ю.Ю.* Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

Карнов 2000 – *Карнов Ю.Ю.* «Верхние и «нижние»: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 4. С. 63–71.

Карнов 2007 – *Карнов Ю.Ю.* Взгляд на горцев: взгляд с гор. СПб., 2007.

Кемпер 2003 – *Кемпер М.* К вопросу о суфийской основе *джихада* в Дагестане // Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Под ред. С.Н. Абашина и В.О. Бобровникова. М., 2003. С. 278–305.

Киселев 2014 – *Киселев М.А.* Как колонизируют историю. [Рец. на кн.: *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.] // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 144–158.

Козачковский 1913 – *Козачковский В.* Разбои на Кавказе. Владикавказ, 1913.

Леонтович 2002 – *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. Вып. I. Нальчик, 2002 (перепечатка одесского издания 1882 г.).

Литературияб 1988 – Литературияб хрестоматия. 6 классалье (Литературная хрестоматия, на авар. яз.). 10-е изд. Махачхъала, 1988.

Львов 1870 — *Львов Н.* Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Вып. III. 1870. Отд. III. С. 1–32.

Мегреладзе 1953 — *Мегреладзе Д.Г.* Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений. Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1953.

Мусаев 2013 — *Мусаев М.А.* Взгляд на «лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в. // *Фундаментальные исследования.* 2013. № 10. С. 3223–3228.

Мухаммадрафи 1993 — *Мухаммадрафи.* Тарих Дагестан // *Дагестанские исторические сочинения* / Сост. и пер. А.Р. Шихсаидова, Т.М. Айтберова, Г.М.-Р. Оразаева. М., 1993. С. 85–108.

Назир ад-Дургили 2012 — *Назир ад-Дургили.* Усила умов в биографиях дагестанских ученых / Пер. с араб., коммент., факсимиле, указат. и библиогр. подготовлены А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М., 2012.

Обычай и закон... 2009 — *Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в.* / Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. Т. I: До присоединения к России. М., 2009.

Песни горцев 1990 — *Песни горцев.* Махачкала, 1990.

Пиотровский 1991 — *Пиотровский М.Б.* Зул-Факар // *Ислам. Энциклопедический словарь.* М., 1991. С. 79.

Потто 1888 — *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1888.

Пропп 1998 — *Пропп В.Я.* Поэтика. Материалы. Разное // *Пропп В.Я. Поэтика [фольклора]. Собрание трудов.* М., 1998. С. 92–155.

Пропп 2001 — *Пропп В.Я.* Язык былин как средство художественной выразительности // *Пропп В.Я. Эпос. Песня. Собрание трудов.* М., 2001. С. 111–144.

Риззэддин Фэхреддин 2006 — *Риззэддин Фэхреддин.* Асар. Т. 1. Казань, 2006.

Саидов 1967 — *Саидов М.-С.* Аварско-русский словарь. М., 1967.

Толстой 1950 — *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. М., 1950. Т. 35.

Услар 1868 — [*Услар*] *П.К.* Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. Отд. V. С. 3–42.

Хочбар 1990 — *Хочбар* / Пер. Э. Капиева // *Песни горцев.* Махачкала, 1990. С. 26–31.

Хрисанф 1958 — *Сведения об Аварском ханстве* // *История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.* / Сост. Х.-М.О. Хашаев. М., 1958.

Хроника войн Джара 1931 — *Хроника войн Джара в XVIII столетии* / Пер. П.К. Жузе. Баку, 1931.

Чудакова 1970 — *Чудакова М.О.* Эффенди Капиев. М., 1970.

Чурсин 1995 — *Чурсин Г.Ф.* Авары. Махачкала, 1995.

Шамхалов 1929 — *Шамхалов А.* Аварские песни (старинные народные и новые революционные). Махачкала, 1929.

Шиллинг 1949 — *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура // *Труды Института этнографии АН СССР.* Т. 8. М., 1949.

Шиллинг 1993 — *Шиллинг Е.М.* Малые народы Дагестана. М., 1993.

Штернберг 1903 — *Ш[тернберг] Л.[Я.]* Чеченцы // *Энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXXVIIIа. СПб., 1903. С. 785–786.

Эткинд 2013 — *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. М., 2013.

Ясулов 2009 — *Ясулов Г.* Хунзахские предания о Хаджимураде / *Хунзахъа ХIажимурадил хIакъалгулъ хундерил биценал* / Подгот. к изд. аджамский текст Д.М. Маламагомедов. Махачкала, 2009 (на авар. и рус. яз.).

Bobrovnikov 2007 – *Bobrovnikov V.* Bandits and the State: Designing a «Traditional» Culture of Violence in the Russian Caucasus // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* / Ed. by J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, 2007. P. 239–267.

Bobrovnikov 2008 – *Bobrovnikov V.* Abrek // *Encyclopaedia of Islam* / 2nd ed. Supplement vol. Part 1. Leiden, 2008. P. 29–30.

Dettmering 2005 – *Dettmering Ch.* Reassessing Chechen and Ingush (*Vainakh*) Clan Structures in the 19th Century // *Central Asian Survey*. Vol. 24. N 4. P. 469–489.

Gammer 1994 – *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London, 1994.

Gould 2006 – *Gould R.R.* The Abrek in Chechen Folklore // *Amirani: Journal of the International Caucasological Research Institute*. Vol. 14/15. N 1. 2006. P. 37–46.

Gould 2007 – *Gould R.R.* Transgressive Sanctity: The Abrek in Chechen Culture // *Kritika*. Vol. 8. N 2. 2007. P. 271–306.

Grant 2009 – *Grant B.* The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus. Ithaca, 2009.

Kemper 1998 – *Kemper M.* Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998.

Kemper 2002 – *Kemper M.* The Dagestani Legal Discourse on the Imamate // *Central Asian Survey*. 2002. Vol. 21. N 3. P. 265–278.

Kemper 2005 – *Kemper M.* Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Vom den Khanaten bis zum gihad-Staat. Wiesbaden, 2005.

Ram 2003 – *Ram H.* The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire. Madison, 2003.

V. Bobrovnikov. Istoricheskaya pamyat' gorskogo «khishchnichestva» v avarskoy «pesne o Khochbare» [Cultural memory of «highlanders' wildness» in the avar ballad of Khochbar]

Key words: folklore, Muslim frontier, power, violence, chieftains, abreks, ghazawat, Dagestan, highlanders, Khochbar.

Based on a comparative linguistic and historical analysis of the famous Avar ballad about the brave bandit Khochbar, who was burned alive by the perfidious khan Khunzakh, the author examines the changing relations between power and violence as well as historical memory of social banditry in pre-modern Mountain Daghestan. After the establishment of the Russian colonial administration by the mid-19th century traditional male unions of Muslim highlanders became outlaws and gradually disappeared, their military chieftains having turned into criminals. In people's cultural memory this shift is reflected in the new image of a noble bandit like a Muslim Robin Hood. The paper also includes a new Russian translation of the song of Khochbar and its detailed historical comments.

REFERENCES

НА ИАЕ – Nauchnyi arkhiv Instituta istorii, arkhologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. Makhachkala. F. 1. Materialy po istorii Dagestana; F. 14. Pis'ma.

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyy voenno-istoricheskii arkhiv. Moskva. F. 400. Glavnyy shtab; D. 45. Ob istreblenii kedibskikh bekov.

RGVIA VUA – Rossiiskii gosudarstvennyy voenno-istoricheskii arkhiv. F. Voенно-

-uchetnogo upravleniya. D. 6281, 6317, 6342.

SSKG — Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Tiflis.

Abdurakhman iz Gazikumukha. *Kniga vo spominaniy*. Kitab tadhkira. Makhachkala, 1997 (na arab. i rus. yaz.).

Aglarov M.A. *Sel'skaya obschina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v.* Moscow, 1988.

Aglarov M.A. K chteniyu Zaveschaniya Andunika. *Istochnikovedenie istorii i kul'tury narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza: printsipty i metody izucheniya, otsenki i ispol'zovaniya*. Makhachkala, 1989.

Akhlov A.A. *Geroiko-istoricheskie pesni avartsev*. Makhachkala, 1968.

Aliev B.G., Umakhanov M.-S.K. *Istoricheskaya geografiya Dagestana XVII – nach. XIX v.* Kn. I. Makhachkala, 1999.

Antologiya avarskoy poezii. Sost. M. Magomedov. Makhachkala, 1958.

Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh Drevnosti*. Moscow, 2004.

Avarazul kahul kuchdul wa balladabi. Tekstal, tarzhamabi, bayanal. The dande haburaw A.A. Akhlov (Geroicheskie pesni i ballady avartsev. Teksty, perevody, kommentarii. Sost. A.A. Akhlov, na avar. i rus. yaz.). Makhachkala, 2003.

Aytberov T.M. *Drevniy Khunzakh i khunzakhtsy*. Makhachkala, 1990.

Berdyayev S.K. *Chechnya i razboynik Zelimkhan*. Paris, 1930.

Berdyayev S.K. *Razboi na Kavkaze*. Paris, 1936.

Bobrovnikov V.O. Abreki i gosudarstvo: kul'tura nasiliya na Kavkaze. *Vestnik Evrazii*. 2000. N 1. P. 19–46.

Bobrovnikov V.O. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychay, pravo, nasilie* (Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana). Moscow, 2002.

Bobrovnikov V.O. «Gorskoe khishchnichestvo» v teorii i praktike rossiyskogo orientalizma na Severnom Kavkaze XIX v. *Menyayushchayasya Evropa: problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya*. Otv. red. M.Yu. Martynova. Moscow, 2006. P. 367–383.

Bobrovnikov V.O. Bandits and the State: Designing a «Traditional» Culture of Violence in the Russian Caucasus. *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Ed. by J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, 2007. P. 239–267.

Bobrovnikov V.O. Abrek. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Supplement vol. Part 1. Leiden, 2008. P. 29–30.

Bobrovnikov V.O. Ishkil': obychay ili prestuplenie v Dagestane XVIII – sere diny XIX v. *Obychay i zakon v pis'mennykh pamyatnikakh Dagestana V – nachala XX v.* Sost. i otv. red. V.O. Bobrovnikov. T. I: Do prisooedeneniya k Rossii. Moscow, 2009. P. 127–152.

Bobrovnikov V.O., Seferbekov R.I. Abu Muslim u musul'man Vostochnogo Kavkaza (k istorii i etnografii kul'tov svyatykh). *Podvizhniki islama: kul't svyatykh i sufizm v Sredney Azii i na Kavkaze*. Pod red. S.N. Abashina i V.O. Bobrovnikova. Moscow, 2003. P. 154–214.

Botyakov Yu.M. *Abreki na Kavkaze*. Sotsiokul'turnyy aspekt yavleniya. SPb., 2004.

[Bronevskiy S.M.] *Istoricheskie vypiski o snosheniyakh Rossii s Persieyu, Gruzieyu i voobshche s gorskimi narodami, na Kavkaze obitayuschimi, so vremen Ivana Vasil'evicha donyne*. Saint Petersburg, 1996.

Bulatova A.G. *Traditsionnye prazdniki i obryady narodov Nagornogo Dagestana v XIX – nachale XX v.* Leningrad, 1988.

Butkov P.G. *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* Ch. II. Saint Petersburg, 1869.

Chudakova M.O. *Effendi Kapiev*. Moscow, 1970.

Chursin G.F. *Avary*. Makhachkala, 1995.

Dalgat U.B. *Fol'klor i literatura narodov Dagestana*. Moscow, 1962.

- Dettmering Ch. Reassessing Chechen and Ingush (*Vainakh*) Clan Structures in the 19th Century. *Central Asian Survey*. 2005. Vol. 24. N 4. P. 469–489.
- Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperiskiy opyt Rossii*. Moscow, 2013.
- Gadzhiev M.G., Davudov O.M., Shikhsaidov A.R. *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do kontsa XV v.* Makhachkala, 1996.
- Gammer M. *Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnia and Dagestan*. London, 1994.
- Gatuev K. *Zelimkhan*. Rostov-na-Donu; Krajsnodar, 1926.
- Gemer M. Gosudarstvo Shamilya. *Vostok*. 1993. N 2. P. 37–43.
- Gemer M. *Shamil' – pravitel' gosudarstva i ego diplomatiya*. Makhachkala, 1997.
- Gidatlinskie adaty*. Arab. tekst i per. M.-S. Saidova; pod red. Kh.-M. Khashaeva. Makhachkala, 1957.
- Gould R.R. The Abrek in Chechen Folklore. *Amirani: Journal of the International Caucasological Research Institute*. Vol. 14/15. N 1. 2006. P. 37–46.
- Gould R.R. Transgressive Sanctity: The Abrek in Chechen Culture. *Kritika*. Vol. 8. N 2. 2007. P. 271–306.
- Grant B. *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. Ithaca, 2009.
- Imperii i Natsiia v zerkale istoricheskoi pamiati*. Red.-sost. I. Gerasimov, M. Mogilner, A. Semenov. Moscow, 2011.
- Karpov Yu.Yu. *Jigit i volk: muzhskie soyuzy v sotsiokul'turnoy traditsii gortsev Kavkaza*. Saint Petersburg, 1996.
- Karpov Yu.Yu. «Verkhnie» i «nizhnie»: k problemam funktsionirovaniya gorskikh obschestv Kavkaza. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2000. N 4. P. 63–71.
- Karpov Yu.Yu. *Vzglyad na gortsev: vzglyad s gor*. Saint Petersburg, 2007.
- Kemper M. *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft*. Berlin, 1998.
- Kemper M. The Dagestani Legal Discourse on the Imamate. *Central Asian Survey*. 2002. Vol. 21. N 3. P. 265–278.
- Kemper M. K voprosu o sufiyskoy prirode jihada v Dagestane. *Podvizhniki islama: kul't svyatykh i sufizm v Sredney Azii i na Kavkaze*. Pod red. S.N. Abashina i V.O. Bobrovnikova. Moscow, 2003. P. 278–305.
- Kemper M. *Herrschaft, Recht und Islam in Dagestan. Vom den Khanaten bis zum gihad-Staat*. Wiesbaden, 2005.
- Khochbar. Per. E. Kapieva. *Pesni gortsev*. Makhachkala, 1990. P. 26–31.
- Khrisanf. Svedeniya ob Avarskom khanstve. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv.* Sost. Kh.-M.O. Khashaev. Moscow, 1958.
- Khronika voyn Jara v XVIII stoletii*. Per. P.K. Zhuze. Baku, 1931.
- Kiselev M.A. Kak kolonizuyut istoriyu [Rets. na kn.: Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperiskiy opyt Rossii*. M., 2013.] *Istoricheskaya ekspertiza*. 2014. N 1. P. 144–158.
- Kozachkovskiy V. *Razboi na Kavkaze*. Vladikavkaz, 1913.
- Leontovich F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev*. Vyp. I. Nal'chik, 2002.
- Literaturiyab khrestomatiya. 6 klassatle* (na avar. yaz.). 10th ed. Makhachkala, 1988.
- L'vov N. Domashnyaya i semeynaya zhizn' dagestanskikh gortsev avarskogo plemeni. *SSKG*. Vol. III. 1870. Part III. P. 1–32.
- Megreladze D.G. *Iz istorii gruzino-dagestanskikh vzaimootnosheniy*. Dis. ... kand. ist. nauk. Tbilisi, 1953.
- Musaev M.A. Vzglyad na «lekianoba» v kontekste izucheniya pravovykh zaklyucheniy dagestanskikh uchenykh-bogoslovov XVIII v. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2013. N 10. P. 3223–3228.
- Muhammadrafi. *Tarikh Dagestan. Dagestanskije istoricheskie sochineniya*. Sost. i per. A.R. Shikhsaidova, T.M. Ayberova, G.M.-R. Orazaeva. Moscow, 1993. P. 85–108.

- Nazir ad-Durgili. *Uslada umov v biografyakh dagestanskikh uchenykh*. Per. s arab., komm., facsimile, ukazat. i bibliogr. podgotovleny A.R. Shikhsaidovym, M. Kemperom, A.K. Bustanovym. Moscow, 2012.
- Obychay i zakon v pis'mennykh pamyatnikakh Dagestana V – nachala XX v.* Sost. i otv. red. V.O. Bobrovnikov. T. I: Do prisoedeneniya k Rossii. Moscow, 2009.
- Pesni gortsev*. Makhachkala, 1990.
- Piotrovskiy M.B. Zu-l-Fakar. *Islam*. Entsiklopedicheskiy slovar'. Moscow, 1991. P. 79.
- Potto V.A. *Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografyakh*. Vol. 2. N 2. Saint Petersburg, 1888.
- Propp V.Ya. Poetika. Materialy. Raznoe. *Poetika [fol'klora]. Sobranie trudov*. Moscow, 1998. P. 92–155.
- Propp V.Ya. Yazyk bylin kak sredstvo khudozhestvennoy vyrazitel'nosti. *Epos. Pesnya. Sobranie trudov*. Moscow, 2001. P. 111–144.
- Ram H. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison, 2003.
- Rizaeddin Fehreddin. *Asar*. T. 1. Kazan', 2006.
- Saidov M.-S. *Avarsko-russkiy slovar'*. Moscow, 1967.
- Shamkhalov A. *Avarskie pesni (starinnye narodnye i novye revoliutsionnye)*. Makhachkala, 1929.
- Shilling E.M. Kubachintsy i ikh kul'tura. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR*. Vol. 8. Moscow, 1949.
- Shilling E.M. *Malye narody Dagestana*. Moscow, 1993.
- Sh[ternberg] L.[Ya.] Chechentsy. *Entsiklopedicheskiy slovar'*. Eds. F.A. Brokgauz i I.A. Efron. Vol. XXXVIIIa. Saint Petersburg, 1903. P. 785–786.
- Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow, 1950. Vol. 35.
- [Uslar] P.K. Koe-chto o slovesnykh proizvedeniyakh gortsev. *SSKG*. Tiflis, 1868. N I. Part V. P. 3–42.
- Velichko V.L. *Kavkaz. Russkoe delo i mezhduplemennye voprosy*. Saint Petersburg, 1904.
- «Zaveshanie Andunika» 1485 g. Vved., per. i komm. A.R. Shikhsaidova. *Obychay i zakon v pis'mennykh pamyatnikakh Dagestana V – nachala XX v.* Sost. i otv. red. V.O. Bobrovnikov. Vol. I. Do prisoedeneniya k Rossii. Moscow, 2009. P. 111–117.
- Zhirkov L.I. Staraya i novaya avarskaya pesnya. *Dagestanskiy sbornik*. N III. Makhachkala, 1927.
- Yasulov G. *Khunzakhskie predaniya o Khajimurade / Khunzakha Hazhimuradil hakatlukh khunderil bitsenal*. Podgot. k izd. ajamskiy tekst D.M. Malamagomedov. Makhachkala, 2009 (na avar. i rus. yaz.).

ЗАЛОЖНИКИ КРЕПОСТИ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭТОС И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В МОЛОДОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРОЗЕ 2000-Х ГГ.

Ключевые слова: молодая польская проза, историческая память, национальный этос, бремя романтического дискурса, самоощущение, депрессия, сарказм, протест, палимпсест.

В статье анализируется молодая польская проза 2000-х гг. с точки зрения бытования в постсоциалистической Польше национального этоса. Молодые прозаики дают необычайно мрачную картину сознания своих ровесников, которые, с одной стороны, пережили «разлом» между социализмом и капитализмом, с другой – оказались лишены традиционного для Польши опыта романтики общественного сопротивления. Современный польский дискурс, продолжающий (при активной поддержке власти) отсылать к национальному этосу, молодые авторы воспринимают как неадекватный своему опыту, омертвевший, окаменевший. Это вызывает депрессивные настроения, внутренний протест, потребность в сарказме.

После 1989 г., с достижением Польшей полной государственной независимости, польская литература исчерпала свое основное до сих пор предназначение – обязанность служения национальному делу. В результате критерий «польскости» в качестве главного способа самоидентификации утратил для культуры былую значимость, определенность и самодостаточность, и проза поколения, вступившего в польскую литературу в 1990-х гг., практически полностью отошла

от проблем национального этоса. Молодые авторы, воспользовавшись освобождением художественного сознания от расщепленности между официальной идеологией и этикой оппозиции, от коммунистического тупика, к которому вел польскую литературу доминировавший с середины 1970-х гг. принцип ангажированности, обратились к проблемам памяти, взросления, «малой родины», механизмам ностальгии и меланхолии, освоению «отложенного» в условиях политической несвободы постмодернистского инструментария и пр.

Словно бы в противовес этому, молодые прозаики 2000-х гг. практически полностью сосредотачиваются на болезненном состоянии сознания своих ровесников, одной из важнейших составляющих которого неожиданно оказывается как раз дискурс польскости.

Главным опытом этих авторов оказалась стремительно пройденная граница между двумя системами: «Детство <...> прошло еще в ПНР, паспорта они получали, когда строй качало, словно пьяного рабочего-колхозника, а спустя мгновение обнаружили себя двадцатилетними гражданами III Речи Посполитой» (Varga 2010: 24). Время, важнейшее для формирования личности, пришлось на период распада привычных форм («Взрослеть в момент исторического перелома — удовольствие весьма сомнительное» (Karpowicz 2008: 112)). Персонажи ощущают себя словно бы «подвешенными» во времени: «Смутно запомнившийся коммунизм пал, капитализм разрастался, точно сорная трава <...>, преемственность опыта была грубо прервана <...> в результате ты не принадлежишь ни к предыдущему поколению, ни к последующему» (Karpowicz 2008: 112–113, 128); «Я — человек временный» (Varga 2007: 247).

Существуя в пространстве капитализма, авторы и их герои-повествователи еще связаны с социализмом детскими и подростковыми впечатлениями, однако этот незрелый опыт не дает им, в отличие от предшественников, возможности противопоставить постсоциалистическим будням романтизм

диссидентства. Для молодого поколения пафос сопротивления сводится к воспоминаниям об отмененным из-за введения военного положения детским телепередачам (Czerwiński 2005: 12; Karpowicz 2008: 101), а военное положение запомнилось — тем, кто его застал — лишь мальчишеским интересом к танкам и бронетранспортерам (Varga 2010: 27–28).

Нехватка в опыте писателей, родившихся в 1970–80-х гг. и начавших активно печататься в 2000-х, романтики общественного сопротивления, борьбы очень заметна в самоощущении их и их героев. То, что в момент достижения «идеального повстанческого возраста» им «не пришлось умирать за Польшу» — «на этот раз хватило авторучки, автомат не понадобился» (Varga 2010: 38–39), — обернулось, как показывают тексты, подлинной психологической травмой.

Романтического дискурса «в реальном действии» как эффективного инструмента сопротивления младшим поколениям не досталось («у них не было своего исторического опыта. Настоящей травмы, войны, восстания, разделов Польши, ничего. Разве что обвал на бирже да массовые увольнения» (Varga 2010: 25); «О-о-о, вы пережили войну? Супер <...> Какая у вас была классная, интересная молодость! А нам остается лишь по дискотекам бегать да по торговым центрам шататься, по распродажам всяким — тоска смертная. Никто у нас ничего не отнимает. <...> Нам бы хоть маленькую войну... уланы <...> автоматы, тата-та, ложись, сдавайся» (Chutnik

2009: 98); «Мы первое поколение, которому купили путевку в рай. <...> Порой мы сидим и вздыхаем: Боже, хоть бы уж какая-нибудь война разразилась, хоть бы всё это взлетело в воздух. Чтобы нам наконец стало ради чего жить» (*Mastowska* 2012); «нынешним сорокапятiletним <...> что-то было в жизни. Какие-то идеалы <...>. Они знали, за что борются: за свободу, деньги и большее количество продовольственных товаров. У них была цель в жизни» (*Piotr* 2012: 38) и пр.), а в нынешней своей версии и роли активно используемый властью национальный этос и национальная мартирология воспринимаются молодежью как карикатурные. Национальные мифы, «полный ассортимент национального этоса» ощущается молодыми писателями как голая «риторика», которой можно разве что «захлебнуться» (*Sieniewicz* 2003: 127).

Молодые повествователи воспринимают саркастически буквально каждый элемент отечественного этоса, словно бы следуя наконец за Гомбровичем, призывавшем в предисловии к «Трансатлантику»: «Расшатать эту нашу зависимость от Польши! <...> Открыть, легализовать этот другой полюс чувствования, который заставляет субъект защищаться от народа, как от любого коллективного насилия» (*Gombrowicz* 1998: 6).

Саркастически выводится идея польской солидарности в минуты опасности («Тяга к национальной солидарности выразилась в том, что хотя сначала его избивало всего двое <...>, но почти сразу к ним присоединились все остальные пасса-

жиры» (*Varga* 2007: 196); «Кто-то оказался настолько смел, ведь поляки — героический народ — что сорвал с убитых женщин ботинки» (*Chutnik* 2009: 113); «В этой идиотской стране даже за арбузы приходится проливать кровь. Такие уж мы отчаянные» (*Czerwiński* 2005: 61)), польское свободолюбие («У поляков была дырка от бублика, свекла, ну и, разумеется, независимость» (*Czerwiński* 2011: 29); «Испокон веку поляки страдают этим нервным тиком — подпольная деятельность <...>» (*Czerwiński* 2005: 37); «Восстание подавили через шестьдесят три часа (аллюзия на 63 дня Варшавского восстания 1944 г. — *И. А.*), ибо конспирация достигла таких масштабов, что неизвестно было, кто же его возглавляет» (*Varga* 2007: 213); «Как назвать варшавских повстанцев? Пожалуй, идиотами, скажете — нет?» (*Varga* 2007: 55)). Столь же саркастически подается специфика польской ментальности в целом: герой Пёнтека называет польский этос «опустошающей каждое поколение чумой» (*Piątek* 2010: 9) (ср. у Масловской — «бело-красная зараза, распространяющаяся по городу, точно оспа» (*Масловская* 2005: 62)); «Поляки, если чего-то и добьются <...> рано или поздно непременно сами всё порушат. Народ-мазохист. Поляки сами себе подставят ножку, шлепнутся мордой в грязь и станут с богобоязненным патриотическим изумлением взирать на стаю сипов, которые, воспользовавшись моментом, примутся кружить над их головами. И всегда ищут виноватого...» (*Czerwiński* 2011: 223); «[поляки] так привыкли, что их все вечно трахают, что принялись трахать друг друга. Угнетение в форме самообслуживания,

мы первый самоугнетающий народ в мире» (*Czerwiński* 2009: 78); «Я стал поляком — тем, кто разрешает гибнуть всему лучшему. Поляки травят всё хорошее среди своих же, потому что не хотят иметь в своем стаде никого, кто выделяется. А те поляки, которые в состоянии себя пересилить и оценить хорошее — тоже его травят из страха, как бы не испортилось» (*Piątek* 2010: 204); «Поляк сумеет. Поляк сумеет <...> Поляк сумеет проиграть всё <...>» (*Varga* 2010: 103); «Поляк подобен троллю на Интернет-форуме» (*Piotr* 2012: 183). Герой «Проспекта Независимости» Варги в ранней юности пишет стихотворение «Нас...ть на тебя, Польша» (*Varga* 2010: 34); герой «Поколения ИКЕА» Петра Ц. называет Польшу «смесью деревни и мелкобуржуазности, политой комплексами» (*Piotr* 2012: 183); героиня «Исповеди спящей красавицы» Сеневича — исключительно «нашей страной!!!» (с тремя восклицательными знаками); герой Варги сравнивает ее с «новым платьем короля» (*Varga* 2007: 227). Герой Карповича откровенно заявляет ожившему памятнику Пилсудского: «Не стоило за такую Польшу сражаться. Если бы вы могли себе представить, что получится, сбежали бы куда подальше» (*Karpowicz* 2013: 137). Саркастически обыгрываются национальные святыни. Так, например, в романе Варги «Терразитовое надгробие» патриотическая песня «Красные маки на Монте-Кассино» именуется «песенкой о цветочках» (*Varga* 2007: 327); Монте-Кассино появляется также в достаточно эпатажном контексте в романе Карповича «Балладины и романсы»: «Они воспринимали мой член, как

польская армия — Монте-Кассино: взять любой ценой, ценой крови» (*Karpowicz* 2011: 51). Герой другого романа Карповича признается: «Когда я слышу имена Костюшко, Мицкевич, Шопен, мне блевать хочется» (*Karpowicz* 2013: 65); «У меня аллергия на богопатриотический этос. <...> Война с родиной — мое личное дело. Детская травма. Никогда у нас отношения не складывались» (*Karpowicz* 2013: 90). Здание факультета польской литературы напоминает ему «египетскую пирамиду. Внутри — мумии патриотической литературы <...>» (*Karpowicz* 2013: 51) (ср. у Беськи — «мертвые на протяжении столетий скелеты, перекадываемые из гроба в гроб очередными поколениями студентов» (*Beśka* 2004: 263)).

Характерны описывающие национальный исторический опыт и ментальность поляка саркастические физиологические образы и образы, связанные с гниением, разложением: «Польша — страна вздутая <...>, потому что всё происходит в нутре, не в сердцах и мозге, а в кишках, там рождается национальное вздутие» (*Varga* 2012: 125); «В этой стране попеременно воняет кровью или жареным, как только испарится запах крови, его место занимает чад старого жира, а когда исчезает этот аромат харчевни, значит, вот-вот распространится сладкий запах свежей крови, попеременно кровь и жир, Висла крови и Одра жира, две стихии, которые управляют этой страной, вот истинное национальное блюдо: жареная кровавая кишка» (*Varga* 2012: 242); «<...> Польша <...>, дочь этой земли, поливаемой кровью и унаво-

живаемой гниющими телами убитых повстанцев» (*Varga* 2012: 118); «Бог, честь, гнильца» (*Sieniewicz* 2003: 311) вместо «Бог, честь, отчизна»; повествователь Варги уподобляет гнилому зубу польскость (*Varga* 2007: 121); «я ощутил, что принадлежу к этой национальной выгребной яме и вместе с ней дрейфую по жизни и никогда мне не поплыть по бирюзовым водам теплых морей» (*Varga* 2007: 51); «Ненавижу этот город, — восклицает героиня Масловской, — <...> куда ни пойдешь, под ногами трупы, трупы, трупы!» (*Mastowska* 2008: 73); «<...> площадь Костюшки, памятник Пилсудскому, костел. Сплошные трупы, точно идешь по кладбищу» (*Karpowicz* 2011: 128), «поселяются <...> на огромном кладбище, на почве, унавоженной телами сотен тысяч людей» (*Varga* 2012: 108); «Может, потому моя дочь такая калека, что я всю жизнь пила отравленную еду из колодца, рядом с которым гнили люди?» (*Chutnik* 2009: 154).

В этом же ключе обыгрываются цвета польского знамени: «Наверху польская амфа, внизу польская менструация. Наверху импортированный с польского неба польский снег, внизу польский профсоюз польских мясников и колбасников» (*Масловская* 2005: 61). Бело-красная у Карповича и у Масловской — блевотина («блевотина эта бело-красная» (*Karpowicz* 2013: 65); «...бело-красная волна блевотины, плывущая через город, волна блевотины, отчетливо видная из космоса, чтобы русские знали, где наше государство» (*Масловская* 2005: 54)), у Схуты — депрессия (*Shuty* 2004: 155).

Обесценивается, в том числе буквально лишается содержания, в восприятии героев и другая национальная символика. В романе Масловской фигурирует привидевшаяся герою фабрика гербов («Мужик откручивает орлу голову, второй вытряхивает содержимое, прикручивает голову на место, третий проглаживает орла горячим утюгом и приклеивает корону, а четвертый наклеивает его на красный фон» (*Масловская* 2005: 131).) В романе Червиньского «Международ» вместо орла в гербе фигурирует какаду (отсылая к «Гробнице Агамемнона» Ю. Словацкого — ср. «Польша!.. Ты была и павлином, и попугаем народов»). Герой «Проспекта Независимости» Варги утверждает, что «гербом Польши должен быть голубь, а не орел. Серый голубь, а не белый орел», поскольку «Польша — точь-в-точь засранная голубятня» (*Varga* 2010: 208). Повествовательница «Малютки» Хутник иронизирует: «На этой неделе хит нынешнего лета — “Еще Польша не погибла” — опустился на несколько позиций. Дорогие, голосуйте за наш гимн, а то мы с ним простимся и он исчезнет из списка хитов навсегда. Неужели на пляже вы не мурлычете под вымазанный мороженым нос: “Соединимся с народом”? Ни за что не поверю!» (*Chutnik* 2009: 44–45). Герой «Терразитового надгробия» Варги саркастически замечает, описывая оправдания проигравших польских футболистов: «А мы ведь лучше всех других команд распевали “Еще Польша не погибла”» (*Varga* 2007: 130–131), а Схуты в «Сделано в Польше» перефразирует строку из гимна «Марш, марш, Домбровский, из Италии в Польшу»: «Marsz, marsz gejoski z ziemi włoski do polski» («Марш,

марш гейский из Италии в Польшу») (*Shuty* 2005). Герой романа Червиньского «Ходум vitae» предлагает сделать польским гимном песню «Strawberry fields forever»: «Мы же ездим собирать эту клубнику во все, блин, страны этого континента» (*Czerwiński* 2009: 215). Гимном фантазмагорической (но отсылающей ко всем элементам польского национального этоса) Новой Польши в романе Червиньского «Международ» оказывается песня рок-группы «Lady Pank».

Саркастически парафразируется классика. В романе Витковского используется парафраз патриотической арии из оперы Монюшко «Страшный двор», рисующей образ поляка — идеального патриота (вместо «за землю родную (должен. — И. А.) пролить кровь» звучит «за землю *заб...* пролить кровь» (*Witkowski* 2007: 130)), в романе Сеневица — строки Яна Лехоня из «Пурпурной поэмы» (1920), знаменовавшие освобождение литературы от идеологического бремени: «Мне бы весной — весну, а не Польшу увидеть» («<...> неважно, что на дворе — ранняя весна или середина жаркого лета, первое апреля или Рождество, неизменно ощущается атмосфера Дня всех святых. Словно первый день ноября продолжается круглый год, а умершие сопутствуют живым с утра до ночи. <...> смерть на каждом углу. Придется потрудиться, чтобы в апреле или мае весну увидеть, а не кладбище. Не один поэт все глаза проглядел, высматривая весенние месяцы» (*Sieniewicz* 2012: 126)). Обыгрываются аллюзии с польской риторикой периода обретения независимости в 1918 г.,

прежде всего ставшее крылатым выражение «обретенная помойка» из романа Ю. Кадена-Бандровского «Генерал Барч» (1923). Пресловутая «помойка» появляется в романах Масловской и Беньковского: «Польско-русская война под бело-красным флагом» заканчивается поджогом помойки; аллюзия Беньковского еще более выразительна — маразматический старик, «многократный повстанец», не расстающийся с саблей, муштрует окрестных детей, отрабатывая «осаду и оборону помойки» (*Bieńkowski* 2007: 18). К знаковому превращению романтика Густава в патриота-борца Конрада в «Дзядях» А. Мицкевича отсылают имена героев романа Червиньского «Ходум vitae» — безработных эмигрантов: «В прежние времена с Густавами дело обстояло иначе. Превращение происходило в обратном направлении, было более живописным, а безумные меланхолики писали о нем поэмы» (*Czerwiński* 2009: 15). На самом деле в романе Червиньского ни Густав (в конце концов заявляющий: «Польша — больше не моя родина. У нас больше нет родины») не превращается в Конрада (замечающего, глядя на звезды: «Может <...> где-то там наша родина» (*Czerwiński* 2009: 288)), ни наоборот — они лишь обуславливают весьма иллюзорное существование друга друга (Конрад — герой сценария, написанного Густавом, Густав — герой истории, рассказанной на его основе Конрадом).

Таким образом, романтический дискурс польского этоса ощущается молодыми писателями как нечто изношенное, устаревшее и одновременно обременительное, по-прежнему

навязываемое их поколению. Отсюда образы музея и надгробия (один из героев Беньковского поет на мотив колядки: «Пойдем все в *Музей* (польской истории; курсив мой. — И. А.)» (*Bienkowski* 2007: 160); герою «Жестов» Карповича обложка польского паспорта напоминает надгробие родительской могилы: «Не хватает только даты смерти» (*Karpowicz* 2008: 157)), давления, насилия: «Историческая вонь мешает, дышит в затылок, давит, заставляя согнуться» (*Chutnik* 2012: 96); «Поляки какие-то странные, едут в Лондон работать и не улыбаются. С вами не fun. С нами не fun. С первого класса их мордуют раздѣлами Польши, немцами, оккупацией, Освенцимом, Катынью, не fun, с нами не бывает fun. Тема урока: мученичество польского народа на примере стихов Ружеви́ча, десятилетние дети с горбом мартирологии, с богом, честью и отчизной на спине, сто двадцать три года неволи, концлагеря, восстания, газовые камеры <...>» (*Dzido* 2005: 123). В «Терразитовом надгробии» Варги появляется иронический сюжет с терроризирующими героя по ночам варшавскими памятниками — образ польского прошлого, тяжелого груза, долга, с которым молодое поколение уже не знает, что делать. Памятники — «застывшие по команде “смирно”», «торчащие во имя борьбы за свободу и демократию, а может, за коммунизм. Или за чью-то гибель, желательно по причине расстрела <...>», «никогда не воздвигавшиеся за реальные достижения, а исключительно за интерпретацию жизни в контексте смерти, желательно героической и трагической, и очень неже-

лательно — от рака или инфаркта» (*Karpowicz* 2013: 65) (ср. также у Варги «<...> смерть в результате опухоли или сердечно-сосудистого заболевания в Польше является смертью постыдной, унижительной <...>, здесь умирающий считается человеком только если его убивают за родину, а он умирает с молитвой на устах, ибо умирать следует только на войне, во время восстания или национальной катастрофы» (*Varga* 2012: 114)) — оживают и в романе Карповича «Не-привет». Польскость в романе Беньковского «Бело-красное» символизирует карикатурная фигура «Отца, а возможно, Деда», олицетворяющего сарматскую, гусарскую, уланскую традиции в одном флаконе: «солдат, повстанец, кавалерист», «участник сражений, многих сражений, все и не перечислишь <...> участник сентябрьской кампании, и наполеоновской <...> вероятно, также и итальянской, был под Грюнвальдом, и под Ленино. Но, разумеется, прежде всего — повстанец, многократный повстанец. Трудно перечислить все восстания, в которых он принимал участие, слишком много их было» (*Bienkowski* 2007: 22, 154). Одет он в костюм, все элементы которого отсылают к самым разным эпохам: «Яркий контуш, подпоясанный вышитым поясом, сабля на поясе <...> бело-красная повязка на рукаве. На ногах начищенные черные сапоги со шпорами» (*Bienkowski* 2007: 17). Имя, «биография» и костюм Отца-Деда символизируют анахронизм парадигмы гендерных и патриотических требований, предъявляемых к настоящему: молодой герой вынужден оправдывать надежды «солдата, повстанца и кавалериста»,

словно бы вращаясь обратно в польскую мартирологию, по-прежнему принимая польскую историю как личное прошлое, настоящее и будущее.

Отсюда – протест, желание сбросить бремя национальной истории – «бремя трупов». «Малютка» Хутник заканчивается иронически отсылающей к Мицкевичу «Большой импровизацией», в которой героиня обвиняет «семьи польские и польские пейзажи», «всосавшее» ее «прошлое этой страны, с ее войнами, восстаниями, ссылками и возвращениями», «неизбывными обидами», призывает освободиться от «этой бело-красной страны», избавить тело «от болезненных наростов, не моих, не наших, не нашего поколения» (Chutnik 2009: 145, 160). У Беньковского студент-вегетарианец – противоположность олицетворяющего традиции польского патриотизма Деда-Отца – устраивает протестный хепенинг в центре столицы, оплетая бело-красной лентой столбы, дорожные знаки, канализационные люки, автомобили, пока не получается лабиринт-паутина: «Мы хотели показать, как она не дает покоя, опутывает нас и оплетет, как нас всех сковывает, как мешает свободно жить» (Bieńkowski 2007: 197). «Почему я должен играть в этом идиотском фильме (ср. «гребаный бело-красный мультяш» (Масловская 2005: 103) у Масловской. – И. А.)? – риторически вопрошает повествователь “Поругания” Червиньского. – Что я такого сделал, что должен страдать от этой гребаной кровавой истории этой страны? Этого вонючего китча, великой тысячелетней войны?»

(Czerwiński 2005: 58). «Мы нормальные люди, а никакие не поляки!» (Mastowska 2008: 75) – восклицает маленькая героиня Масловской. «Если реинкарнация возможна <...> то я бы не хотел снова родиться в провинциальной стране, без малейшего таланта, но весьма вдохновенно изображающей на сцене Мессию народов. Я не хочу быть Оплотом христианства, не хочу быть Щитом, отражающим коммунизм, не хочу быть Отвагой в обреченном на провал Варшавском восстании; я предпочитаю что-нибудь попроще – обычный гражданин обычной страны, без исторических комплексов, без мании величия. <...> Не хочу больше быть поляком – одного раза вполне достаточно» (Karpowicz 2008: 154–155), – заявляет герой Карповича.

Неразрывно связана с проблемой национального этоса и национальной мартирологии военная тема, включающаяся в процесс самоидентификации и активно затрагиваемая молодыми прозаиками. Представляется, что причина здесь не столько в «зараженности» травмой (по утверждению Д. Лакапры, травма «заразна» – она распространяется на не переживших ее непосредственно не только через общение со свидетелями, но и при помощи научных исследований, художественной рефлексии, СМИ (La Capra 2009: 108)), сколько в замалчивании в Польше на протяжении десятилетий ряда вопросов, в первую очередь связанных с судьбой польских евреев. Если в Германии «“больше не приходится сражаться за сохранение памяти о Холокосте и его жертвах” – <...> это стало са-

моочевидностью» (Assman 2013: 13), то в польском обществе продолжается дискуссия о сложном сплетении польской «мании собственной невиновности» (Tokarska-Bakir 2004: 14) с подсознательным чувством вины, о «конкуренции» своих и чужих страданий за место в национальной памяти. Важнейшими и очень болезненными вехами ее стали эссе Я. Блоньского «Бедные поляки смотрят на гетто» (1987), а также посвященные еврейским погромам руками поляков документальная книга Т. Гросса «Соседи» (2000), пьеса Т. Слободзянека «Наш класс» (2010), фильм Р. Пасиковского «Остатки после жатвы» (2012).

Я. Блоньский обратился к главному психологическому узлу этой проблемы, который еще в 1943 г., сразу после уничтожения варшавского гетто, затронул в двух стихотворениях Ч. Милош — границам и взаимодействию понятий соучастия и совиновности. Наблюдатель («Campro di Fiogi») внезапно ощущает себя свидетелем («Бедный христианин смотрит на гетто»), что порождает страх — источник польской «мании собственной невиновности». «Страх, что нас (поляков. — И. А.) посчитают пособниками смерти. Он столь ужасен, что мы делаем всё, чтобы его отодвинуть, скрыть от самих себя <...> Мы ведь чувствуем — что-то получилось не так, как надо. <...> и сознательно или неосознанно — боимся, что нас обвинят. <...> ага, вы тоже служили смерти? И вы помогали убивать? Или по крайней мере: вы спокойно смотрели, как умирали евреи? <...> Давайте признаем честно: такой вопрос не может не прозвучать. Его должен

здать каждый, кто задумывается о польско-еврейском прошлом, вне зависимости от того, какой ответ даст. Мы отодвигаем его от себя как невероятный, скандальный. Ведь мы не были на стороне убийц. Ведь мы сами были следующими в очереди в печь. Ведь — не идеально, но всё же — мы с этими евреями существовали <...> Нам приходится постоянно обо всем этом напоминать. В противном случае — что подумают о нас другие? Как мы сами будем о себе думать? Как быть с добрым именем нашей страны, нашего общества?.. Эта забота о “добром имени” постоянно присутствует в частных — а еще больше в публичных — высказываниях. Иначе говоря, думая о прошлом, мы хотим получить моральную выгоду. Даже тогда, когда осуждаем, хотим сами оказаться над — или вне — осуждения. Хотим быть абсолютно вне осуждения, хотим быть совершенно чистыми. Хотим быть также — и только — жертвами... За этим стремлением однако ощущается подспудный страх — как в стихотворении Милоша — и этот страх искажает, деформирует наши мысли о прошлом. <...> Мы не хотим иметь ничего общего с чудовищным преступлением. Однако чувствуем, что оно нас как-то пятнает, “бесчестит”. Поэтому предпочитаем обо всем этом не говорить. Или говорим только затем, чтобы отвергнуть осуждение» (Błoiński 1987).

Молодая проза касается, в первую очередь, топоса Варшавы — города двух героически-безнадежных и имевших катастрофические последствия восстаний (Восстание в варшавском гетто 1943 г.

и Варшавское восстание в 1944 г.), города, где после войны на руинах гетто и из руин бывшего гетто (из производившегося прямо на месте «пустотелого кирпича типа Муранов» (Chomałowska 2012: 225)) был выстроен район-утопия Муранов, представляющий собой воплощенное забвение – на протяжении десятилетий ничто в нем не напоминало о бывших обитателях. На самом деле пласт современности и чудовищного прошлого соприкасаются в Варшаве с пугающей наглядностью: в бывшей еврейской больнице и бывшем здании гестапо – учебные заведения, в одной из нынешних аудиторий А. Бляды-Швайгер дала еврейским детям морфий, чтобы избавить их от дальнейших мучений, во дворе сегодняшнего вуза были расстреляны члены Юденрата, на месте теперешних жилых домов находились железнодорожные пути и платформа, откуда уходили эшелоны в Треблинку и Освенцим. По бывшей Умшлагплац идет трамвай... «Прогулка по Варшаве мучительна <...>» (Chutnik 2009: 134), – замечает героиня Хутник.

Для молодых авторов важнейшим слоем варшавского палимпсеста оказывается зло, в которое обращается вытесненная из сознания чужая боль: «Если мир полон руды зла, то здесь, у нас ее выплавляли в печах. Крупномасштабное производство чистейшего зла в печах, которые люди топили людьми» (Ostachowicz 2012: 205). В этой прозе возникает мотив страха возмездия – страха перед эхом страшного прошлого, присыпанного слоем забвения. Варшавский Муранов – «место-после-гетто» (Chomałowska 2012: 52), неоплаканное, непогрешенное и поэтому не дающее

о себе забыть. Именно поэтому к живым в романе Остаховича «Ночь живых евреев» приходят только погибшие евреи, а не польские жертвы, «досыта накормленные лампадками, цветами, молитвами, воспоминаниями» (Ostachowicz 2012: 57). Остахович почти буквально воплощает «предсказание» Блоньского («Зло невозможно прикрыть щебнем и грунтом <...>, а кровь, если ее вовремя не смыть и позволить равнодушно впитаться в землю, смешается с глиной, рано или поздно объявится ордой големов <...> поломанные кости и униженные тела оденутся в остатки одежды, которые у них не успели украсть, некая высшая биология превратит их в двуногих монстров, знающих только боль и стремящихся этой болью поделиться, колотя <...> в двери наших спокойных квартир» (Błoiński 1987)): из подвала современного польского дома однажды появляются и заполняют варшавские улицы зомби – жертвы Холокоста.

Ощущение этого неправдоподобного соприкосновения варшавян с чужой смертью передают образы и ключевые слова, связанные с многослойностью: изображаемое пространство воспринимается как находящееся «под» или «на», «над». Варшава описывается как город, не просто запятнанный чудовищной жестокостью, но в буквальном смысле воздвигнутый на трупах, на крови, на костях: «[город] выстроенный из трупов, на трупах» (Chutnik 2009: 46), «куда ни пойдешь – все трупы-трупы-трупы» (Masłowska 2008: 73), «Варшава стремится к современности, а что она идет по трупам – так это не в первый раз»; «Феникс из пепла. Когда-то так по город говорили,

что, мол, после войны вдруг столица возродилась с нуля, из руин, из останков человеческих» (*Chutnik* 2012: 96, 230); «здесь каждый атом обгарен кровью»; город-«кладбище» (*Ostachowicz* 2012: 205), «поселяются <...> на огромном кладбище, на почве, унавоженной телами сотен тысяч людей» (*Varga* 2012: 108); «новые городские кварталы построили на человеческих костях, лежащих близко от поверхности земли, прямо под ногами прохожих. Этот образ <...> сжился с городом как следует, став привычным элементом повседневности. Мы были на него обречены, как люди, которым выпало жить на руинах умершей цивилизации» (*Paźński* 2013: 128). Еврейское прошлое Варшавы воспринимается неким подпольем (мертвые евреи, выходящие из подвала современного дома в романе Остаховича; «<...> слышен был тот шум — и те жалобы, всё еще доносящиеся из-под земли, из-под остатков тротуаров <...>») или, напротив, фильтром, *сквозь* который видится современность («Орлиная, Гусиная, Воронья и Утиная улицы звучали в воздухе <...> Другие лежали прямо на тротуаре, подставляя свету шершавую фактуру» (*Paźński* 2013: 128)), тенью (Фельдвурм — который вместе со своей якобы закопанной где-то в подвалах бывшего гетто рукописью о Варшаве, олицетворяет в рассказе Пазиńskiego память о варшавском гетто и еврейском прошлом города вообще — «был нашей тенью, не вполне отчетливой, но почти осязаемой, отражением той стороны, которая... к счастью, не стала нашим уделом» (*Paźński* 2013: 99)), зеркалом («Улица поднималась, перевернутая наизнанку, даже трамваи ездили, нацелив усы пантографов вглубь

незримого неба» (*Paźński* 2013: 142)), негативом (*Paźński* 2013: 143), параллельной современной, т. е. польской, реальностью («кое-где в боковых, редко посещаемых пространствах, не вполне легальных, сомнительных, существует еще Варшава словно бы параллельная той, по которой экскурсоводы водят профанов, Варшава с неопределенным статусом, едва уловимая, мерцающая на грани бытия и пустоты»; «город полон лакун и сдвигов, через которые можно проникнуть вглубь <...> нужно только найти нужный ход» (*Paźński* 2013: 138–139)).

Молодая проза говорит об упорных попытках стереть еврейский слой варшавского палимпсеста: «Порой делали вид, что его (Фельдвурма. — И. А.) история не имеет никакого значения и что в Варшаве не слышны больше его шаги. В цене были новые дома, красивые парки и новенький асфальт, под которым тянулись прежние артерии»; «<...> сетка современных улиц была брошена там кое-как, словно бы на пустом месте, она не прилегала к почве, повисала в пустоте, неумело прикрывая небытие»; «Пустота, заселенная заново» (*Paźński* 2013: 119–120, 122, 124); «Мы не углубляемся в воспоминания» (*Ostachowicz* 2012: 8). То есть память об уничтоженных жителях заново обжитой территории сознательно предана забвению — не случайно Хутник использует «косметический» образ: «Депилировали все остатки прошлого» (*Chutnik* 2009: 134).

Хутник в «Карманном атласе» касается проблемы единого — единственного — официального мартирологически-патриотического

дискурса: героиня всю жизнь опасается, что ее лишат патриотически-польского военного прошлого и раскроют его «еврейскую изнанку» (участие сначала в восстании варшавского гетто, и лишь затем в Варшавском восстании — «куда бы я отдала повязку со звездой Давида? Я хранила их вместе. Прильнувшие друг к другу, словно пара любовников. Проникнутые одним запахом. Снятые с одного плеча, одного места»): «В этом городе есть место только для одного героического подвига — у него имеется свой музей, своя мартирология, свое место в памяти» (*Chutnik* 2009: 99). С этими мыслями героини словно бы перекликаются слова Б. Кефф: «<...> евреи якобы не сражались и история их якобы не пересекалась — никак — с историей поляков. Она существовала отдельно. Она действительно в значительной степени существовала отдельно. И когда построят Музей истории польских евреев (это произошло в 2013 г. — *И.А.*), можно будет сказать: ведь у вас есть СВОЙ музей! И закрепить эту отдельность на веки вечные» (*Janicka* 2011: 13).

По словам Д. Уолкер (*Walker* 2003, 104), травмированная память (каковой, как мы видим, оказывается память поколения, родившегося спустя десятилетия после войны) также является действенным инструментом исследования прошлого. Вне зависимости от того, в какой степени она позволяет получить *достоверное* изображение прошлого, механизм ее произведен от самой раны, а потому повествование раскрывает правду травмы, несмотря на возможные ошибки в воспроизведении фактов. Эту мысль почти

буквально иллюстрирует фрагмент романа Остаховича, связанный с «пребыванием» героя в Освенциме, а затем приводящий его к беседе с Дьяволом. Ад Освенцима и Холокоста невообразим и невыразим, попытаться осознать его можно, лишь придумав ад по мере своего воображения. Герой погружается в чудовищные видения, пытается понять, *что* же совершалось за колючей проволокой за десятилетия до его рождения.

Мысль о том, что этот слой варшавского палимпсеста настоятельно требует прочтения — «поисков следов прежней жизни» («Единственный способ освободиться от него (Фельдурма, т.е. памяти о поспешно забытом, неоплаканном. — *И. А.*) — было пойти вслед за ним и отыскать следы рукописи, а может, и его самого» (*Paźński* 2013: 124)) — звучит в молодой прозе. Однако очевидна также потребность молодого поколения в более тщательной документальной проработке, чем только лишь «художественной археология» (не будем забывать, что сначала появилась книга Гросса о погроме в Едвабне, и лишь затем — пьеса Слободзянека).

Буквальными попытками прочитывать этот варшавский палимпсест оказываются тексты-прогулки (*spracerowniki*) молодых авторов — своего рода «глубокое прочтение» пространства города (по аналогии с «глубоким прочтением» художественного текста), исследование психологии пространства.

«Festung Warschau» Э. Яницкой рассказывает о том, как при помощи

почти маниакального запечатлевания памяти о Варшавском восстании стирается память о восстании в Варшавском гетто.

Это прежде всего повествование о тщательном прикрывании одного слоя городского пространства другим — появлении после 1989 г. множества «патриотических топонимов» (Janicka 2011: 7), в первую очередь на территории бывшего гетто. Пространство современной Варшавы, таким образом, заполняется новым текстом подобно палимпсесту (точно так же, как разрушенный до основания район варшавского гетто был после войны застроен так, как будто это пустое, не имеющее собственной истории пространство). Яницкая подробно показывает, как память о Варшавском восстании «аннексирует» прежде всего территории бывшего варшавского гетто, память о восстании в котором (как и вся история Холокоста) остается фрагментом чужой и чуждой — не польской и не варшавской — истории. Однако автор прослеживает историю вытеснения из сознания следов еврейского присутствия глубже. В частности, доказывает, что первые фигуры Божьей Матери появились в варшавских дворах не во время Варшавского восстания, как считалось долгое время, а после уничтожения гетто весной 1943 г., когда новые обитатели бывших еврейских домов могли быть уверены, что прежние хозяева не вернуться: фигуры Божьей Матери стали знаком своеобразного «расколдовывания», «мечения» — т. е. освоения — чужой территории, нанесением нового текста поверх старого. Затрагивает Яницкая и проблему разницы «статусов» памяти жертв и памяти про-

игравших, нежелание «делиться» последней (польская подпольная пресса избегала называть сражающихся в гетто повстанцами, поскольку восстания — «привилегия» поляков), проблему «полонизации» еврейских жертв («Это когда в школе учили, что погибло шесть миллионов поляков. И что Корчак был добрым поляком, который по неведомым причинам попал в гетто и почему-то возился с еврейскими детьми» (Janicka 2011: 13); фотографии, запечатлевшие исследования над голодом, которые велись под руководством А. Брауде-Хеллер, служили после войны доказательством мартирологии польских детей; фотографии руин гетто — единственная часть Варшавы, действительно разрушенная до основания — служили доказательством того, что *вся* Варшава разрушена, Варшава изображалась городом, разрушенным *во время Варшавского восстания*, тогда как одна треть его была разрушена годом *ранее* и в *другом* историческом контексте) и пр.

Если главным эмоциональным стержнем молодой прозы 1990-х гг. были ностальгия и меланхолия, то следующие поколения, пришедшие на литературную сцену в 2000-х гг., принесли откровенно депрессивные настроения. Герои-повествователи сами — с почти мазохистским упорством — идентифицируют свое поколение как потерянное, жалкое и пр. (Varga 2012: 264; Czerwiński 2005: 9, 17, 62; Sieniewicz 2003: 35; Piotr 2012: 45; Schuty 2004: 61–62). Они осмысляют себя в роли менеджеров-потребителей, спасаясь от тоски, ощущения бессмысленности жизни при помощи алкоголя, наркотиков, агрессии. Показательно, что чем младше писа-

тели и их герои, тем это состояние острее. Роман совсем юной Ожаровской «Гром не грянет» даже привлёк внимание психологов и социологов. Героиня Ожаровской — от имени своего поколения — декларирует «panibyzm» (от польского «na niby» — «понарошку»). «Наше знамя — пустота» (Ożarowska 2010: 91), — заявляет она. О пустоте говорят также герои Червиньского (Czerwiński 2009: 49) и Варги (Varga 2007: 22). В современном глянцево-мире персонажи испытывают чувство потерянности и страха. Характерны для этой прозы предсудцидальные состояния героев, показательны финалы — смерти, пожары, катаклизмы, убийства, самоубийства, автокатастрофы, авиакатастрофы и т.д., трагически-апокалиптически последние фразы и пр.

Одной из важнейших причин таких настроений представляется то, что современный польский дискурс молодое поколение воспринимает как неадекватный своему опыту. Как показывает проза, национальный этос, к которому этот дискурс по-прежнему отсылает, уже не наполнен для молодых авторов XXI в. реальным содержанием и представляется омертвевшим, окаменевшим. Особый внутренний протест вызывает то, что власть — с целью создания возможно более монолитной конструкции памяти — использует его для вытеснения из общественного сознания опыта отношений с Другим, являющимся неотъемлемым элементом национальной истории (не случайно сознание Варшавы Яницкая уподобляет «крепости, отстреливающейся национальными снарядами от еврейского праха, на котором она стоит» (Janicka 2011: 13)).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Масловская 2005 — Масловская Д. Польско-русская война под бело-красным флагом // Иностранная литература. 2005. № 2.
- Assman 2013 — Assman A. Między historią a pamięcią. Antologia. Warszawa, 2013.
- Beška 2004 — Beška K. Wrzawa. Warszawa, 2004.
- Bieńkowski 2007 — Bieńkowski D. Biało-czerwony. Warszawa, 2007.
- Błoński 1987 — Błoński J. Biedni Polacy patrzą na getto // Tygodnik Powszechny. 1987. № 2.
- Chomątowska 2012 — Chomątowska B. Stacja Muranów. Wołowiec, 2012.
- Chutnik 2012 — Chutnik S. Cwaniary. Warszawa, 2012.
- Chutnik 2009a — Chutnik S. Dzisiaj. Warszawa, 2009.
- Chutnik 2009b — Chutnik S. Kieszonkowy atlas kobiet. Kraków, 2009.
- Czerwiński 2005 — Czerwiński P. Pokalanie. Warszawa, 2005.
- Czerwiński 2009 — Czerwiński P. Przebiegum życia. Warszawa, 2009.
- Czerwiński 2011 — Czerwiński P. Międzynaród. Warszawa, 2011.
- Dzido 2005 — Dzido M. Małż. Kraków, 2005.
- Gombrowicz 1998 — Gombrowicz W. Transatlantyk. Warszawa, 1998.
- Hirsch 1997 — Hirsch M. Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory. London, 1997.
- Janicka 2011 — Janicka E. Festung Warschau. Warszawa, 2011.
- Karpowicz 2008 — Karpowicz I. Gesty. Kraków, 2008.
- Karpowicz 2013 — Karpowicz I. Niehalo. Kraków, 2013.
- Karpowicz 2011 — Karpowicz I. Balladyny i romanse. Kraków, 2011.

- Kuczok* 2003 – *Kuczok W.* Gnój. Warszawa, 2003.
- La Capra* 2009 – *La Capra D.* Historia w okresie przejściowym. Doświadczenie, tożsamość, teoria krytyczna. Kraków, 2009.
- Maślanek* 2010 – *Maślanek J.* Apokalypsis'89. Warszawa, 2010.
- Masłowska* 2008 – *Masłowska D.* Między nami dobrze jest. Warszawa, 2008.
- Masłowska* 2012 – *Masłowska D.* Przyszkoleni do jedzenia // *Gazeta Wyborcza*. 2012. 5–6 października.
- Orbitowski* б/д. – *Orbitowski Ł.* Szeroki, głęboki, wymalować wszystko // <http://www.fahrenheit.net.pl/archiwum/f24/23.html> (date of access 27.12.2015).
- Ostachowicz* 2012 – *Ostachowicz I.* Noc żywych Żydów. Warszawa, 2012.
- Ożarowska* 2010 – *Ożarowska D.* Nie uderzy żaden piorun. Kraków, 2010.
- Paziński* 2013 – *Paziński P.* Ptasie ulice. Warszawa, 2013.
- Piątek* 2010 – *Piątek T.* Wąż w kaplicy. Warszawa, 2010.
- Piotr* 2012 – *Piotr C.* Pokolenie IKEA. Gdynia, 2012.
- Shuty* 2005 – *Shuty S.* Produkt polski (recycling). Kraków, 2005.
- Shuty* 2004 – *Shuty S.* Zwał. Warszawa, 2004.
- Sieniewicz* 2003 – *Sieniewicz M.* Czwarte niebo. Warszawa, 2003.
- Sieniewicz* 2012 – *Sieniewicz M.* Spowiedź Śpiącej Królowej. Kraków, 2012.
- Tokarska-Bakir* 2004 – *Tokarska-Bakir J.* Obsesja niewinności // *Tokarska-Bakir J.* Rzeczy mgliste. Sejny, 2004.
- Varga* 2007 – *Varga K.* Nagrobek z lastryko. Wołowiec, 2007.
- Varga* 2010 – *Varga K.* Aleja Niepodległości. Warszawa, 2010.
- Varga* 2012 – *Varga K.* Trociny. Wołowiec, 2012.
- Walker* 2003 – *Walker J.* The traumatic paradox: autobiographical documentary and the psychology of memory // *Contested Pasts: The Politics of Memory* / By K. Hodgkin, S. Radstone. Routledge, 2003. Цит. по: *Legg St.* Memory and Nostalgia // *Cultural Geographies*. 2004. № 11.
- Witkowski* 2007 – *Witkowski M.* Barbara Radziwiłłówna z Jaworzna-Szczakowej. Warszawa, 2007.

I.E. Adelgeim. Zolozhniki kreposti. Natsional'nyy etos i problema istoricheskoy pamyati v molodoy pol'skoy proze 2000-kh gg. [Hostages of the fortress. National ethos and the problem of historical memory in young Polish prose of the 2000s]

Key words: young Polish prose, historical memory, national ethos, the burden of romantic discourse, self-perception, depression, sarcasm, protest, palimpsest.

The article examines the young Polish prose of the 2000s from the point of view of existence in Poland post-socialist of a national ethos. Young writers give an extremely gloomy picture of the consciousness of their peers, which, on the one hand, experienced the «collapse» between socialism and capitalism, on the other – were deprived of the traditional Polish experience of the romantics public resistance. While contemporary Polish discourse is continuing (with the active support of the authorities) to refer to the national ethos, the young authors perceive that as inadequate to their experience, dead, petrified. It causes depression, domestic protest, the need for sarcasm.

REFERENCES

- Assman A. *Między historią a pamięcią. Antologia*. Warszawa, 2013.
- Beška K. *Wrzawa*. Warszawa, 2004.
- Bieńkowski D. *Biało-czerwony*. Warszawa, 2007.
- Błoński J. Biedni Polacy patrzą na getto. *Tygodnik Powszechny*. 1987. N 2.
- Chomałowska B. *Stacja Muranów*. Wołowiec, 2012.
- Chutnik S. *Cwaniary*. Warszawa, 2012.
- Chutnik S. *Dzidzia*. Warszawa, 2009.
- Chutnik S. *Kieszonkowy atlas kobiet*. Kraków, 2009.
- Czerwiński P. *Pokalenie*. Warszawa, 2005.
- Czerwiński P. *Przebiegum życia*. Warszawa, 2009.
- Czerwiński P. *Międzynaród*. Warszawa, 2011.
- Dzido M. *Małż*. Kraków, 2005.
- Gombrowicz W. *Trans-Atlantyk*. Warszawa, 1998.
- Hirsch M. *Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory*. London, 1997.
- Janicka E. *Festung Warschau*. Warszawa, 2011.
- Karpowicz I. *Gesty*. Kraków, 2008.
- Karpowicz I. *Niehalo*. Kraków, 2013.
- Karpowicz I. *Balladyny i romanse*. Kraków, 2011.
- Kuczok W. *Gnój*. Warszawa, 2003.
- La Capra D. *Historia w okresie przejściowym. Doświadczenie, tożsamość, teoria krytyczna*. Kraków, 2009.
- Maślanek J. *Apokalypsis '89*. Warszawa, 2010.
- Masłowska D. Pol'sko-russkaya vojna pod belo-krasnym flagom. *Inostrannaya literatura*. 2005. N 2.
- Masłowska D. *Między nami dobrze jest*. Warszawa, 2008.
- Masłowska D. Przyszkoleni do jedzenia. *Gazeta Wyborcza*. 2012. 5–6 października.
- Orbitowski Ł. *Szeroki, gęboki, wymalować wszystko*. <http://www.fahrenheit.net.pl/archiwum/f24/23.html> (date of access 27.12.2015).
- Ostachowicz I. *Noc żywych Żydów*. Warszawa, 2012.
- Ożarowska D. *Nie uderzy żaden piorun*. Kraków, 2010.
- Paziński P. *Ptasie ulice*. Warszawa, 2013.
- Piątek T. *Wąż w kaplicy*. Warszawa, 2010.
- Piotr C. *Pokolenie IKEA*. Gdynia, 2012.
- Shuty S. *Produkt polski (recycling)*. Kraków, 2005.
- Shuty S. *Zwał*. Warszawa, 2004.
- Sieniewicz M. *Czwarte niebo*. Warszawa, 2003.
- Sieniewicz M. *Spowiedź Śpiącej Królowy*. Kraków, 2012.
- Tokarska-Bakir J. Obsesja niewinności. Tokarska-Bakir J. *Rzeczy mgliste*. Sejny, 2004.
- Varga K. *Aleja Niepodległości*. Warszawa, 2010.
- Varga K. *Nagrobek z lastryko*. Wołowiec, 2007.
- Varga K. *Trociny*. Wołowiec, 2012.
- Walker J. The traumatic paradox: autobiographical documentary and the psychology of memory. *Contested Pasts: The Politics of Memory*. By K. Hodgkin, S. Radstone. Routledge, 2003.
- Witkowski M. *Barbara Radziwiłłówna z Jaworzna-Szczakowej*. Warszawa, 2007.

Л.А. Кацва

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

В августе 2015 г. вышли из печати новые учебники истории России для средней школы, подготовленные в соответствии с принятым Историко-культурным стандартом (ИКС), подготовленным в 2013 г., и победившие на проведенном весной 2015 г. конкурсе. Победу одержали линейки учебников, подготовленные издательствами «Дрофа», «Просвещение» и «Русское слово». Именно по этим учебникам отныне предстоит учиться российским школьникам. Для 6-го класса предназначены учебники, излагающие историю Руси с древнейших времен до конца XV в.: И.Л. Андреев, И.Н. Федоров, изд-во «Дрофа»; Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, П.С. Стефанович, А.Я. Токарева, изд-во «Просвещение», ч. 1 и 2; Е.В. Пчелов, П.В. Лукин, изд-во «Русское слово». Что же представляют собой предназначенные для шестиклассников учебники с методической и исторической точки зрения?

Во всех учебниках есть вопросы и задания после параграфов и внутри

параграфов, а также вопросы по работе с источниками. Все учебники используют методический прием выделения главного вопроса перед параграфом, но реализуют его по-разному. В учебниках «Дрофы» школьникам после изучения параграфа предлагаются три готовых варианта ответа, из которых следует выбрать один. В учебниках «Просвещения» варианты ответов на главный вопрос не даются, школьники должны сформулировать их самостоятельно, а затем свериться с разделом «Подведем итоги», чтобы выяснить, правильный ли ответ дали. Наиболее традиционен методически учебник «Русского слова». Хотя ведущий вопрос перед параграфом выделяется и здесь, но ответы на него не приводятся. Вопросы, вынесенные вперед, отличаются от обычных вопросов после параграфа большей обобщенностью и расплывчатостью («Как шло переселение?», «Как жили восточные славяне?», «Как складывались отношения русских земель со степняками-половцами?», «Что представляло собой средневековое Литовское государство?»). Подобные формулировки

допускают ответы: «Переселение шло успешно, быстро, медленно, славяне жили замечательно», и т.п. В таком виде «главный вопрос» параграфа на практике бесполезен.

Следует, однако, заметить, что сам прием выделения одного главного вопроса методически крайне спорен, так как, с одной стороны, активизирует познавательную деятельность учащихся на уроке, но, с другой стороны, «сужает взгляд», вынуждая сосредоточиться только на одной проблеме, игнорируя другие, которые могут возникнуть по ходу урока. С этой точки зрения расплывчатость вопросов в учебниках «Русского слова» может рассматриваться как наименьшее зло. Учителю и ученику такие вопросы ничем не помогут, но хотя бы и не помешают.

А вот предложение выбрать один из трех готовых вариантов ответа на «главный вопрос», как это делается в учебнике «Дрофы», следует признать, несомненно, вредным, так как это приучает школьников не к обдумыванию и самостоятельному формулированию выводов, а к угадыванию того, какой ответ желают получить авторы учебника и учитель. Если при проведении контрольных срезов знаний, промежуточной или итоговой аттестации выбор готовых вариантов ответов допустим, то в процессе обучения он непригоден, так как отрицательно сказывается на формировании мыслительных умений и навыков устной и письменной речи.

К тому же предложенные варианты ответов в учебнике «Дрофы» очень часто крайне неудачны. Так, на с. 59

приведен вопрос: «Какие политические и духовные основы Древнерусского государства укрепили его внутреннее и внешнее положение, сделали его частью Европы?» Авторы, по-видимому, рассчитывают на выбор ответа «В»: «Принятие христианства и поступательное государственное строительство, опора правящей династии на достижения славянского общества сделали Древнюю Русь частью Европы». Для ученика 6-го класса «поступательное государственное строительство» — бессмысленный набор многозначительных слов, которые он способен лишь зазубрить, но не понять. Но и взрослому, боюсь, не понять, какие именно «достижения славянского общества» позволили ему стать частью Европы.

«Главный вопрос» на с. 48 заставляет школьников действовать в рамках совершенно антиисторичного противопоставления: «Первые русские князья были завоевателями или хозяевами русской земли?» Предложены три варианта ответа: А) Киевские князья занимались прежде всего торговлей, политическими вопросами они интересовались только в связи с хозяйственной деятельностью; Б) Династия Рюриковичей полностью подчинила славян и держала их в положении рабов; и В) Первые русские князья создали государство, опираясь на достижения славян, при этом они были больше завоевателями и торговцами, чем хозяевами и защитниками Русской земли». Во-первых, непонятно, при чем здесь «достижения славян». Во-вторых, вкладывается произвольный и спорный смысл в термин «хозяева». В-третьих, ни один из этих вариантов не отвечает прямо на поставленный

вопрос. В-четвертых, и это главное, при таком наборе ответов ученику просто не предоставляется возможность выбрать вариант «князья были хозяевами и защитниками». Поэтому постановка вопроса оказывается абсолютно бессмысленной. К сожалению, подобных примеров в учебнике довольно много, варианты ответа практически всегда многословны, слишком сложны для школьников и не отвечают прямо на поставленные вопросы. Особого разговора заслуживает «главный вопрос» к § 23. Он гласит: «Военно-политическое могущество или духовный авторитет сделали Москву единственным лидером государственного объединения и борьбы за национальную независимость?» Не говоря уже о невозможности подобного противопоставления, ни о какой национальной независимости в XIV в. говорить не приходится, этот термин просто неприменим к той эпохе. Хотя в первом варианте «историко-культурного стандарта» и присутствовало странное выражение «Иван Калита — общенациональный лидер», в окончательный вариант оно всё же не вошло.

Во всех учебниках имеется рубрика «Работа с источниками» или «Изучаем документы». Правда, в учебнике «Просвещения» фрагмент «Повести временных лет», рассказывающий о князе Святославе, почему-то выпал из этой рубрики. Зато в рубрику «изучаем документы» попали тексты историков: Н.И. Костомарова о правлении Ярослава Мудрого, А. В. Терещенко о древнерусском пире. Что же касается учебника «Дрофы», то здесь в рубрике «Работа с источниками» приведены 14 текстов из научной или научно-популярной

литературы, 11 текстов, являющихся переводом или, скорее, пересказом источников, а также несколько текстов неясного происхождения («из арабских источников», «по материалам сайта biblioteka.ru», «Легенда о граде Китеже»). Смешение научных и научно-популярных текстов с текстами источников в одной рубрике недопустимо, так как дезориентирует учащихся, не позволяя им понять специфику исторического источника как явления.

Методическая система учебника — далеко не только вопросы, задания и фрагменты источников. Основой методической системы является сам учебный текст. К сожалению, во всех трех учебниках он вызывает серьезные замечания. Прежде всего, учебникам присуща беглость. Конечно, и объем, и познавательные возможности учеников 6-го класса не позволяют подробно останавливаться на многих вопросах. Но текст должен носить объясняющий характер. В определенных случаях объяснение можно (и даже необходимо) заменить вопросом. Но вопрос можно ставить тогда, когда основа для ответа имеется, пусть и в неявной форме, в предшествующем тексте учебника, либо когда ответ может быть дан на основании межкурсовых или межпредметных связей. К сожалению, в рецензируемых учебниках немало случаев, когда нет ни объяснения, ни вопросов. В подобной ситуации, особенно если учитель не пожелает или не сможет компенсировать эти лакуны в ходе работы на уроке, дети будут обречены на бессмысленное зазубривание. А именно оно (а отнюдь не чтение лишней страницы)

и создает перегрузку учащихся, о которой так много говорят в последние годы в педагогической литературе и публицистике.

Еще более досадно, что в текстах учебников встречаются небрежные формулировки, устаревшие сведения, а то и прямые ошибки.

При рассмотрении темы «Восточные славяне» между тремя учебниками возникает противоречие. Так, в учебнике «Русского слова» говорится: «Где именно и когда появились славяне, точно неизвестно. Примерно в середине I тысячелетия славяне жили... между реками Одером и Днепром, а оттуда постепенно расселились на юг, запад, восток и север» (с. 25). В учебнике «Просвещения» указано время распада балто-славянского единства: «Примерно в V в. до н.э. эти (балтославянские. — Л. К.) племена разделились на балтов и славян. Славяне освоили территорию от Днепра на востоке до Одера на западе» (с. 26). Такое же утверждение содержит и учебник «Дрофы»: «Приблизительно в середине I тыс. до н.э. балто-славяне распались на балтские и славянские племена» (с. 21). Однако древнейшая чисто славянская археологическая культура — Пражская, относящаяся к VI в. н.э. Именно к середине I тыс. н.э., а отнюдь не к I тыс. до н.э. относит распад балто-славянского единства В.Я. Петрухин. Таким образом, два из трех учебников мимоходом удревняют историю славян на тысячу лет, делая их современниками Александра Македонского и даже греко-персидских войн (V в. до н.э.), что является грубой

фальсификацией истории. Конечно, возможно, мы имеем дело с элементарными опечатками. Но как может опечатка такого рода попасть в федеральный учебник, прошедший, казалось бы, все возможные экспертизы?

На этом фоне размещение славянских племен, фактически уже в момент их появления, на Днепре, без всяких упоминаний об их миграции в Восточную Европу кажется уже несущественным. Однако в учебнике «Дрофы» сообщается, что «приблизительно на рубеже IX–X вв. славяне разделились на три большие группы. Западные, продвигаясь вслед за германскими племенами, достигли рек Эльбы, Майна и Дуная. Южные заселили значительную часть балканского полуострова. И только восточные остались на территориях, занятых славянами еще на начальном этапе освоения европейских земель» (с. 27). Получается, что на территории Чехии славяне появляются позднее, чем на Днепре, в IX–X вв., что противоречит данным об упомянутой выше Пражской археологической культуре. Таким образом, учебник в чуть замаскированной форме предлагает учащимся теорию славянской автохтонности в Восточной Европе. Между тем в науке преобладает мнение о том, что древнейшая славянская прародина располагалась в верховьях Дуная, Одера и Вислы, а в Восточной Европе славяне появляются в результате миграции, не ранее VI, а то и VII в. В учебнике «Русского слова» сообщается лишь, что «славяне были очень воинственны и часто вторгались в пределы Византии» (с. 25). Здесь напрашивается вопрос о причинах такой воинственности, позволяющий обсудить

со школьниками особенности быта и общественного устройства варварских народов, сопоставить славян с германцами. Однако авторы такого вопроса не ставят.

Учебник «Просвещения» никакой воинственности за славянами не замечает вовсе, хотя и называет их «храбрыми воинами». Напротив, «славяне отличались добродушием и гостеприимством» (с. 31), зато считает необходимым отметить, что «многие славяне отличались высоким ростом, крепким телосложением, обладали незаурядной физической силой и необыкновенной выносливостью» (с. 30). Наверное, это действительно так, но едва ли это в меньшей степени относится к скандинавам или другим народам. Однако говорится только о славянах. Достигаемый подобным образом воспитательный эффект, мягко говоря, сомнителен, а с образовательной точки зрения этот фрагмент просто лишен смысла.

Учебник «Дрофы» воздерживается от обсуждения внешности и нравов славян, зато сообщает школьникам: «В 795–796 гг. государство аваров было разгромлено франками... После этого славяне стали самостоятельным народом, осознавшим свое положение в мире» (с. 24). Более того, это рассуждение еще закрепляется вопросом: «Что сделало славян народом, осознавшим свое место среди других народов?» Каким, однако, серьезным геополитическим размышлениям предавались племена, лишь переходящие от родовой к соседской общине! А на с. 29, где речь идет о VIII в., школьникам задается вопрос: «Что заставляло вос-

точных славян стремиться к единству?» Но в ту эпоху никакого стремления восточнославянских племен к единству не наблюдалось.

В учебниках «Просвещения» и «Русского слова» сообщается о расселении славян рядом с угро-финскими племенами. Оба учебника отмечают мирный характер этого расселения: «Проникновение славян на земли финнов и балтов происходило в основном мирным путем» («Русское слово», с. 26), «Продвижение славян по бескрайним просторам Восточной Европы и их освоение носили в основном характер мирной колонизации» («Просвещение», с. 32). Однако ни в том, ни в другом учебнике не объясняется, почему продвижение славян представляло собой мирную колонизацию, а не завоевание. Не задается школьникам и соответствующий вопрос. Таким образом, дети неизбежно вынуждены связать такой характер продвижения славян на новые земли с их миролюбивым характером. Для учебника «Просвещения» это выглядит даже логичным, а вот в учебнике «Русского слова» возникает противоречие, поскольку ранее отмечалась воинственность славян. Истинная же причина – низкая плотность населения и обилие незанятой земли в Восточной Европе – при таком изложении останется абсолютно непонятной школьникам. Учебник «Дрофы», следуя теории автохтонности славян в Восточной Европе, вообще не упоминает об их расселении по соседству с угро-финскими племенами.

Рассказывая о занятиях восточных славян, все три учебника отмечают, что главным занятием являлось зем-

леделие. В учебниках «Просвещения» и «Русского слова» названы две основные системы земледелия: подсечно-огневая и переложная. Учебник «Дрофы» этих терминов школьникам не сообщает, хотя и указывает, что «через каждые 4–5 лет приходилось расчищать под пашню новые лесные участки» (с. 32). Любопытно, как выглядит подсечно-огневая система в учебниках «Русского слова» и «Просвещения». «Подрубали деревья, оставляя их сохнуть на корню, и ждали следующего лета. Затем деревья выкорчевывали, сжигали, удобряли золой землю и рыхлили почву» («Русское слово», с. 28). «Прежде чем пахать землю, необходимо было вырубать деревья. Оставшиеся на поле пни сжигали, золой удобряя почву» («Просвещение», с. 27). На самом же деле деревья не вырубали и не выкорчевывали, а подрубали и сжигали на корню. Корчевать же приходилось не деревья, а именно пни. К тому же, если в учебнике «Русского слова» справедливо указывается, что землю с золой рыхлили, то в учебнике «Просвещения» подсечно-огневая система ошибочно включает пахоту. В учебнике «Просвещения» указывается, что «со временем всё чаще стали применять новые системы земледелия — двуполье и трехполье» (с. 30), а в учебнике «Русского слова» говорится, что «позднее распространилось пашенное земледелие: почву распахивали, а часть поля оставляли незасеянным до следующего сезона» (с. 28). Однако не указываются ни причины этого перехода, ни столетия, когда он совершился в тех или иных регионах.

ностью. В учебнике «Русского слова» говорится, что «главным богом восточных славян считался Перун» (с. 30). Между тем, большинство исследователей сходится на том, что у славян, в отличие, скажем, от скандинавов, еще не произошло выделения главного бога. Эти особенности славянского язычества важны для понимания религиозной реформы Владимира. Утверждение, что Перун являлся «главным богом» не только воинов, дружинников, а славян в целом еще в догосударственную эпоху, такому пониманию очевидным образом препятствует.

Характер славянской общины в докняжескую эпоху рассматривается только в учебнике «Просвещения»: «По мере расселения славян на обширных пространствах родовые связи стали распадаться. Родовую общину сменила соседская (территориальная) — вервь» (с. 32). Вероятно, правильнее было бы отметить переходный характер общины в ту эпоху, но во всяком случае упомянуть об общине необходимо прежде, чем переходить к истории возникновения государства.

Все учебники упоминают о Кие, Щеке и Хориве, причем указывают на легендарность сведений о них. Учебники «Просвещения» (с. 32) и «Русского слова» (с. 38) этим и ограничиваются. В учебнике «Дрофы» (с. 40) говорится, что «братьев принято считать представителями местной полянской знати». Это утверждение не вполне обоснованно, поскольку так считают далеко не все. Правда, упоминается и гипотеза об их хазарском происхождении, но ничего не говорится о возможно-

сти вымышленности этих персонажей, например о гипотезе, согласно которой эти имена появились для объяснения местных топонимов.

Во всех учебниках рассматривается легенда о призвании варягов. Во всех учебниках говорится о том, что призвание это могло быть следствием междоусобных войн. Отраднo, что ни один учебник не становится на односторонне антинорманистскую точку зрения и не отрицает участия варягов в создании Древнерусского государства.

В учебнике «Дрофы» вообще не заостряется внимание на происхождении слова «Русь», два других учебника останавливаются на этой проблеме, отмечая существование различных версий («Просвещение», с. 37; «Русское слово», с. 38). Наиболее подробно данный вопрос рассмотрен в учебнике «Русского слова». На норманнской теории, возникшей на основе варяжской легенды, на спорах норманистов и антинорманистов наиболее подробно останавливается учебник «Просвещения» (с. 38). В нём предложены задания: «1) Выскажите свое мнение по поводу спора норманистов и антинорманистов. Приведите аргументы в защиту того мнения, которое вы считаете более убедительным, 2) Используя интернет и дополнительную литературу, найдите и запишите в тетради основные версии по вопросу о происхождении слова “русь”» (с. 39). Представляется, что эти задания не учитывают возрастных познавательных возможностей и являются чрезмерно сложными не только для 6-го класса, но и для старших школьников. Что же касается второго из этих заданий, то оно

чревато обращением школьников не к нейтральным ресурсам типа «Википедии», но к различным любительским форумам, где подобные вопросы обсуждаются с далеко не научной эмоциональностью.

В учебнике «Русского слова» сообщается о том, что государство, сложившееся у восточных славян, оказалось «похоже на государства, сформировавшиеся у славян западных: Польшу и Чехию. Там тоже, как и на Руси, с самого начала очень большую роль играла государственная власть: правители-князья, передававшие власть по наследству, и служившая им знать» (с. 34). Схожестью устройства государства Русь с устройством Польши и Чехии, а не скандинавских государств учебник обосновывает утверждение о том, что «варяги не сыграли в образовании государства первостепенной роли» (с. 37). Однако данные аргументы во многом «бьют мимо цели», поскольку школьники не имеют представления о том, чем устройство Польши и Чехии отличалось от устройства германских государств.

История внутренней жизни Древнерусского государства при первых князьях излагается в учебниках очень кратко и бегло. Цель поездки князя на полюдье сводится к самому сбору дани, а о том, что таким образом данникам регулярно демонстрировалась мощь княжеского войска, не сообщается. При этом в учебнике «Дрофы» рассказ о полюдье и походах Игоря на Константинополь почему-то оказывается в разделе «Первые законы Древнерусского государства», хотя о законах там не говорится ни слова. (с. 43–44).

В учебнике «Просвещения» настаивает на определении государства: «Государством называется объединение людей, которые живут на определенной территории и признают высший авторитет центральной власти. Такую власть называют законной» (с. 40). Представляется, что это крайне идеализированное представление о государстве, из которого начисто исчезло представление о государственном насилии.

Все учебники останавливаются на отношениях Руси с Византией, прежде всего на походах русских князей. Однако излагаются эти вопросы большей частью поверхностно. Причина походов кратко указывается только в учебнике «Просвещения»: «Византийские города и провинции <...> привлекали руссов и как желанная военная добыча» (с. 42). Учебник «Русского слова» утверждает: «Русь стала сильной державой, и Олег решил напасть на Византию» (с. 43). Чрезвычайно сомнительно, что к Киевской Руси начала Х в. применимо понятие «держава». Более того, подобное утверждение препятствует школьникам осознать, что отношения славян и Византии походили на отношения варваров III–V вв. с Римской империей.

В учебнике «Дрофы» просто упоминается, что Олег в 907 г. совершил поход на Константинополь, в результате чего были заключены выгодные для Руси договоры 907 и 911 гг. (с. 42). В чём выгода этих соглашений — остается неизвестным. В учебниках «Русского слова» (с. 43–44) и «Просвещения» (с. 42) почти одними и теми же словами сообщается о походе Олега, о вытасненных на бе-

рег ладьях и о прибитом к воротам в знак победы щите Олега. Между тем историки давно указывают на то, что прибитый к воротам щит — знак не победы, а примирения.

Зато о договоре, заключенном Олегом с византийцами, учебник «Дрофы» сообщает только, что он был выгоден Руси, а учебник «Просвещения» и вовсе ограничивается тем, что Византия уплатила большую дань. Таким образом, наиболее важный материал, позволяющий организовать работу с классом по таким вопросам, как защита княжеской властью интересов русских купцов, наличие на Руси рабства, характер взаимоотношений Византии с соседними варварскими государствами, в двух учебниках из трех полностью обойден. Лишь в учебнике «Русского слова» приводится отрывок из ПВЛ, посвященный договору Олега с Византией в 907 г. и снабженный двумя вопросами: «1. Объясните, почему византийцы платили русским князьям дань? 2. О каких отношениях между Русью и Византией, помимо военных столкновений, говорится в тексте? Кто был в них заинтересован?» Однако расположен этот фрагмент источника почему-то после рассказа о походах Святослава, а приведенные вопросы чрезмерно примитивны.

Еще больше не повезло договору 944 г., о котором во всех трех учебниках сообщается только, что он был заключен вскоре после неудачного похода 941 г. Поход же 944 г. и вовсе не упомянут ни в одном учебнике.

Все учебники сообщают о восстании древлян и гибели князя Игоря.

Правда, при этом учебник «Русского слова» драматизирует ситуацию: «Древляне перестали подчиняться Киеву. Единство Руси оказалось под угрозой» (с. 47). Едва ли применительно к середине X в. допустимо рассуждать о «единстве Руси», поскольку само это государство еще представляло собой скорее союз племенных союзов под властью киевского князя. К тому же, как известно, древлянский князь Мал предлагал вдове Игоря выйти за него замуж, тем самым скрепив полянско-древлянский союз. Любопытно, что из всех трех учебников упоминает об этом предложении только тот, который видит в восстании древлян «угрозу единству Руси». Похоже, авторы просто не замечают этого противоречия.

Все учебники предпочли проигнорировать красочное летописное предание о мести Ольги, ограничившись словами о том, что месть эта была жестокой. Вероятно, это объясняется экономией места в учебниках или нежеланием травмировать школьников кровавыми подробностями. Но, откровенно говоря, легенды о «трех голубях и трех воробьях с дыма» немного жаль. Да и возможности порассуждать с детьми о взглядах летописца на кровную месть — тоже.

Все три учебника сообщают о введении Ольгой уроков и погостов. При этом учебник «Просвещения» ограничивается указанием на то, что был изменен порядок сбора дани (с. 43). Учебник «Русского слова» указывает на принципиальный характер нововведений: «Это было важное изменение. Дань превраща-

лась в четко определенную подать, а погосты становились опорными пунктами, через которые киевские князья управляли подвластной им территорией» (с. 47). Наконец, учебник «Дрофы» считает установленные Ольгой размеры сбора дани законами: «Так впервые появились законы, регулирующие отношения между государством и его подданными» (с. 44). Едва ли, однако, можно считать фиксированные размеры налогообложения законами.

Все три учебника описывают походы князя Святослава. Правда, в учебнике «Дрофы» при этом допущена досадная фактическая ошибка: «В 968 г. Святослав договорился с византийским императором Иоанном Цимисхием о совместной борьбе против Первого Болгарского царства» (с. 44). Иоанн Цимисхий стал императором в 969 г., а приглашал дружину Святослава в Болгарию его предшественник император Никифор Фока. Сменой императора отчасти объясняется дальнейшее превращение русско-болгарской войны в русско-византийскую.

Важнее, однако, иное. Ни один учебник не дает школьникам оснований, чтобы задуматься о смысле и значении походов Святослава. Так, в учебнике «Русского слова» утверждается, что после разгрома Святославом Хазарского каганата «путь по Волге был для руссов свободен» (с. 49), а учебник «Дрофы» сообщает, что князь «поставил под контроль торговый путь “из варяг в хазары”» (с. 44). Между тем в результате разгрома хазарского каганата пала преграда на пути печенежских орд, которые с этих пор стали господствовать

в приволжских и южнорусских степях. И если при господстве хазар купцы, отправлявшиеся по Волге к берегам Каспийского моря, вынуждены были платить пошлины, то теперь они рисковали полностью лишиться своего товара. Надо отметить, что учебники «Русского слова» (с. 49) и «Дрофы» (с. 45) отмечают усиление печенегов после разгрома хазар, но при этом не замечают, что при господстве печенегов свободный путь по Волге для русов – мягко говоря, преувеличение.

Причины дунайского похода Святослава учебники «Русского слова» и «Просвещения» просто не рассматривают, а учебник «Дрофы» отмечает: «Еще больше интересовала Святослава река Дунай – торговый путь, ведущий в сердце Европы» (с. 44). То, что Святослав отправился на Дунай в качестве византийского наемника, ни из одного учебника понять невозможно. Учебник «Русского слова» (с. 49) и «Дрофы» о русско-болгарской войне лишь упоминают как о незначительном эпизоде, а учебник «Просвещения» указывает, что Святослав хотел перенести на берега Дуная центр своего государства (с. 46), однако не объясняет, чем это было вызвано, и не задает в связи с этим никаких вопросов. А вопросы напрашиваются, поскольку Святослав здесь выглядит типичным викингом, ищущим, где лучше. Учебник «Русского слова» не сообщает и о недовольстве киевлян и Ольги, укорявших Святослава в том, что он оставил Киев без защиты; учебники «Просвещения» и «Дрофы» об этом упоминают. Правда, в учебнике «Дрофы» упреки вызваны забвением со стороны Свя-

тослава «внутренних дел государства», хотя на самом деле слова «ты княже, чужая земли ищещи и блюдеши, а своя охабив» ни с какими внутренними делами не связаны. Зато только в учебнике «Дрофы» поставлен исключительно важный вопрос: «Почему княгиня Ольга и киевская знать укоряли Святослава за его постоянные военные походы?»

Итоговый вывод в учебнике «Дрофы» гласит: «Благодаря военным походам Святослава международные позиции Руси значительно окрепли» (с. 45). Таким образом, и поставленный после текста вопрос обесценивается, теряет смысл. Не отстает и учебник «Русского слова»: «Походы Святослава принесли славу русскому оружию далеко за пределами Руси» (с. 50). Думается, куда ближе к истине был С.М. Соловьев, еще в середине позапрошлого века писавший: «Святослав... с своею отборною дружиною покинул Русскую землю для подвигов отдаленных, славных для него и бесполезных для родной земли».

Естественно, все учебники подробно останавливаются на принятии Русью христианства. К сожалению, причины этого важнейшего события древнерусской истории излагаются крайне упрощенно. Учебник «Дрофы» повествует, что «мудрая правительница (княгиня Ольга. – Л. К.) понимала значение христианства не только для себя лично, но для государства» (с. 46). Скажем прямо, наличие у княгини отдельных соображения о пользе крещения «для себя лично» и «для государства» вызывает большие сомнения, ибо вряд ли в сознании правитель-

ницы середины X в. это могло разделяться. Да и вообще неизвестно, думала ли Ольга о «пользе» или просто оказалась под впечатлением от величественности христианской службы в соборе Св. Софии. Учебник «Просвещения», опираясь на неведомые науке сведения, сообщает, что «Владимир первым понял, что удержать все земли восточных славян, опираясь лишь на военную силу, нельзя. Нужна была и общая для всех вера» (с. 50). В учебнике «Дрофы» утверждается, что «поклонение древним языческим богествам не давало князю возможности стать законным правителем в глазах подданных» (с. 51). В учебнике «Русского слова» говорится, что «единобожие соответствовало единому государству с одним князем во главе» (с. 53). Эти утверждения способны вызвать лишь недоумение школьников, знающих, что языческие государства, в том числе монархические, стоявшие на куда более высоком уровне государственного развития, нежели Киевская Русь конца X в., существовали во многих странах в течение длительного периода. Однако ни в одном учебнике детям не объясняют, что для утверждения новых представлений о прежних богах требовалось время, коего не было ввиду влияния на Русь соседних стран, в которых господствовали монотеистические религии. Не ставится вопрос и о том, почему при столкновении язычества и монотеизма последний закономерно побеждает. Объяснение этому следовало бы искать не в удобстве или неудобстве монотеизма для власти, а в логике развития религиозных представлений человечества. Опыт показывает, что школьники вполне

способны в упрощенной форме усваивать подобные идеи.

В учебнике «Дрофы» легенда о выборе веры вообще не рассматривается, просто указывается, что Владимир «остановил свой выбор на греческом христианстве – православии» (с. 51), в учебнике «Просвещения» приводится совершенное невероятное объяснение: «Ведь христиане, в отличие от хазар и булгар, не посягали на славянские территории» (с. 51). О каком посягательстве на славянские территории со стороны уже разгромленного хазарского каганата могла идти речь? Вместе с тем только учебник «Просвещения» приводит отрывок летописного рассказа о выборе веры и ставит перед детьми вопрос о его достоверности.

Сравнительно подробно о выборе веры рассказывает учебник «Русского слова» (с. 53), но и тут идеологический характер предания смазан, причудливое отражение истории в этой легенде остается непонятным.

Предание о крещении Владимира подробнее всего рассмотрено в учебнике «Просвещения», но вопроса о том, какие задачи, вероятно, преследовал летописец, подчеркивая, что Владимир буквально «заставил» императоров крестить себя, не ставится.

Учебник «Просвещения» специально, хотя и довольно бегло, останавливается на последствиях и значении принятия христианства (с. 54), в учебнике «Русского слова» замечания о последствиях крещения разбросаны по всему параграфу и перемешаны с причинами принятия

новой веры: «Новая вера способствовала укреплению княжеской власти, объединению различных племен в державе Рюриковичей»; «христианство приобщило Русь к высокой духовности» (с. 53), «запрещало многоженство и кровавые жертвоприношения» (с. 54), «стали строиться красивые храмы и монастыри, при них создавались школы, распространялась грамотность» (с. 55). В учебнике «Дрофы» этот вопрос фактически вообще обойден.

Порядок управления, взаимоотношения князей с дружиной и городским вечем Древнерусским государством при Владимире и Ярославе наиболее подробно рассмотрены в учебнике «Дрофы» (с. 52–56). В учебнике «Просвещения» этот материал заметно короче, причем сделано несколько вызывающих вопросы утверждений. Так, сообщается: «Киевский князь правил при помощи своих сыновей, которых он отправлял в качестве наместников в крупнейшие земли (волости). Местный князь, имевший собственную дружину, обладал в своей волости большой властью, но не мог передавать ее по наследству» (с. 59). Утверждается также, что в городских центрах на вече «сходились все свободные люди». Однако в позднейшие времена даже на сельский сход являлись не все взрослые мужчины, а лишь домохозяева. Более того, в учебнике утверждается: «Князь и местная знать были вынуждены считаться с волей веча» (с. 59). Между тем, опыт Новгорода свидетельствует, что вече как раз и состояло из представителей местной знати. Видимо, в данном случае ближе к истине учебник «Дрофы», указывающий, что «решающее влияние не ве-

че имела племенная знать» (с. 56). В учебнике «Русского слова» данные вопросы попросту обойдены.

Предание о Борисе и Глебе в учебниках излагается бегло. В учебнике «Дрофы» об усобице между сыновьями Владимира вообще сообщается после рассказа о княжении Ярослава Мудрого (с. 62). Другие учебники таких хронологических вольностей себе не позволяют. Однако в учебнике «Просвещения» не отмечено, что Борис и Глеб отказались от сопротивления и борьбы за власть со старшим братом. Точнее, об этом коротко говорится, но лишь на с. 75, в разделе «Духовные ценности. Древнерусские подвижники и святые». Поэтому на предложенный в учебнике вопрос «Как вы думаете, почему именно Борис и Глеб стали первыми русскими святыми?» (с. 57) нельзя дать по-настоящему глубокого ответа. В учебнике «Русского слова» говорится, что Борис и Глеб «не сопротивляясь злой воле, безропотно приняли страдания» (с. 60). Но при этом авторы зачем-то посчитали нужным отметить, что «почитание страстотерпцев очень характерно именно для русской культуры», хотя мученики и страстотерпцы глубоко почитаются во всех христианских культурах.

Правление Ярослава Мудрого во всех учебниках охарактеризовано примерно одинаково. Отмечаются расширение пределов государства, победы над печенегами, династические браки, строительство Софийского собора, распространение грамотности. Учебник «Дрофы» уделяет особое внимание назначению князем митрополита Илариона без санкции

константинопольского патриарха и видит в этом соперничество с Византией. Строительство Софийских соборов тоже рассматривается в этом учебнике не как подражание Византии, а как соперничество с ней (с. 60). При изложении данной темы учебник «Дрофы» изобилует высокопарными рассуждениями, уместными разве что на уроках «Основ православной культуры», но никак не в курсе истории: «Обновленный вид Киева говорил о том, что Русь принимает на себя ответственность свято хранить православную веру... Вера в то, что Руси уготована роль центра мира, ответственного за защиту всех православных христиан, не одно столетие будет сплачивать русские земли» (с. 58). По существу, официальную идеологию учебник выдает за народное сознание, причем присущее уже людям XI в.

Анализ «Русской Правды» в учебниках ведется бегло. В учебнике «Дрофы» говорится лишь о том, что в «Правде Ярослава» устанавливались наказания за преступления против личности (убийства, телесные повреждения), а в «Правде Ярославичей» — за политические преступления, за покушение на жизнь и имущество знати (с. 66). Нет терминов «Краткая Правда» и «Пространная Правда». Сведения об общине, о зависимых людях, о появлении вотчин оторваны от материала о «Русской Правде» и отнесены к другому параграфу. При этом сами категории зависимого населения интерпретированы небрежно и нечетко. На с. 73 говорится, что смердами называли крестьян. Но для свободного крестьянина-общинника существовало иное название — людин.

Таким образом, утверждать, что всех крестьян именовали смердами, неверно. Вероятно, нужно как-то оговорить спорность статуса смердов. О закупах говорится, что ими становились люди, «нанявшиеся на службу или попавшие в долговую зависимость» (с. 76). Но человека, нанявшегося на службу, «Русская Правда» именует не закупом, а рядовичем. В свою очередь рядович оказывается «мелким управляющим» (с. 77). При этом указывается, что княжеским хозяйством управляли «тиуны и рядовичи». Но ведь тиун мог быть или холопом, или как раз рядовичем. Таким образом, учебник смешивает две различные классификации: должности и правовое положение. Явная ошибка допущена в учебнике в связи с понятием «вотчина». В словаре учебника возникновение вотчин отнесено к X в., в то время как в науке временем возникновения вотчин считается XI–XII в. При этом о том, что в XI в. подавляющая часть земли находилась в руках свободных общин, в учебнике не сообщается.

В учебнике «Просвещения» сведения о «Русской Правде» даются разрозненно. О «Правде Ярослава» говорится на с. 58, а «Правда Ярославичей» упоминается на с. 64. Общественный строй Древней Руси также изучается в отрыве от «Русской Правды». Категории зависимого населения названы (с. 72), но не сообщается о зависимости величины виры от социального статуса человека. Впрочем, и самого термина «вира» тоже нет.

Наиболее подробно изложен материал о «Русской Правде» и переходе от кровной мести к вире в учебнике

«Русского слова» (с. 63). Но сам этот переход объясняется тем, что кровная месть противоречила христианским нормам. Думается, важнее несовместимость этого обычая с укреплением государства. К сожалению, в учебнике не названы категории зависимого населения и совсем обойден вниманием вопрос о верви и землевладении.

Учебники уделяют много внимания древнерусской культуре. К сожалению, в посвященных ей разделах очень много красивых, но «пустых», лишенных информативности фраз. Особенно этим грешит учебник «Дрофы». Например: «Масштабное строительство храмов и монастырей по всей Руси, их украшение, создание рукописных книг воспитали целое поколение образованных и умелых русских православных людей, достойных своих греческих учителей» (с. 84); «За первые сто лет после принятия христианства русская земля была украшена храмами и монастырями, в них были собраны книжные премудрости и христианские святыни — иконы и мозаики. Народ постепенно отвыкал от язычества и приобщался к богатствам христианского мира» (с. 85). Детям предлагается вопрос: «Почему иконописцы не ставили своих имен под созданной работой? (ответьте на примере жития иконописца Алимпия)». Между тем, о самом Алимпии сообщается только, что он обучался у греческих мастеров, принимал участие в создании мозаик Михайловского монастыря, и что последнюю икону за него, по легенде, дописал ангел (с. 84). При этом о храме Св. Софии в Киеве говорится лишь, что

он был основан в 1037 г., никакие его художественные особенности не рассматриваются, ни одна из его фресок или мозаик не упоминается. Эти сведения детям предложено самостоятельно искать в интернете. Зато на основе иллюстраций предлагается сравнить храмы Св. Софии в Константинополе, Киеве, Полоцке и Новгороде с художественной и *политической* точки зрения.

Учебник «Просвещения» утверждает, что главным мотивом древнерусского искусства был патриотизм, призыв к объединению сил против иноземных врагов. При этом детям предлагается объяснить понятие «патриотизм» и привести несколько примеров патриотического поведения людей (с. 85). Едва ли такие рассуждения и тем более такое задание приемлемы с образовательной точки зрения. Во-первых, патриотизм в современном смысле слова был глубоко чужд средневековому сознанию, во-вторых, главным мотивом средневекового христианского искусства было, конечно, служение Богу, а отнюдь не патриотизм. Без тени сомнения учебник сообщает о том, что «письменность у славянских племен возникла еще до принятия христианства» (с. 86). К сожалению, это лишь неподтвержденное предположение, поскольку никаких доказательств существования этой письменности, ни одного памятника до настоящего времени обнаружено не было.

Справедливо указывая на высокий уровень грамотности городского населения Древней Руси, учебник «Просвещения» не забывает отметить: «Характерно, что в тот пери-

од в Западной Европе существовала почти полная всеобщая неграмотность» (с. 87). Конечно, такое самолюбование греет душу, но едва ли соответствует истине: в XI в. среди горожан Западной Европы было достаточно грамотных. Сравнивать же древнерусских горожан со всем населением Западной Европы некорректно.

«Повесть временных лет», которую наука признает плодом творчества нескольких лиц, в учебнике «Просвещения» названа сочинением Нестора (с. 87).

Усобицы, в результате которых Древнерусское государство перешло к раздробленности, в учебниках описаны достаточно бегло. Больших различий между учебниками в этом отношении нет. Во всех учебниках сначала говорится об усобицах, а затем — об общественных отношениях и культуре периода Киевской Руси. В учебнике «Просвещения» об усобицах говорится в §8, а рассказ об эпохе раздробленности начинается лишь в §12. Думается, для школы это не лучший вариант, так как усобицы следует непосредственно связывать с переходом к раздробленности. В учебнике «Дрофы» данные об усобицах смешаны с рассказом о народных восстаниях таким образом, что материал просто рассыпается (с. 63–64), выделить в нем главное оказывается очень трудно.

Причины перехода к раздробленности в учебнике «Дрофы» объясняются главным образом ослаблением внешней военной опасности из-за падения Хазарского каганата и пре-

ращения набегов викингов (с. 92). Однако к этому времени относятся половецкие нашествия, поэтому такое объяснение недостаточно. В учебнике «Русского слова» указывается на превращение дружинников в вотчинников, но вывод звучит очень странно: «Боярские вотчины, в которых господствовало натуральное хозяйство, где всё необходимое для жизни производилось здесь же, могли уже обходиться и без единого центра» (с. 98). Главной же причиной раздробленности учебник считает стремление князей, стоявших во главе волостей, не отдавать дань в Киев. В учебнике «Просвещения» раздробленность связывается с тем, что «князья наделяли землей (вотчинами) своих старших дружинников. Основой богатства бояр становилась теперь не дань <...> а эксплуатация населения их вотчин. Это заставляло князя укреплять свое княжество, а не переходить на новый княжеский престол» (с. 101). Здесь следовало бы указать на то, что бояре не были заинтересованы в переходе в новое княжество, а это сдерживало и князей. Но всё же, видимо, данный вопрос в учебнике «Просвещения» раскрыт глубже, чем в двух других.

Зато утверждение учебника «Просвещения», что в XII в. «наиболее могущественные князья стали именовать себя великими» (с. 104), едва ли может быть принято. Великим князем именовал себя в ту эпоху, за исключением киевских князей, только владимирский князь Всеволод III. Столь же спорно и утверждение, что если старые центры (Киев, Новгород) «были заселены восточнославянскими племенами, а потом

здесь возникла княжеская власть, то северо-восток осваивался по инициативе княжеской власти» (с. 110).

Рассказ о Владимиро-Суздальском княжестве в учебниках «Просвещения» и «Русского слова» предельно поверхностен. Не ставится даже вопрос о реальных причинах переноса столицы во Владимир, изложение ограничивается легендой о явлении Богородицы князю Андрею. Никак не анализируется изменение характера княжеской власти на северо-востоке по сравнению с Киевской Русью («Просвещение», с. 111–113; «Русское слово», с. 125). В учебнике «Дрофы» перенос столицы тоже не объясняется, но говорится о становлении деспотической власти, правда, это не связывается с поздним формированием вотчинного землевладения и тем, что местные дружинники получали вотчины исключительно из рук князя (с. 101–103). Совершенно излишним в учебнике «Дрофы» является подробное описание убийства Андрея Боголюбского, занимающее целую страницу, в то время как Всеволоду Большое гнездо посвящены лишь четыре строчки (с. 104).

Рассказывая о Новгородской земле, все учебники обращают внимание на неблагоприятные для земледелия природные условия и указывают на важную роль в новгородском хозяйстве ремесел, промыслов и торговли. Правда, учебник «Дрофы» утверждает «собственного зерна для густонаселенной Новгородской земли не хватало» (с. 108). На самом же деле Новгородская земля, значительную часть которой занимали тайга и тундра, была как раз мало-

населенной. Густо населены были лишь ближайшие окрестности самого Новгорода и южные районы новгородчины. В учебниках «Русского слова» и «Просвещения» указаны как экспортируемые, так и импортируемые Новгородом товары, в учебнике «Дрофы» — только экспортируемые. Учебник «Русского слова» в качестве главного торгового партнера Новгорода называет Ганзу (с. 115), учебник «Просвещения» ограничивается общим указанием на немецких и датских купцов, а также Византию (с. 118), учебник «Дрофы» внешнеторговых партнеров Новгорода не указывает совсем. О существовании в Новгороде ганзейского и Готландского торговых дворов не сообщает ни один учебник.

Состав населения Новгорода наиболее подробно рассмотрен в учебнике «Просвещения». Правда, и здесь названы лишь ремесленники, купцы и бояре. Терминов «житьи люди», «меньшие люди», «черные люди» нет (с. 118). В других двух учебниках состав населения Новгорода не разбирается совсем.

Важнейшим в теме «Новгородская земля» является вопрос о системе управления. В учебнике «Просвещения» говорится: «Верховной властью в Новгороде обладало вече. Символом народовластия был вечевой колокол, удары которого оповещали о созыве веча. Народное собрание решало вопросы войны и мира, избирало должностных лиц, приглашало и изгоняло князей» (с. 119). Поскольку никаких сведений о составе веча учебник не сообщает, у школьников неизбежно сложится ощущение, что

в его деятельности участвовали все взрослые новгородцы.

Учебник «Русского слова» утверждает: «Вече собиралось, как правило, на Ярославовом дворище — площади, на которой некогда находился княжеский двор, или у Софийского собора, на другом берегу реки Волхов. В вече принимали участие полноправные горожане, жители Новгорода, но главную роль в решении важных вопросов играли бояре» (с. 117). В учебнике сообщается о существовании кончанских вечей, но из-за упоминания места сбора общегородского веча всё же создается впечатление, что и в нем участвовали все «полноправные горожане». Каким образом они помещались на вечевой площади, учебник не объясняет. Правда, позже учебник уточняет: «Власть в Новгородской республике принадлежала не всему населению Новгородской земли, а только полноправным горожанам и особенно боярам» (с. 118), но кто такие «полноправные горожане» и в чем заключалась решающая роль бояр на вече, не разъясняется.

Наконец, учебник «Дрофы», отметив, что вече «обладало всей полнотой власти», продолжает: «Большое новгородское вече собиралось на Ярославовом дворе, на Торговой стороне, по призыву вечевого колокола. Предположительно, знатные новгородцы сидели на скамьях, а простые люди стояли... Могли ли все жители древнего Новгорода собраться на вечевой площади? Конечно, нет. Тут находилось от 300 до 500 человек. Это были представители крупнейших боярских фамилий» (с. 111). Создается ощущение, что ав-

торы учебника не замечают внутренней противоречивости процитированного текста. Не вполне понятно и указание на «крупнейшие» боярские фамилии. Следует ли предполагать, что боярские семьи, не относившиеся к «крупнейшим», в вече не участвовали? Если так, то не странно ли присутствие на вече «простых новгородцев», пусть даже не сидевших, а стоявших? И всё же учебник «Дрофы» — единственный, в котором есть указание на численный состав общегородского веча Новгорода. Правда, сведений о конских и уличанских вечах в этом учебнике нет.

По утверждению учебника «Русского слова», тысяцкий представлял в новгородском управлении торгово-ремесленное население (с. 118), а по мнению учебника «Просвещения» — купцов, ремесленников и «меньших людей» (с. 120). Правда, поскольку среди категорий населения «меньшие люди» не указаны, дети неизбежно решат, что это и есть ремесленники, в то время как на самом деле «меньшими людьми» именовались мелкие и средние землевладельцы. В учебнике «Дрофы» о том, из какой среды происходил тысяцкий, не упоминается. О том, что со временем должность тысяцкого перешла в руки бояр, не сообщается ни в одном учебнике.

О роли князя в Новгороде в учебнике «Дрофы» говорится, что после 1136 г. «его функции ограничивались военными вопросами», а «со второй четверти XIII в. должность князя в Новгороде стала вообще необязательной» (с. 110). Оба эти утверждения вызывают очень большие сомнения. Новгород ни-

когда не обходился вовсе без князя, а функции князя, как считают большинство специалистов, были куда шире, чем руководство войсками. В учебнике «Просвещения» также указывается только военная функция князя: «Князь должен был возглавить все вооруженные силы в случае войны» (с. 120), но, по крайней мере, не утверждается, что эта функция была единственной. Учебник «Русского слова» помимо военной упоминает также судебную функцию князя (с. 117).

Учебник «Просвещения» выделяет специальный параграф для рассказа об образовании монгольской империи. В учебниках «Дрофы» и «Русского слова» этот материал объединен с походами Батые на Русь. Во всех учебниках отмечается, что после истребления племени татар их название перешло на победителей, при этом в учебниках «Просвещения» (ч. 2, с. 4) и «Русского слова» (с. 131) приводится термин «монголо-татары».

Учебник «Дрофы» о завоеваниях монголов на востоке не рассказывает вовсе, ограничиваясь фразой «Вскоре монголам покорились народы Китая, Средней Азии, Южной Сибири, Ирана, Ближнего Востока и Закавказья» (с. 128), в учебнике «Русского слова» рассказ об этих событиях присутствует, но в очень краткой форме, причины побед монголов над такими мощными государствами, как Северный Китай и Хорезм, не рассматриваются (с. 132–133). В учебнике «Просвещения» рассказ о завоевании Китая и Хорезма несколько более подробен, но и здесь всё сведено к чисто военным

преимуществам монголов: совершенному монгольскому луку, умелому маневрированию конницы (ч. 2, с. 5). Причины, связанные с внутривнутриполитическим состоянием завоеванных монголами государств, не рассматриваются и здесь. Между тем обратить на это внимание школьников было бы полезно, так как позволило бы им осознать, что государства проигрывают войны во многом именно из-за своих внутренних проблем.

Учебник «Дрофы» лишь упоминает о битве на Калке и понесенном там поражении русско-половецкого войска (с. 128). Два других учебника рассказывают об этом сражении относительно подробно, правда, в обоих случаях вина за поражение возлагается на половцев: «Воины дрались храбро и решительно. Но половцы не выдержали натиска врага, дрогнули и неожиданно бросились бежать, смяв русские полки. Монголы перешли в наступление и наголову разбили противника» («Просвещение», ч. 2, с. 6). «В стремительном наступлении монгольская конница опрокинула половцев, которые расстроили черниговские и галицкие полки, и те обратились в бегство. В критический момент половцы предали русских и начали грабить своих бывших союзников» («Русское слово», с. 135). Думается, такие пассажи в учебнике нецелесообразны. С образовательной точки зрения — потому что очевидно, что поражение русских на Калке объясняется не тем, что половцы нарушили их боевые порядки, а их более низкой по сравнению с монголами боеспособностью и несогласованностью в действиях. С воспитательной точки зрения — потому что

они способны лишь посеять рознь между школьниками славянского и тюркского происхождения.

В учебнике «Просвещения» в рассказе о битве на Калке допущена ошибка. Князь Мстислав Удалой, правивший тогда в Галиче, назван волынским князем (ч. 2, с. 6), хотя на Волыни княжил также принимавший участие в битве Даниил Романович. Последний абзац пункта 3 §15 зачем-то предваряет содержание следующего §16 (ч. 2, с. 7).

Картина Батыева нашествия в учебниках «Русского слова» и «Просвещения» изложена примерно одинаково, учебник «Дрофы» отличается значительно большей лаконичностью. Для учебников «Русского слова» и «Просвещения» характерна героизация русского сопротивления. Так, в учебнике «Русского слова» фактически без комментария излагается летописный рассказ об обороне Козельска, но ни слова не говорится о том, что город осаждал лишь один из отрядов монгольской «облавной цепи» (с. 138). Рассказывая об обороне Рязани, авторы подчеркивают, что город оборонялся «целых пять дней» (с. 136). При этом выдержавший семимесячную осаду Ургенча (столица Хорезма) в учебнике даже не упомянут. Объясняя причины отказа монголов от похода на Новгород, учебник «Просвещения» подчеркивает, что «Новгород имел мощные стены, хорошо подготовленные войска» (ч. 2, с. 15), а учебник «Русского слова» указывает, что монгольское войско было обескровлено (с. 138). Правда, оба учебника упоминают и фактор распутицы. Ни один из трех учебни-

ков не останавливается на еще одной важнейшей причине: монголы не собирались жить в лесной зоне, а потому, разгромив Северо-Восточную Русь и обеспечив безопасность своих флангов в походе к «последнему морю», они уже добились цели, поход на Новгород не представлял для них интереса.

Отношения между Орденом, народами Прибалтики и Новгородом в учебниках «Просвещения» и «Русского слова» изложены традиционно: как борьба Руси и народов Прибалтики против агрессоров-крестоносцев. Учебник «Русского слова» употребляет даже выражение «шведские крестоносцы» (с. 142), а учебник «Просвещения» пишет о «шведских рыцарях» (ч. 2, с. 19). Лишь в учебнике «Дрофы» дается несколько более объективная картина, в частности рассказывается о том, что псковичи отказались участвовать в походе против ордена, который пытался предпринять в 1228 г. Ярослав Всеволодович, и даже о союзе Пскова с Орденом против Новгорода (с. 137–138). Рассказано и о Шяуляйской битве, правда, не сообщается о том, что в ней против литовцев на стороне Ордена сражались отряды из Пскова (с. 144).

В учебнике «Просвещения» утверждается, что в Невской битве шведами командовал Биргер (ч. 2, с. 21), хотя в источниках нет сведений об участии Биргера в походе на Неву, а мнение о его участии в Невской битве признано в науке устаревшим и ошибочным. Картина Невской битвы в этом учебнике представ-

ляет собой некомментируемый пересказ летописного предания. Не соответствует действительности и утверждение учебника о том, что поход совершался по указу папы Григория IX. В реальности, как считает современная наука, никакого согласования действий между папством и шведами не было.

Итоги Невской битвы учебник «Просвещения» подводит следующим образом: «Русское войско одержало на Неве блестящую победу, за которую народ прозвал князя Александра Невским. Успех русских воинов на долгое время отбил у шведов желание воевать против Русской земли» (ч. 1, с. 22). Практически те же формулировки находим и в учебнике «Русского слова»: «Поражение шведов в Невской битве остановило их натиск на русские земли. Победа Александра Ярославича принесла ему славу и прозвище “Невский”». Но прозвище «Невский» появилось несравнимо позднее: лишь в летописях конца XV в. и в «Степенной книге», составленной во второй половине XVI в., когда авторы стремились возвеличить предков московских государей. Что же касается «натиска на русские земли», то появление шведов на Неве представляло собой, скорее всего, обычный грабительский набег. Максимум того, на что были способны шведы — закрепитесь в устье Невы.

Думается, что изложение сведений о Невской битве в учебнике «Дрофы» более соответствует масштабу сражения: «Самый прославленный защитник новгородских земель — князь Александр Ярославич, позже получивший прозвище Невский.

Считается, что основанием для этого послужила победа молодого князя (Александру Ярославичу было всего 18 лет) над шведскими рыцарями, высадившимися в 1240 г. на берегу Невы, в устье Ижоры. Однако подлинную славу Александру принесла победа, одержанная над ливонскими рыцарями в сражении на Чудском озере» (с. 138).

Описание Ледового побоища в учебниках в основном традиционно. По мнению авторов «Просвещения», Александр, который «хорошо знал боевые приемы противника», перед сражением «усилил конницей свои фланги», а когда рыцари устремились вперед, «русские воины по сигналу Александра бросились справа и слева на малоповоротливую рыцарскую колонну» (ч. 2, с. 24). Учебник «Русского слова» сообщает, что «Александр Невский поставил перед своим войском лучников, которые издали расстреливали неприятельскую конницу, и укрепил фланги» (с. 146). В авторском тексте учебника «Просвещения» ход боя не описывается, но это с лихвой компенсируется отрывком из книги А.Н. Сахарова, В.Д. Назарова, А.Н. Боханова «Подвижники России»: «Первый же удар крестонного войска прогнул русский центр. Лучники разили первые ряды рыцарей, стаскивая их с коней, добивали уже на земле, но сзади плотным строем скакали всё новые всадники, сокрушавшие русских пешцев. Вскоре центр был прорван, пешцы рассыпались в стороны, но немецкий клин уткнулся, как и замышлял Александр, в высокий, поросший лесом и заснеженный восточный берег озера. Движение рыцарей

замедлилось, смешалось, и в это время крылья русского войска обрушили всю свою конную мощь на слабо защищенные лишь пешцами фланги и тыл немецкого клина. Рыцари смешались...» Этот сугубо художественный текст преподносится школьникам почему-то в рубрике «Работа с источниками», но в настоящих источниках подобная картина не находит ни малейшего подтверждения.

Псковская летопись рассказывает о Ледовом побоище совсем кратко: «В лето 6749. Взя Александр Копории, а Немець изби. А на лето ходил Александр с Новгородцы, и бися на леду с Немци». Чуть подробнее Лаврентьевская летопись: «В лето 6750. Ходи Александр Ярославич с Новгородци на Немци и бися с ними на Чюдъскомъ езере у Ворониа камени. И победи Александр и гони по леду 7 верст, секочи их». Лишь Новгородская первая летопись сообщает некоторые подробности о ходе сражения: «Князь Олександр и новгородци, поставиша полк на Чюдском езере, на Узмени, у Воронеа камени. И наехаша на полк Немци и Чюдь и прошибошася свиныею сквозе полк, и бысть сеча ту велика Немцемъ и Чюди».

Откуда же берутся сведения о том, что Александр заранее сознательно усилил фланги, рассчитывая на то, что немцы упрутся в высокий берег озера? Откуда известно о поставленных впереди русского войска лучниках, издавек расстреливавших рыцарскую конницу? Увы, эти подробности основаны не на источниках, а лишь на работах А.И. Козаченко, который в статье, вышедшей в 1937 г., еще осторожно пред-

полагал: «Следует думать, что, зная об этом приеме германской тактики, Александр Невский подготовил концентрацию своих сил на флангах, что вскоре и дало неожиданные для “рыцарей” результаты», а в книге, изданной годом позже, уже превращал эти предположения в утверждения. История возникновения и развития мифологической картины Ледового побоища подробнейшим образом разобрана в книге Ф.Б. Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти» (М.: НЛО, 2007). После ее выхода вносить эти привычные, но явно недостоверные сведения в учебники кажется невозможным.

Рассказывая о Ледовом побоище, учебник «Просвещения» вообще не указывает данных о потерях, ограничиваясь тем, что «много воинов ордена было убито и взято в плен. Часть из них бежали с поля боя, но попали на уже подтаявший лед озера и под тяжестью своих доспехов и коней ушли под воду» (ч. 2, с. 24). Учебник «Дрофы» сообщает, что «в бою пали 20 рыцарей и еще шестеро были взяты в плен» (с. 139), однако вслед за этим в рубрике «Работа с источниками» цитирует книгу «Подвижники России»: «Русские умело оттеснили противника на слабый лед, рыцари начали проваливаться под лед и тонуть, что еще более усилило панику в их рядах. Разгром <...> был полным. По данным русской летописи, на льду озера пало пятьсот рыцарей <...> пятьдесят именитых крестоносцев были взяты в плен» (с. 142). Никакого вопроса, направленного на сопоставление данных из текста учебника и из процитированной книги, авторы

школьникам не предлагают. Вместо этого ставится вопрос: «Немецкие рыцари проламывали лед и тонули из-за более тяжелых доспехов или из-за умелых действий русских воинов?» (с. 143). Между тем известно, что ни один рыцарь Ливонского ордена в Ледовом побоище не утонул.

Лишь в учебнике «Русского слова» разъясняется противоречие между цифрами: «Потери крестоносцев были очень значительными. Согласно новгородской летописи, в битве погибло 400 крестоносцев и 50 попало в плен. По признанию же хроники (истории) Ливонского ордена, только одних рыцарей погибло 20 человек, а 6 попали в плен. А всех рыцарей в Ливонии было в то время около сотни. Рядовых воинов в орденском войске было намного больше» (с. 146).

Политика Александра Невского по отношению к Орде изложена в учебниках таким образом, чтобы, по возможности, скрыть его сотрудничество с Ордой и карательные акции по отношению к населению. В учебнике «Русского слова» говорится: Александр Невский считал, что враждовать с Ордой опасно. Во что бы то ни стало он стремился сохранить мир, чтобы уберечь родную землю от новых разорений. В 1252 г. Александр стал великим князем владимирским. Он несколько раз ездил в Орду с богатыми дарами, стремясь умиловать Батюгу и его наследников. По настоянию Александра Новгород, «меньшие» люди которого отказывались платить татарам дань, пустил на свои земли ордынских численников, проводивших пере-

пись населения. В ханской ставке Александр Ярославич заболел и, возвращаясь на Русь, скончался в 1263 г. «Русская церковь причислила Александра Невского к лику святых» (с. 160). Прочитав этот текст, школьник, скорее всего, подумает, что Александр убедил новгородцев принять ордынских численников, опираясь на свой авторитет победителя шведов и ливонцев. О том, что великий князь жестоко подавил восстание новгородцев с помощью приведенных им суздальских полков, узнать из текста учебника невозможно.

Учебник «Просвещения» чуть более откровенен: «В Великий Новгород вместе с ханскими переписчиками прибыл Александр Невский, который в 1252 г. получил ярлык на великое владимирское княжение. Победитель немцев и шведов подавил восстание новгородцев. Конечно, Александр не был другом Орды. Но при наличии врагов на Западе и на Востоке он считал необходимым отражать агрессию с Запада и поддерживать мирные отношения с ханами, предотвращая по возможности их нашествия на Русь» (ч. 2, с. 32). Таким образом, незначительные вторжения Ордена на окраины Новгородской земли и его союз с Псковом — агрессия, а абсолютная покорность Орде, уплата ей дани и «налог кровью» — «мирные отношения с ханами». Создается ощущение, что этот текст принадлежит перу Л.Н. Гумилева.

Лишь в учебнике «Дрофы» отмечено, что «Александр Невский жестоко расправился с восставшими» новгородцами, после чего «влия-

ние Орды и деспотическая форма управления распространились на Северо-Западную Русь» (с. 148). В этом же учебнике сообщается о том, что Батый «явно благоволил» к Александру Ярославичу (с. 145), что кстати, противоречит утверждению учебника «Просвещения», будто Александр «не был другом Орды».

Учебник «Русского слова» совсем не уделяет внимания изменению характера княжеской власти в результате Батыева нашествия, в учебнике «Просвещения» говорится, что под влиянием ордынских порядков князья «старались усилить собственную власть», причем указывает, что «сделать это было теперь значительно проще». Однако учебник объясняет эту «простоту» не тем, что на подвластной Орде Руси автоматически воспроизводились ордынские порядки, но тем, что «жители княжеств сами были заинтересованы в том, чтобы у них был сильный правитель, который мог бы защитить их от ордынских набегов». Именно поэтому, по мнению учебника, «вечевые традиции постепенно сходили на нет» (ч. 2, с. 32). Данное утверждение, однако, никак не согласуется с фактами, свидетельствующими о неоднократном «наведении» князьями ордынцев на Русь. Лишь в учебнике «Дрофы» говорится: «За годы нашествия бояре-дружинники Северо-Восточной Руси практически исчезли. Новой опорой княжеской власти стали привыкшие повиноваться слуги. Это создавало благоприятные условия для расширения и углубления отношений подданства. К тому же в Монгольской империи действова-

ла очень близкая политическая система безусловного “вертикального” подчинения... Близость систем управления Северо-Восточной Руси и Орды закрепила и расширила деспотический принцип управления на территории княжеств, попавших под гнет завоевателей» (с. 144).

Таким образом, можно сделать вывод, что рассказ о положении русских земель под игом Орды в наиболее приемлемой форме изложен в учебнике «Дрофы». В то же время на «главный вопрос» к §20–21 «Можно ли было преодолеть тяжесть иноземного владычества над Русью с помощью единства русских князей и народа?» даны следующие варианты ответа: «А. Народ предпочитал сотрудничать с монголами, а не воевать, свободолюбивые князья остались в одиночестве. Б. Произошел раскол между князьями и народом, который не хотел признавать власть степняков. В. Не было причин для борьбы народа против монгольской власти, она была не опасна и для простого народа, и для князей» (с. 150). Но реальная проблема была вовсе не в том, что народ и князья не объединили свои усилия. Она состояла в преодолении соперничества между различными князьями и объединении их усилий. Поэтому и заданный вопрос, и особенно предложенные варианты ответа «бьют мимо цели».

Достоинством всех трех учебников является рассказ о Великом княжестве Литовском не как о враждебном Руси государстве, а как об одном из возможных центров собирания русских земель. Так, в учебнике «Просвещения» подчеркивается,

что «русские люди никогда не смотрели на литовцев как на иностранцев или завоевателей» (ч. 2, с. 37), а в учебнике «Русского слова» — что «русские князья зачастую добровольно признавали власть литовских правителей... местное население не воспринимало это как завоевание, осуществленное иноземцами» (с. 164) и что «Великое княжество Литовское стало колыбелью украинцев и белорусов» (с. 165). О том же пишет и учебник «Дрофы»: «Расширение Великого княжества Литовского чаще происходило не путем завоевания новых земель <...> а за счет добровольного присоединения русских княжеств. Присоединяясь к Литве, русские земли не испытывали национального или религиозного гнета» (с. 163). Правда, рассказывая о конце XV в., учебник «Русского слова» говорит: «Началось отвоение бывших территорий Руси у Литовского государства» (с. 198). В учебнике же «Просвещения» в связи с теми же событиями говорится: «Важной задачей Иван III считал возвращение захваченных Литвой русских земель» (ч. 2, с. 87). Такие формулировки недопустимы, так как Великое княжество Литовское и Русское являлось наследником Киевской Руси в не меньшей степени, чем Московская Русь, а западнорусские земли никогда до этого не принадлежали Москве.

Причины объединения русских земель в учебниках, как ни странно, почти не рассматриваются. Вместо этого сразу же следует рассказ о противостоянии Москвы и Твери. Правда, в учебнике «Просвещения» уже в связи с материалом XV в.

утверждается: «На Западе основными причинами этого процесса (образования централизованных государств. — Л. К.) стали рост материального производства, развитие товарно-денежных отношений, разрушение натурального хозяйства как основы экономики. Преодоление экономической раздробленности, рост благосостояния городов способствовали и политическому объединению. <...> На Руси... главной предпосылкой объединения стали не столько экономические причины, сколько потребности борьбы за освобождение от власти Золотой Орды» (ч. 2, с. 68). Таким образом, процесс объединения русских земель практически полностью лишается экономических причин. В частности, он отрывается от процесса роста боярского землевладения.

Шансы иных, помимо Москвы и Твери, княжеств встать во главе процесса объединения Северо-Восточной Руси в учебниках не рассматриваются. Победа Москвы над Тверью либо не объясняется вовсе, либо объясняется тем, что «московские князья оказались более дальновидными политиками» («Просвещение», ч. 2, с. 45). Учебник «Дрофы» связывает успех Москвы с поддержкой церкви: «Из-за конфликта с Тверью новый митрополит (Петр. — Л. К.) обосновался в Москве. <...> Тверь же навсегда утратила возможность стать духовным центром Руси» (с. 154). Думается, что слово «навсегда» в данном контексте, как минимум, преждевременно. По мнению учебника «Дрофы», «другой причиной утраты Тверью своих позиций стало принятие

тверским князем титула “великий князь всея Руси”... Такой титул мог рассматриваться и как претензия Твери на подчинение себе всех русских земель. Однако русские князья в то время вовсе не стремились к объединению. Даже намек на это в титуле тверского князя оттолкнул их от Твери и сблизил с ее соперником — Москвой». Таким образом, и здесь, в конечном итоге, всё сводится к амбициозности и недальновидности тверских князей. При этом в учебниках нет часто встречающейся прежде в учебной литературе идеализации Ивана Калиты. В учебнике «Русского слова» указывается, что Калита оклеветал тверского князя Александра Михайловича, чем обрек того на мученическую смерть (с. 175–176). В учебнике «Дрофы» сообщается о спорах между историками о роли Калиты в русской истории и отмечается, что «за укрепление власти московского князя стране пришлось дорого заплатить. На Руси окончательно утвердились отношения жестокого господства и подчинения» (с. 163). Правда, в учебнике «Просвещения» роль Калиты как ордынского карателя несколько затушевана. Здесь сообщается лишь, что после тверского восстания 1327 г. Калита «вместе с другими князьями» вернулись на Русь «с ордынским отрядом, который вместе с дружинами князей обрушился на Тверь». Акцент же сделан на летописном сообщении о том, что в княжение Калиты «бысть тишина великая на 40 лет и перестали поганые воевать Русскую землю». Авторы учебника резюмируют: «Люди постепенно начали забывать кровавые ордынские набеги» (ч. 2, с. 44). Впрочем, и в

учебнике «Русского слова» отмечается, что «верная служба Орде принесла мир на Московскую землю. Время правления Ивана Калиты летописцы назвали “великой тишиной”» (с. 175). При этом в обоих учебниках игнорируется то обстоятельство, что процитированная летописная запись была сделана по повелению самого Ивана Калиты. Лишь учебник «Дрофы» отмечает: «Есть мнение, что Иван Калита будто бы был первым князем, который получил право самостоятельно собирать дань для Орды. На самом деле великие князья получили право собирать дань еще в начале XIV в. Подлинной причиной этого стало не разорение Твери Иваном Калитой, а борьба русского народа за независимость» (с. 163–164).

Рассказ о правлении Дмитрия Донского и Куликовской битве в учебниках достаточно традиционен. В учебнике «Просвещения» вообще не упоминается временный переход великокняжеского ярлыка к суздальскому князю Дмитрию Константиновичу. В учебнике «Русского слова» говорится, что суздальский князь «хитростью заполучил в Орде ярлык» (с. 177). Это формулировка едва ли приемлема, так как она создает у школьников ощущение, что ярлык в это время безраздельно принадлежал московским князьям и мог быть у них отобран только «хитростью», что не соответствует действительности. При этом учебник сообщает: «Но рядом с маленьким Дмитрием оказались тогда верные соратники — московские бояре и глава Русской церкви митрополит Алексей. Они повели борьбу за возвращение ярлыка в Москву». При

этом нет ни пояснения, ни вопросов, которые позволили бы детям уяснить, почему сплоченность московских бояр оказалась эффективнее сплоченности бояр суздальских, почему митрополит так последовательно поддерживал в этом споре Москву и какую роль в возвращении ярлыка сыграло превосходство Москвы в ресурсах, которыми она уже могла распоряжаться.

В учебнике «Дрофы» противостояние между московским и суздальским князьями увязано с расколом, произошедшим в Орде: «Власть делили между собой два хана – Абдул, от имени которого фактически правил темник Мамай, и Мюрид. Абдул поддержал Дмитрия Суздальского, а Мюрид – Дмитрия Московского. На исход борьбы в значительной мере повлияло вмешательство московского митрополита Алексия. Он добился, чтобы великим князем в 1363 г. стал Дмитрий Иванович. Суздальский князь признал свое поражение» (с. 166–167). Здесь, как и в учебнике «Русского слова», роль митрополита не объяснена, а лишь упомянута, превосходство Москвы в ресурсах не учтено. К тому же, возможно, в результате неудачного построения фразы получается, что поражение потерпел не только Дмитрий Суздальский, но и Мамай.

Все учебники упоминают, что «по преданию» накануне Куликовской битвы Дмитрий Иванович испросил благословения у Сергия Радонежского («Русское слово», с. 208; «Просвещение», ч. 2, с. 51; «Дрофа», с. 167). Но вслед за тем два учебника из трех рассказывают об этом, уже не используя оборот «по преданию»:

«Великий старец не только ободрил князя, но даже отправил с ним двух своих монахов, Пересвета и Ослябю» («Русское слово», с. 208); «Сергий отправил с князем монахов-богатырей Пересвета и Ослябю. Этим он показывал, что дело освобождения Руси свято даже для монахов, поклявшихся никогда не брать в руки оружия» («Просвещение», ч. 2, с. 51). Учебник «Просвещения» к тому же еще задает вопрос: «Почему в памяти русского народа имя Сергия Радонежского стоит в одном ряду с именами победителей на Куликовом поле?» (ч. 2, с. 57). Независимо от того, действительно ли историческая память русского народа числит Сергия Радонежского среди победителей на Куликовом поле, в чем есть сомнения, упоминание о том, что всё это известно лишь «по преданию», таким образом обеспечивается. Учебник «Дрофы» также без всякого упоминания о «предании» задает вопрос: «Как сочетается миролюбие Сергия Радонежского и его готовность отправить в бой вместе с князем Дмитрием двух воинов-иноков – Александра Пересвета и Андрея Ослябю?» Между тем, историки давно высказали сомнения в том, что реальные участники Куликовской битвы Пересвет и Ослябю были троицкими иноками.

В учебнике «Дрофы» о поединке нет ни слова, но приведена репродукция картины М.И. Авилова «Поединок Пересвета с Челубеем на Куликовом поле» (с. 168). В других двух учебниках о начале битвы говорится почти одними и теми же словами: «По преданию, битву начал поединок могучего ордынского богатыря с русским иноком Пересветом. Оба едино-

борца погибли в схватке» («Русское слово», с. 182); «По преданию, бой начался с поединка ордынского богатыря Челубея и русского монаха Пересвета. <...> Оба пали в смертельной схватке» («Просвещение», ч. 2, с. 52–53). К сожалению, оборот «по преданию» недостаточен для того, чтобы разъяснить школьникам легендарный характер рассказа о поединке, тем более что учебники не ставят вопроса, который в данном случае просто необходим: «Почему возникло это предание, какую идею его авторы старались внушить русским людям?» Без размышлений на эту тему, без разъяснения идеологического характера предания, призванного придать битве значение противостояния православия и ислама, рассказ о поединке Пересвета с «ордынским богатырем» теряет всякий смысл.

Все учебники рассказывают о междоусобной войне 2-й четверти XV в. в Московском государстве (в учебнике «Дрофы» она названа феодальной войной). При этом формулировки учебника «Русского слова» в ряде случаев небрежны: «По легенде, один из бояр заметил на Василии Юрьевиче золотой пояс, некогда принадлежавший Дмитрию Донскому и давно пропавший из московской казны» (с. 190); «Московский князь приказал ослепить своего двоюродного брата. Так Василий Юрьевич стал Косым» (с. 191). Получается, что Василия Косого ненароком обвинили в краже золотого пояса из великокняжеской казны. История пояса любопытна и драматична, но ее надо либо излагать последовательно, либо не касаться совсем. Василий Косой не был обязан своим

прозвищем расправе, которую учинил над ним Василий II, прозвище «Косой» никогда не означало ни слепого, ни одноглазого. Важнее, однако, то, что учебник не объясняет ряд важнейших утверждений. Справедливо сказано, что Шемяка, захватив Москву, «поддержки там не имел», так как «многие бояре сохраняли верность Василию II» (с. 191). Однако почему так вышло — не объясняется, а это ключевой вопрос для понимания исхода противостояния. Такой же недостаток присущ и учебнику «Просвещения», в котором указывается, что «московские бояре не приняли нового государя, и Юрий был вынужден оставить город» (ч. 2, с. 75), но совершенно не поднимается вопрос, чем была вызвана такая позиция московских бояр. Лишь в учебнике «Дрофы» такое пояснение дается: «Василия II поддерживали (так в тексте. — Л. К.) сплоченное московское боярство, земельные владения которого зависели от пожалований великого князя» (с. 174).

Ни в одном из учебников не дается отвергнутая в науке, но всё еще нередкая в учебной литературе оценка княжеской междоусобицы 2-й четверти XV в. как борьбы между сторонниками централизации и удельной старины. Но в учебнике «Просвещения» после текста дается задание: «Объясните слова историка Л.Н. Гумилёва: “Победа в междоусобной войне была одержана не Василием II, а его народом, категорически отвергшим традицию удельной Руси”» (ч. 2, с. 77). Такое задание представляется крайне неудачным. Данный текст может быть предложен лишь в качестве дискус-

сионного, с тем, чтобы учащиеся, опираясь на текст учебника, высказали согласие или несогласие с позицией автора.

Еще более неудачным является следующее задание, предложенное в том же учебнике: «В период борьбы с Василием Темным Шемяка ненадолго захватил власть в Москве. Объясните, почему в народной речи после этого возникло выражение “шемякин суд”, ставшее синонимом неправедного суда. Подумайте, каким образом отношение народа к Шемяке сказалося на результатах борьбы за московский престол». На вторую часть этого задания можно ответить смело: никаким. Сказалося на исходе борьбы отношение отнюдь не народа, а бояр и служилых людей. О причинах такого отношения, как уже отмечалось, учебник не спрашивает. Что же касается выражения «шемякин суд», то А.А. Зимин отмечал, что «Повесть о Шемякином суде» «обличала неправедное судопроизводство, но с благодушным юмором рисовала образ самого судьи — Шемяки, решающего дела в пользу бедняка, а не богатея и попа» и полагал, что повесть «сохранила какие-то далекие отзвуки благожелательного отношения к князю Дмитрию, распространенные в демократической среде» (Зимин 1991: 158). Более того, выражение «шемякин суд», вполне вероятно, вообще не связано с Дмитрием Шемякой (см. *Латицкий* 1948).

Рассказывая об объединении русских земель при Иване III, учебники «Русского слова» и «Просвещения» отмечают, что часть новгородского боярства стремилась к союзу с Литвой, но не объясняют, чем это

было вызвано. Лишь учебник «Дрофы» указывает, что «В Литве отношения между подданными и государем не были столь суровыми, поэтому новгородское боярство в своем большинстве стремилось в Литву» (с. 187). Представляется, что эта формулировка слишком туманна, следовало бы прямо говорить о сохранении в Литве городских вольностей и вечевых порядков.

Зато в рассказе о свержении ордынского ига учебник «Дрофы» допускает досадную, хотя и не слишком значительную ошибку: «В 1476 г., изгнав из Крыма союзного Москве Менгли-Гирея, Ахмат-хан потребовал, чтобы Иван III явился в ханскую ставку» (с. 197–198). Однако Менгли-Гирей не мог быть в 1476 г. свергнут с престола Ахматом, так как с 1475 по 1478 г. находился в плену в Стамбуле. На крымском престоле в 1476 г. находился брат Менгли-Гирея Нур-Девлет. Именно его сверг Ахмат, заменив своим ставленником Джанибеком. Нур-Девлет вернул себе престол в 1477 г., а Менгли-Гирей — в 1478 г.

Учебник «Просвещения», излагая историю русско-литовской войны 1512–1522 гг., утверждает: «Ивану III пришлось также воевать с Ливонским орденом и Швецией... Для Русского государства целью этой войны являлось закрепление на берегах Балтийского моря для обеспечения надежных связей со странами Западной Европы. Все западные соседи Руси, опасаясь ее усиления, чинили всяческие препятствия этим связям» (ч. 2, с. 89). Не говоря уже о том, что таким образом учебник провоцирует формирование

у школьников враждебного отношения к окружающим современную Россию странам, возникает еще и странное ощущение непонимания западными соседями Руси собственных выгод. Неужели они так противились «прочным связям» с Русским государством, обещавшим выгоды не только Москве, но и им самим? Или, может быть, они «чинили препятствия» не торговым связям, а русскому завоеванию?

Весьма странную формулировку допускает учебник «Дрофы» в разделе «Историческое значение возникновения единого русского государства»: «Страна вступила в период ускоренного развития: запоздалый старт, медленный разбег, стремительное завершение» (с. 199). Это, конечно, звучит красиво и возвышенно, но всё же хочется надеяться, что наша страна еще далека от «стремительного завершения» своей истории.

Если учебники «Дрофы» и «Просвещения» говорят о складывании во 2-й половине XV в. единого государства, то в учебнике «Русского слова» говорится: «В правление Ивана III начало складываться централизованное государство с единым центром в Москве» (с. 203). Едва ли, однако, Русское государство не только в конце XV, но и в XVI в. можно именовать централизованным, особенно если учесть состояние государственного аппарата. Скорее, XVI в. можно назвать веком централизации. Для школьника же «начало складываться» и «сложилось» — почти синонимы.

Рассказывая о системе управления в Русском государстве, учебник

«Просвещения» справедливо указывает, что Боярская дума «состояла из представителей старинных московских боярских родов. С включением новых земель в состав государства в Боярскую думу стали входить и князья прежде независимых княжеств» (ч. 2, с. 92). В учебниках же «Дрофы» и «Русского слова» допущены нежелательные в условиях школы формулировки: «Среди бояр оказались не только потомки людей не княжеского происхождения, но и дети, внуки удельных князей» («Дрофа», с. 205); «Появился новый орган управления — Боярская дума. Сюда входили бывшие удельные князья, богатые вотчинники-землевладельцы, воеводы...» («Русское слово», с. 202). Очевидно, авторы имеют в виду служилых князей — бывших удельных князей самостоятельных княжеств, перешедших на великокняжескую службу. Но в конце XV в. удельными князьями именовали лишь братьев и племянников правящего государя. В практике школьного преподавания и так достаточно сложно добиться, чтобы дети научились различать служилых и удельных князей, а подобные формулировки сделают эту задачу вовсе нерешаемой.

В учебнике «Дрофы» говорится, что во времена Ивана III «начали формироваться постоянно действующие исполнительные органы — приказы» (с. 205). Но постоянные приказы появились лишь во второй половине XVI в. До этого существовали лишь временные приказы-поручения. Получается, что учебник не только допускает неверное утверждение, но и затрудняет понимание учащимися в дальнейшем значимости реформ Избранной рады.

Очень небрежно объясняется в учебниках система кормлений. Во всех трех учебниках говорится, что наместники и волостели получали «кормление» за то, что управляли подведомственными территориями («Дрофа», с. 205; «Русское слово», с. 203; «Просвещение», ч. 2, с. 92). На самом деле наместники и волостели получали кормление за прежнюю службу, а суд и управление были лишь обременительной прибавкой к получению «кормов» и присудов. Именно это вело к тому, что суд и управление осуществлялись неэффективно и нередко перекладывались на плечи тиунов. Понимание данного обстоятельства потребуется при изучении отмены кормлений в XVI в. Нечего и говорить, что ни в одном учебнике не ставится вопрос о том, что на этапе объединения государства кормления были вполне эффективной системой, а утратили эффективность именно в едином государстве. В учебнике «Просвещения» рассказ о кормлениях проиллюстрирован картиной С.В. Иванова «Приезд воеводы на кормление». На самом деле картина эта называется «Приезд воеводы», а смешение системы кормлений с воеводским управлением, сложившимся лишь в XVII в., совершенно недопустимо именно потому, что для воеводы, который, как и кормленщик, не получал жалования, а жил за счет местного населения, его должность была всё же поручением, а не придатком к награде.

Не повезло в учебниках поместной системе. В учебнике «Русского слова» о ней не говорится вовсе, а в учебнике «Просвещения» ее появление отнесено к 1-й половине

X в. При этом указано, что «в отличие от вотчины, поместье давалось лишь при условии несения службы князю и не передавалось по наследству» (ч. 2, с. 72). В этом утверждении сразу две ошибки. Во-первых, вотчина, как и поместье, предоставлялась только за службу. Принцип «нет земли без службы» действовал вплоть до Манифеста о вольности дворянской, принятого в 1762 г. Во-вторых, как давно установлено историками, поместья на практике наследовались, в частности оставались в наследство несовершеннолетним сыновьям, еще не поверстанным в службу и не получившим своих поместий, дочерям, еще не вышедшим замуж, и даже (частично) — на прожиток вдовам. Учебник, таким образом, воспроизводит давно устаревшие взгляды. Появление поместного землевладения и его быстрый рост, — утверждает учебник, — были связаны со стремлением московских князей увеличить слой служилых людей, на которых они могли бы опереться. Благополучие помещиков, размеры их земельных владений целиком зависели от великого князя, поэтому они были заинтересованы в укреплении его власти, в создании единого государства». Но всё то же самое относится и к вотчинникам. Главной же причиной создания поместной системы является стремление Ивана III не допустить массового «выхода земли из службы» и перехода ее к монастырям. Ведь подлинным отличием поместья от вотчины был именно запрет продавать поместья и вкладывать их в монастырь. Соответственно, создание поместной системы и относится не к 1-й, а именно ко 2-й половине XV в.

Впрочем, в учебнике «Дрофы» и во все утверждается, что дворянство получало поместья с XIV в. (с. 229, словарь понятий и терминов), а различия между вотчиной и поместьем сформулированы абсолютно неопределенно: «Поместьем нельзя было распоряжаться так же свободно, как вотчиной» (с. 176); «Положение помещика предполагало бо́льшую, чем у вотчинника, зависимость от великого князя» (с. 177). Как должен ребенок отвечать на вопрос «Чем служба помещика московскому государю отличалась от службы аристократа, владельца вотчины?» (с. 178) — совершенно неизвестно. Впрочем, это и хорошо, потому что сама постановка вопроса ошибочна: вотчинами владели далеко не только аристократы, но и незнатные люди, более того, один и тот же человек мог быть и помещиком, и вотчинником.

Введение в Судебнике 1497 г. единого срока крестьянского перехода в учебниках рассматривается как начало прикрепления крестьян к земле. «Введение Юрьева дня ущемляло права крестьян. Крестьянин сохранял личную свободу, но уже не мог выбирать, где и “за кем” ему поселиться» («Дрофа», с. 178). «Одним из важнейших постановлений судебного стало ограничение перехода крестьян к другому владельцу. Отныне уход крестьянина от хозяина мог происходить только в течение двух недель в году — в неделю до и в неделю после Юрьева дня» («Русское слово», с. 203). «Ранее крестьяне были вольны уйти от одного владельца к другому. Когда им вздумается... Идя навстречу пожеланиям помещиков, Иван III установил в судебнике 1497 г. единый для всей страны

срок перехода крестьян... Введение Юрьева дня стало первым шагом к ограничению крестьянской свободы» («Просвещение», ч. 2, с. 103). На самом же деле ограничение сроков перехода существовало и прежде, только сроки эти были различными. Ситуации, когда крестьянин был волен уходить «когда ему вздумается», не было задолго до Ивана III. Судебник лишь установил общий для всей страны срок, что было естественно в едином государстве. Возможно это и явилось предпосылкой ухудшения положения крестьян в будущем, но говорить о том, что это ущемило их права в конце XIV в. — явное преувеличение. И уж тем более не существовало различия в заинтересованности в прикреплении крестьян между вотчинниками и помещиками.

Вызывает вопросы и изложение в учебниках истории церкви. Речь даже не о том, что рассказ о Сергии Радонежском в учебнике «Русского слова» выдержан в тоне, приличествующем учебнику не истории, а Закона Божьего или хотя бы Основ православной культуры. Гораздо важнее, что в рассказе о русских ересях не вводится понятие «рационализм», русские ереси не сопоставляются с европейскими, не поднимается вопрос о том, почему ереси появились в среде горожан и низшего духовенства. Отметим, что Иван III «поначалу сам сочувственно относился к еретикам», но «вскоре отверг идеи еретиков», авторы учебника «Просвещения» не ставят вопроса о причинах такого изменения позиции великого князя (ч. 2, с. 99). А проблема противостояния иосифлян и не-

стяжателей в этом учебнике совсем не рассматривается. Зато учебник «Русского слова» пишет: «Иосифляне считали, что Церковь должна всячески приумножать свои богатства... ставили церковную власть выше светской. Но признавали и сильную власть государя — наместника Бога за земле, по их представлениям». «Идеи иосифлян оказались созвучны взглядам Ивана III... Нестяжатели и иосифляне представляли два направления церковной мысли того времени. Государство поддержало иосифлян: Церковь не утратила своего имущества, монастырское землевладение продолжало расширяться» (с. 211). Этот текст — недопустимое упрощение. Государство, заинтересованное в недопущении «выхода земли из службы» долго поддерживало именно нестяжателей и даже благосклонно смотрело на еретиков, отрицавших монашество (о чём, кстати, учебник не говорит ни слова). Лишь опасение вступить в конфликт с большинством духовенства побудило Ивана III на соборе 1503 г. отказаться от планов секуляризации монастырских земель, после чего стал неизбежен и разгром ереси. И лишь тогда иосифляне отказались от принципа «больше достоинство повиноваться власти духовной, нежели мирской», а Иосиф Волоцкий, ранее утверждавший, что царь, посягающий на владения церкви, — не царь, но «диавол и мучитель», которому не надлежит повиноваться, призвал «царя почитать, а не свариться с ним». Конфликт светской и церковной власти на рубеже XV–XVI вв. вообще практически не нашел отражения в учебниках.

Таким образом, каждый из рецензируемых учебников имеет свои достоинства и недостатки, но все они, как минимум, нуждаются в серьезной доработке. Именно имея в виду необходимость такой доработки, автор сосредоточился на присущих учебникам недостатках.

P. S. Ознакомившись с возражениями П.В. Лукина и Е.В. Пчелова, считаю, что точки зрения по отдельным конкретным историческим проблемам могут быть разными, но главный и трудноустраняемый недостаток учебника указанных авторов вижу в том, что он не акцентирует внимания учеников на причинно-следственных связях, не дает ответа на многочисленные возникающие при чтении вопросы «почему?» и даже не ставит перед учениками соответствующих вопросов. Иначе говоря, не носит объясняющего, а потому и обучающего характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зимин 1991 — *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991.

Латицкий 1948 — *Латицкий И.П.* Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. Т. VI.

REFERENCE

Lapitskii I.P. Povest' o sude Shemiaki i sudbnaia praktika vtoroi poloviny XVII v. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1948. T. IV.

Zimin A.A. *Vitiaz' na rasput'e*. Moscow: Mysl', 1991.

КАК РЕЦЕНЗЕНТ НЕ РАСКРЫЛ ТЕМУ. О РЕЦЕНЗИИ Л.А. КАЦВЫ

Автор рецензии выбрал очень своеобразную риторическую стратегию. Больше всего она напоминает так называемую амальгаму, изобретённую во времена якобинского террора, а затем активно использовавшуюся и в другие идеологически озабоченные эпохи. Вот, например, на один процесс выводят людей, уличённых в предательстве или шпионаже, нескольких оппонентов режима, а также ряд лиц, которые случайно рядом оказались. Выносится решение, что «все они, как минимум, нуждаются в серьёзной доработке», точнее, все оказываются виновными в предательстве и шпионаже и отправляются на переработку (гильотину). Пламенные французские революционеры (и их последователи в других странах, в том числе в России) ставили именно такую цель: прикрываясь обвинениями в тех или иных преступлениях, расправиться с оппонентами, политическими конкурентами и вообще со всеми, кто, по какой-либо причине, им не нравится. Какое это отношение имеет к рецензии Л.А. Кацвы на опубликованные учебники? Самое прямое.

Вот, например, рецензент возмущается тем, что «два из трёх учебников» удревяняют историю славян до эпохи греко-персидских войн

и Александра Македонского¹. Но в нашем же учебнике ничего подобного нет! Формально автор это признаёт, но почему-то не отмечает, что в учебнике издательства «Русского слова» сложный и запутанный вопрос о прародине и происхождении славян изложен корректно, и переходит сразу к следующему сюжету. А там — как кажется Л.А. Кацве — есть повод покритиковать и учебник «Русского слова». Таким нехитрым, но эффективным способом создаётся упомянутая выше амальгама, и у неискущённого читателя невольно складывается впечатление, что «дыма без огня не бывает», и если в нашем учебнике, может быть, и нет «грубой фальсификации истории», то по существу он — такой же «плохой», как и другие.

Обратимся, однако, непосредственно к критическим замечаниям Л.А. Кацвы. Тут мы, не являясь методистами, будем рассматривать только замечания, относящиеся собственно к содержанию учебни-

¹ Надо оговориться, что здесь мы ведём речь только об учебнике издательства «Русское слово», авторами которого мы являемся, и за который несём ответственность. То, насколько точно (или неточно) передал Л.А. Кацва содержание других учебников — на его совести.

ка, т.е. к истории Руси и русских земель до начала XVI в. Прежде, однако, охарактеризуем некоторые методические приёмы самого рецензента. Поскольку материала для содержательной критики у него набралось не очень много, то в ход пошли следующие беспронимательные «аргументы».

1. «Тема не раскрыта». Полагаем, многим знаком этот немудрящий критерий, с помощью которого, можно разгромить абсолютно любое произведение обобщающего или учебного характера. «Как же вы могли не написать о том-то и том-то? Ведь это же ТАК важно!», – раздаётся возмущённый глас, и неискушённый (но доверчивый) читатель тоже готов возмутиться. «Таким важным» может быть всё, что угодно, например, одна из бесчисленных княжеских междоусобиц эпохи раздробленности или детали каких-то походов русских князей. Разумеется, набор «такого важного» у каждого специалиста, учителя истории, краеведа, просто любителя истории – свой. В зависимости от собственных научных интересов, политико-идеологических взглядов, места проживания, этнической и религиозной принадлежности, личных вкусов. Между тем объём учебника строго ограничен, а его содержание чётко определено рамками Историко-культурного стандарта. Нам постоянно приходится сталкиваться с такого рода претензиями, и всегда они носят *взаимоисключающий* характер. В более чем тысячелетней русской истории огромное множество «таких важных» событий и явлений, и вместить их все в школьные учебники

решительно невозможно. Рецензенту следовало бы сосредоточиться на том, в какой мере изданные учебники отражают утверждённый Историко-культурный стандарт, но как раз этого он и не делает.

2. Методы полемики, которые высмеявший их Карел Чапек назвал «Testimonia» и «Quousque». Речь идёт о ссылках на «авторитеты» или просто о фразах типа «как всем известно» или «давно доказано, что...» без подкрепления их серьёзными аргументами, а главное – при отсутствии знания историографического контекста, особенно современного. Между тем, никакое отдельно взятое мнение (даже уважаемого историка), никакая концепция (даже если она очень нравится рецензенту, или, допустим, отстаивается его кумирами, друзьями или соавторами), не могут быть представлены в учебнике в качестве истинных, если они не признаны исторической наукой, или если против них выдвинуты серьёзные, аргументированные возражения, в свою очередь неопровергнутые. В противном случае в учебники проникнут субъективные суждения, ошибочные представления, устаревшие концепции или просто вкоровщина.

3. «Двойные стандарты» (или «готтентотская мораль»). Здесь всё просто: у меня (или у «наших») украли корову, это плохо, безнравственно и ужасно аморально. Я (или «наши») сделали то же самое – это очень морально, нравственно, в лучшем случае допустимо. Когда надо, рецензент надевает на себя сияющие ризы поборника строжайшего научного

ригоризма и противника идеологизации истории. Что ж, согласимся с ним в этом. Мы писали учебник, стараясь исходить из принципов научной объективности и непредвзятости, основываясь только на фактах и положениях, подтверждённых данными достоверных источников. Но что это? Когда надо, рецензент снимает ризы и надевает совсем другой костюм. Оказывается, например, что «неправильные» факты, даже если они подтверждаются достоверными источниками, упоминать не надо, потому что это противоречит, например, воспитательной функции учебника. Или потому что при их упоминании не очень нравящиеся автору те или иные аспекты духовной жизни людей прошлого займут слишком много места.

Вот вкратце *три метода*, с помощью которых Л.А. Кацва анализирует текст нашего учебника и находит в нём, как и в других рассмотренных им учебниках, «небрежные формулировки», «устаревшие сведения» и «прямые ошибки». Иногда этих методов оказывается недостаточно, и тогда рецензент прибегает к *натяжкам* и *искажениям* позиции авторов. Чтобы эти утверждения не остались голословными, разберём теперь в соответствии с хронологией абсолютно все конкретные замечания, сделанные по адресу учебника «Русского слова».

1. Восточные славяне в древности. По мнению рецензента, авторы «не ставят» вопроса о сопоставлении древних славян и германцев. Здесь мы имеем дело с *натяжкой*, *искажением*, а также с *двойным стандартом*. Во-первых, авторы такой вопрос

ставят. На с. 33–34 формирование государственности у славян сопоставляется с аналогичным процессом именно у германцев. На с. 32 задан вопрос, призывающий школьников сопоставить языческие верования славян и германцев, причём именно с акцентом на поиск *общих черт*. Характеристика же варварского общества в целом, на примере германцев известного неизмеримо лучше, чем на примере славян, — задача, разумеется, учебника по всеобщей истории, повторы здесь излишни. Двойной стандарт здесь присутствует подспудно: имеется призыв к сопоставлению с древними германцами, но дальше сопоставление с западными славянами критикуется (см. ниже).

В учебнике «не объясняется, почему продвижение славян представляло собой мирную колонизацию, а не завоевание». Здесь используется метод *quousque* и отчасти — *искажение*. Строго говоря, мы не знаем, как именно происходило расселение славян, и до какой степени бесконфликтными были их отношения с финно-угорскими этническими общностями. Именно поэтому в учебнике об этом сказано достаточно общими словами. Любовь рецензента — как профессионального учителя, а не учёного — к «объяснениям» понять можно, но в данном случае (как и во множестве других) подробное и однозначное объяснение будет *a priori* ошибочным. В частности, нам самим было бы интересно узнать, какова была плотность населения в Восточной Европе в VIII–IX вв. (этот фактор рецензент считает необходимым упомянуть). Если у Л.А. Кацвы есть

конкретные данные на этот счёт, пусть поделится ими. Впрочем, в учебнике указано, что восточные славяне расселялись на очень большой территории (с. 25), из чего вполне можно сделать вывод о том, что на этой территории всем хватало места.

Как именно выглядело подсечно-огневое земледелие в догосударственную эпоху, в деталях, естественно, неизвестно. Эта система земледелия реконструируется по более поздним, в том числе этнографическим данным. Вот как она выглядела на Вологодчине в XIX в.: «Для начала выбирался участок для подсеки — “новина”, как ее называли крестьяне. Обычно это был смешанный лес с преобладанием березы и осины. Выбрав место, полесовщики сводили крупный лес (часто просто подрубали и оставляли на корню) и кустарники, вывозя с подсеки лишь строевые деревья. Сучья, жердняк, пни, а также лиственные деревья оставляли до следующего лета, когда это сжигали. На следующий год с “паленины” горелые деревья убирали и проводили легкое боронование лесной подстилки — “смык”»². Всё это более или менее точно соответствует описанию подсечно-огневого земледелия восточных славян в учебнике «Русского слова» на с. 28. Вероятно, следовало бы выразиться несколько точнее, но суть дела в учебнике отражена верно. В рецензии, следовательно, в данном случае применены методы: *тема не раскрыта*, *натяжки* и *искажения*. Сделано одно дельное

замечание непринципиального характера, которое можно учесть при редактировании текста.

По мнению Л.А. Кацвы, «не указываются ни причины» перехода от подсеки к пашенному земледелию, «ни столетия, когда он совершился в тех или иных регионах». Это эталонный пример метода «*тема не раскрыта*». Дело в том, что тема эта очень сложна в связи с почти полным отсутствием данных. Даже о времени перехода к трёхполью, который происходил в более позднее время, шли дискуссии (История крестьянства в Европе 1986: 24–26). Ясно только то, что подсека и перелог в целом древнее пашенного земледелия, что и сказано в учебнике. Любое уточнение (или, как любит выражаться рецензент, «объяснение») тут приведёт к фантазированию и ни на чём не основанным предположениям. Что касается рекомендации осветить этот переход «в тех или иных регионах», то это потребовало бы превращения школьного учебника в серию научных монографий. В некоторых регионах, как уже говорилось, подсека существовала и в XIX в. Данное явление не разбирается детально даже в современном учебнике для исторических факультетов университетов, вышедшим под редакцией такого крупного специалиста по аграрной истории, как Л.В. Милов³.

2. Славянское язычество. Считался ли Перун «главным богом восточных славян» (учебник, с. 30)? Здесь

² http://www.darwinmuseum.ru/expos/floor3/Destroy/09_1.htm (дата обращения: 24.12.2015).

³ О дискуссиях по этим вопросам см. (Горская 2006: 102–141).

критика Л.А. Кацвы полностью основана на методе *quousque*. Вопреки рецензенту, «большинство исследователей» вовсе не сходятся на том, что у восточных славян не было главного бога (не говоря уже о том, что научные вопросы большинством голосов не решаются). Давняя догадка Е.В. Аничкова, популяризированная Б.А. Рыбаковым и дополненная им рассуждениями о древнем славянском боге Роде, якобы заменённом Перуном (*Рыбаков* 1987: 436–437; 1994: 417–420), учёными – авторами наиболее авторитетных в европейской историографии трудов о славянском язычестве ни в коей мере не разделяется. Перун признаётся ими как раз главным, а то и единственным «настоящим», богом восточных славян (*Ловмянский* 2003: 83–104; *Gieysztor* 2006: 85–130). Опровержению теории о позднем возникновении культа Перуна и его связи исключительно с князем и дружиной посвящён специальный раздел полемиического труда Л.С. Клейна, который так и называется: «Главный из богов» (*Клейн* 2004: 219–248).

3. Социальный и политический строй восточных славян. Рецензент сетует на то, что в учебнике не рассматривается «характер славянской общины в докняжескую эпоху» Между тем не только характер, но и сам факт существования крестьянской общины у древних славян (как и у других варваров), проблематичен. В данном случае Л.А. Кацва, видимо, ориентируется на традицию советских учебников по истории России, где про общину говорилось много, но главным образом на основании не источ-

ников, а произведений классиков марксизма-ленинизма. Прежде всего речь идёт о «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, который, в свою очередь, сам с раннесредневековыми источниками не работал, а ориентировался на немецкую общинную теорию (в основном на работы Г.Л. Маурера) – устаревшую уже в середине XX в. (*Гуревич* 2007: 9–10, 21–22, 41–43). В реальности никаких конкретных данных не то что о восточнославянской, но даже о древнерусской общине домонгольского времени просто не существует. Часто используемая для её описания упоминания в «Правде Русской» о верви неоднозначны и могут интерпретироваться по-разному (*Фроянов* 1999: 22–32). Поэтому рассуждать в учебнике о каком-то «переходном характере общины» (от чего к чему?) просто бессмысленно. Никакого конкретного содержания такие рассуждения иметь не будут.

Сопоставление Руси с Польшей и Чехией, по мнению Л.А. Кацвы, бьёт «мимо цели». *Двойной стандартом*: сопоставление восточных славян с германцами не бьёт мимо цели (а бьёт прямо по ней), сопоставление же Руси с близкими ей в социально-экономическом отношении западнославянскими государствами⁴ почему-то бьёт мимо цели. Если речь идёт о том, что в школьном курсе всеобщей истории средних веков история южных

⁴ О близости социально-экономического строя раннесредневековых Польши, Чехии, Венгрии и Руси в тех аспектах, которые затрагиваются в учебнике, см., напр. (*Флоря* 1987; 1992).

и западных славян не занимает достойного места, то этот вопрос должен быть решён в ходе работы над историко-культурным стандартом по всеобщей истории, которая, насколько нам известно, в настоящее время ведётся.

4. Русь первых князей. Л.А. Кацва возражает против понятия «держава» применительно к этому периоду. «Держава», как нам сообщает словарь Ожегова, это большая и мощная страна. Была ли таковой Русь, если имела возможность воевать с могущественной империей ромеев и одерживать победы? Вопрос представляется излишним. А вот уверенность рецензента в том, «что отношения славян и Византии походили на отношения варваров III–V вв. с Римской империей», основано на ошибочных представлениях о характере социально-экономического и политического строя как варварских обществ, так и Руси X в. При всех архаических элементах, которые сохранялись в «державе Рюриковичей», она типологически должна сопоставляться прежде всего с Польшей Пястов, Чехией Пржемысловичей и Венгрией Арпадов, но не с сегментарными «племенными» структурами варваров-германцев (Modzelewski 2004: 435–454, passim.). Типологическим соответствием последних являются восточнославянские «племенные» общности. Если учебник помешает осознанию этих ошибочных аналогий, здесь следовало бы видеть его заслугу.

Рецензент считает, что повешенный, по летописному преданию, на воротах Царьграда Олегом щит был символом не победы, а прими-

рения, и об этом надо обязательно сообщить в учебнике. Главное же, о чём следует сообщить в учебнике, — это то, что этот рассказ, как и ряд других подобных повествований Начального летописания, — прежде всего, *легендарен*. И об этом в учебнике сказано вполне определённо (с. 44). В связи с этим вопрос о том, что «на самом деле» подразумевал Олег, вешая щит, вряд ли имеет смысл. Тем не менее, в летописи прямо сказано, что русский князь «повѣси щит свои въ вратех, *показау побѣду*» (курсив наш. — П.Л., Е.П.)⁵. «Показати побѣду» — это именно засвидетельствовать победу, а не что-то ещё. Дело в том, что это выражение не единично. После окончательного поражения, нанесённого Святополку Окаянному, Ярослав Мудрый, согласно летописи, «сѣде Киевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ»⁶. Понятно, что Ярослав не собирался примириться со своим злейшим врагом, и речь идёт о том, что вокняжение в Киеве стало итогом и свидетельством его победы. То же самое летописец хотел сказать и про щит на воротах Царьграда. Замечание Л.А. Кацвы о неких историках, которые «давно указывают», в действительности относится только к одному историку — И.Н. Данилевскому, и «указывает» он на это не давно, а относительно недавно (Данилевский 1997). Но дело не в этом — И.Н. Данилевский, автор спорной интерпретации этого летописного рассказа, не несёт ответственности за безосновательные инвективы Л.А. Кацвы.

⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб 32.

⁶ Там же. Стб 146.

Применительно к Руси X в. говорить о её единстве, вопреки рецензенту, вполне допустимо; она отнюдь не представляла собой «союза племенных союзов». Последний термин и в целом неудачен (восточнославянские общности не были, строго говоря, ни племенами, ни племенными союзами (Горский 2012: 32–48)). Тем более не было «племенным союзом» государство Рюрикovichей, управлявшееся не племенной знатью, а княжеско-дружинной элитой, значительная часть которой была вообще неславянской по происхождению (это мы хорошо знаем по таким достоверным источникам, как договоры Руси с Византией). Единство Руси вполне могло быть нарушено: летопись прямо сообщает о случаях отложения восточнославянских общностей (в том числе и тех же древлян) от Киева⁷. Если доверять летописному преданию о сватовстве древлянского Мала к Ольге, то оно говорит не о стремлении Мала вокняжиться в Киеве (и стать новым киевским князем), а наоборот, о том, что в случае такого брака Ольга должна была оставить Киев и отправиться в Древлянскую землю⁸. Здесь рецензентом применён метод *quo usque*, причём одновременно проявлено слабое знание источников и историографии вопроса.

Говоря о полюдье, рецензент ставит в вину авторам то, что они не сообщают об одной из целей этого яв-

ления: «таким образом данникам регулярно демонстрировалась мощь княжеского войска». Между тем никаких упоминаний такого факта источники не содержат, в то время как сбор дани, разумеется, в них чётко отражён. Было ли войско, с которым отправлялся в полюдье князь, «мощным» (напоминавшим скорее армию, а не княжескую дружину?) – предоставим доказать Л.А. Кацве.

Много замечаний возникло у рецензента в связи с походами Святослава. То, что целью Святослава Игоревича в борьбе с Хазарским каганатом было установление контроля над торговыми путями и утверждение власти Руси над теми восточнославянскими общностями, которые ранее подчинялись хазарам, – общее место в историографии, причём не только в отечественной, но и в зарубежной, см. напр. (Франклин, Шепард 2009: 232–234). С чем тут спорит Л.А. Кацва, непонятно. Что касается печенегов, то отношения между ними и Русью при Игоре и Святославе были неоднозначными, есть данные о союзе с ними в этот период (Пашуто 1968: 107–108). В какой степени русский князь просчитался, недооценив печенежскую угрозу, и было ли более правильным решением сближение с Хазарией, вопрос сложный. Подобный геополитический анализ к тому же вряд ли доступен ученикам 6-го класса. Оценка в рецензии Святослава как византийского наёмника и типичного викинга (в связи с его действиями в Дунайской Болгарии) упрощённая. Несмотря на византийское финансирование, он преследовал на Дунае собственные стратегические

⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб 42, 82.

⁸ Ср., например, ответ Ольги древлянам: «...пришлите мужи нарочиты, да в велицѣ чти *приду* за ваш князь, еда не *пустятъ* мене людье Киевьстии» (ПСРЛ. Т. I. Стб 56–57, курсив наш. – П.Л., Е.П.).

цели, а вовсе не просто искал «где лучше» (Пашуто 1968: 69–73; Франклин, Шепард 2009: 234–238). В связи с этим кажется также упрощённой оценка походов Святослава для Руси как «бесполезных» (со ссылкой на авторитет С.М. Соловьёва), данная Л.А. Кацвой.

Хотя в целом, возможно, о причинах внешнеполитической активности Святослава в учебнике имело бы смысл сказать поподробнее, критика и тут в основном построена на приёмах «тема не раскрыта» и *quousque*.

5. Крещение Руси. Рецензент верит в некую логику «развития религиозных представлений человечества» и, вырывая цитату из контекста, осуждает учебник «Русского слова» за то, что там якобы отсутствует «правильная» трактовка. В действительности, вопреки утверждениям Л.А. Кацвы, в учебнике прямо сказано, что важнейшей причиной Крещения Руси было то, что соседние государства уже отказались от язычества (с. 53). Факт существования языческих монархий авторам хорошо известен, но дело в том, что языческие славянские «племенные» культы не стали объединяющим фактором не только на Руси, но и в других славянских «политиях». Почему, — другой и сложный вопрос, но это — реальность. Славянские языческие народы (и не только славянские, но и балтские, в частности пруссы) в эпоху Средневековья просто перестали существовать под давлением своих соседей. Что касается монотеизма, то он идеально соответствовал единоличной власти князя.

Рассуждения же о некоей «логике развития» вызывают недоумение. Ещё не так давно эта логика состояла в том, что изначально безрелигиозное человечество по мере развития производительных сил и нарастания классовой дифференциации подпало под влияние «опиума для народа», формы которого определялись социально-экономическим «базисом». В перспективе религия, по той же «железной» логике, должна была отмереть. Обоснованность этой логики может теперь оценить каждый, включив телевизор или открыв новостной сайт в интернете. Относительно истории религий существует множество концепций (например прамотеизма с принципиально иной логикой, в рамках которой язычество рассматривалось как отклонение от первоначального, пусть и примитивного, но «чистого» монотеизма). Вера рецензента в некую общепринятую «логику» развития религиозных идей представляет собой в лучшем случае историографический курьёз, оставшийся в наследство от эволюционистских представлений XIX в.

Если здесь мы видим довольно прямолинейное использование приёма *quousque*, то упрёк в том, что авторами учебника не выявлено «причудливое отражение истории» в предании о Крещении Руси, основан целиком на приёме «тема не раскрыта». Чтобы раскрыть это «причудливое отражение» (степень и характер которого — весьма дискуссионны), нужно прежде всего обратиться к летописной текстологии. Насколько шестиклассники способны вникнуть в построения

А.А. Шахматова, его последователей и критиков, — вопрос риторический. А без обращения к текстологии разговоры о «причудливом отражении» опять же повисают в воздухе.

6. Политический строй древней Руси. Пассажи о древнерусском вече в рецензии не могут не вызвать удивления. Приёмы «тема не раскрыта» и *quousque* явлены здесь в наиболее откровенном виде. Л.А. Кацва сетует, что вопросы о роли вече при Владимире и Ярославе «попросту обойдены», и соглашается с утверждением другого учебника о решающей роли, которую в этот период на вече играла «племенная знать». В действительности, за это время есть только 2 (два) упоминания о вече (997 и 1015 гг.), причём одно из них (под 997 г.) имеется только в «Повести временных лет» и отсутствует в более раннем Начальном своде, отразившемся, по-видимому, в Новгородской первой летописи, т.е. должно датироваться началом XII в. Достоверность его, как любит выражаться рецензент, мягко говоря, сомнительна. Ни в том, ни в другом случае ровным счётом ничего не говорится о «племенной знати» (причислять к ней белгородских «старцев» и «старейшин градских» из рассказа о белгородском киселе не приходится: это были литературные обозначения, тесно связанные с библейской терминологией). Рецензент не потрудился даже поинтересоваться работами на эту тему одного из авторов учебника (не говоря уже о другой литературе) (Zernack 1967: 29–48; Львов 1975: 252; Завадская 1989; Лукин 2004; 2010).

7. История Бориса и Глеба. Сравним внимательно два текста: 1) «Русская церковь... Бориса и Глеба причислила к лику святых... В Русской церкви их называют *страстотерпцами*, то есть теми, кто с христианской кровотостью, не сопротивляясь злой воле, безропотно принял страдания и смерть. Они исполнили заповедь Христа о непротивлении злу. Почитание *страстотерпцев* очень характерно именно для русской культуры» (учебник, с. 60). 2) «...авторы зачем-то посчитали нужным отметить, что “почитание *страстотерпцев* очень характерно именно для русской культуры”, хотя мученики и *страстотерпцы* глубоко почитаются во всех христианских культурах (курсив и выделение всюду наши. — П.Л., Е.П.)» (рецензия Л.А. Кацвы). Думается, комментарии тут излишни. Речь в учебнике идёт исключительно о страстотерпцах, т.е. святых, пострадавших не собственно за веру, а за евангельскую правду в мирской жизни или просто безвинно, — но не о мучениках вообще. И почитание страстотерпцев действительно особенно — хотя и не исключительно — характерно именно для России (страстотерпцем часто называют св. Димитрия Углицкого, в этом же чине не так давно Русской православной церковью был прославлен последний император со своей семьёй).

8. Русская Правда и древнерусское право. «Наиболее подробно изложен материал о “Русской Правде” и переходе от кровной мести к вине в учебнике “Русского слова” (с. 63). Но сам этот переход объясняется тем, что кровная месть противоречила христианским нормам.

Думается, важнее несовместимость этого обычая с укреплением государства. К сожалению, в учебнике не названы категории зависимого населения и совсем обойдён вниманием вопрос о верви и землевладении». О верви уже говорилось выше. Что имеет в виду автор под «землевладением», не очень понятно. Если речь идёт о так называемом феодальном землевладении, то данных о нём не только в «Правде Русской», но и в других источниках очень мало. Связь запрета кровной мести с христианской этикой бесспорна. Можно вспомнить хотя бы приписываемое летописью Владимиру Святославичу нежелание казнить разбойников или призыв Владимира Мономаха, по инициативе которого редактировалась «Правда Русская», не казнить не только невиновных, но даже и виновных. В обоих случаях мотивировалось это именно христианскими убеждениями. О том, какое отношение имела кровная месть к укреплению (или ослаблению) государства, можно рассуждать. Во всяком случае, Янь Вышатич, расправившийся в XI в. с мятежными волхвами, будучи представителем государства, использовал кровную месть в его — государства — интересах, и это оказался быстрый и эффективный способ устранения неудобных лиц. Но это рассуждения, а об осознании современниками несоответствия легализованного смертоубийства моральным нормам христианства имеются конкретные свидетельства. Если здесь применяется метод *quousque*, то сетование Л.А. Кацвы по поводу отсутствия в учебнике упоминания категорий зависимого населения представляет собой ещё

один пример попытки введения читателя в заблуждение. Действительно, в этом параграфе данные категории не рассматриваются. Зато они характеризуются на с. 72–73, где фигурируют и смерды, и закупы, и даже вервь.

9. Период «раздробленности». Рецензенту причины распада Древнерусского государства, по-видимому, хорошо известны, и единственную проблему он видит только в том, чтобы «правильно» объяснить их школьникам. Учёные же знают, что самым сложным вопросом в истории (особенно когда дело касается столь глобальных проблем) является вопрос «почему?». Долгое время считалось (по аналогии с Западной Европой), что главной причиной распада Руси стало развитие феодального (вотчинного) землевладения, что привело к тому, что «феодалы», т. е. князья и бояре стали стремиться к автаркии и обособлению от единого центра. Именно такое объяснение дано — судя по рецензии — в одном из альтернативных учебников, и оно признано рецензентом глубоким. В действительности же речь идёт о давно устаревшей концепции, которой не место в современных учебниках. Выяснилось, в частности, что в XI–XII вв. процесс становления вотчинного землевладения только начинался и не мог стать значимым фактором, повлиявшим на распад государства. Гораздо более существенную роль играло стремление местных элит сосредоточить в своих руках поступающую им часть «централизованного фонда государственных доходов». Об этом идёт речь не только в научной литературе, но и в совре-

менном университетском учебнике (автор — Б.Н. Флоря) (История России... 2006: 115–118). О том же самом — но, разумеется, в упрощённой форме — говорится и в нашем учебнике. Хотя, конечно, подмеченные рецензентом стилистические шероховатости следует устранить. В целом замечания Л.А. Кацвы относятся в данном случае к категории *quousque*.

Далее рецензент заявляет, что в нашем учебнике «рассказ о Владимиро-Суздальском княжестве <...> предельно поверхностен». Заметим, что «Владими́ро-Сузда́льское кня́жество» — термин историографический. В домонгольское время это политическое образование обычно называлось «Суздальской землёй», а понятие «княжество» возникло гораздо позднее (Горский 2008: 20–21; 2014). Территория, на которой была расположена Суздальская земля, — Северо-Восточная Русь. «Предельно поверхностно» будет любое изложение в любом учебнике, таковы условия жанра, о чём уже говорилось выше (аргумент «тема не раскрыта»). Наверное, о переносе княжеской резиденции из Суздаля во Владимир-на-Клязьме, а также о борьбе между «старыми» и «новыми» городами в Северо-Восточной Руси и можно было бы рассказать подробнее, но для этого пришлось бы чем-то, в свою очередь, пожертвовать. Чем? В общем, это опять же дело вкуса. В Историко-культурном стандарте освещения данной тематики не предусмотрено.

А вот претензии по поводу того, что в учебнике не отражено изменение характера княжеской власти в Севе-

ро-Восточной Руси, приняты никак быть не могут. Во-первых, в учебнике прямо указано на то, что в Суздальской земле княжеская власть была особенно сильной, и объясняются причины этого (с. 123). Во-вторых, применительно к Андрею Боголюбскому и Всеволоду Большое Гнездо в учебнике как раз говорится об их самовластии (с. 125–126). В-третьих, особенности княжеской власти в Суздальской земле не стоит преувеличивать, теория специфического владими́ро-сузда́льского деспотизма была в своё время разобрана и опровергнута (Насонов 1924), и с тех пор аргументов у её адептов не прибавилось.

Мы не можем согласиться и с критическими замечаниями Л.А. Кацвы, касающимися раздела об истории Новгорода. Для начала рецензент заявляет, что наш учебник не сообщает о существовании в Новгороде «ганзейского и Готландского торгового дворов». Однако, во-первых, таких торговых дворов в Новгороде не существовало. Были Немецкий (Петровский) и Готский дворы. И первый, и второй большую часть своей истории были ганзейскими, т. е. принадлежали немецким купцам. Во-вторых, о существовании иноземных торговых дворов учебник сообщает (с. 115), а детали здесь, как представляется, излишни.

Один из авторов учебника — автор монографии и докторской диссертации, посвящённой новгородскому вечу. В них, а также в других его работах (многие из них легко обнаружить в интернете) можно найти ответы на все вопросы, кото-

рые ставит рецензент (Лукин 2012; 2014а; 2014б). И о вечевой площади (точное место расположения которой, к слову, до сих пор не обнаружено). И об известном эксперименте со скамьями на Ярославовом дворище (нерелевантном уже потому, что на вече не сидели, а стояли). И о том, кого и почему надо считать полноправным населением Новгорода (всех горожан – членов кончанских территориальных организаций, во главе которых стояли бояре). И о том, почему в новгородском вече участвовали отнюдь не только бояре (об этом говорят абсолютно все источники, в которых упоминается вече: летописи, грамоты, ганзейские документы; все аргументы – как один, косвенные – в пользу чисто боярского состава веча опровергнуты, причём не только П.В. Лукиным, но и рядом его предшественников⁹). Всё это и нашло отражение на страницах учебника.

Ошибочно утверждение рецензента о том, что «меньшие люди» в Новгороде – это обязательно землевладельцы. Давно показано, что так называли всех полноправных новгородцев (т.е. в том числе купцов и ремесленников), не принадлежавших к категории «вячших» (которая, в свою очередь, состояла в основном – хотя и не исключительно – из бояр) (Goehrke 1974: 357–358; Алексеев 1979: 248–254).

Эволюция должности новгородского тысяцкого – одна из насущных задач исторической науки. Здесь много неясного. Достаточно

сказать, что автор последнего исследования, посвящённого этой теме, в конце концов затруднился дать точную характеристику этой магистратуре (Бассальго 2013: 138). Тут снова проявляется несколько наивная уверенность Л.А. Кацвы в том, что существует некая всем известная историческая данность, которую следует только «правильно» объяснить школьникам. В действительности же из какой среды в раннее время избирались тысяцкие, до конца непонятно (Бассальго 2008: 48). Вполне возможно, что и до постулируемой В.Л. Яниным реформы тысяцкого (а именно из этой гипотезы имплицитно исходит рецензент) они принадлежали к знати (Leuschner 1980: 91–92; Мартышин 1992: 204–206; Несин 2014: 143–144). И это не мешало им представлять во власти именно торговоремесленное население ни в домонгольское время, ни позднее (когда они уже точно были боярами). Рецензент же, между тем, критикует нас за это утверждение.

10. Монгольское нашествие и установление ордынского владычества. Претензии по поводу отсутствия в учебнике подробного рассказа о завоевании монголами Китая (!) и Хорезма представляют собой очень яркий пример метода «тема не раскрыта» (рецензент признаёт, впрочем, что краткий рассказ об этом присутствует). Эти сюжеты более уместны в учебнике всеобщей истории, но и там могут быть даны, увы, довольно кратко, поскольку речь идёт о пособиях для школьников. За подробностями всё равно придётся обращаться к специальной литературе.

⁹ См., напр. (Расмуссен 1979; Андреев 1988).

Вопреки рецензенту, «вина» за поражение на Калке в нашем учебнике не возлагается на половцев. Прежде всего, понятие «вина» вообще вряд ли уместно использовать не только при изучении, но и при преподавании истории. Ещё Марк Блок заметил, что «все учителя, которым приходилось исправлять работы студентов, знают, как трудно убедить этих юношей, чтобы они с высоты своей парты не разыгрывали роль Миносов или Осирисов» (Блок 1986: 80). Но главное — в другом. Замечания рецензента по этому поводу абсолютно неосновательны. О том, что главными причинами поражения было военное превосходство монголов и разобщённость русских земель, в учебнике сказано прямо и значительно пространнее, чем о бегстве половцев (с. 132–134). Упомянуты не приславшие своих отрядов Владимир-на-Клязьме и Новгород, при описании самой битвы отмечена пассивность киевского князя Мстислава. Всё это исторические факты. Как и бегство половцев, которое, судя по наиболее достоверному летописному описанию битвы, сыграло немалую роль в её исходе¹⁰. Но, по словам Л.А. Кацвы, упоминать об этом в учебнике «нецелесообразно» с воспитательной точки зрения (!). Оказывается, это может «посеять рознь между школьниками славянского и тюркского происхождения». Хочется, конечно, спросить у рецензента, много ли он видел в современных российских школах половцев. Дело, однако, даже не в этом. Подобная постановка вопроса представляет собой

типичный *двойной стандарт*. По логике рецензента, говорить об ошибках и неблагоприятных поступках древнерусских князей и воинов можно, а о бегстве с поля боя половцев — почему-то нельзя. Вообще подобное стремление к «целесообразности» может завести очень далеко. Ведь в истории представители разных этносов и других общностей совершали не только подвиги, но и менее почтенные деяния. Почему надо, преследуя подобные «воспитательные» цели, останавливаться на тюрках? А вдруг тверские школьники тоже расстроятся, если узнают о не вполне рыцарском поведении Ивана Калиты во время тверского восстания 1327 г. и устроят конфликт с московскими? За что половцам такая привилегия? Нужно ли все с какой-то точки зрения неблагоприятные факты скрывать из-за опасения, что кто-то «обидится»? Или лучше говорить правду, а детям объяснять иное: что коллективной и наследственной вины не бывает, что представления о моральных нормах могут быть разными в разных социумах, и могут меняться со временем, что со временем меняется и сама этническая картина, и что история существует не для того, чтобы выносить посмертные приговоры, диктуемые, по словам того же М. Блока, относительными критериями «индивидуума, партии или поколения» (Блок 1986: 80), а для по возможности непредвзятого постижения прошлого?

Рецензент упрекает авторов учебника за то, что они написали об упорном сопротивлении в ходе Батыева нашествия защитников Рязани и особенно Козельска, но не

¹⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 63. См. также (Кучкин 2003: 75).

написали о гораздо более упорной обороне Ургенча. Упрёк выглядит более чем странным. Авторы много о чём не написали, например, о не менее упорной обороне Отрара или о героизме японских самураев, проявленном во время попыток монголов захватить Японию. Но авторы писали учебник не по истории Туркмении, Казахстана или Японии, а по истории России. Длительная осада Козельска засвидетельствована не только в русской летописи, но и в сочинении персидского историка Рашид-ад-Дина, отметившего, что небольшой город осаждали в течение двух месяцев войска самого хана Бату и не смогли его взять, пока не подошло подкрепление (*Рашид-ад-Дин* 2001: 39). Рецензент уверенно пишет о причинах отказа Батия от похода на Новгород (считая при этом одной из них нежелание монголов жить в лесной зоне!), но, строго говоря, они неизвестны, их можно только предполагать. Обычно в историографии идёт речь о тех двух причинах, которые упомянуты в учебнике: боязнь распутицы и истощение сил (*Черепнин* 1977: 195–196).

Что конкретно имеет в виду рецензент, утверждая, что наш учебник не уделяет внимания «изменению характера княжеской власти в результате Батыева нашествия», не очень понятно. В нём говорится, например, о выдаче ярлыков и связанной с этим зависимостью князей от ханской воли (с. 156–157). Об изменении политической системы на территории русских земель сказано ниже (с. 171). Вопрос о характере ордынского влияния на их политический строй неоднозначен

и дискуссионен, и вряд ли может быть адекватно рассмотрен в учебнике для 6-го класса. В любом случае, утверждение Л.А. Кацвы о том, что «на подвластной Орде Руси автоматически воспроизводились ордынские порядки», некорректно¹¹. Дело обстояло значительно сложнее.

11. Александр Невский. Характеристика этого исторического деятеля в нашем учебнике вызвала у рецензента больше всего возражений. Можно ли принять какие-то из них? Увы, нет, поскольку все они основываются на традиционных для рецензента приёмах.

Так, Л.А. Кацва указывает, что в нашем учебнике используется выражение «шведские крестоносцы», считая его недостаточно объективным. Но о крестоносцах говорится применительно не к Невской битве, а к действиям шведов на территории современной Финляндии (с. 142–143). Поход шведов на финноязычную емя (тавастов), который большинство историков датирует теперь 1238–1239 гг., т. е. временем буквально накануне Невской битвы, был следствием буллы папы Григория IX 1237 г. и действительно носил характер крестового похода (*Lind* 1991: 292; *Selart* 2007: 147–148). Его участников, разумеется, вполне допустимо называть «шведскими крестоносцами». Существует, впрочем, и мнение о том, что и события 1240 г. можно рассматривать как часть крестового похода, но оно вызывает возражения¹².

¹¹ См. аргументированную критику подобных представлений (*Горский* 2004: 228–230).

¹² См. разные мнения: (*Selart* 2007: 148–151; *Шаскольский* 1978: 158–159; *Lind* 1991: 270).

Именно поэтому в учебнике в рассказе о самой Невской битве шведы крестоносцами не называются (с. 144–145). Но рецензент предположил этого не заметить.

Прозвище «Невский» действительно закрепилось за Александром Ярославичем только в XV–XVI вв., но в учебнике и не утверждается, что это произошло сразу после сражения, а связь прозвища с победой на Неве — очевидна¹³. Оценка рецензентом значения Невской битвы внутренне противоречива. Если целью шведов было «закрепиться в устье Невы», то это никак не «обычный грабительский набег», а именно элемент натиска на сопредельные территории. Даже А. Селарт, весьма критически относящийся к тенденции советской историографии преувеличивать значение Невской битвы, отмечает, что «поход на Неву может быть поставлен в ряд предшествующих и последующих попыток шведских правителей подчинить область вокруг устьев Невы или Волхова» как область «страте-

Характерно, что историки, занимая разные позиции по этому вопросу, признают его дискуссионность.

¹³ Ср. почти буквально совпадающее выражение в статье датского историка Дж. Х. Линда: «The victory on the Neva earned the young Novgorodian prince the epithet, “*Neuskii*”, and as Aleksandr Nevskii he became both a national symbol and patron saint» (Lind 1991: 269). Между прочим, в этой же статье показано, что Биргер, даже не будучи в то время ярлом, вполне мог быть и, по мнению её автора, скорее всего был руководителем похода в 1240 г. (Lind 1991: 278–283), ср. уверенные заявления Л.А. Кацвы: «В источниках нет сведений об участии Биргера в походе на Неву, а мнение о его участии в Невской битве признано в науке устаревшим и ошибочным» (оба утверждения не соответствуют действительности).

гически важную» (Selart 2007: 148–149). По вполне очевидным причинам, контроль над водным путём от Балтийского моря к Ладожскому озеру был жизненно важен и для Новгорода. Дж. Линд характеризует шведский поход на Неву ещё более определённо — как «предвестие шведской экспансионистской агрессии» и даже как «первый шаг на том пути русско-шведских отношений, который кончился Полтавой» (Lind 1991: 295).

Ещё хуже дело у рецензента обстоит с Ледовым побоищем. Он утверждает, что сведения о том, что перед боем Александр Ярославич укрепил фланги, а в ходе сражения важную роль сыграли русские лучники, обстреливавшие орденское войско, взяты не из источников, а из сочинения А.И. Козаченко — автора, писавшего о Ледовом побоище в 1930-х гг. В действительности, о лучниках в русском войске сообщает не Козаченко, а источник, причём источник орденский — Старшая Ливонская Рифмованная хроника: «У русских было много стрелков перед дружиной (досл.: отрядом. — П.Л., Е.П.) князя, которые тогда мужественно первыми вступили в бой (досл.: первыми начали игру) (Die Rûzen hatten schutzen vil, die hûben dô daz êrste spil menlich vor des kuniges schar)» (Livländische Reimchronik... 1963: 52). Что касается укрепления флангов, то это обстоятельство неизбежно вытекает из того, что, как мы знаем из летописи и Рифмованной хроники, фронт русских был прорван, но они несмотря на это смогли окружить орденские отряды и одержать полную победу. Это было возможно только

если фланги были предварительно усилены. Об этом лучше читать не в сочинении Козаченко, а в работе, написанной на основе тщательного анализа источников и с опорой на самые ранние и достоверные среди них. И соответствующий отрывок из Рифмованной хроники, и указанную работу можно без труда найти в интернете (*Бегунов, Клейнбергер, Шаскольский* 1966: 212–213; *Кучкин* 1996). При этом нужно учесть, что рецензент *знает* рассказ о Ледовом побоище из Рифмованной хроники: он ссылается на неё, когда ведёт речь о потерях Ордена.

Захват Орденом Пскова Л.А. Кацва трактует как союз (!). Когда и при каких обстоятельствах он был заключён, каковы были союзнические обязательства сторон, — об этом он, однако, умалчивает. И это не случайно: никакого союза не было. А был захват Пскова, о чём прямо говорят и русские, и орденские источники. Особенно интересно, конечно, свидетельство орденской «Рифмованной хроники». Она отмечает, что псковичи «тогда не были рады гостям», т.е. немцам (*die von Plezcowe dô wâren der geste unvô*); что многие ливонские отряды намеревались именно штурмовать Псков, а не заключать с ним союз (*sturmen wolde manich schar*); что псковичи («русские») сдались Ордену, так как их силы были истощены после поражения под Изборском и опасались в связи с этим «несчастья», т.е. окончательного разгрома (*die Rûzen wâren strîtes mat dô vor bie Îsburc worden: sie boten sich dem orden, wan sie vorchten ungemach*). «Рифмованная хроника» сообщает о том, что во Пскове была учрежде-

на орденская администрация и был оставлен гарнизон, конкретизируя тем самым краткое указание новгородской летописи¹⁴: «Там (во Пскове. — *П.Л., Е.П.*) оставили двух братьев-рыцарей, которым велели охранять землю, [и] небольшое немецкое войско» (*Zwêne brûdere man dar liez die man daz lant bewaren hiez, von dûtschen eine cleine macht*). Более того, орденский хронист без обиняков пишет, что новгородский князь, т.е. Александр Ярославич, после этого «привёл много русских, чтобы *освободить* псковичей», а не чтобы их закабалить и лишить прелестей обоюдовыгодного союза с западным соседом (*hette manchen Rûzen brâcht: zu lôsene die von Plezcô*) (курсив везде наш. — *П.Л., Е.П.*) (*Livländische Reimchronik...* 1963: 49–51).

Далее рецензент обвиняет авторов в том, что они скрывают сотрудничество Александра Невского с монголами, хотя об этом в учебнике сказано вполне определённо (с. 159–160). Ни о какой «абсолютной покорности Орде», впрочем, говорить не приходится. В конце 40-х гг. XIII в. Александр Ярославич поддерживал контакты с римским папой Иннокентием IV, который в своём послании Александру характеризует его отношение к монголам несколько иначе, чем Л.А. Кацва: «За то же, что ты не пожелал подставить свою шею под иго татарской свирепости, мы будем воздавать твоей мудрости подобающую хвалу во Господе» (*Super eo autem quod collum tuum noluiisti subdere jugo Tatarice feritatis, prudentiam tuam*

¹⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 77.

dignis in Domino laudibus commendemus) (Матузова, Назарова 2002: 263, 265). Можно предположить, что целью этих контактов было заключение союза с папской курией и Орденом против Орды. Цель эта достигнута не была и, по-видимому, не по вине Александра Невского. Так что пресловутая «покорность Орде» была следствием отнюдь не личных убеждений князя, а объективно сложившегося соотношения сил, см. об этом: (Горский 2004: 210–218).

Что касается карательных акций князя, то в учебнике речь идёт о событиях не 1257 г., а о более значимых событиях 1259 г. Тогда никаких расправ не было¹⁵. Как уже говорилось выше, всего в учебник вместить нельзя. В нём нет и упоминания о том, что Александр Ярославич как минимум благожелательно-нейтрально отнёсся к восстаниям против «бесермен» в Суздальской земле в 1262 г.¹⁶, а как максимум (если верить известию Устюжского летописного свода¹⁷) — их поддержал.

12. Великое княжество Литовское и «наследие Киевской Руси». Рассуждения рецензента о ВКЛ как об, условно говоря, «равноправном» с Северо-Восточной Русью «наследнике» Древней Руси, основаны на сложившейся в русской историографии XIX — начала XX в. романтической теории о «Литовско-Русском государстве», которое в некоторых интерпретациях выглядело как чуть

ли не «почти русское». Как формирование этой теории в Российской империи, так и её возрождение в СССР периода перестройки, имели политико-идеологические предпосылки (хотя и парадоксальным образом диаметрально противоположные) (Филлошкин 2004). В действительности в ВКЛ всегда привилегированное положение занимало собственно литовское боярство, а в конце XIV в. оно было закреплено юридически. Уже в это время только католики могли занимать высокие должности воевод и каштелянов, так что имело место и конфессиональное неравенство (Полехов 2015: 71–129). Единственно, можно принять замечание о том, что присоединение Москвой русских земель не было, строго говоря, их возвращением (хотя когда-то эти земли и входили в состав Руси, прямой наследницей которой провозглашала себя Москва с рубежа XV–XVI вв.). В целом, однако, мы вновь имеем дело с методом *quousque*, но в данном случае это менее заметно, поскольку оценки, на которые ориентируется автор, очень распространены в историографии.

13. Объединение русских земель. Замечание автора о том, что в учебнике не рассматриваются экономические предпосылки объединения русских земель, устарело как минимум на полвека. Уже советской историографией 1960–1970-х гг. было показано, что создание единого Русского государства было вызвано прежде всего не развитием экономических связей, а политическими причинами (натуральное хозяйство господствовало на Руси и в XVI в. и даже позже) (Зимин 1991: 191–

¹⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 82–83.

¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб 476.

¹⁷ ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 30. См. об этом (Насонов 1940: 52–53).

195). Ещё в 1918 г. А.Е. Пресняков вполне справедливо определил основное содержание объединительного процесса как «собирающие власти», т.е. борьбу за власть во Владимирском великом княжестве (Пресняков 1918: 457–458). Именно об этих обстоятельствах и рассказывается в нашем учебнике. Взятые Л.А. Кацвой из каких-то старых пособий рассуждения о росте боярского землевладения представляют собой типичного *deus ex machina* – интерпретацию, которая при необходимости извлекается для объяснения абсолютно всего, даже взаимоисключающих вещей. Напомним, что именно ростом боярского землевладения рецензент призывал авторов учебника объяснить явление противоположного характера – начало так называемой раздробленности! Боярское землевладение действительно в этот период росло, но почему, например, новгородские бояре, которые, по сути дела, разделили к XV в. между собой 66 % основной территории Новгородской земли, не стремились к объединению?

Возражения рецензента по поводу того, что при Иване III начало складываться централизованное государство, отличаются зато излишним ригоризмом. Авторам учебника известно, какое – чуть ли не мистическое – значение вкладывалось во время известных послевоенных дискуссий в эпитеты «единое» и «централизованное». Тогда это имело какой-то смысл, так как считалось, что централизованное государство – это обязательно государство, объединённое экономическими связями. Сейчас эти споры

напоминают скорее споры средневековых богословов-«реалистов». В действительности большой разницы между этими определениями нет: централизованное государство не может не быть единым, и наоборот, не существует единого государства без центральных органов власти, а они – пусть и самые примитивные – в Русском государстве конца XV в. уже были. Подобные споры о словах (столь любимые некогда нашими теоретиками) не имеют никакого значения ни для научного исследования, ни для работы со школьниками.

Фраза о «тишине великой»¹⁸ действительно принадлежит перу московского книжника (но, кстати, по-видимому, связанного не с московскими великими князьями, а с митрополией, т.е. составителя не собственно московского, а общерусского свода (Лурье 1976: 45–49; 1989: 23)), однако важнее тут, соответствовала ли эта оценка реальности. В части прекращения татарских набегов, – соответствовала, что признаётся и историками, крайне отрицательно относящимися к Ивану Калите, см. напр. (Насонов 1940: 111).

Сюжет о получении суздальским князем Дмитрием Константиновичем ярлыка на великое княжение присутствует в учебнике в «дополнительном тексте». Разумеется, порассуждать о суздальско-нижегородских князьях было бы интересно, и, вероятно, следовало бы несколько отредактировать, расширить читающийся сейчас рассказ и несколько

¹⁸ ПСРЛ. Т. XV. Стб 44.

сместить акценты (в части «хитрости» Дмитрия Константиновича). Однако, по объективным причинам возможности тут ограничены: сопоставление суздальского боярства с московским в этот период, например, подходит для научной монографии, а не для школьного учебника. Утверждая, что в нашем учебнике при описании этого конфликта не учтено превосходство Москвы в ресурсах, и не объяснена роль митрополита, рецензент искажает нашу позицию. О том, что Московское княжество уже до этого стало сильнейшим в Северо-Восточной Руси (а значит, и превосходящим все остальные по ресурсам) прямо сказано дважды (с. 175, 177); повторяться тут нет ни возможности, ни необходимости. То же самое относится и к митрополии. О поддержке митрополитами Москвы говорится в параграфе, посвящённом Церкви (с. 205).

14. Куликовская битва. Сюжет учебника о Сергии Радонежском кажется автору рецензии неприемлемым. Ему явно хотелось бы обвинить авторов в том, что они отрицают легендарный характер благословения Сергием Дмитрия Донского в Троицком монастыре перед Куликовской битвой. Но они этого не делают и прямо пишут, что речь идёт о «позднейшем предании» (с. 208). Что ж, тогда можно написать так: «Но вслед за тем два учебника из трех рассказывают об этом, уже не используя оборот “по преданию”: “Великий старец не только ободрил князя, но даже отправил с ним двух своих монахов, Пересвета и Ослябю”». А в учебнике на самом деле написано

следующее: «Согласно *позднейшему преданию* (курсив наш. — П.Л., Е.П.), перед сражением с ордой Мамай великий князь Дмитрий, нуждаясь в моральной поддержке и благословении, отправился к Сергию. Великий старец не только ободрил князя и предрёк ему победу, но даже отправил с ним двух своих монахов, Пересвета и Ослябю» (с. 208). Комментарии, как говорится, излишни. Заметим, что в рассказе учебника о Куликовской битве этого эпизода вообще нет, а приведён он в параграфе о Русской церкви. Характерно для методики работы рецензента ещё и то, что, как мы помним, характеристики отношений между московскими князьями и митрополитами он в *этом же параграфе* «не заметил».

Примерно то же самое относится и к бою Пересвета с ордынским богатырём. Подробный же рассказ об «идеологии» этого предания, которого требует рецензент, — явно не для учебника 6-го класса («тема не раскрыта»).

15. Династическая война в Московском княжестве. Рассуждения в духе «тема не раскрыта» продолжаются и тут. Так, «излагать последовательно» в учебнике историю золотого пояса Дмитрия Донского не представляется возможным (хотя бы потому, что в разных источниках по-разному описываются её детали) (Зимин 1991: 52). Как школьники могут решить, что в краже был обвинён Василий Косой, неясно: в тексте прямо говорится, что пояс пропал «давно» (с. 190)? Происхождение прозвища Василия Юрьевича, строго говоря, неизвестно,

но оно традиционно связывается с его ослеплением, см. напр. (*Черепнин* 1969: 766) (вообще-то это слово в значении «кривой» вполне могло быть применимо и по отношению к одноглазому человеку). Ссылки А.А. Зимина на то, что в позднем летописании он именуется «косым» ещё до расправы над ним (*Зимин* 1991: 223), неубедительны: это прозвище могло уже к этому времени за ним закрепиться (так же, как сейчас Александра Ярославича часто называют «Невским» в рассказе о событиях, произошедших до Невской битвы).

Рецензент считает, что учебнику очень не хватает объяснения поддержки Василия Тёмного московскими служилыми людьми и ссылается на такое объяснение, данное в другом учебнике: они зависели от пожалований Василия Тёмного. Дело было, однако, не в этом. У Шемяки не было ни возможностей, ни, вероятнее всего, желания в тот момент, когда ему была нужнее всего поддержка московских бояр, конфликтовать у них земли. Просто у старшей линии Калитичей уже давно были выстроены отношения со своими служилыми людьми, и у последних не было оснований отказываться от их поддержки. Прямо так это объясняет и летописец применительно ещё к вокняжению в Москве отца Шемяки, Юрия Дмитриевича: «...не повыкли бо служити удѣльнымъ княземъ»¹⁹. Объяснений требовала бы обратная ситуация: в верности бояр своему князю не было ничего неожиданного с дружинных времён.

16. Присоединение Новгорода к Москве. Тут претензия у рецензента одна: новгородцы могли стремиться к союзу с Литвой, так как там сохранялись городские вольности и вечевые порядки. Учитывала ли «пролитовская» группировка новгородского боярства какие-то аспекты внутривосточного устройства ВКЛ, неизвестно: источники об этом молчат. В любом случае, у противников Москвы не было другого выбора: никакой альтернативы, кроме Литвы, в этом регионе не существовало. О «вечевых порядках» в ВКЛ мы знаем крайне мало, а имеющиеся свидетельства весьма неоднозначны. Есть данные и о крайне негативном отношении литовской верхушки к проявлениям «вечевых порядков», которая усматривала в них угрозу единству княжества (*Пресняков* 1939: 115–117; *Полехов* 2014). Концепция же о Великом княжестве Литовском как о своеобразной «кладовой» древнерусской старины (в том числе и вечевых порядков) представляет собой частный случай теории «Литовско-Русского государства», о которой уже шла речь выше.

17. Система управления в едином Русском государстве и история Русской церкви. Далее рецензия выстреливает серией залпов из орудия «тема не раскрыта». Однако практически все темы на самом деле раскрыты, только в учебнике для 7-го класса (*Пчелов, Лукин* 2015): поместная система (с. 10); Боярская дума с чёткой характеристикой её состава (с. 8); служилые князья и их статус (с. 9). Л.А. Кацве, видимо, не удалось ознакомиться с этим

учебником, вышедшим практически одновременно с учебником для 6-го класса.

Упрёки рецензента по поводу характеристики системы кормлений частично основываются на том же принципе «тема не раскрыта», частично — на *quousque*. Кормления действительно раздавались в принципе в награду за службу (и, наверное, об этом можно было сказать в учебнике), но вовсе не в этом суть этой системы. Она — именно в получении «корма» за службу. Эффективность этой системы, вопреки Л.А. Кацве, всегда была очень относительной, просто при ослаблении центральной власти и утрате контроля над наместниками (как это было во времена «боярского правления») её недостатки обострялись (Флоря 1999: 44–46). Речь, впрочем, надо вести не об абстрактной эффективности системы кормлений, а о том, что в условиях натурального хозяйства, тем более в стране с очень ограниченными ресурсами, у неё долгое время не было альтернативы. Опять же — в прямом противоречии с утверждениями рецензента — воеводам, в отличие от наместников-кормленщиков, было запрещено получать «корм». Их содержание должно было обеспечиваться поступавшим из приказов жалованьем. Другое дело, что они всё равно стремились получать всякие незаконные и «полузаконные» поборы, во многом напоминавшие прежний «корм», но, выражаясь современным языком, это были не «белые», а «серые» схемы (Владимирский-Бурданов 2005: 241–242; История России... 2006: 595–596).

Пользуясь ещё одним выражением рецензента, «бьёт мимо цели» и его критика по поводу Юрьева дня. Оснований утверждать, что до введения Юрьева дня в общегосударственном масштабе Судебником 1497 г. срок выхода был ограничен для крестьянства в целом, но сроки эти были разные (как думает Л.А. Кацва), нет. От середины XV в. (но не раньше) известны грамоты, в которых запрещается или ограничивается переход крестьян или каких-то их категорий в отдельных монастырских вотчинах (а не повсюду). Тем самым норма Судебника, несомненно, стала важным этапом на пути закрепощения и впервые ясно определила его поземельный характер (История крестьянства... 1986: 282–283) (о чём и сказано в учебнике).

18. Завершается рецензия весьма своеобразными рассуждениями об истории Русской церкви. Для начала Л.А. Кацва сообщает, что рассказ о Сергии Радонежском в нашем учебнике приличествует учебнику Закона Божьего и Основ православной культуры. Что именно привело его к такому выводу, рецензент не поясняет и соответствующих сравнений не предлагает. В общем, тема осталась не раскрытой.

Зато у рецензента возникло сразу много претензий по поводу изложения в учебнике сюжетов, связанных с иосифлянами, нестяжателями и еретиками. Рассказ об иосифлянах и нестяжателях занял в учебнике более трёх страниц (в разы больше, чем, например, обо всей истории Новгорода и Пскова в XIV–XV вв.). Но Л.А. Кацве этого показалось ма-

ло, и он считает нужным уснастить школьный учебник для 6 (!) класса, например, деталями эволюции, которую претерпели взгляды Иосифа Волоцкого. Рецензент, однако, на этом не останавливается и очень сетует на то, что в учебнике мало говорится о еретиках, в частности о таких аспектах их взглядов, как рационализм (!), сходство с европейскими ересями (какими?), популярность их среди горожан и «низшего духовенства». Такие выводы приличествуют, скорее, «Настольной книге атеиста», а не школьному учебнику. Ведь именно в советской атеистической литературе русским ересям придавалось совершенно непропорциональное значение, разительно не соответствующее тому, что мы реально о них знаем (точнее, не знаем). Кроме отрывочных сведений, почерпнутых из церковных обличений, у нас по существу ничего нет, а эти обличения крайне тенденциозны, стереотипны и часто не содержат никакой позитивной информации об «обличаемых». Всё это даёт обширное пространство для самых разных красивых (и взаимоисключающих) интерпретаций. Достаточно сказать, что по поводу самой популярной из ересей (так называемых «жидовствующих») существует как минимум три взаимоисключающие концепции: что это было действительно альтернативное христианское течение (и тоже разные историки по-разному реконструируют его богословскую основу); что ереси не было, а её adeptы были иудеями-прозелитами; что ересь была полностью или в значительной степени измышлена «обличителями» (см. об этом напр. (Чумичева 2010; Алексеев 2012: 21–52)).

В пользу всех трёх точек зрения приведены достаточно серьёзные аргументы, и ни одна из них не считается общепринятой. Так или иначе, это всё тема в лучшем случае для научной полемики, но не для школьного учебника, где достаточно с осторожностью упомянуть само наличие ересей, что и сделано.

Подводя итог, можно сказать, что на несколько дельных замечаний незначительного характера (которые легко устранить в ходе обычного редактирования), в рецензии Л.А. Кацвы приходится буквально море критических выпадов, построенных на логически некорректных или голословных утверждениях, слабом знании современной историографии, а то и на откровенном искажении авторской позиции. Всё это тем более печально, что авторы готовы учитывать содержательные критические замечания. Все коллеги, участвовавшие в обсуждении учебника (а таких было немало), знают, что такие замечания только приветствовались и авторы сами инициировали их поступление и продолжают это делать и сейчас. Однако Л.А. Кацва по каким-то причинам решил пойти по другому пути. Что ж, это его право. Наше право — показать, на чём реально основывается «критика» Л.А. Кацвы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев 2012 — Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012.

Алексеев 1979 — Алексеев Ю.Г. «Чёрные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской

городской общины) // Исторические записки. М., 1979. [Вып.] 103.

Андреев 1988 — Андреев В.Ф. О социальной структуре новгородского веча // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Л., 1988 (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11).

Бассалыго 2008 — Бассалыго Л.А. Новгородские тысяцкие. Ч. I // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 48.

Бассалыго 2013 — Бассалыго Л.А. Новгородские тысяцкие. Ч. III // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 138.

Бегунов, Клейнбергер, Шаскольский 1966 — Бегунов Ю.К., Клейнбергер И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966. С. 212–213 (URL: http://www.livonia.veles.lv/research/ice_battle/rifma.htm (дата обращения: 05.01.2016)).

Блок 1986 — Блок М. Апология истории или ремесло историка / Пер. Е.М. Лысенко. М., 1986.

Владимирский-Буданов 2005 — Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 2-е изд. М., 2005 (1-е изд.: 1908).

Горская 2006 — Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006.

Горский 2004 — Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский 2008 — Горский А.А. Земли и волости // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.

Горский 2012 — Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. М., 2012. Вып. 10. С. 32–48.

Горский 2014 — Горский А.А. Политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11.

Гуревич 2007 — Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007.

Данилевский 1997 — Данилевский И.Н. Загадки «Русьской земли» // Знание — сила. 1997. № 11.

Завадская 1989 — Завадская С.В. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 г. М., 1989.

Зимин 1991 — Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV века. М., 1991.

История крестьянства... 1986 — История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. II: Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М., 1986.

История России... 2006 — История России с древнейших времён до конца XVII века / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006.

Клейн 2004 — Клейн Л.С. Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Кучкин 1996 — Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5 (URL: <http://radilov.ru/krayrodnoy/58-aleksandr-nevskij-gosudarstvennyj-deyateli-polkovodets-srednevekovoj-rusi.html> (дата обращения: 05.01.16)).

Кучкин 2003 — [Кучкин] В.А. Летописные рассказы о битве на р. Калке // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003. С. 75.

Ловмянский 2003 — Ловмянский Г. Религия славян и её упадок (VI–XII вв.). 2-е изд. М.; СПб., 2003 (1-е изд.: 1979).

Лукин 2004 — Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4.

Лукин 2010 — Лукин П.В. «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // Славяноведение. 2010. № 2.

Лукин 2012 — Лукин П.В. Новгородское вече в XIII–XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог: Материалы круглого стола (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.) ([Res Publica]. Вып. 6). СПб., 2012 (URL: https://www.academia.edu/2181125/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D0%B5%D1%87%D0%B5_%D0%B2_XIII-XV_%D0%B2%D0%B2_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%B8_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B7%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 03.01.16).

Лукин 2014a — Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014.

Лукин 2014б — Лукин П.В. Вече в социально-политической системе средневекового Новгорода: Дис. ... д.и.н. М., 2014.

Лурье 1976 — Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Лурье 1989 — Лурье Я.С. Летописец Рогожский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 2.

Львов 1975 — Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975.

Мартышкин 1992 — Мартышкин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.

Матузова, Назарова 2002 — Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Насонов 1924 — Насонов А.Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века: Исторический сборник. Пг., 1924. [Вып.] 1.

Насонов 1940 — Насонов А.Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

Несин 2014 — Несин М.А. Новгородские тысяцкие в XIV веке // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2014. Вып. 3. С. 143–144.

Пашуто 1968 — Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Полехов 2014 — Полехов С.В. Смоленское восстание 1440 года // Исторический вестник. 2014. Т. 7 (154).

Полехов 2015 — Полехов С.В. Наследники Витовта: Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

Пресняков 1918 — Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

Пресняков 1939 — Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1939. Т. II. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство.

Пчелов, Лукин 2015 — Пчелов Е.В., Лукин П.В. История России. XVI–XVII века: учебник для 7-го класса общеобразовательных организаций. М.: Русское слово — учебник, 2015.

Расмуссен 1979 — Расмуссен К. «300 золотых поясов» древнего Новгорода // Scandoslavica. Copenhagen, 1979. Т. 25.

Рашид-ад-Дин 2001 — *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. Ю.П. Верховского. 2-е изд. М., 2001 (1-е изд.: 1960). Т. II.

Рыбаков 1987 — *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.

Рыбаков 1994 — *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. 2-е изд. М., 1994 (1-е изд.: 1980).

Филлюшкин 2004 — *Филлюшкин А.* Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: российский дискурс Великого княжества Литовского // *Ab imperio*. 2004. № 4.

Флоря 1987 — *Флоря Б.Н.* «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.

Флоря 1992 — *Флоря Б.Н.* «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2.

Флоря 1999 — *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999.

Франклин, Шепард 2009 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750–1200. СПб., 2009.

Фроянов 1999 — *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.

Черепнин 1960 — *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

Черепнин 1977 — *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сборник статей. М., 1977. С. 195–196.

Чумичева 2010 — *Чумичева О.В.* Иноверцы или еретики: понятие «жидовская мудрствующая» в полемическом контексте на Руси конца XI — начала XVI в. // Очерки феодальной России. СПб., 2010. Вып. 14.

Шаскольский 1978 — *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной

агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

Gieysztor 2006 — *Gieysztor A.* Mitologia słowian. 2nd ed. Warszawa, 2006 (1st ed.: 1982).

Goehrke 1974 — *Goehrke C.* Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge. 1963–1964. Sigmaringen, 1974 (Vorträge und Forschungen. Bd. XI).

Leuschner 1980 — *Leuschner J.* Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur. Berlin, 1980 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 107).

Lind 1991 — *Lind J.H.* Early Russian-Swedish Rivalry: The Battle on the Neva in 1240 and Birger Magnusson's Second Crusade to Tavastia // *Scandinavian Journal of History*. 1991. Vol. 16:4. P. 292.

Livländische Reimchronik 1963 — Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar / Hrsg. von L. Meyer. 2nd ed. Hildesheim, 1963 (1st ed.: 1876).

Modzelewski 2004 — *Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.

Selart 2007 — *Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln etc., 2007 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 21).

Zernack 1967 — *Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 33).

REFERENCES

Alekseev A.I. *Religioznye dvizheniya na Rusi posledney treti XIV – nachala XVI v.: strigol'niki i zhidovstvuyushchie*. Moscow, 2012.

Alekseev Yu.G. «Chyernye lyudi» Novgoroda i Pskova (k voprosu o sotsial'noy evoly-

utsii drevnerusskoy gorodskoy obshchiny). *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1979. [N] 103.

Andreev V.F. O sotsial'noy strukture novgorodskogo vecha. *Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. Problemy istorii goroda*. Leningrad, 1988 (Problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii. N 11).

Bassalygo L.A. Novgorodskie tysyatskie. Chast' I. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. Saint Petersburg, 2008. N 11 (21). P. 48.

Bassalygo L.A. Novgorodskie tysyatskie. Chast' III. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. Velikiy Novgorod, 2013. N 13 (23). P. 138.

Begunov Yu.K., Kleynenberg I.E., Shaskol'skiy I.P. Pis'mennye istochniki o Ledovom poboishche. *Ledovoe poboishche 1242 g.: Trudy kompleksnoy ekspeditsii po utochneniyu mesta Ledovogo poboishcha*. Moscow; Leningrad, 1966. P. 212–213 (URL: http://www.livonia.veles.lv/research/ice_battle/rifma.htm (date of access: 05.01.2016)).

Blok M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika*. Per. E.M. Lysenko. Moscow, 1986.

Cherepnin L.V. Mongolo-tatary na Rusi (XIII v.). *Tataro-mongoly v Azii i Evrope: Sbornik statey*. Moscow, 1977. P. 195–196.

Cherepnin L.V. *Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh*. Moscow, 1960.

Chumicheva O.V. Inovertsy ili eretiki: ponyatie «zhidovskaya mudrstvuyushchie» v polemicheskom kontekste na Rusi kontsa XI – nachala XVI v. *Ocherki feodal'noy Rossii*. Saint Petersburg, 2010. N 14.

Danilevskiy I.N. Zagadki «Rus'skoy zemli». *Znanie – sila*. 1997. N 11.

Filyushkin A. Vglyadyayas' v oskolki razbitogo zerkala: rossiyskiy diskurs Velikogo knyazhestva Litovskogo. *Ab imperio*. 2004. N 4.

Florya B.N. «Sluzhebnyaya organizatsiya» i eye rol' v razvitii feodal'nogo obshchestva u vostochnykh i zapadnykh slavyan. *Otechestvennaya istoriya*. 1992. N 2.

Florya B.N. «Sluzhebnyaya organizatsiya» u vostochnykh slavyan. *Etnosotsial'naya i politiches-*

skaya struktura rannefeodal'nykh slavyanskikh gosudarstv i narodnostey. Moscow, 1987.

Florya B.N. *Ivan Groznyy*. Moscow, 1999.

Franklin S., Shepard D. *Nachalo Rusi: 750–1200*. Saint Petersburg, 2009.

Froyanov I.Ya. *Kievskaya Rus': Glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroya*. Saint Petersburg, 1999.

Gieysztor A. *Mitologia słowian*. 2nd ed. Warszawa, 2006 (1st ed.: 1982).

Goehrke C. Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod. *Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge. 1963–1964*. Sigmaringen, 1974 (Vorträge und Forschungen. Bd. XI).

Gorskaya N.A. *Russkaya feodal'naya derevnya v istoriografii XX veka*. Moscow, 2006.

Gorskiy A.A. Pervoe stoletie Rusi. *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2012. N 10. P. 32–48.

Gorskiy A.A. Politicheskoe razvitie Srednevekovoy Rusi: problemy terminologii. *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2014. N 11.

Gorskiy A.A. *Rus': Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo tsarstva*. Moscow, 2004.

Gorskiy A.A. Zemli i volosti. Gorskiy A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P.S. *Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya*. Moscow, 2008.

Gurevich A.Ya. *Izbrannye trudy. Drevnie germantsy. Vikingi*. Saint Petersburg, 2007.

Istoriya krest'yanstva v Evrope. Epokha feodalizma. Vol. II: Krest'yanstvo Evropy v period razvitiya feodalizma. Moscow, 1986.

Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XVII veka. Pod red. L.V. Milova. Moscow, 2006.

K[uchkin] V.A. Letopisnye rasskazy o bitve na r. Kalke. *Pis'mennye pamyatniki istorii Drevney Rusi. Letopisi. Povesti. Khozhdeniya. Poucheniya. Zhitiya. Poslaniya: Annotirovannyy katalog-spravochnik*. Pod red. Ya.N. Shchachpova. Saint Petersburg, 2003. P. 75.

Kleyn L.S. *Voskreshenie Peruna: K rekonstruktsii vostochnoslavlyanskogo yazychestva*. Saint Petersburg, 2004.

Kuchkin V.A. Aleksandr Nevskiy — gosudarstvennyy deyatel' i polkovodets srednevekovoy Rusi. *Otechestvennaya istoriya*. 1996. N 5 (URL: <http://radilov.ru/krayrodnoy/58-aleksandr-nevskij-gosudarstvennyj-deyatel-i-polkovodets-srednevekovoj-rusi.html> (date of access: 05.01.16)).

Leuschner J. *Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur*. Berlin, 1980 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 107).

Lind J.H. Early Russian-Swedish Rivalry: The Battle on the Neva in 1240 and Birger Magnussons' Second Crusade to Tavastia. *Scandinavian Journal of History*. 1991. Vol. 16:4. P. 292.

Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar. Hrsg. von L. Meyer. 2nd ed. Hildesheim, 1963 (1st ed.: 1876).

Lovmyanskiy G. *Religiya slavyan i eye upadok (VI–XII vv.)*. 2-e izd. Moscow; Saint Petersburg, 2003 (1-e izd.: 1979).

Lukin P.V. «Startsy» ili «starshie»? O terminologii slavyanskoy «plemenny znati». *Slavyanovedenie*. 2010. N 2.

Lukin P.V. Novgorodskoe veche v XIII–XV vv. Istoriograficheskie postroeniya i dannye ganzeyskikh dokumentov. *Spory o novgorodskom veche: mezhdistsiplinarnyy dialog: Materialy kruglogo stola (Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge, 20 sentyabrya 2010 g.)* ([Res Publica]. N 6). Saint Petersburg, 2012 (URL: https://www.academia.edu/2181125/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D0%B5%D1%87%D0%B5_%D0%B2_XIII-XV_%D0%B2%D0%B2_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B

[E%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%B8_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B7%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2](https://www.academia.edu/2181125/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B7%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2) (date of access: 03.01.16).

Lukin P.V. *Novgorodskoe veche*. Moscow, 2014a.

Lukin P.V. *Veche v sotsial'no-politicheskoy sisteme srednevekovogo Novgoroda*. Dis. ... d.i.n. Moscow, 2014b.

Lukin P.V. Veche, «plemennye» sobraniya i «lyudi gradskie» v nachal'nom russkom letopisanii. *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2004. N 4.

Lur'e Ya.S. Letopisets Rogozhskiy. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Moscow, 1989. N 2: Vtoraya polovina XIV – XVI v. Part 2.

Lur'e Ya.S. *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv.* Leningrad, 1976.

L'vov A.S. *Leksika «Povesti vremennykh let»*. Moscow, 1975.

Martyshin O.V. *Vol'nyy Novgorod. Obshchestvenno-politicheskiy stroy i pravo feodal'noy respubliki*. Moscow, 1992.

Matuzova V.I., Nazarova E.L. *Krestonosy i Rus'. Konets XII v – 1270 g. Teksty, perevod, kommentariy*. Moscow, 2002.

Modzelewski K. *Barbarzyńska Europa*. Warszawa, 2004.

Nasonov A.N. Knyaz' i gorod v Rostovo-Suzdal'skoy zemle. *Veka: Istoricheskiy sbornik*. Petrograd, 1924. [N] 1.

Nasonov A.N. *Mongoly i Rus' (Istoriya tatarskoy politiki na Rusi)*. Moscow; Leningrad, 1940.

Nesin M.A. Novgorodskie tysyatskie v XIV veke. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*. 2014. N 3. P. 143–144.

Pashuto V.T. *Vneshnyaya politika Drevney Rusi*. Moscow, 1968.

Pchelov E.V., Lukin P.V. *Istoriya Rossii. XVI–XVII veka: Uchebnik dlya 7-go klassa obshche-*

obrazovatel'nykh organizatsiy. Moscow: Russkoe slovo – uchebnyk, 2015.

Polekhov S.V. *Nasledniki Vitovta: Dinasticheskaya voyna v Velikom knyazhestve Litovskom v 30-e gody XV veka*. Moscow, 2015.

Polekhov S.V. Smolenskoe vosstanie 1440 goda. *Istoricheskiy vestnik*. 2014. Vol. 7 (154).

Presnyakov A.E. *Lektsii po russkoy istorii*. Moscow, 1939. Vol. II. N 1: Zapadnaya Rus' i Litovsko-Russkoe gosudarstvo.

Presnyakov A.E. *Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva*. Petrograd, 1918.

Rashid-ad-Din. *Sbornik letopisey*. Per. Yu.P. Verkhovskogo. 2nd ed. Moscow, 2001 (1st ed.: 1960). Vol. II.

Rasmussen K. «300 zolotykh poyasov» drevnego Novgoroda. *Scandoslavica*. Copenhagen, 1979. Vol. 25.

Rybakov B.A. *Yazychestvo Drevney Rusi*. Moscow, 1987.

Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnikh slavyan*. 2nd ed. M., 1994 (1st ed.: 1980).

Selart A. *Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert*. Köln etc., 2007 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 21).

Shaskol'skiy I.P. *Bor'ba Rusi protiv krestonnoy agressii na beregakh Baltiki v XII–XIII vv*. Leningrad, 1978.

Vladimirskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava*. 2nd ed. Moscow, 2005 (1st ed.: 1908).

Zavadskaya S.V. K voprosu o «stareyshinakh» v drevnerusskikh istochnikakh XI–XIII vv. *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR*. 1987 g. Moscow, 1989.

Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 33).

Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'e: Feodal'naya voyna v Rossii XV veka*. Moscow, 1991.

А.Ю. Скаков

ПРОБНЫЕ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ ДЛЯ КЛАССОВ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ СРЕДНИХ ШКОЛ ТУРКМЕНИСТАНА

Формирование новых идентичностей на территории бывшего СССР и роль в этом процессе этнической истории, подвергающейся целенаправленному конструированию, в последние десятилетия становились объектом различных исследований. Практически во всех странах постсоветского пространства создается новая национальная история, в значительной степени альтернативная существовавшей ранее. Массовому сознанию она навязывается с экранов телевизоров, в печатных СМИ, в экспозициях музеев, в научно-популярных изданиях и солидных монографиях, но в первую очередь — в школьных учебниках истории. Именно они формируют представление подрастающего поколения о прошлом и настоящем своей родины, об ее исторических перспективах и месте в мире (*Ферро* 1992).

Уже неоднократно выделялись основные принципы новой национальной истории в ее изложении для широких кругов общества. Это

© А.Ю. Скаков, 2016.

обоснование древности собственной истории; стремление представить контакты своего народа с русскими и Россией как источник бедствий; негативная оценка присоединения к России и Советскому Союзу; представление в качестве основного содержания национальной истории в период нахождения в составе Российской империи и СССР национально-освободительной борьбы; обвинение Российской империи и СССР в геноциде своего народа; представление СССР во Второй мировой войне в роли агрессора (последний принцип распространен не повсеместно) (*Освещение общей истории...* 2009: 5–10). По сути, всё сводится к утверждению своего исторического «права на землю», занимаемую сейчас тем или иным государственным образованием, и к формированию «образа врага» в лице России, всегда препятствующей счастливой жизни того или иного народа. Тем самым новое независимое государство получает легитимность в глазах его жителей, а правящие элиты оправдывают «злыми умыслами исторического врага» свое намерение построить преуспевающее

и цивилизованное общество. Происходит «деколонизация истории» (Ферро 1992: 11) или срабатывает «постколониальный синдром», практически неизбежные в странах, получивших возможность независимого развития, или в странах с имперским прошлым.

Принципы создания национальной истории согласуются с важнейшими компонентами формирующейся этнической идентичности (что крайне важно, учитывая, что большинство народов постсоветского пространства еще не сложились как нации, ускоренными темпами проводя ассимиляцию иных этнических групп). Этими компонентами являются мифы об автохтонности (и о «прародине», т.е. о возможности проецирования современных границ в древность), лингвистической преемственности (а также об «этнической семье» или своем народе в роли «старшего брата», об этнической однородности), о биологической преемственности, культурной преемственности, военной славе давних предков (и о наличии «заклятого врага»), участии этих «славных предков» в создании древних государств, их культуртрегерской или цивилизаторской миссии (Шнирельман 2003: 514; Освещение общей истории... 2009: 15–16).

Эта проблематика, в том числе применительно к школьным учебникам, неоднократно находила освещение в различного рода аналитических работах и обзорах, кроме указанных выше (см. в частности (Мифы и конфликты... 2013; Национальные истории в советском и постсоветских государствах, 1999;

Национальные истории на постсоветском пространстве – II 2010; Перекрестный анализ школьных учебников стран Южного Кавказа, 2012)). Достаточно подробно рассмотрены как школьные учебники истории, так и концепции новой национальной истории для стран Южного Кавказа. Меньше «повезло» новой «независимой истории» стран Центральной Азии, хотя по ее концепциям применительно к Казахстану, Таджикистану и Киргизии также имеются отдельные аналитические работы (Богатырев 2010; Джамалова 2010; Кундакбаева 2010; Сембинов 1999; Шукуров 1999). В меньшей степени проанализирована используемая в учебном процессе новая концепция истории Узбекистана (Германова 2008). Хуже всего из-за специфики «закрытого» общества обстоит дело с анализом концепции «новой» истории Туркменистана и ее отражения в школьных учебниках страны. К примеру, в обобщающей работе, посвященной школьным учебникам истории новых независимых государств, за пределами анализа остались Таджикистан и Туркменистан, «учебников которых получить не удалось» (Освещение общей истории... 2009: 16). Для Туркменистана соответствующих исследований и опросов общественного мнения не проводилось вообще. Хотелось бы, чтобы данная работа хоть немного восполнила этот пробел путем анализа серии пробных учебников истории для классов с русским языком обучения средних школ Туркменистана.

В целом данная серия по своему уровню (соответствие историческим фактам, доступность

изложения, качество русского языка, минимизация идеологии и ангажированности) может быть признана приемлемой и не вызывающей безусловного отторжения. При этом в качестве основной проблемы большинства учебников можно назвать значительное количество опечаток и стилистических погрешностей. Моей задачей здесь является не указание на эти легко поправимые недостатки, а поиск фундаментальных недочетов, способных дезориентировать и дезинформировать подрастающее поколение. В первую очередь — недочетов, обусловленных задачами формирования новой национальной истории и ее корреляции со всеобщей историей. Анализу подвергались семь учебников. К сожалению, учебник истории для 7-го класса получить не удалось.

Негативное впечатление вызывает учебник М. Айдогдыева, Я. Оразгылыджова, Г. Нурыевой «Моя Родина», рассчитанный на школьников 4-го класса (Ашхабад, 2009). Более половины текста учебника посвящено традициям туркменского народа и «достижениям независимого Туркменистана»: земледелие, гидротехника, коневодство, ювелирное искусство, институт совета старейшин, гостеприимство и добрососедство, уважение к памяти прошлого и к предкам, спорт и здоровый образ жизни, промышленность и экономическая независимость, транспортные коммуникации (новый Великий Шелковый путь), «забота о благополучии народа», развитие культуры, «Рухнама», искусство и архитектура, нейтральный статус. Вероятно, рассказ на все эти темы туркмен-

ским школьникам действительно необходим, пусть и не в таком объеме, но то, в каком виде он сделан, не может не вызвать отторжения (в том числе у школьника) своей демагогичностью и голословностью.

В своей исторической части учебник ориентирован на изложение отдельных «славных страниц» истории туркменского народа, что заменило в данном случае какое-либо связное повествование. И в описании этих «славных страниц» встречаются многочисленные натяжки и неточности, имеющие целью приукрасить прошлое. Например, поселение Джейтун (4-е тыс. до н. э.) является не «родиной древнейшего земледелия», как утверждается в учебнике (с. 16), а одним из очагов развития земледелия, древнейшим только для территории Туркмении. В 651 г. после захвата арабами местных земель ислам приняли не «туркмены» (с. 27), которых еще просто-напросто не было, а их предки, в значительной степени ираноязычные. В учебнике вообще ничего не говорится о предполагаемой ираноязычности древнего населения Туркмении (История Востока 1995: II, 261). Ряд более фундаментальных недостатков учебника (как и всей официальной концепции истории Туркменистана) будет указан ниже.

Начиная с XIII в. в учебнике полностью отсутствует какое-либо связное изложение: в связи с отсутствием государственности в этот период речь идет только о выдающихся личностях — великих воинах и поэтах. Но далее учащемуся без какого-либо обоснования

навязываются два стереотипа, восходящих к 1990-м гг.: говорится о том, что «Туркменистан стал колонией царской России» (с. 62), и о том, что сопротивление завоевательным походам русской армии в Туркменистан 1879–1881 гг. необходимо считать «Отечественной войной туркменского народа» (с. 62). Здесь мы видим явное воздействие еще общесоветской исторической памяти о Великой Отечественной войне. Такая трактовка периода нахождения той или иной страны в составе Российской империи характерна для новых национальных историй. При этом об истории Туркменистана в составе Российской империи и Советского Союза не говорится ничего, рассказано только об участии туркмен в Великой Отечественной войне.

Наиболее слабым как по использованному фактическому материалу, так и в плане решения педагогических задач является учебник для 5-го класса, написанный Б. Эсеновым, «История древнего мира» (Ашхабад, 2011). Уровень учебника невысок, количество неточностей крайне велико (на с. 37 на карте Древнего Египта написано «Древний Вавилон», на с. 64 Аккад назван «Аккадией», на с. 147 появилось «Босфорское царство с городом Пантикоопеем» и т.д.), связанное изложение фактов практически отсутствует. Учебник отличается и крайне нескладным языком изложения («дворцы... состояли из открытого зала из нескольких колонн и дворцов» на с. 78, «римский воевода Марк Красс» на с. 107). Есть и откровенные несуразности. Так, появление дипломатии почему-то связы-

вается с походами хеттов на «земли Армении» (с. 69), причиной гибели Критской цивилизации является только лишь извержение вулкана (с. 131), почти ничего не имеет общего с первоисточником изложение мифа об аргонавтах (с. 137), рельеф «Трифона сына Андромена» с изображением сарматского всадника из Танаиса (*Клипович* 1949: рис. 41) найден в «скифских курганах» (с. 149). Поражают и некорректные, даже откровенно антихристианские высказывания на с. 218 («в христианском учении было много фальсификаций и противоречий»), которые могут способствовать разжиганию религиозной розни. Несколько странным представляется изложение истории Парфии и Кушанского царства до рассказа о Древней Греции и походах Александра Македонского, что неизбежно дезориентирует учащегося и нарушает историческую логику.

Достаточно высоко можно оценить учебник для 6-го класса «История средних веков», авторы которого – Дж. Аннаоразов, Г. Карлы, Д. Коссеков. Тем не менее и здесь есть ряд неточностей. Так, на с. 108 слово «казаки» выводится из этнонима «хазары». Название «казаки», скорее всего, восходит к тюркскому слову, но об этом в учебнике не говорится (см. напр. (*Бурда* 2010: 14; *Щербина, Фелицын* 2007: 4)). На с. 177 преемником Дмитрия Донского почему-то стал не Василий I, а его брат Юрий Дмитриевич Звенигородский и Галицкий, великий князь Московский в 1433–1434 гг. (указан именно его год смерти – 1434 г., и сказано, что после этого на Руси разразилась феодальная война, в то

время как междоусобная война началась в 1425 г., как раз после смерти Василия I).

Практически всем анализируемым учебникам свойствен ряд принципиальных недостатков. Во-первых, «туркменскими» считаются и объявляются все тюркские государства средневековья (в том числе малоазиатское «государство туркмен-сельджуков Рума», «туркменские государства в Индии», «государство османских туркмен»), во-вторых, при этом Западнотюркский каганат (такое название принято в мировой науке) назван государством Гёктуркменов, государство Хорезмшахов – государством Куняургенчских туркмен (или Куняургенчским государством туркмен). Возможно, здесь следует усмотреть воздействие концепций национальной истории, тиражируемых в турецких школьных учебниках истории. При этом получается, что своей истории и своих традиций государственности лишаются другие тюркские народы, в первую очередь соседние туркменам узбеки. О них в учебнике практически ничего не говорится. То есть происходит конструирование новой и более богатой этнической истории за счет истории соседей и создание новых «собственных» названий для давно известных в науке государственных образований. Аналогичный процесс конструирования собственной «великой культуры» еще в советский период наблюдался для великих персидских и персоязычных поэтов, когда, например, Низами Гянджеви превратился в «азербайджанского поэта». Спорным является и принцип включения в главу

учебника, посвященную Западной Европе, разделов по истории Чехии и Венгрии при отсутствии там разделов об истории Балкан, Польши и Скандинавии. Причины такого выбора, учитывая значение Балкан для истории тюркоязычных народов, остаются неизвестными.

В целом неплохое впечатление производит учебник для 8-го класса «История Туркменистана X–XVI вв.» (Ашхабад, 2011), написанный О. Экаевым. Но здесь есть та же особенность: все тюркские государства средневековья объявляются именно туркменскими. Это государства караханидов, огузов, газневидов, сельджуков («Туркменосельджукское государство»), куняургенчских туркмен (т.е. Хорезмшахов), атабеков, туркмен Гарагоюли (в мировой науке принято говорить о государстве Кара Коюллу), туркмен Акгоюли (правильнее Ак Коюллу), «государство сельджуков в Малой Азии», государство Айюбидов в Египте, «мамлюкское государство туркмен в Египте», «Османское государство туркмен» (или «Государство османских туркмен»), государство Сефевидов, Делийский султанат, «туркменские государства Индии» и т.д. Опять же узбеки оказываются лишены собственных традиций государственности. А, например, азербайджанская историческая наука считает государства Кара Коюллу и Ак Коюллу азербайджанскими (*Эфендиев* 1995: 228–235). И конечно, в самом начале учебника О. Экаева говорится о туркменском народе, «исторически существующем пять тысяч лет» (с. 7), что, разумеется, некорректно. Тем более что читателю так и остается

непонятно, какое именно событие является «точкой отсчета» истории туркменского народа.

Отмечу и ряд неточностей. На с. 18 упоминается историк С.П. Толстой, видимо, имеется в виду археолог и этнограф С.П. Толстов. Это, конечно, не более чем опечатка, но в учебнике, тем более школьном, опечатки недопустимы. Весьма спорным выглядит утверждение о том, что сельджукские правители проявляли заботу о местном населении. Эта «забота» не нашла отражения в источниках. На с. 103 говорится о «случайной гибели» семьи Джелал ад-Дина Манкбурны (мать, жены, дети) при переправе через Инд во время бегства от Чингисхана. Кстати, в учебнике для 4-го класса также говорится о гибели всей его семьи при переправе (с. 49). Как известно по наиболее достоверным источникам (Рашид ад-Дин, ссылающийся на «одну достойную высокого доверия летопись»), Джелал ад-Дин, убегая от монголов, сам утопил в Инде «большую часть» своих жен, детей и «обитательниц гарема» (Рашид-ад-Дин 1952: 224). Умалчивается в учебнике и об этнической принадлежности ранних Сефевидов, являвшихся, вероятно, иранцами по языку (носители языка «азери», родственного талышскому) и лишь позже тюркизированных (История Востока 1999: III, 99–100). Впрочем, на эту тему существует и иное мнение (в частности см.: (Сумбатзаде 1990: 215–228)).

Достаточно позитивно можно оценить и учебник для 9-го класса «История Туркменистана XVII–XX вв.» (Ашхабад, 2011), авторы

которого – А. Нуриев и М. Мошев. Кроме рассказа о периоде раздробленности и о борьбе туркменского народа «против притеснений» и за независимость отмечу разделы об отношениях народа Туркменистана с Россией в XVII, XVIII и начале XIX в. Сомнения вызывает утверждение об участии туркменских воинов в Отечественной войне 1812 г. Односторонним выглядит утверждение о том, что в Первой мировой войне войска царской России «терпели одно поражение за другим» (с. 203). Целями прихода России на территорию современной Туркмении названы получение доступа к источнику сырья и желание воспрепятствовать проникновению сюда Англии и Турции. Говорится также о стремлении России получить рынок сбыта для ее товаров. По традиции, заложенной в 1993 г. С. Ниязовым, сопротивление подчинению туркменских земель Российской империей в 1879–1881 гг. трактуется как «священная Отечественная война» (с. 168–171). По отношению ко времени пребывания Туркменистана в Российской империи используется термин «колониальный период» (с. 8–9) и говорится: «У туркмен не было иного выхода, как принять эту колониальную политику» (с. 168). Наряду с этим характеризуются некоторые позитивные последствия пребывания Туркменистана в Российской империи, но делается вывод: всё это «официально оформило превращение туркменских земель в колониальные территории царской России» (с. 186) или «всё это наглядно показывает, каким гнетом был царский режим для туркменского народа» (с. 191). Тем не менее

позитивные факты налицо, авторы учебника не пытаются скрыть их или преподнести в искаженном свете. Подобные противоречивые компиляции восхвалений «успехов» и сетований на «потери» характерны для постсоветских учебников истории и вполне понятны. Создается впечатление, что инвективы в адрес «колониального прошлого» приводятся по инерции, в соответствии с традициями национальной идеологии, заложенными в начале 1990-х гг. Отмечу корректную и неоднозначную оценку советского периода в истории Туркменистана, при этом позитивная информация здесь снова доминирует.

Достаточно качественным можно считать и учебник для 9-го и для 10-го классов (в двух частях) «Всемирная история 1900–1939 и 1939–2010 гг.» (Ашхабад, 2011), написанный Дж. Хатамовым и Дж. Гурбангельдыевым. Здесь в качестве любопытного факта, наводящего на определенные размышления, отмечу однозначно позитивную (можно даже сказать, восторженную) оценку успехов, которых в начале и во второй половине XX в. добилась Япония, и объяснение причин этого «японского чуда». Так, одной из причин (похоже, что главной) столь стремительного развития Японии в начале XX в. стала политика изоляции от внешнего мира, которую она вела на протяжении двух веков (ч. I, с. 19). Это более чем странно, так как изоляция вызвала отставание Японии, стала причиной кабальных договоров с иностранными державами, и лишь со второй половины XIX в., после «революции Мэйдзи» 1896 г., страна

открылась, впитывая европейское просвещение, что и привело к ее быстрому развитию. Прославление изоляционизма в учебнике, видимо, должно оправдать нынешнюю политику Туркмении. В качестве главной причины «японского чуда» второй половины XX в. названо соединение национально-культурных особенностей Востока и модернизации Запада (ч. II, с. 185–186). Создается впечатление, что Япония подается здесь туркменским школьникам (и туркменскому обществу) как образец для подражания, т.е. Туркмения должна в будущем идти «японским путем», т.е. существовать в изоляции, и тогда она добьется не менее поразительных успехов.

В этом учебнике можно найти и отдельные неточности. В частности, на с. 87 (ч. I) говорится о том, что революционное советское правительство 1918 г. в Финляндии возглавлял Маннергейм, в то время как К.Г. Маннергейм командовал белофинскими войсками, а советское правительство здесь возглавлял К. Маннер.

Отдельные исторические факты в учебнике по понятным причинам замалчиваются. Весьма завуалированно говорится о событиях 1993 г. в Москве (ч. II, с. 164), о двух чеченских войнах (ч. II, с. 165). Скопированной говорится и о войнах на территории Югославии, причем в их развязывании обвинена исключительно Сербия (ч. II, с. 155–156).

Более важно другое. Во-первых, в изложении событий Второй мировой войны авторы учебников во многом (хотя и не во всем) следу-

ют определенной концепции (здесь и далее ч. II, с. 18). Советский Союз, оказывается, перед подписанием пакта Молотова–Риббентропа «стоял перед выбором» и мог, «присоединившись к англо-французской группировке, отвергнуть предложение Германии» (с. 19). Как выясняется, «коренной перелом в войне начался на Тихом океане» в 1942 г. (с. 36). СССР не только виноват в неоказании поддержки Варшавскому восстанию 1944 г., но и, что удивляет, «Красная армия освободила от немецких захватчиков только часть Польши» (?) (с. 42). В дальнейшем прослеживается следование своего рода «американским лекалам». На с. 89–90 авторы учебника оправдывают агрессию США в Ираке антитеррористической борьбой и борьбой против распространения ядерного оружия. А агрессия НАТО против Сербии была осуществлена, как считают авторы учебника, «для урегулирования ситуации в этой стране» (с. 277). Всё очень однозначно, ни о какой «равноудаленности» применительно к концепции учебника речи идти не может.

Конечно, говорится в учебнике и о «закономерности распада СССР». При этом ни слова не сказано о войнах, разразившихся на значительной части территории бывшего СССР после его развала (в том числе на территории Центральной Азии). Поражает то, что в учебнике полностью отсутствуют разделы, посвященные другим странам бывшего СССР, кроме России. Ни Узбекистана, ни Казахстана, ни Азербайджана для авторов учебника не существует (в отличие от Ирана, Афганистана и Индии), а ведь это

важнейшие партнеры Туркменистана в регионе. Видимо, именно это достаточно странное обстоятельство и необходимо считать главным недостатком данного учебника.

Итак, за исключением некоторых специфических особенностей (связанных, к примеру, со стремлением доказать благотворность изоляции от внешнего мира), в школьном курсе истории Туркменистана видно отражение значительной части принципов формирования «новой национальной истории». Во-первых, это обоснование древности собственного народа, «исконности» его проживания на этой земле, лингвистической преемственности, т. е. практически изначальной тюркоязычности. Одновременно это стремление построить свою «славную» и богатую историю за счет лишения истории своих ближайших соседей, приписывания их истории себе. Этим путем происходит накопление «славных предков», что важно для формирования понимаемой определенным образом «национальной гордости». Далее, негативно оценивается исторический эпизод присоединения к Российской империи, а период пребывания туркменских земель в ее составе оценивается как «колониальный». В то же время необходимо признать, что имперский и советский периоды туркменской истории не получают однозначно негативной оценки. Не происходит и полноценной ревизии причин и хода Второй мировой войны, а некоторые поправки в принятую ранее историческую схему обусловлены стремлением соответствовать определенной концепции, широко распространенной в первую

очередь в США. Отсутствие такой ревизии связано, очевидно, с неактуальностью для Туркменистана мало-мальски значимой проблемы коллаборационизма и его оправдания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Богатырев 2010 — *Богатырев В.* Кыргыз: восстановление истории // Национальные истории на постсоветском пространстве — II. Десять лет спустя / Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2010.

Бурда 2010 — *Бурда Э.В.* Терское казачье войско второй половины XVI — начала XX века. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010.

Германова 2008 — *Германова В.В.* Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана) // Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Джамалова 2010 — *Джамалова М.* Новое видение или новая архитектура новейшей истории таджикского народа // Национальные истории на постсоветском пространстве — II. Десять лет спустя / Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2010.

История Востока 1995 — История Востока. Т. II: Восток в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: Восточная литература РАН, 1995.

История Востока 1999 — История Востока. Т. III: Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. / Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян, Н.И. Ковтунов. М.: Восточная литература РАН, 1999.

Книпович 1949 — *Книпович Т.Н.* Танаис. Историко-археологическое исследование. М.–Л.: АН СССР, 1949.

Кундакбаева 2010 — *Кундакбаева Ж.* В поисках исторического нарратива Казахстана: «диалог памяти» или «национальная память» // Национальные истории на постсоветском пространстве — II. Десять лет спустя / Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2010.

Мифы и конфликты... 2013 — Мифы и конфликты на Южном Кавказе. Т. I. Инструментализация исторических нарративов / Ред. О. Карпенко, Дж. Джавахишвили. Б.м.: International Alert, 2013.

Национальные истории... 1999 — Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999.

Национальные истории... 2010 — Национальные истории на постсоветском пространстве — II. Десять лет спустя / Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2010.

Освещение событий... 2009 — Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / Ред. А.А. Данилов, А.В. Филиппов. М., 2009.

Перекрестный анализ... 2012 — Перекрестный анализ школьных учебников стран Южного Кавказа. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии / Под ред. Р. Раджабова, С. Григоряна, В. Колбая. Ереван: Едит Принт, 2012.

Рашид-ад-Дин 1952 — *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.–Л.: АН СССР, 1952. Т. I. (репринт: М.: Ладомир, 2002).

Сембинов 1999 — *Сембинов М.* Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999.

Сумбатзаде 1990 — Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы — этногенез и формирование народа. Баку: Элм, 1990.

Ферро 1992 — Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.

Шнирельман 2003 — Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ Академкнига, 2003.

Шукуров 1999 — Шукуров Р. Таджикистан: муки воспоминания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахе-ра, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999.

Шербина 2007 — Шербина Ф.А., Фелицын Е.Д. Терское казачество и его атаманы. М.: Вече, 2007.

Эфендиев 1995 — Эфендиев О.А. Азербайджанские государства Ширваншахов — Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу // История Азербайджана с древнейших времен до начала XX века / Под ред. И. Алиева. Баку: Элм, 1995.

REFERENCES

Bogatyrev V. Kyrgyzy: vosstanovlenie istorii. *Natsional'nye istorii na postsovetskom prostranstve – II. Desyat' let spustya*. Pod red. F. Bomsdorfa, G. Bordyugova. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna; AIRO-XXI, 2010.

Burda E.V. *Terskoe kazach'e voysko vtoroy poloviny XVI – nachala XX veka*. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2010.

Dzhamalova M. Novee videnie ili novaya arkhitektura noveyshey istorii tadzhikskogo naroda. *Natsional'nye istorii na postsovetskom prostranstve – II. Desyat' let spustya*. Pod red. F. Bomsdorfa, G. Bordyugova. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna; AIRO-XXI, 2010.

Efendiev O.A. Azerbaydzhanskie gosudarstva Shirvanshakhov — Kara-Koyunlu i Ak-Koyunlu. *Istoriya Azerbaydzhana s drevneyshikh vremen do nachala XX veka*. Pod red. I. Alieva. Baku: Elm, 1995.

Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira*. Moscow: Vysshaya shkola, 1992.

Germanova V.V. Vtorzhenie Rossiyskoy imperii v Srednyuyu Aziyu (Zametki istoriografa na polyakh uchebnikov po istorii Uzbekistana). *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.

Istoriya Vostoka. T. II: Vostok v srednie veka. Otv. red. L.B. Alaev, K.Z. Ashrafyan. M.: Vostochnaya literatura RAN, 1995.

Istoriya Vostoka. T. III: Vostok na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni. XVI–XVIII vv. Otv. red. L.B. Alaev, K.Z. Ashrafyan, N.I. Kovtunov. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1999.

Knipovich T.N. *Tanais. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie*. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949.

Kundakbaeva Zh. V poiskakh istoricheskogo narrativa Kazakhstana: «dialog pamyatey» ili «natsional'naya pamyat'». *Natsional'nye istorii na postsovetskom prostranstve – II. Desyat' let spustya*. Pod red. F. Bomsdorfa, G. Bordyugova. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna; AIRO-XXI, 2010.

Mify i konflikty na Yuzhnom Kavkaze. T. I. Instrumentalizatsiya istoricheskikh narrativou. Red. O. Karpenko, Dzh. Dzhavakhishvili. International Alert, 2013.

Natsional'nye istorii na postsovetskom prostranstve – II. Desyat' let spustya. Pod red. F. Bomsdorfa, G. Bordyugova. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna; AIRO-XXI, 2010.

Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskiikh gosudarstvakh. Pod red. K. Aymermakhera, G. Bordyugova. Moscow: AIRO-XX, 1999.

Osveshchenie obshchey istorii Rossii i narodov postsovetskiikh stran v shkol'nykh uchebnikakh istorii novykh nezavisimyykh gosudarstv. Red. A.A. Danilov, A.V. Filippov. Moscow, 2009.

Perekrestnyy analiz shkol'nykh uchebnikov stran Yuzhnogo Kavkaza. Stat'i uchenykh-istorikov i ekspertov iz Azerbaydzhana, Armenii i Gruzii. Pod red. R. Radzhabova, S. Grigoryana, V. Kolbaya. Erevan: Edit Print, 2012.

Rashid-ad-Din. *Sbornik letopisey*. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. T. I. (reprint: Moscow: Ladomir, 2002).

Sembinov M. Stanovlenie natsional'noy istorii Kazakhstana. *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh*. Pod red. K. Aymermakhera, G. Bordyugova. Moscow: AIRO-XX, 1999.

Sherbina F.A., Felitsyn E.D. *Terskoe kazachestvo i ego atamany*. Moscow: Veche, 2007.

Shnirel'man V.A. *Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e*. M.: IKTs Akademkniga, 2003.

Shukurov R. Tadzhiqistan: muki vospominaniya. *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh*. Pod red. K. Aymermakhera, G. Bordyugova. Moscow: AIRO-XX, 1999.

Sumbatzade A.S. *Azerbaydzhantsy – etnogenez i formirovanie naroda*. Baku: Elm, 1990.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ В УЧЕБНИКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Задача настоящего обзора – оценить способы представления прошлого в школьных учебниках обществознания для 11-го класса.

Школьное обществознание – это комплексный курс, включающий сведения из социальной философии и психологии, социологии, политологии, экономики и права. Доли этих компонентов в содержании курса примерно равны. Хотя изучение обществознания начинается довольно рано, до 10-го класса оно носит скорее пропедевтический характер и является подготовкой к старшей школе. Курс старшей школы включает пять содержательных линий («Человек и общество», «Экономика», «Политика», «Социальные отношения» и «Право») и соответствует требованиям ЕГЭ. Мы сравним несколько учебников для старшей школы, для одиннадцатого класса, базового уровня – два учебника под редакцией Л.Н. Боголюбова («Просвещение»), 2006 и 2014 гг.; под общей редакцией Г.А. Бордовского («Вентана-Граф») 2012 г.; учебник А.И. Кравченко и Е.А. Певцовой («Русское слово»), 2011 г. Каждый из этих учебников состоит из трех разделов: «Экономика», «Политика» и «Право»

(в учебнике «Просвещения» разделы называются «Человек и экономика», «Проблемы социально-политической и духовной жизни» и «Человек и закон»).

Обществознание может изучаться (в зависимости от специализации школы) на базовом или профильном уровнях. Профильный уровень – это редкость, подавляющее большинство российских школ работают на базовом. Единственный профильный учебник, получавший гриф министерства образования – под редакцией Л.Н. Боголюбова – имеет ряд принципиальных отличий от любого базового. По этим причинам здесь он не рассматривается (будет задействован только один сюжет).

На протяжении многих лет среди разнообразных учебников доминируют книги авторского коллектива под редакцией академика РАО Л.Н. Боголюбова. Не секрет, что ряд авторов этого учебника являлись или являются разработчиками контрольно-измерительных материалов для Единого госэкзамена по обществознанию; учебник давно стал привычным для учителей, даже по нему не работающим; тиражи его огромны. Именно учебник Боголюбова вышел

в броской и престижной (по крайней мере, внешне) серии «Академический школьный учебник». У него длинная история, он претерпел по крайней мере три важные трансформации, и некоторое время — до появления достойной конкуренции — он претендовал на звание оптимального. Для нашего анализа выбрано 5-е издание учебника 2006 г. (Москва, «Просвещение», 2010 г.); по умолчанию под учебником «Просвещения» будет подразумеваться именно он. По неизвестной мне причине курс политологии был разделен авторским коллективом на 2 части: 5 параграфов (64 страницы текста) помещены в учебник для 10-го класса, а 7 параграфов — в учебник 11-го. Аналогично этому, курс права также разбит на две части — 5 параграфов изучаются в 10-м классе, 10 — в 11-м. Поэтому главы «Политическая сфера» и «Право как особая система норм» из учебника 10-го класса (с. 218–328) также включены в анализ (по умолчанию все ссылки даются на учебник 11-го класса, ссылки на 10-й будут обозначаться особо: как «Просвещение-10»).

Несмотря на то что в федеральный перечень на 2016/17 уч. год вошел учебник следующего поколения (так называемый «ФГОСовский», 2014 г.), именно «Академический школьный учебник» продолжит оставаться одним из самых массовых в российских школах, на протяжении нескольких ближайших лет. Дело в том, что существующие правила разрешают школам использовать учебник в течение пяти лет с момента последнего упоминания

в федеральном перечне. И «академический» учебник «Просвещения», и учебник «Русского слова» последний раз входили в перечень на 2013/14 уч. год.

«ФГОСовское» поколение учебников «Просвещения», как и предыдущее, отличается по структуре от конкурентов: вместо раздела «Право», ушедшего в 10-й класс, появился раздел «Социальная сфера»; поэтому, для корректности сравнения, анализируются главы по экономике и политологии из учебника 11-го, и глава по праву из 10-го класса. Отмечу, что эволюция учебника под редакцией Л.Н. Боголюбова за последние 15 лет — отдельная интереснейшая тема.

Несмотря на кардинальные изменения в структуре (в том числе появление нескольких новых параграфов), текст нового учебника практически полностью (и как правило, дословно) воспроизводит предшественника, сравнительно малочисленные изменения будут оговариваться специально.

Учебник под общей редакцией академика РАО Г.А. Бордовского (мы рассмотрим второе издание — книгу Издательского центра «Вентана-Граф», Москва, 2014 г.) тоже получил гриф «рекомендовано» на 2016/17 учебный год, в отличие от учебника А.И. Кравченко и Е.А. Певцовой (мы рассмотрим 4-е издание — Москва, «Русское слово», 2014 г.).

Исторические факты используются в рассматриваемых учебниках следующим образом:

1. В виде кратких примеров-упоминаний;
2. В виде развернутых примеров, подробно иллюстрирующих авторский тезис;
3. В качестве основы для проблемного задания (этот прием практически не используется «Русским словом»);
4. В виде афоризма известного исторического деятеля (только у «Просвещения»);
5. Как информационная капсула, несущая дополнительные сведения с самостоятельной познавательной ценностью (например, у «Русского слова» это законченные сюжеты, выделенные из основного текста цветом фона);
6. В ряде случаев – как основной учебный материал (например история ООН, возникновение экономической теории или становление политических идеологий);
7. В виде изобразительного исторического источника (только у «Русского слова»).

Учебники различаются по степени насыщенности историческим материалом. В представленной ниже таблице отражена частота его использования. Подсчитывались элементы исторической информации,

в первую очередь – упоминания событий и персоналий. В ряде случаев определяющим было наличие в тексте даты. Для систематизации была выбрана базовая и основная для российской школы концепция общества как системы четырех сфер (политической, экономической, социальной и духовной). Именно в этой логике работали авторы. Таким образом, любой задействованный авторами исторический сюжет – в какой части учебника он бы ни находился – будет отнесен к политической, экономической, социальной или культурной (в широком смысле) истории. Следует учесть, что в корпусе фактов из экономической истории велика доля экономической статистики (до половины у «Просвещения»). Массивы однородной информации, связанные общим сюжетом, рассматривались как один элемент информации. Кроме того, не учитывались случаи, когда исторические сведения являлись основным учебным материалом (до десяти случаев на учебник). Заранее прошу у авторов прощения за возможную некорректность в подсчетах, но возможные ошибки не изменят общей картины, а именно получение общего впечатления было целью. Для отделения «исторического» от «современного» был применен простейший метод – всё, что произошло до рождения читателей учебника (т.е. современных одиннадцатиклассников, условно 2000-го года рождения) учитывалось как «историческое».

Область	«Просвещение»	«Вентана-Граф»	«Русское слово»
Политическая история	31	38	56
	42 %	86 %	58 %

Область	«Просвещение»	«Вентана-Граф»	«Русское слово»
Экономическая история	32	4	33
	43 %	9 %	34 %
Социальная история	5	0	7
	7 %	0 %	7 %
Культурная история	6	2	1
	8 %	5 %	1 %
Всего	74	44	97
	100 %	100 %	100 %
Количество элементов исторической информации на страницу текста	0,16	0,14	0,24

Доминирование политической и экономической истории во всех учебниках не должно удивлять, оно обусловлено структурой программы.

Безусловным лидером в использовании истории является «Русское слово» — и по количеству, и по разнообразию. Только здесь использованы изобразительные источники (15 позиций), среди которых преобладают малоизвестные для школьника (от картины Лаурица Туксена «Коронация Николая II и Александры Федоровны» до фотографии пикета американских феминисток в 1912 г.). Особенностью этого учебника являются законченные сюжеты (не менее десяти случаев) в виде описания событий или микро-биографических справок. Например, в главе о роли СМИ в политической системе: «Собственное расследование корреспондентами “Вашингтон пост” Б. Вудвордом и К. Бернстайном обстоятельств Уотергейтского дела придало последнему такую разоблачительную направленность, которая в последнем счете привела к отставке президента Р. Никсона» (с. 205).

Не берусь судить, какая из методик — «Вентаны-Граф» или «Русско-

го слова» (большей или меньшей насыщенности) успешнее априори. Мне кажется, что цель и мастерство использования факта важнее количественных характеристик. Как писали И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «школьное историческое образование неизбежно представляет собой “краткий курс”, вопрос лишь в том, за счет чего достигается эта краткость» (Савельева, Полетаев 2008: 474).

У «Вентаны-Граф» очевидно желание учить экономике на актуальных (насколько возможно) примерах из современности, в чём присутствует своя логика. С другой стороны, тема «Экономический рост. Экономический цикл» без примеров из экономической истории выглядит незавершенной.

На первый взгляд, учебник «Просвещения» превосходит «Вентану-Граф» по насыщенности историческим материалом, и является более сбалансированным (если вычесть экономическую статистику, то соотношение политической и экономической истории будет примерно 2 к 1), но впечатление обманчиво. Для «Просвещения» характерны

отсылочные указания на известные события, в максимально абстрагированных формулировках, например: «Реализация идей национал-социализма привела к величайшей трагедии как народ Германии, так и народы всей Европы» (с. 166). В ряде случаев – пользуясь современным интернет-жаргоном – мы видим «битую ссылку». Например, на с. 155 можно прочесть: «Судьба таких исторических личностей, как Дж. Бруно, Г. Галилей, Жанна Д'Арк, судьбы многих наших современников свидетельствуют о наличии противоречия между личным и общественным сознанием, между принятой в обществе системой духовных принципов и идеями отдельных граждан того или иного общества». Трудно понять, кого из наших современников имеют в виду авторы. В истории по версии учебника «Просвещения» практически нет людей. Характерный пример, с. 165: «Во второй половине XX в. многие носители коммунистической идеологии в ряде стран отказывались от идеи диктатуры пролетариата». В разделах «Политическое лидерство», «Роль политического лидера», «Типы лидерства» (с. 185–190) не упоминается ни один политик вообще. Присутствуют всего два имени – упомянуты Макс Вебер и Маргарет Херманн.

Еще одна проблема – недостаточное количество законченных сюжетов, «историй-повествований». Если же они присутствуют, то часто страдают недомолвками и недоговоренностями. В сюжетах об аварии на «Маяке» и Чернобыльской катастрофе (с. 244), упоминающихся в связи с сокрытием властями жиз-

ненно важной информации, не названо число жертв и пострадавших, говорится лишь, что их «трудно подсчитать» и «их тысячи»; Чикаго назван «серийным убийцей», а вместе с фразой о «совершенных им убийствах» это представляет собой всю информацию о его преступлениях (с. 287); в разделе «Политический терроризм» (с. 177–178) отсутствует слово «исланизм», хотя присутствует понятие «путь в рай». Я вовсе не призываю превращать учебник в описание зверств сексуального маньяка, педофила и канибала, но лучше не использовать конкретные факты вообще, нежели подавать их в неполном виде. Необходимо учитывать, что выбор этих примеров – самостоятельное решение авторов. Если примеры казались авторам настолько сложными, сомнительными (рискованными), то зачем они выбраны? В результате задействованная таким способом история растворяется, не доходя до сознания.

Недостаточно часто (за исключением истории законодательства и экономической статистики) мы видим датировку приводимого факта; как правило, следует только упоминание факта (например: «отмена рабства в Америке или крепостного права в России», с. 156). Из моего учительского опыта следует, что событие, дата которого не указана в учебнике, не существует для большинства школьников, причем уровень значимости события не имеет значения. Когда «Просвещение» упоминает, например, Вторую мировую войну без даты, авторы, вероятно, исходят из допущения, что средний подросток

способен отнести событие к историческому периоду и самостоятельно сделать выводы. Это не так, поэтому использование фактов по методу «Просвещения» является «холостым выстрелом». Кстати, приведенный выше пример сформулирован довольно неряшливо, и, к сожалению, это не единственный такой случай. Для «Вентаны-Граф» характерен противоположный подход, нормой являются фразы типа «Уже первые локальные конфликты XX в.: англо-бурская (1899–1902 гг.), русско-японская (1904–1905 гг.), Балканские войны (1912–1913 гг.) потрясли мировое общественное сознание» (с. 302). В целом примеры «Вентаны-Граф» лаконичны, информативны и корректны. Указания на события и личности – вот основа примеров «Вентаны».

Разницу в подходах к использованию примеров между учебниками, можно показать следующим образом. Петр I – один из немногих исторических деятелей, присут-

ствующих в учебнике любого издательства. В каждом учебнике Петр I задействован только один раз. «Русское слово» на примере эпохи Петра иллюстрирует расцвет абсолютизма (с. 158); «Вентана-Граф» указывает на смешение традиционного и харизматического типа легитимности (отмечая дополнительно, что «в русской истории трудно найти личность с большей харизмой, чем у Петра I», с. 91); учебник «Просвещения» говорит о Петре в связи с введением таможенных тарифов впервые в России (с. 120). В последнем случае пример сложно назвать успешным – ни в части метапредметных связей, ни в части закрепления материала, ни по информационному поводу. В учебнике «Просвещения» 2014 г. в том же предложении Петр заменен на Алексея Михайловича (с. 119).

Следующая таблица показывает, где именно – в тексте или в методическом аппарате, использована историческая информация.

Область	«Просвещение»	«Вентана-Граф»	«Русское слово»
Текст	50	28	94
	68 %	64 %	97 %
Методический аппарат	24	16	3
	32 %	36 %	3 %

Отечественная и зарубежная история во всех учебниках используется

примерно в одной пропорции.

Разделы	«Просвещение»	«Вентана-Граф»	«Русское слово»
Отечественная история	30	15	37
	40 %	34 %	38 %
Зарубежная история	39	24	52
	53 %	54 %	54 %
Сопоставление отечественной и зарубежной истории в одном сюжете	5	5	6
	7 %	12 %	8 %

Набор персоналий отличается в каждом учебнике. Полностью, вне зависимости от года издания, списки совпадают только в случае с Наполеоном (во всех как минимум упоминается Кодекс Наполеона) и Марксом/Энгельсом. «Вентана» использует фразу Маркса о налогах (с. 69) в качестве задания и марксистскую концепцию бюрократии в тексте (с. 94), «Русское слово» – в связи с понятием «гражданское общество» (с. 141) и теорией научного социализма (с. 174). «Просвещение» упоминает основоположников научного коммунизма 6 раз. Мне трудно судить о причинах такого пиетета, но только цитата из Энгельса была удостоена ссылки (с. 154) на номера страницы и тома в собрании сочинений Маркса и Энгельса (так ли уж необходима для учебника эта точная ссылка?). Справедливости ради замечу, что «Просвещение» упоминает и фон Хайека – дважды его афоризмы появляются в рубрике «Мысли мудрых» (с. 103, 116), и один раз его фраза задействована в задании (с. 345). В учебнике 2014 г. соотношение меняется – Хайек упоминается 6 раз, Маркс – 2.

При составлении списка персоналий я опускаю многочисленные упоминания писателей и философов, если автор не характеризуется в тексте как общественный (либо политический) деятель прошлого. Следует отметить в скобках, что «Просвещение» и – в меньшей степени – «Вентана-Граф» с удовольствием используют литературные произведения самого широкого круга (одна только русская классика задействована «Просвещением»

в семи случаях). Кроме того, исходя из нашей темы, не учитываются авторы научных теорий (политологи, социологи, экономисты и т. д.), раскрывающихся в учебниках, к какой эпохе они бы ни относились. В ряде случаев решающее значение имеет наличие в тексте датировки – например, в учебнике «Вентаны» я не учел Монталамбера, представленного как «французский писатель и политический деятель» в задании на основе его афоризма. В том случае, если в тексте упоминаемые люди связаны общим сюжетом, в списке они занимают одну позицию. Написание имен сохранено в авторской версии, в комментариях по возможности использована авторская лексика.

«Просвещение»: К. Маркс (см. выше), Петр I – в связи с протекционизмом (см. выше), Джордано Бруно, Галилей, Жанна Д'Арк – как личности, опережающие эпоху (с. 155), Тидзуо Мацумото (Сёко Асахара) и Марина Цвигун (Мария Дэви Христос) – в параграфе «Религиозные объединения», в контексте религиозного экстремизма (с. 206, 210). Сталин упомянут во фразе: «В условиях сталинской диктатуры в СССР в 30-е годы XX в. был принят бесчеловечный нормативный акт, который в народе прозвали “законом о трех колосках”» (с. 219). Данный случай, кстати, является наиболее удачным для «Просвещения» примером использования исторического факта – факт разъяснен, прокомментирован, дана ссылка на полное название Постановления ЦИК и СНК. Чикатило – в связи с судебными ошибками и нарушением процессуальных норм (цитата,

с. 287: «“сознались” несколько человек, а один был даже расстрелян»). Уильям Гладстон — упомянут в связи с его высказыванием о политике («Просвещение-10», с. 229).

В заданиях: С. Витте и П. Столыпин — в задании на повторение (с. 345). Столыпин, кроме того, задействован в самом противоречивом задании учебника. Оно выглядит следующим образом: «Как вы думаете, кто был заинтересован в устранении с политической сцены П.А. Столыпина? Аргументируйте свой ответ» («Просвещение-10», с. 228). У. Черчилль и К. Эттли — задание на основе истории парламентских выборов 1945 г. («Просвещение» 2010 г., с. 261). В. Брандт — задание по тексту (отрывок из воспоминаний) («Просвещение-10», с. 270).

В заданиях на основе афоризма: У. Черчилль (с. 192); Фридрих Энгельс (с. 27), последний, кроме того, упоминался в рассмотренном выше сюжете; Цицерон («Просвещение-10», с. 251).

В рубрике «Мысли мудрых», в которой предлагаются афоризмы без заданий; по сути, это эпиграфы к параграфам: Солон, Цицерон, Т. Рузвельт, Л. Эрхардт (с. 43, 193, 310, 319).

Не могу сказать, что по списку персоналий учебник 2014 г. принципиально отличается, хотя формально изменения велики. Появились Екатерина II и А. Линкольн (в рубрике «Мысли мудрых», 10-й кл., с. 303, и 11-кл., с. 261), П.А. Столыпин упоминается один раз, в задании на основе афоризма (11-й класс,

с. 283), появился Алексей Михайлович (см. выше) и лорд Болингброк (в задании, учебник 11-го класса, с. 271), ушли Петр I, Витте, Солон, Эрхардт, Джордано Бруно, Галилей, Жанна Д'Арк, Асахара, Цвигун и Чикатило.

Список крайне несбалансирован, и в этом я вижу одну из главных проблем учебника «Просвещения». При беглом знакомстве с учебником буквально рябит в глазах от обилия имен; на самом же деле информационное использование исторического материала минимально.

«Вентана-Граф»: Петр I — как пример типа лидерства (рассмотрен выше), Александр Македонский и Цезарь — как примеры харизматического лидерства (с. 90), Ф. Лассаль — как создатель первой массовой рабочей партии (с. 126), Франклин Делано Рузвельт — в связи с «новым курсом» (с. 155), Христофор Колумб и Америго Веспуччи — для иллюстрации разницы между поступком и юридическим актом (с. 195), Николай I, А.Х. Бенкендорф и А.А. Дельвиг — в информационном тексте о цензуре, с заданием к тексту (с. 196–197).

В заданиях на основе афоризма: К. Маркс (с. 69), Г. Моргантау (с. 166), Наполеон Бонапарт (с. 68) и Наполеон I (с. 232), Веспасиан (с. 72), У. Черчилль (с. 109), Томас Пейн (с. 116), Авраам Линкольн (с. 143), В. Гавел (с. 144), О. Бисмарк (с. 163), В. Вильсон (с. 309).

Учитывая объем материала в учебнике «Русского слова», я построил список персоналий по хронологическому принципу.

Древний мир:

- 1) Периандр из Коринфа – пример тирании (с. 159);
- 2) братья Гракхи – пример партии, построенной вокруг конкретного политика (с. 171);
- 3) Цицерон – в связи с термином «гражданское общество»;

Средневековье:

- 4) Чингисхан – при иллюстрации территориального признака государства («кочевая империя Чингисхана – государство», с. 148);
- 5) Иван Грозный – ранние формы абсолютизма (с. 158);

XVIII и XIX вв.:

- 6) Петр I – расцвет абсолютизма (с. 158);
- 7) Шатобриан – в связи с концепцией консерватизма (с. 176);
- 8) Наполеон – в связи с Кодексом (7) и как пример харизматического лидера (с. 135);
- 9) Анри Дюнан основал Международный комитет Красного Креста и Красного Полумесяца (с. 373);
- 10) Александр II – в комментарии к фотографии, дословно: «Сестры Александровской общины, названной в честь спасения императора Александра II во время покушения в 1879 г.» (с. 180);

- 11) Николай II и Александра Федоровна – в пояснении к картине, изображающей коронацию (с. 158);

XX в.:

- 12) В.И. Ленин – как пример харизматического лидера и в связи с известным афоризмом о кухне и государстве (с. 136, 169);
- 13) Кинг, президент Либерии – как одна из иллюстраций разнообразия мировой практики выборов (с. 189);
- 14) И.В. Сталин – как пример харизматического лидера (с. 135);
- 15) Франклин Делано Рузвельт – как пример харизматического лидера (с. 137);
- 16) Гитлер – как иллюстрация мирного установления единоличного режима власти в период социальной напряженности при поддержке большинства народа (с. 157), как пример легальной диктатуры (с. 160);
- 17) Геринг – в сюжете о Нюрнбергском процессе, в разделе «Международные преступления против человечества» параграфа «Международная защита прав человека» (с. 372); Риббентроп и Кальтенбруннер – там же;
- 18) Махатма Ганди – как пример харизматического лидера (с. 135);
- 19) Фидель Кастро – как пример харизматического лидера (с. 135);

- 20) Джон Фицджеральд Кеннеди — как пример харизматического лидера, Джон Кеннеди — в задании (с. 137, 210);
- 21) Мартин Лютер Кинг — в главе «Гражданское общество», это один из удачейших эпизодов учебника (с. 142), и в примере о воздействии СМИ (с. 205);
- 22) Л. Джонсон — в связи с Мартином Лютером Кингом и влиянием СМИ (с. 205);
- 23) Р. Никсон — в связи с Уотергейтом (с. 205); Б. Вудворд и К. Бернстайн — там же;
- 24) Л. Брежнев — пример политической элиты, формирование команды из бывшего окружения в Днепрпетровске (с. 214). В. Дымшиц и К. Черненко — там же;
- 25) Пиночет — как пример насильственного переворота в ситуации кризиса всех институтов общества (с. 157);
- 26) аятолла Хомейни — как пример харизматического лидера и как пример комбинации трех типов власти (с. 135, 137);
- 27) Раджив Ганди — как одна из иллюстраций разнообразия мировой практики выборов (с. 190);
- 28) Б.Н. Ельцин — как пример смены политической власти мирным, демократическим путем (1991 г.), Б. Ельцин — в главе о СМИ, в связи с выборами 1996 г. (с. 216, 208).

- 29) Г. Зюганов — в главе о СМИ, в связи с выборами 1996 г. (с. 208), Г.А. Зюганов — как пример новой коммунистической контрэлиты (с. 217).

Предлагаемая ниже квазисинхронистическая таблица позволяет сравнить «истории» человечества по версиям разных учебников. Принцип составления таблицы — наличие в учебнике даты. Ссылки на учебник «Просвещения» 10-го класса отмечены *. В таблице сохранена авторская лексика при минимальной правке.

Для того чтобы не перегружать таблицу, в нее не помещены следующие сведения (в учебниках даны единым списком, или несколькими капсулами):

1. «Просвещение». Экономические кризисы 1825, 1836, 1847, 1857, 1866, 1887, 1890 гг. Экономические спады в США: 1973–1975, 1979–1980, 1981–1982, 1990–1991. Экономические подъемы в США: 1982–1990, 1980–1981 (самый длинный и самый короткий) (с. 25).

2. «Русское слово». Избирательные казусы: выборы 1962 г. в КНДР, в 1961 г. в Занзибаре (с. 186), в 1985 г. в Индии, в 1927 г. в Либерии (с. 189), в 1984 в Индии (с. 190). Общественные движения: диссидентов в СССР в 1970–1980 гг., массовые студенческие выступления весной 1968 г. во Франции, молодежные инициативы 1980–1990 гг. в России, народные фронты в советской Прибалтике конца 1980-х гг., пацифистские движения 1920-х и 1960-х гг., движение антиглобалистов в 1994–1997 гг. (с. 181–182).

«Просвещение»	«Вентана-Граф»	«Русское слово».
		660–510 гг. до н.э. Эпоха ранней тирании в Греции (159)
		XIV–XV вв. Период собирания русских земель (223)
		XVI–XVII вв. Мануфактурная стадия развития капитализма, начался процесс создания мирового хозяйства (114)
XVII–XVIII вв. Нидерланды – самая крупная торговая держава (117). Появление протекционизма (119). Эпоха естественного права (220)		XVII в. Период великой Смуты в России (223). В Европе и Северной Америке началось становление современной избирательной системы (185)
Конец XVII–XVIII в. Возник классический либерализм (164)		XVII–XVIII вв. В Европе возник либерализм (175)
XVIII в. Англия – самая богатая страна, «мастерская мира» (18)		
XVIII–XIX вв. Промышленный переворот (20)		XVIII – нач. XX в. Абсолютизм (самодержавие) в России (159)
Середина XVIII в. Первые банки в России (94)		
1776 – Декларация независимости США (220)	1776–1787 гг. Конфедерация в США (102)	1776–1787 гг. Конфедерация в США (151)
1787 – Конституция США	1787 г. – Конституция в США	
1789 г. – Декларация прав человека и гражданина во Франции (220)		1789 г. Первые конституции – в США и во Франции («Декларация прав человека и гражданина») (126)
1791 г. – Конституция Франции (220)	1791 г. – Конституция во Франции (214) 1793 г. – Конституция в Польше (214)	1791 г. – Билль о правах в США (126)
Начало XIX в. США догоняют Англию по реальному национальному доходу на душу населения (18)		
XIX в. Наиболее разработанным социальстическим учением стал марксизм (164)		

«Просвещение»	«Вентана-Граф»	«Русское слово».
	1815–1867 гг. Конфедерация в Германии (102)	1815–1867 гг. Конфедерация в Германии (151)
1860 г. – Государственный банк в России (94)	Вторая половина XIX в. В Европе возникают современные партии, действующие в массовой среде (126)	1856 г. – во время Крымской войны – Сестринское движение в России (181)
1861 г. – Крестьянская реформа в России (329*)	1861 г. Первая массовая партия – Либеральное товарищество регистрации выборов в Англии (126)	Середина XIX в. Первые международные организации. 1865 г. – Всемирный телеграфный, в 1874 г. – Почтовый союзы (363)
	1863 г. – первая массовая рабочая партия – Всобщий немецкий рабочий союз (126)	1863 – Красный Крест (373)
	1867 г. – Женевская конвенция. Далее в учебнике названы еще три (302)	1864 г. – Женевская конвенция (373). Далее в учебнике названы еще 11 конвенций по международному гуманитарному праву (374) и 4 экологические (257)
		1879 – Александр II спасся при покушении (180)
		1883 г. – Парижская конвенция по охране промышленной собственности (295)
Конец XIX в. – в США появились антитрестовские законы (36)		Конец XIX в. – в США началась история антитрестовского законодательства (37)
		Рубеж XIX и XX вв. – политические партии в России (179). Завершился процесс складывания мирового хозяйства (114)
XX в. – возникла идеология фашизма (166)	Начало XX в. – первые локальные конфликты: англо-бурская (1899–1902 гг.), русско-японская (1904–1905 гг.), Балканские войны (1912–1913 гг.) (302)	Начало XX в. – все без исключения страны перешли к протекционизму (120)
		1906 г. – Первая Государственная Дума в России (128)

	1914–1918 гг. – Первая мировая война (302)		1917 г., август – Первая биржа труда в России (во Франции – в 1897, в Англии – в 1909) (98)
1917 – Революция в России (185)	1917 г. – в России захватили власть большевики (91)		1917 г. – Октябрьская революция в России (174)
			1917–1991 гг. – Советская власть в России (223)
			1918 г. – первая в Советском государстве Конституция РСФСР (126)
			1919 г. – создана Лига Наций (359)
	1920–1930-е гг. – многочисленные локальные конфликты (303)		
	1922–1923 гг. Гиперинфляция в Германии (40)		1923 г. – основан Интерпол (363)
	1929–1933 гг. – Великая депрессия – самый продолжительный и разрушительный кризис XX в. (25)		1929–1933 гг. – кризис (81)
	1930-е гг. – в СССР – сталинская диктатура (219)		1930-е гг. – в Германии установлена фашистская диктатура (160). Политические процессы над «врагами народа» в СССР (219)
1932 – Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа (219)			1930–1940-е гг. – высокая степень милитаризации, поскольку социалистическая Россия находилась во враждебном окружении (223)
	Начиная с 1940-х гг. инфляция охватила все страны мира (99)		1944 г. – созданы Всемирный Банк и МВФ (115)
	1945 г. – Парламентские выборы в Великобритании, на которых К. Эттли выиграл у У. Черчилля (261*)		1945 г. – после Второй мировой войны в Нюрнберге состоялся судебный процесс над главными нацистскими военными преступниками (372). Учреждена ООН (359)
	1945 г. – после Второй мировой войны создана ООН (303)		1945 г., 26 июня – подписан Устав ООН (363)

«Провещение»	«Вентана-Граф»	«Русское слово».
1946 – в ООН учреждена комиссия по правам человека (321)		
1948 – Создана международная организация Генерального соглашения по тарифам и торговле (122)		
1948 г., 10 декабря – ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека (244*).	1948 г., 10 декабря – ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека (19 декабря 1966 – два пакта) (305). Далее в учебнике названы 12 международных документов по защите прав (306–308)	1948 г., 10 декабря – ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека (в 1966 – два пакта и факультативный протокол) (367)
В 1950 принята Европейская конвенция. 1953 г., 3 сентября – вступила в силу (323). В 1966 – два пакта и факультативный протокол (245*)		
1950-е гг. – освоение целинных и залежных земель в СССР (20)		
1957 – Крупнейшая в нашей истории авария на складе радиоактивных веществ производственного объединения «Маяк» (244)	1960 г. – Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам (163)	1963 г., 28 августа – Речь Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта». В 1957 г. Кинг основал Христианскую конференцию южных лидеров; в 1964 награжден Нобелевской премией мира, убит в 1968 г. (142)
1970-е гг. – в экономической политике многих государств кейнсианство перестало играть главенствующую роль, распространение монетаризма (83)		1970-е гг. – эпоха «развитого социализма» (223)
Последняя треть XX в. – идея правового государства стала воплощаться в жизнь ряда стран (241*)		1970-е гг. – приход к власти в Чили Пиночета (157). Декларация ООН о принципах международного права (362)
1973 г. – «Нефтяной шок», следствие – инфляция в Великобритании (1975) (99). 1973–1975 гг. – самый большой послевоенный кризис (26)		
1975 г. – в Хельсинки подписан Заключительный акт СБСЕ, способствовавший возникновению общественного движения правозащитников (245*)		1975 г. – принят Заключительный акт СБСЕ, раскрывающий содержание принципов международного права (362)
1976 г. – в ООН создан Комитет по правам человека (322)		

Начало 80-х гг. – США объявили эмбарго на поставку компьютеров в СССР под предлогом, что это может укрепить военный потенциал СССР (122)			
1980-е гг. – так называемая электронная революция, особенно бурное развитие ИТП (20). Дефицит в СССР (120)			
1983 г. – Совет Европы принял Протокол № 6 об отмене смертной казни (325)	Середина 80-х гг. – в СССР начались сложные процессы, которые привели к его распаду в 1991 г. (215)		
1986 г. – взрыв реактора АЭС в Чернобыле (244). 1988 г. – начало ликвидации гос. монополии на банковскую деятельность в России, коммерческие банки (94)	Конец 80-х – начало 90-х гг. – кризис российский общества (208)	Конец 80-х гг. XX в. – в СССР и других странах начались преобразования, направленные на переход к рыночной экономике и демократии (175)	
До 1990 г. в СССР существовала однопартийная система – монопольное право на власть было только у КПСС (259*)	1990 г. – III Съезд народных депутатов СССР заложил основы многопартийности (129). Июнь. По инициативе I Съезда народных депутатов РСФСР начата работа над новой конституцией (215)	1991 г. – в связи с отменой 6-й ст. Конституции СССР перестала существовать однопартийная система (179). Впервые в России введен институт президентства (130). Смена политической власти мирным, демократическим путем (216)	
1990-е. – приватизация в России (38). Антимонополистические законы в России (36). Рост безработицы (108)	Начало 90-х гг. XX в. – перестал существовать Советский Союз (86). Гиперинфляция (40)	Начало 90-х гг. XX в. – в России резко введены рыночные отношения (75). Движение солдатских матерей (181)	
		Первая пол. 90-х гг. – конверсия оборонной промышленности (20)	
		90-е гг. – в России растет бюджетный дефицит (86). ВВП сократился в 2 раза (104)	
		1991 г., август – Президент Ельцин подписал серию указов о запрете КПСС, разгоне ее руководств и ликвидации партийного имущества (216). «Парад суверенитетов» (223)	
1992 г. – в России начались рыночные реформы (38). Гиперинфляция (98)		1992–1999 гг. – число безработных в России выросло в 2,5 раза (97)	

«Просвещение»	«Вентана-Граф»	«Русское слово».
1992 г. — на конференции ООН в Рио-Де-Жанейро принята Декларация по окружающей среде и развитию — один из основных международных документов по вопросам экологии (241)	1992 г. — на конференции ООН в Рио-Де-Жанейро принята международная конвенция устойчивого развития, посвященная экологической безопасности планеты (313)	1992–2001 гг. В мире погибли 389 сотрудников СМИ (205)
1993 г. — Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (327)	1993 г. — противостояние между Президентом России и Верховным Советом. 3–4 октября 1993 г. — кровавые вооруженные столкновения в Москве (216)	1993 г. — образован Европейский Союз (151)
1993 г. — принята Конституция РФ, в основу которой положены демократические принципы (237*)	1993 г., 12 декабря — на Всенародном референдуме принята новая Конституция России (216)	1993 г., 12 декабря — на референдуме принята Конституция РФ (126)
1995 г. — создана ВТО (122)		Вторая половина 1990-х гг. — сформировалась демократическая контрэлита, или «правящая оппозиция», в лице праволиберальных партий: СПС, «Яблоко», «Либеральная Россия» (217)
1996 г. — до 1996 г. в Москве и ряде регионов России действовала Аум Синрикё. Известный бандит С. Радуев организовал нападение группы бандитов на дагестанские села Кизляр и Первомайское (298*)		1996 г. — российские демократы убедились в силе телевидения, когда рейтинг тогдашнего Президента Б. Ельцина значительно уступал рейтингу лидера коммунистов Г. Зюганова (208)
1997 г. — Россия подписала Протокол № 6 об отмене смертной казни		1997–1998 гг. — Правительство России выпускает ГКО. Август: «Оказалось, что расплачиваться нечем» (91)
	1999 г., 12 февраля — Постановление КС РФ о неконституционности вынесения смертных приговоров (297)	1998 г. — Россия ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (369)

3. Даты принятия в России ряда законов периода 1990-х гг.

Учебник «Просвещения» 2014 г. практически идентичен предыдущему. Несколько сюжетов выпали (промышленный переворот, первенство США по национальному доходу, антитрестовские законы в США, освоение целины в СССР, Заключительный Акт СБСЕ, «Аум Синрикё» и нападение «банды Радуева»). Добавились: начало современной НТР в сер. XX в. (с. 29), экологические движения «зеленых» в Западной Европе в 70–80-х гг. (с. 251), партии «новой волны» в 80-х гг. (с. 264), «объединение немецких земель» и межпартийные отношения в ФРГ (с. 267), мораторий на применение смертной казни в России с августа 1996 г. (учебник 10-го класса, с. 317).

В сводном списке событий из всех учебников — 26 позиций по 1990-м гг., столько же, как по всей первой половине XX в. (при том что по всему XIX в. — 14). Кроме сильного перекоса в нашу недавнюю историю, набор датированных событий во всех учебниках интересен несколькими пробелами. Во всех учебниках отсутствуют либеральные реформы Александра II (лишь «Просвещение» вскользь упоминает отмену крепостного права и «Крестьянскую реформу»), революция 1905–1907 гг., Февральская революция 1917 г. (судя по контексту, «Просвещение» под Революцией 1917 имеет в виду совсем не ее), Гражданская война в России, коллективизация и «Большой террор». Удивительно, но в курсе политологии в российских учебниках ключевые моменты

отечественной истории не используются даже в качестве примеров. Удовлетворительного объяснения этому обстоятельству я найти не могу. Остается лишь согласиться с И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, когда они пишут: «Пропуски, наличествующие в учебниках, — это прежде всего пропуски определенных событий. Естественно, что умолчания и пропуски имеют идеологизированный характер» (Савельева, Полетаев 2008: 474).

Совершенно сознательно я уклонюсь от рассмотрения мелких ошибок и неточностей (наподобие «Наполеона — императора Франции» в одном из учебников). С одной стороны, никто не свободен от неточностей, с другой стороны, их не так много, с третьей — выскажу антипедагогическую мысль — они не сильно повредят целевой аудитории учебников. Объем и тема данного обзора не предполагают исторической экспертизы всего содержания учебников. Тем не менее несколько ярких сюжетов стоит рассмотреть отдельно.

В оценках исторических событий и исторических деятелей все учебники придерживаются гуманистического подхода и общечеловеческих ценностей. В то же время в учебнике «Просвещения» ощущается некая лаконичность при раскрытии темы «тоталитаризм».

В разделе «Политические режимы» параграфа «Политическая система» учебника «Просвещения» рассказывается о тоталитарном, авторитарном и демократическом режимах. В этом разделе нет ни

одного примера – ни исторического, ни современного («Просвещение-10», с. 234–237). Отмечу кстати, что авторы вполне последовательны – в учебнике 11-го класса, в разделе «Что такое свободное общество» также нет ни одного примера (с. 144–146). Некоторую пикантность этому придает тот факт, что в учебнике профильного уровня приведены многочисленные примеры тоталитаризма. Указывается на основные варианты тоталитаризма – правый (фашизм в Италии и национал-социализм в Германии) и левый (диктатуры в странах коммунистического блока), отдельно подчеркивается историческая обреченность тоталитаризма в его коммунистической разновидности и особо перечисляются образцы левого тоталитаризма – марксистско-ленинский коммунистический режим в СССР, маоистский режим в КНР и режим, основанный на идеях чучхэ, в Северной Корее (с. 155, 158, 160).

Параграф «Политическая система» заканчивается разделом «Демократические перемены в России», предыдущий режим характеризуется как «Республика Советов с монопольной властью компартии», указывается на отказ от «единственной, обязательной для всех идеологии» («Просвещение-10», с. 237). В разделе «Политическая элита» разъясняется происхождение и смысл понятия «номенклатура», политическая элита СССР характеризуется как «партийно-государственная бюрократия, которая приобрела власть и привилегии» (с. 185). Наконец, в параграфе «Современные подходы к пониманию

права», принятые в условиях сталинской диктатуры законы, подобные «Закону о трех колосках», названы «бесчеловечными», «лишенными гуманистического содержания» и «способными подорвать веру в советскую власть и государство» (с. 219). Таким образом, прямого ответа о типе политического режима в СССР учебник не дает.

В параграфе 24 (с. 104–110) «Политические режимы» «Вентаны-Граф» также нет примеров тоталитаризма, но это связано, вероятно, только с авторским замыслом, так как в параграфе 28 «Политические партии и партийные системы», на с. 129, размещен следующий недвусмысленный текст: «Однопартийные системы существовали при тоталитарном режиме СССР и нацистской Германии, в Албании, Румынии. В настоящее время они существуют в КНДР и на Кубе».

«Русское слово» отмечает, что «впервые тоталитарные режимы появились после Первой мировой войны. Они имеют две современные разновидности – социалистическое государство и фашистское» (с. 161). Конкретные примеры не приводятся. Тем не менее, в последующем параграфе «Политические партии и движения» мы видим абзац: «В СССР при социализме существовала монополия государственной собственности; директивное централизованное планирование; диктатура верхнего слоя партийно-государственного аппарата, опирающегося на аппарат насилия и массовые репрессии, насаждающего произвол, незаконие, нетерпимость к инакомыслию.

Господство тоталитарной системы привело к экономическому, политическому и духовному кризису, значительно отставанию от развитых стран мира» (с. 175). Отмечается, что «по способам политической мобилизации общества, приемам террористического господства и пропаганды к фашизму близки тоталитарные режимы сталинизма, маоизма, “красных кхмеров” и др.» (с. 177).

Хотя акценты расставлены, предлагаемую «Вентаной» и «Русским словом» очередность подачи материала, когда конкретный пример отделен от теории целыми параграфами, т.е. неделями реального учебного времени, нельзя признать удовлетворительной с методической точки зрения. Кроме того, бросается в глаза отсутствие примеров репрессивной политики и судеб жертв режима. Несколько легковесно выглядят обличения тоталитаризма, не подкрепленные термином «концентрационный лагерь». Во всех учебниках отсутствуют такие понятия, как «коллективизация», ГУЛАГ, ИТЛ, «внесудебные карательные органы», «депортации репрессированных народов» и т.д. Режим обезличен — нет ни жертв, ни палачей, ни сознательных противников режима. Просто некий «плохой режим», оторванный от людей и существующий сам по себе. Подчеркну — нет ни индивидуальности (ни одной фамилии), ни массы (в виде количества жертв, например).

Парадоксальным образом ни один из учебников не объясняет рождение и формирование советского

режима. «Русское слово», подошедшее к этой теме ближе всех, указывает, что Октябрьская революция провозгласила своей целью воплощение идей научного социализма (с. 174), но не поясняет, каким образом это привело к тоталитаризму. «Вентана-Граф» пишет, что большевики, захватившие власть в стране, были нелегитимной властью, но со временем обрели признание общества (с. 91). Власть большевиков противопоставляется «кризису легитимности», когда власть вынуждена всё чаще прибегать к насилию. У читателя создается впечатление, что после захвата власти большевики не использовали насилие в дальнейшем.

Спору нет, учебник обществознания не должен дублировать учебник истории, и стремление авторов к широким обобщениям (либо, наоборот, к историческому минимализму) вполне обосновано. Тем не менее связать политологическую теорию с ключевыми моментами истории было бы уместно.

В учебнике «Просвещения» заметна некоторая идеализация советской действительности. Например, на с. 120, мы можем увидеть следующую фразу: «В 80-е гг. XX в. в России существовал дефицит почти на все потребительские товары, цены были низкими, а очереди огромными» (с. 120). Издание 2014 г. исправляет Россию на СССР, но указание на 80-е остается по-прежнему. Фокусировка внимания на одном десятилетии противоречит не только фактам, но и экономической теории. Еще Янош Корнай отмечал, что дефицит — «явление хроническое.

Оно наблюдается постоянно; после возможного временного успеха попыток преодолеть его оно всегда возникает вновь. Сама система способствует перманентному наличию дефицита» (Корнаи 1990: 20). В трактовке проблем дефицита и неравенства в советском обществе выгодно отличается учебник «Русского слова», отмечающий: «Квартира, дача, машина – материальные символы советской элиты середины прошлого века» (с. 214). На фотографиях, иллюстрирующих эту фразу, мы видим черную «Волгу», интерьер одной из комнат шикарной квартиры – это гостиная с четырьмя окнами и потолком больше 3-х метров, и двухэтажный

жилой дом, особняком стоящий в густом лесу.

Едва ли лучше ситуация с рассмотрением национал-социализма. «Просвещение» трактует национал-социализм как наиболее полное воплощение фашистской идеологии (с. 166), но не слишком интересуется этой проблематикой. По сути, нацизм появляется в учебнике лишь в связи с Холокостом, в абзаце про геноцид. Вот характерный пример из параграфа «Нации и межнациональные отношения» (он относится к главе «Социальная сфера», которая не затрагивалась в этом обзоре) в трех поколениях учебника.

Учебник для 11-го класса, 2002, с. 228	Из курса истории вы знаете, что Гитлер, придя к власти в Германии в 1933 г., сделал частью государственной политики уничтожение еврейского населения	С этого времени и за период Второй мировой войны было расстреляно, сожжено и уничтожено в специальных лагерях смерти (Треблинка, Освенцим и др.) около 6 млн человек – почти половина всего еврейского народа. Эту величайшую трагедию называют теперь греческим словом «холокост», которое означает «всеуничтожение через сожжение»
Учебник для 10-го класса, 2009, с. 190	Из курса истории вы знаете, что фашистский диктатор А. Гитлер, придя к власти в Германии в 1933 г., сделал частью государственной политики уничтожение еврейского населения	С этого времени и за период Второй мировой войны было расстреляно, сожжено и уничтожено в специальных лагерях смерти (Треблинка, Освенцим, Бухенвальд и др.) около 6 млн человек – почти половина всего еврейского народа. Эту величайшую трагедию называют теперь греческим словом Холокост, которое означает «всеуничтожение через сожжение»
Учебник для 11-го класса, 2014, с. 167	Из курса истории вы знаете, что А. Гитлер, придя к власти в Германии в 1933 г., сделал частью государственной политики ограбление и уничтожение еврейского населения	С этого времени и за период Второй мировой войны было расстреляно, сожжено и уничтожено в специальных лагерях смерти (Треблинка, Освенцим, Бухенвальд и др.) около 6 млн человек – почти половина всего еврейского народа. Эту величайшую трагедию называют теперь греческим словом Холокост, которое означает «всеуничтожение через сожжение»

Наличие Бухенвальда в списке лагерей смерти – простительное, как мне кажется, для школьного учебника упрощение. А вот использование названия современного польского города «Освенцим»

в связи с концлагерем не поддается рациональному объяснению (особенно, если учесть, что и в мире, и в самой Польше используется название «Аушвиц» – так как концлагерь назывался именно так).

В СССР использовалось название «Освенцим», рудиментарно оно присутствует в современной России – но задачей учебника является исправление ошибок, а не следование устоявшимся стереотипам.

Стремление «Просвещения» во что бы то ни стало отождествить национал-социализм и фашизм иногда приобретает комичные формы. В задании на основе сравнения двух высказываний фраза Ганса Кельзена дана в следующем виде, с «разъясняющей» вставкой авторского коллектива: «С позиций правовой науки право под господством нацистов (речь идет о германских фашистах) есть право. Мы можем об этом сожалеть, но мы не можем отрицать, что это было право <...>. Мы можем чувствовать к нему отвращение, как <...> к ядовитой змее, но мы не можем отрицать, что оно существует» (с. 228). Такого рода «уточнения» нивелируют, на мой взгляд, просветительскую функцию учебного пособия. Жаль, что «Просвещение» не учитывает устоявшуюся в науке терминологию. Как превосходно замечено О.Ю. Пленковым, «нацизм и фашизм разделял не только вопрос об антисемитизме <...> но и само представление о роли государства. Нацистский лозунг “партия управляет государством” никогда не был актуален в Италии, где партия играла подчиненную роль. В Италии не было “муссолинизма”, то есть доктринально фашизм имел разные интенции, не обязательно исходившие от дуче, а в Германии нацизм и гитлеризм были совершенно идентичны. Можно отыскать еще массу отличий, поэтому правильнее называть фашизмом

итальянский, а нацизмом – немецкий вариант тоталитаризма. Кроме того, термин “фашизм” давно стал ругательным словом...» (Пленков 2014: 184).

«Вентана-Граф» четко разделяет «германский нацизм и итальянский фашизм» (с. 303), относит нацистский режим к тоталитарному (с. 129). Учитывая концептуальный исторический минимализм учебника, эта лаконичность выглядит естественной, но – принимая во внимание значение темы – не является наилучшим решением.

«Русское слово» относит гитлеровский режим к диктатуре («крайней форме авторитарного политического режима», с. 160), «фашистской диктатуре» и «диктаторскому, иначе – силовому режиму» (там же). Приход Гитлера к власти объясняется тем, что на выборах 1930 г. его поддержал средний класс, социальное положение которого резко ухудшилось в результате экономического кризиса (с. 160); незадолго перед тем, мы видим другую версию – в период развала экономики, вызванного Первой мировой войной, Гитлера поддержало большинство народа (с. 157). У читателя создается ошибочное впечатление, что большинство народа Веймарской республики – это средний класс. Непостижимым образом из социальной базы нацистов исчезли крестьяне (особенно безземельные), пенсионеры, рабочие, низкооплачиваемые госслужащие и протестанты. Акцент на «среднем классе» при отсутствии упоминания других социальных групп серьезно искажает действительную историю. Ввиду

ограниченности объема данного обзора приведу лишь одну оценку, Генриха Винклера: «НСДАП была, и в этом начиная с 1930 г. не может быть никаких сомнений, в большей степени “народной партией”, чем какая-либо другая партия первой немецкой республики» (Винклер 2013: 478). Не меньшее удивление вызывает версия о роли экономических последствий Первой мировой войны (при том что психологические и политические последствия войны не упоминаются вовсе), а не Великой депрессии.

Серьезнейшая и фундаментальная ошибка допущена в оценке количества жертв режима. На с. 160 при характеристике гитлеровского режима говорится: «Однако естественные и политические права граждан такой режим не соблюдал. В концентрационных лагерях томились тысячи людей, не согласных с диктатурой». Мало того, что не упомянуты Холокост и геноцид цыган, не упомянуты репрессии против умственно отсталых, «сектантов» и «асоциалов» (бродяги, попрошайки, «тунеядцы», «бездельники», алкоголики, «жалобщики», алкоголики, «психопаты», проститутки и сутенеры, лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией, злостные нарушители правил дорожного движения, алиментщики и «асоциальные многодетные семьи») (Герлах, Верт 2013: 181). Следует помнить, что в 1940 г. даже появился новый тип лагерей — «воспитательно-трудовые» в подчинении гестапо, главной целью которых были «уклонявшиеся от работы» и не выполнявшие трудовую норму. 200 лагерей и 40 тыс. заключенных

только по этой категории (Герлах, Верт, 2013: 181–185). Даже если по авторскому замыслу в контексте параграфа следует учитывать только политических противников режима, слово «тысячи» не выдерживает никакой критики. Во время «национальной революции» только в Пруссии официально «предварительному заключению», производившемуся полицией, было подвергнуто около 25 тыс. чел., по данным Мартина Бросцата (Бросцат 2004: 141) — а это не считая заключенных «диких лагерей» SA. Проанализировавший динамику численности заключенных концлагерей О.Ю. Пленков отмечает, что в 1937 г. (год самой низкой численности) в 4-х концлагерях (Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд и Лихтенбург) находилось около 10 тыс. узников (Пленков 2004: 135). Таким образом, «Русскому слову» следовало говорить не о тысячах, а о десятках тысяч заключенных «политических преступников» из числа немцев, и обязательно — о массовых репрессиях по мотивам расовой, национальной, религиозной и социальной ненависти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бросцат 2004 — Бросцат М. Тысячелетний Рейх. М.: Эксмо; Яуза, 2004.

Винклер 2013 — Винклер Г.А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.

Герлах, Верт 2013 — Герлах К., Верт Н. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / Под ред. М. Гейера и Ш. Фицпатрик. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.

Корнаи 1990 – Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

Обществознание (профильный) 2010 – Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: профильный уровень / Л.Н. Боголюбов, А.Ю. Лазебникова, А.Т. Кинкулькин и др.; под ред. Л.Н. Боголюбова. 3-е изд. М.: Просвещение, 2010.

Обществознание (базовый) 2010 – Обществознание. 11 класс: учебник для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / Л.Н. Боголюбов, Н.И. Городецкая, А.И. Матвеев и др.; под ред. Л.Н. Боголюбова. 5-е изд. М.: Просвещение, 2010. (Академический школьный учебник).

Обществознание / Боголюбов и др. 2014 – Обществознание. 11 класс: учебник для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / Л.Н. Боголюбов, Н.И. Городецкая, Л.Ф. Иванова и др.; под ред. Л.Н. Боголюбова и др. М.: Просвещение, 2014.

Обществознание / Воронцов и др. 2014 – Обществознание: 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных организаций: базовый уровень / А.В. Воронцов, Г.Э. Королёва, С.А. Наумов и др.; под общ. ред. Г.А. Бордовского. М.: Вентана-Граф, 2014.

Обществознание / Кравченко и др. 2014 – Обществознание: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений / А.И. Кравченко, Е.А. Певцова. 4-е изд. М.: Русское слово – учебник, 2014.

Обществознание 2009 – Обществознание. 10 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / Л.Н. Боголюбов, Ю.И. Аверьянов, Н.И. Городецкая и др.; под ред. Л.Н. Боголюбова. 5-е изд. М.: Просвещение, 2009. (Академический школьный учебник).

Пленков 2004 – Пленков О.Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб.: Нева, 2004.

Пленков 2014 – Пленков О.Ю. Истоки современности (динамика и логика развития Запада в Новейшее время). СПб.: Восход, 2014.

Савельева 2008 – Савельева И.М., Полежаева А.В. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя; М.: ГУ ВШЭ, 2008.

Человек и общество 2002 – Человек и общество. Обществознание. Учеб. для учащихся 10–11 кл. общеобразоват. Учреждений: В 2 ч. Ч. 2. 11 кл. / Л.Н. Боголюбов, А.Ю. Лазебникова, Л.Ф. Иванова и др.; Под ред. Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой. М.: Просвещение, 2002.

REFERENCES

Broszat M. *Tysyacheletniy Reykh*. Moscow: Eksmo; Yauza, 2004.

Chelovek i obshchestvo. Obshchestvoznaniye. Ucheb. dlya uchashchikhsya 10–11 kl. obshcheobrazovat. Uchrezhdeniy: V 2 ch. Ch. 2. 11 kl. L.N. Bogolyubov, A.Yu. Lazebnikova, L.F. Ivanova i dr.; Pod red. L.N. Bogolyubova, A.Yu. Lazebnikovoy. Moscow: Prosveshchenie, 2002.

Gerlakh K., Vert N. *Za ramkami totalitarnizma. Sravnitel'nye issledovaniya stalinizma i natsizma*. Pod red. M. Geyera i Sh. Fitspatrik. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2013.

Kornai Ya. *Defitsit*. Moscow: Nauka, 1990.

Obshchestvoznaniye. 10 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy: bazovyy uroven'. L.N. Bogolyubov, Yu.I. Aver'yanov, N.I. Gorodetskaya i dr.; pod red. L.N. Bogolyubova. 5-e izd. Moscow: Prosveshchenie, 2009. (Akademicheskii shkol'nyy uchebnik).

Obshchestvoznaniye. 10 klass: uchebnyk dlya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy: bazovyy uroven'. L.N. Bogolyubov, Yu.I. Aver'yanov, A.V. Belyavskiy i dr.; pod red. L.N. Bogolyubova i dr. Moscow: Prosveshchenie, 2014.

Obshchestvoznaniye. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy: profil'nyy uroven'. L.N. Bogolyubov, A.Yu. Lazebnikova, A.T. Kinkul'kin i dr.; pod red.

L.N. Bogolyubova. 3-e izd. Moscow: Prosveshchenie, 2010.

Obshchestvoznaniye. 11 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy: bazovyy uroven'. L.N. Bogolyubov, N.I. Gorodetskaya, A.I. Matveev i dr.; pod red. L.N. Bogolyubova. 5-e izd. Moscow: Prosveshchenie, 2010. (Akademicheskyy shkol'nyy uchebnik).

Obshchestvoznaniye. 11 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy: bazovyy uroven'. L.N. Bogolyubov, N.I. Gorodetskaya, L.F. Ivanova i dr.; pod red. L.N. Bogolyubova i dr. Moscow: Prosveshchenie, 2014.

Obshchestvoznaniye: 11 klass: uchebnik dlya uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy: bazovyy uroven'. A.V. Vorontsov, G.E. Korolyeva, S.A. Naumov i dr.; pod

obshch. red. G.A. Bordovskogo. Moscow: Ventana-Graf, 2014.

Obshchestvoznaniye: uchebnik dlya 11 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. A.I. Kravchenko, E.A. Pevtsova. 4-e izd. Moscow: Russkoe slovo — uchebnik, 2014.

Plenkov O.Yu. *Tretiy Reykh. Natsistskoe gosudarstvo.* Saint Petersburg: Neva, 2004.

Plenkov O.Yu. *Istoki sovremennosti (dinamika i logika razvitiya Zapada v Noveyshee vremya).* Saint Petersburg: Voskhod, 2014.

Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Teoriya istoricheskogo znaniya.* Saint Petersburg: Aleteya; Moscow: GU VShE, 2008.

Vinkler G.A. *Veymar 1918–1933: istoriya pervoy nemetskoy demokratii.* Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSPEN), 2013.

22 января исполнилось 125 лет со дня рождения Антонио Грамши (1891–1937). Мыслитель, внесший большой вклад в разработку современной политической теории, депутат итальянского парламента, журналист, лингвист и литературный критик, политический заключенный, он был тесно связан с нашей страной идеологически – как социалист, а затем один из основателей Коммунистической партии Италии. Пусть эта публикация станет данью памяти этого выдающегося человека.

Д. Мессина

Рец.: *Canali M. Il tradimento. Gramsci, Togliatti e la verità negata. Roma, 2013. Pp. 257*

Что в истории коммунизма делает уникальной фигуру Антонио Грамши, его человеческий, политический, интеллектуальный опыт? Он создал философскую систему, до сих пор считающуюся ключевой для интерпретации итальянской, западной культуры и политики. Особенно важным представляется тот факт, что выдающийся мыслитель разработал ее в одиночестве, в фашистских застенках, в атмосфере враждебности и непонимания со стороны коммунистического мира, который, напротив, должен был бы помочь ему.

К такому выводу приходит читатель новой работы историка Мауро Канали «Предательство. Грамши, Тольятти и запретная правда». Автор много и плодотворно работает в архивах, это подтверждают его опубликованные труды «Убийство Маттеотти», «Шпионы Муссолини» (Canali 1997; 2004). На высоком исследовательском уровне, с исполь-

зованием документов, ярко, увлеченно Канали стремится окончательно развенчать фальсификации, созданные вокруг Грамши. В сконструированной Тольятти мифологии агиографический образ был удобен для того, чтобы представить прямолинейную, бесконфликтную историю руководящей группы итальянского коммунизма. Эта версия, однако, далека от того, как обстояли дела на самом деле, и об этом в последние годы стало известно. Заслуга Канали состоит в том, что он собрал вместе все недостающие фрагменты пазла и сделал это на основании архивных источников.

Прежде всего, исследователь развенчивает миф о преемственности между Антонио Грамши и Пальмиро Тольятти. Начиная с октября 1926 г., незадолго до ареста лидера итальянских коммунистов, их пути разошлись, каждый стал придерживаться собственного понимания принципов политической работы.

В частности, это подтверждают тексты двух писем, процитированных Канали. Адресовав их Тольятти (в Москву. — прим. переводчика), Грамши выразил свое несогласие с бюрократизацией, с оппортунизмом, и, главное, выдвинул свою концепцию «демократического централизма», противоположную линии Сталина и руководителей Коммунистического Интернационала. Грамши выступал за «инклюзивный подход», т. е. за включение всей оппозиции, Троцкого в том числе, в совместную работу по строительству социализма, он не исключал при этом этапа «буржуазной демократии», остальные же выступали за принцип «стенка на стенку» и за устранение диссидентов. Так возникло расхождение, усилившееся в последующие годы. Своего апогея оно достигло в известном эпизоде с письмом Руджерио Гриеко от 29 февраля 1928 г., вызвавшим крайнее негодование и возмущение узника, находившегося в неволе уже полтора года.

Следствие еще не было закончено, при этом велись переговоры по обмену заключенными между Италией и СССР (в которых участвовал в том числе и Ватикан), и накануне судебного процесса, приговорившего Грамши к двадцати годам, Гриеко из Вены через Москву посылает письмо, весьма насторожившее фашистские органы безопасности. В декабре 1932 г. Грамши писал свояченице Татьяне Шухт: «Возможно, тот, кто написал это письмо, всего лишь безответственный, глупый человек, и кто-то другой, отнюдь не такой глупый, надоумил его это сделать». Антонио намекал на Тольятти, и это позднее было

подтверждено документами и свидетельствами. Именно он являлся тем самым «менее глупым» человеком, который сильно ухудшил положение Грамши. Следователь Мачис, вероятно, прочитавший письма Гриеко, направленные и другим членам Коммунистической партии Италии, находившимся в тюрьме, предположил, что «кто-то из ваших друзей» сильно заинтересован в том, чтобы заключенные нескоро вышли на свободу. В сложной истории Грамши Канали анализирует роль семьи Шухт, жены Юлии, а также экономиста Пьеро Сраффы, уточнив при этом, что последний примкнул к коммунистам на десять лет позже, чем ему приписывалось слухами. Автор выясняет также степень ответственности Иньяцио Силоне в деле ареста Грамши. Именно Секондино Транкуилли (он же Иньяцио Силоне, он же Сильвестри), отвечавший за пропаганду в КПИ и бывший при этом информатором агента полиции Беллоне, сообщил о том, что Грамши являлся лидером партии. Обвинения на процессе строились в основном на показаниях Беллоне.

Но основной линией повествования остается двусмысленная позиция, занятая Тольятти по отношению к находящемуся в тюрьме соратнику. В краткой истории становления КПИ, написанной в 1932 г. для Коминтерна, он ни разу не упомянул имя Грамши, бывшего в 1923–1926 гг. общепризнанным лидером партии.

После смерти Антонио, случившейся 27 апреля 1937 г., Татьяна Шухт приехала из Рима в Москву с намерением призвать Тольятти к ответу. Ко-

минтерн поручил Стелле Благоевой провести расследование, и в результате в 1940 г. «товарищ Эрколи» был отстранен от руководящей работы. Поражение фашизма и необходимость воссоздания партии в Италии стали для Тольятти спасением.

После войны началось управление интеллектуальным наследием Грамши. Это были публикации сокращенных, специально подобранных частей его обширного труда, ставшего ценной базой для выработки теории «итальянского пути к социализму». Корпус, состоящий из заме-

ток, статей, философских текстов, был подвергнут манипуляциям и использован для создания легенды о «Тольятти, наследнике Грамши».

*Пер. с итал. яз. Н.Г. Тереховой,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»*

REFERENCES

Canali M. *Il delitto Matteotti*. Bologna: Il Mulino, 1997.

Canali M. *Le spie del regime*. Bologna: Il Mulino, 2004.

Н.В. Рыбалко

УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ¹

Рец.: Герасимова И.В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 344 с., ил.

Шесть лет истории города Вильны середины XVII в. были поистине уникальными: столица Великого Княжества Литовского оказалась под властью царя Московии Алексея Михайловича Романова. После территориальных потерь Смутного времени и поражения в Смоленской войне (1632–1634 гг.) недолгое владение Вильной в 1655–1661 гг. ознаменовало собой фактически первый реванш России в длительном противостоянии с Речью Посполитой. Это событие стало показательным для всей Европы – Россия сделала серьезную заявку на новый международный статус.

Монография Ирины Валерьевны Герасимовой «Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века» написана по материалам ее кандидатской диссертации, защищенной в 2012 г. (*Г*

© Н.В. Рыбалко, 2016.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-31-01202(а2).

расимова 2012). Автор завершила исследование, будучи уже кандидатом искусствоведения. Такое сочетание многопрофильной направленности научных интересов позволило И.В. Герасимовой всесторонне осветить жизнь в Вильне в период русско-польской войны (1654–1667 гг.), начиная с исторических подробностей смены власти и организации управления и заканчивая взаимодействием культур на бытовом, социальном и духовном уровне.

«Сохранилась ли социокультурная среда города в условиях военного времени, или этот дом распался на свои конфессиональные квартиры?», – задает один из первых вопросов автор, определяя задачи исследования. «Может быть, – продолжает И.В. Герасимова, – разделом служили коллегиальные связи, социальный статус?.. Как повели себя мещане разных конфессий?.. Какова была повседневная жизнь виленцев?» Все эти вопросы вызы-

вают живой интерес у читателей с самых первых страниц книги.

Особый научный статус монографии придает солидная источниковая база. Судьба Вильны складывалась так, что в последующее время город часто менял государственное подданство, побывав в XVIII–XIX вв. в составе Речи Посполитой, Российской империи, в XX в. в составе Польши, Литовской ССР, в конце XX – начале XXI в. – в составе Литвы, параллельно шло активное взаимодействие с соседними государствами. Это определило широкий географический диапазон и разбросанность архивных фондов, где отложились документы об истории города и судьбе его жителей. И.В. Герасимовой удалось извлечь материалы из архивов России, Германии, Швеции, Польши, Литвы, Украины, Беларуси, а владение польским, немецким, литовским, белорусским языками позволило их прочесть и издать. Автор книги также является одним из составителей сборника документов (1655–1661 m. *rusų okupacinės*, 2011).

Хотя служащие местного управления Вильны в XVII в. и высказывали недовольство бюрократической волокитой со стороны русских воевод, во многом именно делопроизводственные документы Виленской съезжей избы, вывезенные воеводой князем М.С. Шаховским в 1660 г., и акты, отложившиеся в Разрядном приказе Москвы, дали богатый материал по истории управления городом и повседневной городской жизни.

Увлекательные заголовки глав и параграфов полностью отражают представленный в них фактический материал. Книга читается легко и с большим интересом. Автору удалось в доступной форме изложить сложный событийный материал, подкрепляя чуть ли не каждое предложение ссылками на исторические документы и научные результаты предшествующих исследователей. Вместе с тем текст не утяжелен цитатами.

В основу структуры книги положена следующая периодизация. После захвата русскими Вильны (сентябрь 1655 г.) границами выделенных периодов стали начало эпидемии чумы (май 1657 г.), окончание эпидемии (январь–февраль 1658 г.), присутствие в городе дополнительных пяти русских полков (до конца октября 1658 г.) и отрезок времени до декабря 1661 г., «большую часть которого городом управлял князь Д.Е. Мышецкий» (с. 64).

Не вполне четко, однако, указан принцип такой периодизации. Как пишет сама автор, «этими периодами определена жизнь виленских мещан». Понятно, что история города и жизнь мещан являются главным предметом исследования ученого. В то же время с позиции управления городом его история делится на два периода: воеводство князя М.С. Шаховского (сентябрь 1655 г. – май–август 1659 г.) и воеводство князя Д.Е. Мышецкого (май–август 1659 г. – декабрь 1661 г.). Принимая во внимание неравнозначность этих временных отрезков, тем не менее более логичным было бы при отделении

последнего периода ориентироваться на смену воевод.

В основной части монографии речь идет о жизни города с позиции горожан (мещан). Начинается всё с захвата Вильны русскими войсками, описания разорения, которое сопровождало этот процесс. Меньше всего пострадали те, кто смог своевременно покинуть город и вывезти свое имущество. Следующий этап — установление новой воеводской власти, выработка методов управления, часто по ситуации на местах, организация присяги русскому царю Алексею Михайловичу оставшихся жителей и тех, кто постепенно стал возвращаться назад, требуя восстановления своих прав и утраченного имущества.

Особенно остро, как отметила И.В. Герасимова, стоял религиозный вопрос. «Русская власть, столкнувшись с поликонфессиональной средой городов ВКЛ, корректировала указы царя на месте» (с. 86). Непреклонен был Алексей Михайлович к униатам, которые единожды уже изменили православию, выбрав соглашательский путь. Всем им было поставлено одно условие: вновь креститься в православие, а те, кто не был согласен или, крестившись, продолжал оставаться в прежней вере, жестоко наказывались вплоть до смертной казни.

Вызывают интерес представленные подсчеты жителей Вильны, принесших присягу русскому царю. Сопоставлены данные воеводских отписок, крестоприводной книги, росписей из съезжей избы. Все, кто принес новую присягу, были рас-

пределены с учетом социального происхождения и конфессиональной принадлежности.

Особо значимым моментом для исторической науки является введение в научный оборот И.В. Герасимовой крайне редко используемый историками вид письменных источников — певческие рукописи. Исследовательнице удалось проследить на этом материале эволюцию царского титула, сопоставить с хронологией актов. Не совсем, правда, понятны основания противопоставления певческих рукописей и «русских документов» (с. 63).

Далее автор рассмотрела развитие ситуации в городе в период эпидемии чумы, охватившей Вильну, как и большую часть Европы. Выявлены особенности управления городом в это время. Отношения с русской властью после окончания морового поветрия и после введения в город дополнительного военного гарнизона были обострены.

Завершает хронологическое повествование последний значимый эпизод в истории «русской» Вильны. Пробыв в должности воеводы четыре года, наладив отношения с местными жителями, князь М.С. Шаховский покинул город и вывез весь архив съезжей избы — все царские указные грамоты, регламентировавшие управление, записные книги (с. 159). Вновь прибывший воевода князь Д.Е. Мышецкий не был осведомлен об особенностях управления городом. И.В. Герасимова пришла к заключению, что «провал воеводства Мышецкого был связан с избранной им формой

общения с местным населением <...> предпочел действовать запугиванием и силой» (с. 166).

Стоит заметить, что при всей скрупулезности и богатой фактологии в первых четырех главах чувствуется недостаток выводов и обобщений.

В отдельную главу монографии вынесены вопросы о функционировании и взаимодействии органов воеводской власти, магистрата, полномочных послов и военачальников, проблема измены в понимании новой и старой власти на протяжении всего изучаемого шестилетнего периода. Представленный материал в главе очень интересный, но автору, естественно, не удалось избежать некоторых повторов.

Жанр очерков более удачно реализован в последних двух главах — в них раскрыты сюжеты о судьбе материальных и культурных ценностей Вильны, о вывозе и интеграции виленских мастеров и подмастерьев в русскую ремесленную среду, о проникновении новых музыкальных форм песнопений в певческую культуру России.

По каким-то причинам в монографии не предусмотрен общий список источников и литературы, а полные библиографические описания изданий приводятся в книге только один раз при их первом упоминании в ссылках (а не при первом упоминании в главах, как это принято, хотя нумерация ссылок начинается в каждой главе заново). В итоге при возникновении интереса к полным выходным данным издания, указан-

ного в ссылке, читатель вынужден отыскивать место, где это издание упоминается впервые.

Встречаются технически недооформленные ссылки, например: «электронный ресурс» без указания на название электронного документа, а скорее всего, просто оцифрованного текста источника (с. 84).

Не до конца, к сожалению, оказался выверен именной указатель: так, к примеру, упущена информация о том, что Шаховские и Львовы — это представители княжеских родов, Сапеги и вовсе ошибочно определены как «богатый шляхетский род» (с. 327), в то время как это были известные магнаты (Русский архив 2005: 5).

Перечень актов о Вильне, представленный в приложении, безусловно, важен. Однако большую научную ценность имел бы такой перечень, выстроенный не в порядке размещения актов в столбцах Московского стола Разрядного приказа, а в хронологической последовательности, дополненный выявленными актами других архивных фондов, о которых автор сообщает во вводящей части работы. Тогда можно было бы говорить о реконструкции делопроизводства Виленской съезжей избы.

Технические моменты никак не уменьшают того положительного впечатления, которое производит знакомство с данной работой. Перед нами классический пример добротного исследования в рамках локальной истории — истории одного города за конкретный промежуток

времени. Конечный результат напоминает картинку, составленную из пазлов: логически выстроенные образы разных сторон жизни города и горожан в условиях военного времени, собранные по крупицам. И, как это часто бывает применительно к средневековью и раннему Новому времени, отдельных пазлов для полной реконструкции картины не хватает, и автор четко обозначила эти моменты, определив перспективу развития темы для будущих исследований.

Оживляет книгу большое количество иллюстративного материала: рисунки из альбома Мейерберга, портреты русских и иностранных государственных деятелей, фотовоспроизведение текстов архивных рукописей на русском и иностранных языках.

Глубокое изучение локальной истории позволяет нам ставить новые задачи и определять круг нерешенных проблем. И.В. Герасимова в заключении отметила, что потерпела неудачу «попытка удерживать завоеванные территории при помощи военной силы». В то же время обвинять в недипломатичности только князя Мышецкого нельзя — к моменту его назначения «вся шляхта и мещане уже объединились против неприятеля и совместными усилиями пытались отвоевать город у малочисленного русского гарнизона» (с. 282).

Без ответа всё еще остаются главные вопросы: почему же русским не удалось удержать Вильну? В чем была причина отъезда первого воеводы Вильны князя М.С. Шаховско-

го после 4-летней службы в сложных особых условиях во вновь присоединенном городе и насколько целесообразно было это управленческое решение? Можно ли было за шесть лет переломить настроения мещан и городского магистрата в сторону сохранения верности русскому царю Алексею Михайловичу, обещанной в принесенной присяге?

В последнее время всё больше возрастает интерес к историческому сравнительному анализу. Здесь можно вести речь о сопоставлении жизни в Вильне периода русской оккупации с жизнью в других завоеванных русскими литовских городах, и, напротив, о жизни в русских городах, захваченных в том же XVII в. Речью Посполитой. Сравнить уровень жизни в экономическом отношении (товарное производство, торговые связи, денежное обращение), в сфере культуры и быта, более глубоко изучить опыт сосуществования представителей разных конфессий и т. д.

Особая практическая значимость перспективы исследования заключается в изучении механизмов эффективного управления в условиях, с одной стороны, завоевания территории, с другой — стремления сохранить город как источник доходов и как культурную среду для благоприятного функционирования ранее сформированных социальных институтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1655–1661 m. 2011 – 1655–1661 m. rusų okupacinės valdžios Lietuvoje dokumentai / Parengė I. Gerasimova, E. Meilus,

S. Žemaitis. Vilnius, 2011. (XVII a. vid. Maskvos okupacijos Lietuvoje šaltiniai. T. 2).

Герасимова 2012 – Герасимова И.В. Вильна под властью русского царя (1655–1661): судьба города и горожан: Дис. ... к.и.н. СПб., 2012.

Русский архив 2005 – Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа / И.О. Тюменцев, С.В. Мирский, Н.В. Рыбалко, Н.А. Тупикова, Н.Е. Тюменцева. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.

REFERENCES

1655–1661 m. rusų okupacinės valdžios Lietuvoje dokumentai / Parengė I. Gerasimova, E. Meilus, S. Žemaitis. Vilnius, 2011. (XVII a. vid. Maskvos okupacijos Lietuvoje šaltiniai. T. 2).

Gerasimova I.V. *Vil'na pod vlast'ju russkogo carja (1655–1661): sud'ba goroda i gorozhan*: Dis. ... k.i.n. Saint Petersburg, 2012.

Russkij arhiv Jana Sapeci 1608–1611 godov: opyt rekonstrukcii i istochnikovedcheskogo analiza / I.O. Tjumencev, S.V. Mirskij, N.V. Rybalko, N.A. Tupikova, N.E. Tjumenceva. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005.

Д.И. Олейников

КНИГА-ДВОРЕЦ

Рец.: *Пашкова Т.Л.* Император Николай I и его семья в Зимнем дворце: В 2 ч. / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. (Жизнь императорской резиденции). 462+524 с.

Сразу о главном: стóбит. И исследователю, и любителю истории императорской России стоит обменять время на знание и прочесть этот монументальный двухтомник Т.Л. Пашковой, ведущего сотрудника Отдела истории и реставрации памятников архитектуры Государственного Эрмитажа. Автор объединил практически всю ценную и заслуживающую внимания информацию по избранной теме (даже шире!) в единую, хотя и весьма сложную конструкцию. Словно следуя характерному стилю исследуемой эпохи — эклектике, Т.Л. Пашкова выстроила многоплановое повествование, помогающее понять, что именно отличает дворец как величественное здание от дворца — императорской резиденции, тем более в особенную эпоху: «Никогда больше престиж верховной власти не был так высок... никогда Зимний дворец не имел подобного значения для представителей царской семьи» (т. 2, с. 504).

Книга и сама как дворец: она густо населена людьми всех рангов, и текст ее, как поток жизни, движется сквозь богатейший видео-

ряд, — будто сквозь анфилады, залы, коридоры...

Впрочем, рецензентов всегда первым делом интересует «кухня» — источники. Пусть в книге нет столь полезного для исследователей библиографического списка — есть колонки богатых на информацию примечаний. Из них ясно, что при создании книги учтена почти вся заслуживающая внимания литература, в том числе нового века (включая публикации архивных находок). Не обойдены вниманием сборники материалов важнейших конференций и каталоги значимых выставок. Не раз встречаются в сносках своего рода «маркеры» профессионального владения темой: среди них насыщенная биография императора Николая I Л.В. Выскочкова (*Выскочков* 2001), выдающееся исследование Р. Уортмана «Сценарии власти» (*Уортман* 2002), редкая и глубокая монография о судьбе Иосифа Вильгорского (*Лямина, Самовер* 1999), издания записных книжек великого князя Николая Павловича (Записные книжки 2013), переписки Николая с братом Михаилом («Ты ко мне писал...» 2010) и с наследником Александром (Венчание с Россией 1999; Переписка 2008), дневников

© Д.И. Олейников, 2016.

М. Корфа (*Корф* 2004; 2010) и Долли Фикельмон (*Фикельмон* 2009) и т.п. Не упомянуты только некоторые представляющие интерес работы, как, например, наиболее полное издание мемуаров А.Х. Бенкендорфа (*Бенкендорф* 2012), работа Е.В. Душечкиной об истории рождественской и новогодней елки в России (*Душечкина* 2002). Не учтены, к сожалению, некоторые дополненные и исправленные переиздания. В результате, например, автор упрекает Л.В. Выскочкова за ошибку, исправленную еще в 2003 г. (т. 1, с. 123): см. (*Выскочков* 2001: 234; 2003: 100). Материалы исследований И.В. Зимина, имеющие важное значение для поднятого в книге вопроса о смерти Николая Павловича, даны на основании ранней публикации в журнале «Вопросы истории» (*Зимин* 2001¹) (т. 2, с. 518), хотя полнее соответствующая глава в вышедшей позже коллективной монографии «Медицина и императорская власть в России. Здоровье и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века» (*Медицина... 2008*).

Значимость работы повышается и благодаря публикации архивных источников. Широко представлены находки в фондах Государственного Эрмитажа (знаменитая походная кровать Николая Павловича описана в одном из документов так, что «кажется, можно ее реконструировать»), Научно-исследовательского музея Академии Художеств, Российского государственного исторического архива (в том

числе представлены важные, например, для истории последних дней императора записи камер-фурьерских журналов). Можно лишь предполагать, почему не использованы заслуживающие внимания документы из личных фондов Николая Первого и вообще членов императорской фамилии в Государственном архиве Российской Федерации (часть из них, правда, представлена в привлеченных материалах публикаций начальника отдела ГАРФа М.В. Сидоровой). В целом же видна огромная работа по сведению воедино научных работ последних десятилетий.

При таком «сведении воедино» сам материал вынуждает автора выходить за рамки поставленной первоначально задачи «заполнить значительную лауну: рассмотреть именно частную сторону жизни Николая Павловича – сына, мужа, отца, особенности его поведения в семье в те минуты, часы и дни, когда он был “в сюртуке без эполет”» (т. 1, с. 9). Рядом с историей повседневности фигурирует политическая история, например междуцарствия и восстания 1825 г. или Крымской войны. Как не вспомнить сеговения еще Тита Ливия: «Я начинаю чувствовать себя подобно человеку, вступившему в море, – после первых шагов по прибрежной отмели разверзается под ногами пучина, уходит куда-то дно, и едва ли не разрастается труд, на первых порах, казалось, сокращавшийся по мере продвижения вперед» (*Тит Ливий* 1993)... Однако попытки ограничиться кратким экскурсом в такие дискуссионные темы, как восстание декабристов или Восточный

¹ Ошибочно указан 2004 г. выхода журнала (т. 2, с. 518, прим. 92).

вопрос, делают посвященные им страницы самыми неустойчивыми частями конструкции. Автору волей-неволей приходится отходить от эпического повествования и становиться на сторону тех или иных историографических концепций, привнося таким образом в размеренный нарратив необязательную в данных случаях дискуссионность (будь то вопрос о «заговоре Милорадовича» или о соотношении поводов и причин Крымской войны).

Куда убедительнее те случаи, когда Т.Л. Пашкова выдерживает беспристрастную стилистику изложения материала, и вступает в осторожную полемику с необоснованными или потерявшими актуальность точками зрения на основании внимательно рассмотренных фактов. В рассказе о большом пожаре Зимнего дворца в 1837 г. можно найти и скрытую критику легендарного знатока эпохи В.М. Глинки, увидевшего в свое время «главного ответственного за пожар» в самом императоре (т. 1, с. 414) (*Глинка* 2003: 25), и аккуратную дискуссию с постмодернистской версией М. Майофис, по которой реакция на несчастье русских литераторов представляла собой осознанную «пропаганду» для воздействия на европейское общественное мнение (*Майофис* 2009) (т. 2, с. 6–9). Значительный вклад сделан в дискуссию о «тайне смерти» Николая Павловича (ах, если бы еще хоть что-то о «тайне рождения»! (*Олейников* 2012: 5–9)).

Отдельного внимания заслуживает визуальный ряд двухтомника — настолько самостоятельный и значимый для решения поставленных

автором задач, что его невозможно назвать просто «иллюстрациями». Сколько здесь опубликовано впервые, на радость и историкам эпохи, и ценителям искусства! Гравюры из альбома «Живых картин» по случаю визита в Петербург в 1822 г. Марии Павловны, многочисленные рисунки А.Ф. Чернышева из фондов Русского музея, акварели В.С. Садовникова из фондов Эрмитажа, М. Зичи из Русского музея, бронзовая посмертная маска императора Николая, эскиз О. Монферрана... Да и многое из опубликованного «не впервые» может для многих стать приятным открытием (например переатрибутированный М.О. Дединкиным рисунок О. Верне «Великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович в сопровождении свиты», — скорее всего, на рубежном для биографии императора смотре в Верту в 1815 г. (т. 1, с. 50)).

Удачным решением представляется дополнение многочисленных картин врезками в виде обширного текстового комментария. Такое углубление видеоряда представлено в разных вариантах: это может быть объяснением символики изображения (картина «На корабле» Каспара Давида Фридриха) или запечатленных значимых событий (например смотр на Царицыном лугу, присяга наследника престола), «оживлением» интерьера (кабинет императрицы, Белый зал Зимнего дворца, Салтыковская лестница), служить весомым дополнением к портретам.

К сожалению, иногда в такие тексты вкрадываются неточности. Например, подпись к портрету А.Х. Бен-

кендорфа (т. 2, с. 293), сообщает, что его «детское общение с великим князем Николаем Павловичем переросло в многолетнюю дружбу». Однако в реальности Бенкендорф был старше Николая Павловича на 14 (по другим источникам, на 15) лет; его реально близкое общение с повзрослевшим великим князем началось только в конце 1810-х гг. (Олейников 2009: 178). Бенкендорфу «не повезло» на страницах книги еще раз: в 1845 г. Смирнова-Россет не могла делать никаких выводов «по особой манере держаться с фавориткой [императора] А.Х. Бенкендорфа» (т. 2, с. 388), потому что последнего тогда уже год как не было в живых. Сам источник подобного утверждения не указан, но, возможно, это «псевдомемуары» Россет, практически художественный текст, опубликованный ее дочерью, — порой автор цитирует его наряду с «настоящими» мемуарами (т. 2, с. 165). Это только один из примеров той сложности, которая встает перед исследователем при использовании источников личного происхождения. Их субъективность, собственно, и придает былому характерные краски и аромат, но при этом делает и оценки исследователя субъективными, идущими за взглядами и политической позицией тех или иных персонажей. Выбор исследователя часто зависит от того, насколько подробно и эмоционально ярко эти взгляды представлены, и он руководствуется своими симпатиями, чувством эпохи, вкусом. С точки зрения рецензента, автор чрезмерно увлекается «злословным» де Кюстином, порой цитируя его целыми разворотами (т. 2, с. 12–13); слишком открыто солидаризируется с 25-летней фрей-

линой Тютчевой, утверждая, что девушка оставила в своих дневниках «наиболее глубокий анализ эпохи» (т. 1, с. 351). Но дневники Тютчевой не только подробны, но и небеспристрастны, полны сиюминутных эмоциональных переключений — чего стоит только набивший оскомину ярлык «страшный и злобный Дон-Кихот самодержавия» — появляющийся в полной симпатии к императору книге вслед за утверждением ее автора о том, что именно Тютчева подошла «наиболее близко к разгадке внутренней сути императора» (т. 1, с. 6, 7)! Кстати, высказывания подобно последнему всегда вызывают у читателя некоторое недоумение: автор косвенно объявляет об обладании абсолютным знанием «внутренней сути императора»: иначе как ему судить — кто подошел к ее разгадке более близко, а кто менее? Почему «подошла» молодая фрейлина, почему не знавший Николая куда ближе и дольше его «начальник штаба по крестьянской части», «оппозиционер Его величества» П.Д. Киселёв? В часто цитируемом в книге сборнике приводятся такие его слова: «Будут порицатели — это удел всех, а паче тех, которые принадлежат потомству, но будут, и более, которые, постигнув императора Николая, воздадут ему должное» (Николай I: личность и эпоха 2007: 426).

В результате противоречия некоторых источников остаются неснятыми или недостаточно прокомментированными. Например, в 1-м томе приводится распространенная точка зрения на императора Николая как на такого любителя масок и переодеваний, что «границы его

реальной личности невольно размывались» (т. 1, с. 7). А через сотни страниц, уже в томе 2-м, цитируются высказанные в письмах императора к сыну «слова, в которых заключается его жизненное кредо: “Иди прямо и не принимай личины. Вот мое правило”» (т. 2, с. 486–487).

Есть в работе столь в общем весьма высокого уровня и некоторые явные фактические неточности. Вот наиболее бросающиеся в глаза примеры. Кавалергарды названы полком «легкой кавалерии» (т. 2, с. 153). Утверждается, что жилища Помпей погребены «под слоем застывшей лавы» (т. 2, с. 88) — хотя на самом деле под многометровой толщей пепла. «Народность» представлена как «важнейшая составляющая знаменитой триады» (т. 2, с. 98), хотя важнейшая — православие — потому и стоит в упомянутой «триаде» на первом месте. Стойка с ружьем «у ноги» не являлась стойкой «смирно» (т. 1, с. 408) — это стойка часовых на постах «у знамен и генералитета» (не «на плечо», не «на караул», не «от дождя»). Из текста можно подумать, что Англия и Франция присоединились к Турции сразу по объявлении последней войны России 4 октября 1853 г. (т. 2, с. 481) — и т. д.

Нельзя не попенять и на досадные мелочи, касающиеся, скорее, редактур. Автор пишет «курсив мой» — а курсива нет (т. 1, с. 40). Планы Дворца с «родной» нумерацией (например, т. 1, с. 404) подробно расшифрованы в подписях, но порой уменьшены так, что цифры на них плохо читаются. Перепутаны подписи к двум картинам В.Е. Раева

(т. 2, с. 467). Н.Ф. Арндт назван Арендом (т. 2, с. 457)², а в одном месте художник А.И. Зауервейд стал А.И. Зуервейдом (т. 1, с. 40).

Для издания такого «энциклопедического» типа еще больше, чем библиографии, не хватает именного и предметного указателей: книга такой обширной и «густой» тематики для многих станет справочником по эпохе в целом и по многим частным темам. Не один читатель грустно вздохнет по этому поводу: гигантского дополнительного и кропотливого труда требует такая работа, но она спасает часы и дни поисковой работы множества исследователей, идущих следом.

Впрочем, нужно согласиться с Ю.М. Лотманом и цитирующим его во введении автором книги: «По этой дороге можно только идти. Дойти до конца по ней нельзя». Благодаря книге Т.Л. Пашковой продвинуться удалось уже очень далеко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бенкендорф 2012 — *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. М., 2012.

Венчание с Россией 1999 — Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М., 1999.

Высочков 2001 — *Высочков Л.В.* Император Николай I. Человек и государь. СПб., 2001.

Высочков 2003 — *Высочков Л.В.* Николай I. М., 2003.

² В этом случае цитируется источник, но в одном случае он поправлен, в другом нет; к тому же неверно указаны цитируемые страницы: не 395, а 393–394.

Глинка 2003 — Глинка М.С. Хранитель. СПб., 2003.

Душечкина 2002 — Душечкина Е.В. Русская ёлка. История. Мифология. Литература. СПб., 2002.

Записные книжки 2013 — Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М., 2013.

Зимин 2001 — Зимин И.В. Медики и самодержцы. Загадка смерти Николая I // Отечественная история. 2001. № 4. С. 57–67.

Корф 2004 — Корф М.А. Дневник: Год 1843-й. М., 2004.

Корф 2010 — Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010.

Майофис 2009 — Майофис М. Чему способствовал пожар? «Антикризисная» российская публицистика 1837–1838 годов как предмет истории эмоций // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 156–183.

Медицина и императорская власть... 2008 — Медицина и императорская власть в России. Здоровье и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX — начале XX века / Под ред. Г.Г. Онищенко. М., 2008.

Николай I 2007 — Николай I: личность и эпоха: Новые материалы / Отв. ред. А.Н. Цамутали; отв. сост. Т.В. Андреева и др. СПб., 2007.

Олейников 2009 — Олейников Д.И. Бенкендорф. М., 2009.

Олейников 2012 — Олейников Д.И. Николай I. М., 2012.

Переписка цесаревича 2008 — Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I, 1838–1839 / Под ред. Л.Г. Захаровой, С.В. Мироненко. М., 2008. (Бумаги Дома Романовых).

Тит Ливий 1993 — Тит Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. М., 1993. Т. III.

«Ты ко мне писал...» 2010 — «Ты ко мне писал, и я к тебе царапаю...» (Из переписки великого князя Николая Павловича с братом Михаилом) / Публ. А.А. Литвина, М.В. Сидоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. XIX. М., 2010. С. 213–277.

Уртман 2002 — Уртман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

Фикельмон 2009 — Фикельмон Д. Дневник. 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. М., 2009.

REFERENCES

Benkendorf A.Kh. *Vospominaniya*. Moscow, 2012.

Venchanie s Rossiey. *Perepiska velikogo knyaza Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I. 1837 god* / Sost. L.G. Zakharova, L.I. Tyutyunnik. Moscow, 1999.

Vyskochkov L.V. *Imperator Nikolay I. Chelovek i gosudar'*. Saint Petersburg, 2001.

Vyskochkov L.V. *Nikolay I*. Moscow, 2003.

Glinka M.S. *Khranitel'*. Saint Petersburg, 2003.

Dushechkina E.V. *Russkaya yelka. Istoriya. Mifologiya. Literatura*. Saint Petersburg, 2002.

Zapisnye knizhki velikogo knyaza Nikolaya Pavlovicha. 1822–1825. Moscow, 2013.

Zimin I.V. *Mediki i samoderzhtsy. Zagadka smerti Nikolaya I. Otechestvennaya istoriya*. 2001. N 4. P. 57–67.

Korf M.A. *Dnevnik: God 1843-y*. Moscow, 2004.

Korf M.A. *Dnevniki 1838 i 1839 gg*. Moscow, 2010.

Mayofis M. *Chemu sposobstvoval pozhar? «Antikrizisnaya» rossiyskaya publitsistika 1837–1838 godov kak predmet istorii emotsiy. Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. N 6. P. 156–183.

Meditsina i imperatorskaya vlast' v Rossii. Zdorov'e i meditsinskoe obespechenie pervykh lits Rossii v XIX — nachale XX veka. Pod red. G.G. Onishchenko. M., 2008.

Nikolay I: lichnost' i epokha: Novye materialy. Otv. red. A.N. Tsamutali; otv. sost. T.V. Andreeva i dr. Saint Petersburg, 2007.

Oleynikov D.I. *Benkendorf.* Moscow, 2009.

Oleynikov D.I. *Nikolay I.* Moscow, 2012.

Perepiska tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I, 1838–1839. Pod red. L.G. Zakharovoy, S.V. Mironenko. Moscow, 2008. (Bumagi Doma Romanovykh).

Tit Liviy. *Istoriya Rima ot osnovaniya goroda:* V 3-kh t. Moscow, 1993. Vol. III.

«Ty ko mne pisal, i ya k tebe tsarapayu...»: (Iz perepiski velikogo knyazya Nikolaya Pavlovicha s bratom Mikhailom). Publ. A.A. Litvina, M.V. Sidorovoy. *Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh.* Vol. XIX. Moscow, 2010. P. 213–277.

Uortman R. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii.* Vol. 1. *Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I.* Moscow, 2002.

Fikel'mon Dolli. *Dnevnik. 1829–1837. Ves' pushkinskiy Peterburg.* Moscow, 2009.

ЧТО ОТРАЗИЛОСЬ В ЗЕРКАЛЕ?

Рец.: Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 376 с. (Серия HISTORIA ROSSICA)

Работа Ю. Сафроновой, помимо прочих несомненных достоинств, привлекает внимание сложностью поставленной исследовательской задачи: увидеть российское общество, отраженное «в зеркале русского террора». Понять феномен общества в России, как считает Ю. Сафронова, можно лишь в «зеркале кризиса, заставляющего отдельных людей проблематизировать само его существование, возможности, а также свой статус в нем» (Сафронова 2014: 19). Иными словами, народофильский террор способствует предметному анализу русского общества начала 1880-х гг. Лишь под грохот динамитных взрывов и небывалой в истории православной Руси «охоты» на «царя-батюшку» русское общество пробудилось и проявило себя. Такова сознательная методологическая установка автора монографии. Отметим, что вне зависимости от того, насколько Ю. Сафроновой удалось доказать свой исходный тезис (об этом речь далее), ее книга — интересное, оригинальное и многогранное исследование.

Труд Ю. Сафроновой — первая в историографии *специальная работа* о восприятии террора русским

обществом. У Н.А. Троицкого эта проблема рассматривается под иным, нежели в рецензируемой монографии, углом зрения (Троицкий 1979). Саратовский историк, как верно подчеркивает исследовательница, и не ставил задачу *исчерпывающе* изучить отношение российского социума к террору «Народной воли».

Как и любому «первопроходцу», Ю. Сафроновой пришлось искать свой путь для решения поставленных задач, в частности определить круг источников и способы их интерпретации. Эти важнейшие для реализации исследовательского замысла условия блестяще выполнены автором. В монографии представлен обширный корпус источников: от высочайших манифестов и законодательных актов до «сведений», «сообщений», слухов, толков, предложений, извлеченных из мемуаров, писем, разного рода проектов, прошений и пр. При анализе этого огромного свода данных Ю. Сафронова успешно сочетает методы на стыке истории, политологии, социологии, статистики и отчасти демографии.

Основной текст «Русского общества...» поделен на две неравные

части. В первой, большей по объему, реконструируются источники «формирования информационного поля проблемы терроризма». Во второй автор, аналитически обобщив полученные данные, стремится дать ответ на главный вопрос: чем было (если оно было) русское общество в 1879–1881 гг.?

Каждый из источников, отражавших реакцию власти, церкви или общественных групп на террористические акты, подвергнут тщательному системному анализу.

Согласимся с петербургской исследовательницей, что наиболее скупой на информацию и малоубедительной для общества оказалась пропагандистская модель, предложенная властью. Этот факт не вызывает удивления. Сама риторика и конструкция правительственных сообщений и манифестов не претерпела существенных изменений с начала XIX столетия. Как и прежде, взяв «в поддержку» всевышнего, Александр II «со товарищи» сохраняли, за редким исключением, безадресность публичных актов коммуникации, обращаясь ко всем сразу и ни к кому конкретно. Даже в тех случаях, когда верхи сигнализировали о необходимости поддержки и помощи со стороны «русского народа», язык этих посланий оставался казенным, безличным, риторика — сугубо назидательной, а информация тщательно дозировалась.

И всё же, как убедительно показала Ю. Сафронова, в тональности официозной пропаганды конца 1870-х — начала 1880-х гг. чувству-

ется вполне объяснимая растерянность. Впервые в истории России власть оказалась в осадном положении. Несмотря на репрессии и чрезвычайщину, верхи не контролировали ни положение в стране, ни информационное пространство. Именно неуверенностью, граничащей с бессилием, на наш взгляд, объясняется обращение самодержца к «благоразумным отцам семейства» с просьбой повлиять на молодое поколение, или заигрывание с либералами полувластелина империи графа М.Т. Лорис-Меликова. «Власть, взывавшая к помощи общества, кажется, не очень ясно представляла себе, чего она добивается», — отмечает Ю. Сафронова (Сафронова 2014: 70).

Красноречивым примером растерянности и нервного состояния власти является и беспрецедентная для российского абсолютизма практика апелляции к западному общественному мнению. Автор монографии обратила внимание на регулярное воспроизведение в правительственных изданиях сообщений ряда западных СМИ, осуждавших террор вообще и особенно покушения на Александра II. Никогда ранее самодержавие не обращалось к Западу за сочувствием и поддержкой (воззвания к покоренным Наполеоном народам Европы в 1813–1814 гг. имели исключительно военно-пропагандистский характер).

Ю. Сафронова подводя итоги информационной политики власти, заключает, что официальные круги проиграли борьбу за общественную поддержку из-за «отсутствия

разработанной и скоординированной пропагандистской политики» (Сафронова 2014: 70). Вывод историка о пропагандистской немощи администрации Александра Освободителя неоспорим. Невозможно добиться расположения общества, не доверяя ему и полагаясь в основном на цензуру, как справедливо отмечает автор. Что же касается главной причины подобной несостоятельности, то здесь, думается, дело не только в организационном бессилиии имперской администрации.

Последняя четверть XIX в. — время структурных общественно-политических сдвигов и стремительного распространения новых идей в естествознании, социологии, политике. Западные идеи и ценности, пусть nasкоро усвоенные и плохо понятые, формировали мировоззрение русского образованного класса, заодно подтачивая и самодержавную бюрократию. Пропагандистский арсенал власти обветшал, в нём просто не было интеллектуально привлекательных для публики идей, а противопоставление потоку модернистских учений архаичной уваровской триады было бессмысленно и практически бесполезно. Заведомо несостоятельными были и все попытки верхов обеспечить информационную блокаду «крамолы» средствами цензуры.

Примитивными оставались формы непосредственной вертикальной коммуникации власти с представителями общества. Доказательство тому — отдельная глава рецензируемой монографии (Сафронова 2014: 209–225). После каждого покушения в ответ на поток адресов,

поднесений, записок и проектов о борьбе с террором власть ограничивалась скупым выражением благодарности верноподданым гражданам. С другой стороны, и многие предложения от общества по искоренению террора не отличались содержательностью и разнообразием. Большинство таких «проектов» сводилось в лучшем случае к завету литературного героя Г. Успенского будочника Мыррецова: «Тащить и не пущать». Вынашивались в недрах русского общества и сценарии искоренения крамолы, в сравнении с которыми «Священная дружина» не более чем конфуз. Так, иные «политические активисты», не останавливаясь на полумерах, настаивали, что заподозренных в сочувствии к крамоле необходимо «ловить и вешать» на месте, без суда и следствия. Правительство, даже если предприняло бы глубокий анализ таких «общественных инициатив», вряд ли решилось бы на их воплощение в жизнь.

Ю. Сафронова обстоятельно доказала, что российская пропагандистская машина работала на холостом ходу, уступая в мобильности и правым, и «умеренным», и левым. Вдобавок к тому, как превосходно показано в монографии, каждый теракт, поднимая «седьмой вал» слухов и толков, захлестывал Россию от центра к периферии и камня на камне не оставлял от официальной трактовки происшествия. В повседневной жизни русский обыватель и поныне предпочитает верить не сообщениям властей, а «г-ну имярек», получившему «самую достоверную информацию», разумеется, «из первых рук». К слову, раздел

монографии Ю. Сафроновой о роли слухов в «формировании информационного поля» один из самых интересных и познавательных. Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии по исследуемому периоду нет работ, в которых была бы столь впечатляюще воссоздана картина самой настоящей паники, охватившей *все слои* русского общества после цареубийства 1 марта. Очень любопытна и подмеченная автором «бессословность» эпидемии слухов и толков, проникавших и в крестьянский мир, и в дворницкую, и в салон генеральши А.В. Богданович, и в рабочий кабинет оберпрокурора Святейшего синода.

Итак, реальную борьбу за монополию своей интерпретации русского террора в 1879–1881 гг. вели неправительственные агенты политического действия.

Православная церковь в борьбе за внимание публики имела явное преимущество перед конкурентами. Идеологические установки Синода проповедовали перед многомиллионной паствой приходские священники по всем городам и весям необъятной державы. Как правило, внушительно тиражировались и подготовленные церковными публицистами издания «на заданную тему». Священное Писание было поистине бездонным источником для создания тех или иных образов. Как следует из текста монографии, главное внимание духовные пастыри уделяли фигуре монарха, «мученику», и жертве. Смерть Александра II на Екатерининском канале уподоблялась искупительной жертве Христа на Голгофе, а вина за ги-

бель царя-освободителя возлагалась на весь русский народ, подобно тому как распятие Вероучителя считалось смертным грехом всего рода иудейского.

Образ же террористов рисовался официальной церковью двояко. В наиболее непримиримой и фантастической трактовке они «зверински мысляще» и «зверински живячу» тайные агенты «беззаконного синедриона». В более умеренной и рациональной церковно-пропагандистской модели народники — «заблудшие чада», дети своих «отпавших» от истиной веры отцов.

Ю. Сафронова полагает, что предложенное церковью объяснение терроризма имело большое влияние «на информационное поле» (Сафронова 2014: 93). Да, общий, так сказать, «удельный вес» церковной пропаганды в потоке информации о терроре был действительно велик. Однако в чём именно сказывалось влияние церковной интерпретации событий 1879–1881 гг. на *русское общество* — исследовательница не уточнила. Более того, чуть ранее она констатировала, что для церкви «вопросы о том, кто такие террористы и какова роль общества в этих событиях, отходили на второй план» (Сафронова 2014: 91). Получается, что второстепенными церковью считала проблемы генезиса терроризма и поиски его корней в обществе. С другой стороны, насколько авторитетным и убедительным было церковное морализаторство для политической активной части этого самого общества, учитывая равнодушие или даже подчеркнутую враждебность

значительной части образованного класса к вопросам церкви и веры?

По нашему мнению, из текста исследования Ю. Сафроновой видно, что наиболее методично, упорно и последовательно сражение за благосклонность общества вели публицисты. Именно в материалах легальной и нелегальной печати очевидны попытки создать объективную и доступную для понимания большинства картину происходящего. Общим для консерваторов, либералов и народников было стремление создать собственную культурно-политическую модель с конкретным объяснением причин и последствий террора. Интерпретация же террора оказывалась только средством, чтобы предложить русскому обществу некие «идеальные» образы политического и гражданского бытия империи. В сущности, численно небольшие, но политически мобильные группы охранителей, умеренных и радикалов себя и только себя считали подлинными представителями общества.

Печать казалась самым действенным и быстрым способом утвердить в обществе разработанные основными политическими течениями культурно-политические идеалы. С этим и связано крайнее ожесточение, с которым велась полемика в русской публицистике конца 1870 – начала 1880-х гг. (Сафронова 2014: 158). Воздействие на общественное сознание было тем более необходимо, что, как отмечает Ю. Сафронова, продолжал «углубляться разрыв в понимании того, что есть “общество”, у пред-

ставителей административного аппарата и у журналистов, в это время претендовавших на роль руководителей общества и производителей смыслов» (Сафронова 2014: 13).

В нелегальной литературе опровержение церковной пропаганды было не главным. Основной огонь критики народовольцы сосредоточивали на оппонентах – публицистах светского направления.

Либеральные издания по соображениям цензуры выпады против официоза себе позволить не могли, но противников справа зачастую представляли в самом неприглядном, карикатурном виде, легко переходя на личности, пренебрегая принятыми в обществе нормами этики. Так, например, Ф.М. Достоевского публицисты «Слова» и «Русского богатства» «непринужденно сравнивают с раритетом из кунсткамеры, с монстром, помещенным в банку, вокруг которой толпятся праздные зеваки». Великий писатель, уверен критик «явление совершенно той же категории, к которой относится <...> двуголовый теленок» (Волгин 1991: 303–304).

К сожалению, именно «производители смыслов» либеральной ориентации в наибольшей степени стремились опорочить, унижить, морально уничтожить неудобного оппонента, вывести его за пределы культурного поля, видимо, считая это своим «гражданским долгом». В целом же русская пресса последней четверти XIX в. действительно отражала интересы и чувства той или иной сравнительно небольшой категории *читателей*. Как

говорилось, террор народников использовался публицистами как предлог для битвы за симпатии публики. Беда только, что в пылу сражения истинные потребности общества порой отходили на второй план перед политической ангажированностью субъектов политического действия.

Думается, что анализ ключевых проблем, представленных в монографии Сафроновой, приводит к однозначному выводу: национальные информационные источники периода народовольческого террора не дают возможности понять, чем же было русское общество. Обратно говоря, «в зеркале русского террора» отразились лишь смутные штрихи, контуры, очертания фигур и предметов. Ясного и объемного отражения мы не видим. Вероятно, это не случайно. Что могло отразиться в этом воображаемом зеркале, если само общество той эпохи было взбудоражено и находилось в состоянии, близком к психическому срыву?

К сходному выводу приходит в итоге и автор монографии, констатируя, что «обращаясь ко всему обществу, власть разговаривала с фантомом, которому она сама всячески препятствовала обрести плоть» (Сафронова 2014: 333–334). Добавим только, что этот фантом привиделся

не только власти, но и другим «созидателям» информационного поля. А привидение, как известно, в зеркале не отражается.

Монография Ю. Сафроновой — серьезное, выполненное на высоком профессиональном уровне исследование. Отметим и стилистическую выверенность текста книги, достоинство, увы, не так часто встречающееся в современной исследовательской литературе. Можно не соглашаться с выводами автора, но книга, несомненно, вызывает читательский интерес и будет востребована профессиональным сообществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волгин 1991 — Волгин И.Л. Последний год Достоевского: Исторические записки. М., 1991.

Сафронова 2014 — Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М., 2014.

Троицкий 1979 — Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979.

REFERENCES

Volgin I.L. *Poslednyi god Dostoevskogo: Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1991.

Safronova Y. *Russkoe obchestvo v zerkale russkogo terrora. 1879-1881 gody*. Moscow, 2014.

Troitskiy N.A. *Tsarizm pod sudom progressivnoy obshchestvennosti*. Moscow, 1979.

М.В. Медоваров

КНЯЗЬ-ГРАЖДАНИН ИЛИ ENFANT TERRIBLE РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА?

Рец.: *Пронина И.А.* Князь В.П. Мещерский: консервативная оппозиция Великим реформам. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. 208 с.

Современная историография русского консерватизма XIX – начала XX в. крайне обширна, разнообразна и охватывает огромное множество персоналий как первого, так и второго ряда. Количество научных и популярных работ, посвященных К.Н. Леонтьеву, И.С. Аксакову, М.Н. Каткову, К.П. Победоносцеву, уже не поддается точным подсчетам, но и многие фигуры меньшего масштаба успели обзавестись собственной солидной традицией изучения, публикации, комментирования. На этом фоне достаточно редки те фигуры «первого эшелона» русских консерваторов, которые оказались в непропорционально большой степени обделены вниманием исследований. Среди них особо выделяются Т.И. Филиппов и князь В.П. Мещерский. По своему влиянию на верховную власть в эпоху Александра III и Николая II они были успешными соперниками К.П. Победоносцева, и тем поразительнее тот факт, что, к примеру, в одной из фундаментальных работ по русскому консерватизму данного периода внук великого Карамзина

упоминается лишь эпизодически, а сблизившийся с ним Филиппов вообще не упоминается (*Репников 2007*).

Перед нами – одна из относительно недавних книг, которая призвана отчасти закрыть эту лауну. Согласно замыслу И.А. Прониной, целью ее исследования должен был стать всесторонний анализ общественно-политической деятельности В.П. Мещерского в 1870-е гг. Нельзя не отдать должное самостоятельности научных поисков автора рецензируемой книги, однако с самого начала в ее труде обнаруживается слабое место – историографический раздел.

Во-первых, монография И.А. Прониной основана на тексте ее кандидатской диссертации, защищенной в 2002 г., и ряда статей, написанных до 2006 г. включительно, и потому в тексте полностью отсутствуют упоминания нового издания сборника статей Мещерского (*Мещерский 2004*); переиздания под одной обложкой дореволюционного трехтомника его воспоминаний (*Мещерский 2003*); наконец, уникального

комментированного издания статей Победоносцева периода его сотрудничества в «Гражданине» (*Победоносцев* 2010), удостоившегося высокой научной оценки (*Китаев* 2016: 171–173). Обойдена вниманием и замечательная монография о Победоносцеве, в которой содержится немало пронизательных суждений о его взаимоотношениях с Мещерским (*Полунов* 2010: 151, 202, 206, 284–285).

Во-вторых, даже в той части своей монографии, где И.А. Пронина рассматривает статьи своих предшественников (*Петров* 1998; *Дронов* 2001; *Черникова* 2001), ее критика в их адрес звучит противоречиво и неубедительно. Так, автор одновременно нападает на И.Е. Дронова за то, что он считает взгляды Мещерского 1860-х гг. близкими к либерализму и англomanии (с. 9), а у Н.В. Черниковой находит то солидарность с позицией Дронова (с. 183), то, напротив, утверждение неизменности консервативных взглядов на протяжении всей жизни князя (с. 10). Остается непонятным, почему И.А. Пронина считает несовместимыми восхищение Екатериной II с восхищением Николаем I у Мещерского (с. 10). Кроме того, автору монографии остались неизвестными новые статьи упомянутых авторов последних лет (*Дронов* 2010; *Черникова* 2010; *Черникова* 2014). А ведь именно в них весьма полно рассмотрена история журнала «Гражданин», с большой остротой поставлены вопросы о либерализме молодого Мещерского в 1860-е гг. и о его пресловутом гомосексуализме, в конце XIX – начале XX в. ставшем едва ли не главной причи-

ной разрыва большинства консерваторов с «гражданином Содома». Впрочем, эти статьи также грешат тем, что в них нет ссылок на диссертацию и статьи И.А. Прониной.

В то же время книге И.А. Прониной присущ целый ряд достоинств, которые делают ее незаменимой даже на фоне рассмотренной выше, выросшей за последние годы, но все-таки еще поразительно скудной историографии жизни и деятельности В.П. Мещерского.

Прежде всего, следует отметить солидную источниковую базу исследования И.А. Прониной (с. 14–19), из которой, впрочем, преднамеренно исключены художественные произведения князя. Но важен сам факт того, что на фоне блестящих, но всё же весьма ограниченных по объему биографических статей С.В. Петрова, И.Е. Дронова, Н.В. Черниковой, в которых бегло охватывается весь жизненный путь Мещерского, труду И.А. Прониной принадлежит честь быть вообще первой монографией по данной теме, притом посвященной в основном очень ограниченному периоду 60-х – 70-х гг. XIX в. Значимость первопроходческого монографического исследования невозможно переоценить.

В книге И.А. Прониной детально рассмотрена история первого «Гражданина» (1872–1879): проанализированы финансовые, цензурные, организационные хлопоты Мещерского, выявлен круг сотрудников журнала, в отдельном приложении под названием «Последний год “Гражданина”» рассмотрены попытки В.Ф. Пучковского спасти гибнущий журнал

в 1878–1879 гг. (с. 169–180). Тем самым создан важнейший задел для будущих исследований второго «Гражданина» (1882–1914) и сравнения социально-политических программ раннего и позднего Мещерского. А эти программы не могли не быть различными, ибо если на первом этапе Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, К.П. Победоносцев, Т.И. Филиппов сплотились вокруг фигуры князя, то в дальнейшем пути всех перечисленных консерваторов будут расходиться всё дальше и дальше, пока не перейдут в стадию взаимной ожесточенной вражды и ненависти к концу 1880-х гг. Известно, как тяжело будет переживать этот разрыв сам князь, мечтая о «возврате к старому доброму времени» единства с тем же Победоносцевым (*Мещерский* 1888) — но семена раскола были посеяны уже в первые два года издания «Гражданина», как это и показывает И.А. Пронина (с. 43–44). В то же время автор абсолютно справедливо воздает должное способностям князя, который сумел более шести лет удерживать на плаву журнал, которому по аналогии со многими другими изданиями эпохи Александра II предрекали быстрое закрытие и который, тем не менее, умер вовсе не «своей смертью» (с. 65).

Помимо «Гражданина» в сферу внимания И.А. Прониной попал и весь комплекс публицистики Мещерского 60-х – 70-х гг. XIX в. Логичным и продуманным представляется анализ отношения князя к крестьянской, земской, судебной и образовательной реформам во второй главе монографии (с. 67–110), при этом особое внимание уделяется смелости мыслителя, вопреки цензуре

и желаниям министров допускавшего на страницах своего журнала крайне резкую критику тех или иных преобразований. Сюда же по смыслу тесно примыкает третья глава, посвященная взглядам Мещерского на дворянский, крестьянский, церковный и женский вопрос в пореформенной России (с. 128–160).

Вторая глава завершается крайне важным теоретическим разделом (с. 111–127), в котором проанализированы стадии перехода Мещерского от восхищения реформами в начале 1860-х гг. ко всё более и более критичному отношению к ним. При этом, правда, мы не можем согласиться с выводом о том, что «было бы ошибкой приписывать Мещерскому либеральные устремления хотя бы и в юности» (с. 112). На наш взгляд, Мещерский не был исключением на фоне своих современников: ведь, пожалуй, абсолютно все лидеры русского консерватизма 70-х – 90-х гг. XIX в. ранее, в начале царствования Александра II, восторженно приветствовали крах николаевской системы и начало реформ. Даже те, кто до Крымской войны был убежденным консерватором, в послевоенное десятилетие в той или иной степени открылись либеральным веяниям; для молодого поколения 20-х – 30-х гг. рождения, к которому принадлежал и Мещерский, это тем более верно. Разочарование в результатах реформ очень медленно и постепенно приходило к ним на протяжении 60-х гг. и окончательно трансформировалось в новый, пореформенный консерватизм не только и даже не столько в катковских или околославянофильских изданиях, сколько именно в «Гражд-

данине» Мещерского с его призывом «поставить точку в реформах» и прозвучавшими в журнале строками Победоносцева: «Всё, что когда-то, в минувшие годы, поднималось к небу блестящей ракетой и потом черной палкой упало обратно на землю» (*Победоносцев* 1873).

Из этого разочарования после небывалой реформистской эйфории и вырос русский консерватизм нового типа — вместо старого, рассыпавшегося в прах в конце николаевской эпохи. И выпестовали его не только М.Н. Катков и И.С. Аксаков, но и целая плеяда примыкавших к «Гражданину» в начале 1870-х гг. деятелей. Без В.П. Мещерского и его журнала был бы куда менее ярок взлет Достоевского, Победоносцева, Филиппова как публицистов в 70-е гг. Со своей стороны, и сам князь очень многое заимствовал из их идей, а также из идей славянофилов, что и отмечает И.А. Пронина (с. 164).

Тем самым ликвидируется достаточно крупное «белое пятно» в истории русской общественной мысли пореформенного периода. Но ценность книги И.А. Прониной заключается не только в этом. В ней фактически нарисован портрет молодого князя Мещерского, в значительной мере расходящийся со стереотипными представлениями о нём как о человеке излишне эмоциональном и легко поддающемся панике. На страницах книги Мещерский предстает перед нами не только как верный друг, воспитатель и соратник цесаревича Александра Александровича, будущего императора, но и как умелый чиновник, решающий незаурядные административные задачи вопреки нежеланию

своего начальства, как достаточно успешный издатель и редактор, плодовитый публицист с ярким, оригинальным языком, наконец как народный трибун, не хуже М.Н. Каткова и И.С. Аксакова осмеливавшийся идти на открытые выпады против правительства. Для таких выступлений в годы самоуправления П.А. Валуева, П.А. Шувалова и А.Е. Тимашева в России действительно была нужна незаурядная смелость, и ее у Мещерского было не занимать. Один тот факт, что лишь «Гражданин» осмелился опубликовать в России речь Аксакова о Берлинском конгрессе, заставляет по достоинству оценить мужество Мещерского как «князя-гражданина».

Как и почему он спустя десяток лет получил репутацию *enfant terrible* русского консерватизма, от которого начнут шарахаться как от зачумленного его же бывшие соратники — это уже другой и не менее интересный вопрос. Дело будущего — в должной мере заполнить связанные с личностью В.П. Мещерского пробелы в научном исследовании судеб русского консерватизма в 1881–1914 гг. Монография И.А. Прониной стала важным шагом, позволяющим приступить к решению этой задачи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дронов* 2001 — *Дронов И.Е.* Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 57–84.
- Дронов* 2010 — *Дронов И.Е.* Капитализм в России: взгляд консерватора (князь В.П. Мещерский) // Власть. 2010. № 2. С. 88–91.
- Китаев* 2016 — *Китаев В.А.* Общественная мысль и историческая наука в Рос-

сии XVIII–XX вв.: проблемы историографии. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2016.

Мещерский 2004 – Мещерский В.П. Гражданин консерватор. Славянский мир. М.: ИИПК Ихтиос, 2004.

Мещерский 2003 – Мещерский В.П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003.

Петров 1998 – Петров С.В. Охранительная идеология пореформенного периода (В.П. Мещерский) // Клио. 1998. № 2 (5). С. 264–269.

Победоносцев 2010 – Победоносцев К.П. «Будь тверд и мужествен...» Статья из еженедельника «Гражданин» (1873–1876). Письма / Под ред. В.В. Ведерникова. СПб., 2010.

Победоносцев 1873 – Победоносцев К.П. Съезд юристов в Москве // Гражданин. 1873. № 44. С. 1174.

Полунов 2010 – Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010.

Репников 2007 – Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007.

Черникова 2010 – Черникова Н.В. «Гражданин» // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 126–128.

Черникова 2001 – Черникова Н.В. Князь Владимир Петрович Мещерский (к портрету русского консерватора) // Российская история. 2001. № 4. С. 126–139.

Черникова 2010 – Черникова Н.В. Мещерский Владимир Петрович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 296–299.

Черникова 2014 – Черникова Н.В. Этот невозможный князь... Мифологема Владимира Мещерского // Родина. 2014. № 6. С. 45–48; № 9. С. 83–86.

REFERENCES

Chernikova N.V. «Grazhdanin». *Russkii konservatism serediny XVIII – nachala XIX veka: Entsiklopediia*. Otv. red. V.V. Shelohaev. Moscow: Rosspen, 2010. P. 126–128.

Chernikova N.V. Kniaz' Vladimir Petrovich Mescherskii (k portretu russkogo konservatora). *Rossiiskaia istoriia*. 2001. N 4. P. 126–139.

Chernikova N.V. Mescherskii Vladimir Petrovich. *Russkii konservatism serediny XVIII – nachala XIX veka: Entsiklopediia*. Otv. red. V.V. Shelohaev. Moscow: Rosspen, 2010. P. 296–299.

Chernikova N.V. Etot nevozmozhnyi kniaz'... Mifologema Vladimira Mescherskogo. *Rodina*. 2014. N 6. P. 45–48; N 9. P. 83–86.

Dronov I.E. Kniaz' Vladimir Petrovich Mescherskii. *Voprosy istorii*. 2001. N 10. P. 57–84.

Dronov I.E. Kapitalizm v Rossii: vzgliad konservatora (kniaz' V.P. Mescherskii). *Vlast'*. 2010. N 2. P. 88–91.

Kitaev V.A. *Obschestvennaia mysl' i istoricheskaia nauka v Rossii XVIII–XX vv.: problem istoriografii*. Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta, 2016.

Mescherskii V.P. *Grazhdanin konservator. Slavianskii mir*. Moscow: ИПК Ихтиос? 2004.

Mescherskii V.P. *Moi vospominaniia*. Moscow: Zaharov, 2003.

Petrov S.V. Ohranitelnaia ideologia poreformennogo perioda (V.P. Mescherskii). *Klio*. 1998. N 2 (5). P. 264–269.

Pobedonostsev K.P. «Bud' tvord i muzhestven...» Stat'ia iz ezhenedelnika «Grazhdanin» (1873–1876). *Pis'ma* / Pod red. V.V. Vedernikova. Saint Peterburg, 2010.

Pobedonostsev K.P. S'ezd iuristov v Moskve. *Grazhdanin*. 1873. N 44. P. 1174.

Polunov A.Iu. K.P. *Pobedonostsev v obschestvenno-politicheskoi i duhovnoi zhizni Rossii*. Moscow: Rosspen, 2010.

Repnikov A.V. *Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii*. Moscow: Akademia, 2007.

А.А. Тесля

ОДИНОЧЕСТВО ИДЕОЛОГА¹

Рец.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост.: А.В. Репников, Б.С. Котов; авт. предисл., коммент и примеч. А.В. Репников. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 599 с.: ил.

Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) — одна из наиболее значительных фигур в пространстве русской политической мысли последних десятилетий XIX — начала XX в. На первый взгляд может вызвать удивление относительно малочисленность откликов на его тексты и суждений о нём современников — если «народовольческий» период в этом отношении вполне обилён, учитывая специфику положения и своеобразие соответствующей мемуаристики, то заметок и воспоминаний о нём после возвращения в Россию — гораздо меньше, чем следовало бы ожидать. Но подобная ситуация, на наш взгляд, отнюдь не случайна — вытекая из своеобразия и взглядов, и занимаемой Тихомировым позиции в пространстве русской публицистики.

Вернувшись в Россию и получив высочайшее прощение, Тихомиров рассчитывал вновь, теперь уже по другую сторону политического размежевания, стать ведущим теоретиком и идеологом. Проблема

заключалась в том, что, во-первых, режим не нуждался (или, точнее, не считал себя испытывающим нужду) в теоретическом и идеологическом окормлении. Отмечаемая самим Тихомировым скудость широких обобщений и отсутствие запроса на глубокую аналитику в русской публицистике 1880-х — 1890-х гг. вытекала из того обстоятельства, что для сторонников существующего порядка прояснение ситуации было невыгодно. Неясность идеологического курса, ограничивающегося лишь несколькими общими лозунгами, позволяющими ситуативно реинтерпретировать их, давала свободу маневра, а для оппонентов в условиях административных стеснений не было возможности прояснять свою контрпозицию — да и с точки зрения общего идейного противостояния это было избыточно, поскольку лишь ослабляло единство оппонентов, сходящихся в тезисе о ненормальности существующего порядка вещей (но более чем различно представляющих его возможное изменение). Во-вторых, теоретическое осмысление привносит сложность, неоднозначность — и, начинаясь с выявления проблемы (там, где ее нет, нет нужды и в теории — достаточно «голой фактичности»), ведет

© А.А. Тесля, 2016

¹ Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6 «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)».

к изменению — по меньшей мере в перспективе.

Тихомиров оказался в положении пишущего «письма без адреса» — независимо от того, насколько глубоко и серьезно он анализировал ситуацию, у него отсутствовала социальная и политическая группа, способная и желающая принять его программу в качестве своей. Существующему режиму требовались сторонники, «охранители», а не союзники — требовались защитники наличного порядка вещей (в каждый новый момент — нового), а не те, кто имеет собственное видение ситуации и желаемой эволюции системы. Противники режима, независимо от того, насколько радикально было их видение, исходили из отрицания его оснований — тогда как для Тихомирова речь шла, напротив, об истинности оснований самодержавного правления и ложности, ошибочности текущей политики. Иными словами, он оказывался критиком существующего порядка вещей с позиций защитника самодержавия — предлагал радикальную эволюцию режима, при этом исходя из того, что режим сам должен взять на себя ее осуществление как ради общего блага, так и для собственного выживания. Однако предлагаемое Тихомировым видение и в самом режиме не могло опереться на какую-либо группу, способную отождествить свои взгляды с его на основе долговременного совпадения интересов: риски подобной эволюции были велики, а преимущества гадательны.

Уже в дальнейшем, во времена редакторства «Московских ведомо-

стей» (1909–1913) Тихомиров писал:

«Если наша реакция, как и полагается всякой реакции, начнет превращаться в “реставрацию” того, что начало разрушаться само собой даже до революции и что могло капитулировать даже перед такою жалкою (а потому и бессильною) революцией, — если у нас начнется воссоздание именно этого прежнего строя, то наша “реакция” будет только мимолетным отдыхом между двумя революциями. Реакция — это момент усталости, не больше. Отдохнут, позабудут всё, чем себя компрометировала революция, и опять начнется ее поступательное движение. Такова судьба всех реакций. <...>

Реакция держится только тем фактом, что революция себя скомпрометировала. Но не забудем, что революция тоже могла явиться только потому, что принципы, реакцией восстанавливаемые, еще раньше себя скомпрометировали» (МВ. 1910. № 219) (Тихомиров 2003: 396).

В этой передовице хорошо выразилась позиция Тихомирова его зрелого периода — он боролся с революцией как с разрушающей условия жизни, препятствующей в своем стремлении к радикальным переменам устройению лучшего порядка вещей, но в равной степени ему была противна и реакция, то, что становилось основным объектом борьбы — зависело от ситуации, от условий места и времени, от того, что являлось главной угрозой. 19 октября 1905 г., на следующий день после получения манифеста 17 октября, он записывает:

«Темно, черно, беспорядочно в городе. Да, впрочем, теперь везде² жизнь на волоске. Боже, как тяжело это, и особенно для меня, понявше-го, что единое благо — в эволюции и социальном мире. Остаешься одинок среди революции и реакции, одинаково готовых тебя уничтожить по историческому недоразумению» (с. 139–140).

На протяжении большей части жизни Тихомиров вел подробный дневник, ценность которого была признаваема и современниками, и ближайшими по времени исследователями, свидетельством чему являются публикации фрагментов дневника в «Красном архиве» в период с 1930 по 1936 г.³ Научной публикации дневника пришлось ждать гораздо дольше — только в 2008 г. вышел дневник Тихомирова 1915–1917 гг., а ныне издан его дневник 1905–1907 гг.⁴ — остается надеяться, что в обозримое время выйдут и последующие части дневника, охватывающие период членства в Совете Главного управления по делам печати (по приглашению П.А. Столыпина) и редакторства «Московских ведомостей».

Характеризуя опубликованный дневник за 1905–1907 гг., необходимо прежде всего отметить, что

² Здесь и далее — подчеркнуто Л.А. Тихомировым.

³ Еще ранее, в 1927 г., вышли написанные Тихомировым в последние годы «Воспоминания», сопровождаемые вступительной статьей Веры Фигнер.

⁴ Фрагмент данного издания — дневниковые записи Л.А. Тихомирова за декабрь 1905 г. — был опубликован А.В. Репниковым (сопроводившим публикацию вступительной статьей и комментарием) ранее: (Репников 2013).

Тихомиров в эти годы был далек от практической деятельности — это записки наблюдателя событий, мало в них участвующего. К тому же, как отмечалось выше, не принадлежащего целиком ни к одной из групп, не видя никого, чью бы позицию он мог разделить — и в то же время не имеющего сил, возможностей и/или дарований, чтобы самому стать лидером кружка или направления. Подобное положение приводит к тому, что оценки Тихомирова — преимущественно критические, адресованные самым разным сторонам; это дистанцированная фиксация сначала быстро нарастающего кризиса, а затем революционных событий.

Наиболее жесткие оценки даются Тихомировым «правым», «консерваторам», правительству — отчасти потому, что это оценки тех, с кем он себя отчасти ассоциирует, от кого ждет иного (и потому это критика «изнутри»), отчасти вследствие того, что с «революционерами» ему «всё понятно», они действуют так, как он и ожидает — размежевание здесь вполне полное и посему позволяет искать в их действиях и в последствиях оных уже иных, благих с его точки зрения результатов. Так, в самом начале 1905 г., 5 января, он записывает:

«Так называемые консерваторы — либо глупы, либо мошенники. Они не знают монархии, а знают только бюрократию и также презируют “сермягу”... Ну а сермяга молчит и не имеет никаких способов заговорить. Гнусная организация государства погубит и Царя и народ» (с. 28).

9 октября 1905 г., реагируя на железнодорожную забастовку, Тихомиров отмечает: «Одна эта гнилая сволочь, именуемая правительством, ничего не делала и не делает! Неужели у них не осталось уже ни одного честного человека? Как бы то ни было, невольно начинаю желать скорейшего наступления революции, которая смела бы всю эту мерзостную дрянь...» (с. 128). Еще ранее, 29 августа, «вспоминая времена молодости», Тихомиров пишет, «что ныне господствует не “освободительное”, а “революционное” направление: это умственно “зеленая молодежь” и отрицатели русских начал <...>, вообще всё обиженное, озлобленное так называемым “существующим строем”...» (с. 100), тогда как «сил для реформы — почти не видно. Они малочисленны, да и не активны. Они неспособны сдерживать ни реакции, не революции» (там же). Отсюда вытекает, что правительство неспособно осуществлять осмысленные реформы — оно «не благоустраивает Россию, а “делает уступки” из страха бунтов и особенно бомб...» (там же) — и потому колебание «маятника» оказывается заданным: к революции, а затем от нее — к реакции, поскольку найти «умеренное», стремящееся к реформам, тех, кто желает «просто разумного, свободного строя» (там же) нельзя по причинам его бессилия: большинство пассивно и потому на него невозможно опереться⁵.

⁵ Умный наблюдатель современности, Тихомиров отмечает новые, индустриальные реалии времени: «Мне кажется, что еще не было такого ужасного времени на земле. Прежде никакие смуты и революции не могли так беззастенчиво скрутить человека, п[отому] ч[то]

Для понимания позиции Тихомирова этих лет в особенности значимо то обстоятельство, что именно в 1905 г. им пишется «Монархическая государственность». Последнюю часть он заканчивает в июле 1905 г., в Троице (с. 89), куда для этого уезжал почти на два месяца, чтобы отойти от текущих событий — в эти дни он не ведет и дневник, целиком погружившись в свой, стремительно утрачивающий актуальность, текст. В записях, относящихся к созданию этой работы, особенно характерно вырисовывается личность Тихомирова — теоретическое у него превалирует над практическим, сама революция воспринимается как помеха в работе:

«Начал печатать последнюю часть “Монархической государственности”, хотя не написал еще и половины... Уж и сам не знаю, как справлюсь с этой “галерой”.

А тут еще эти революции! Надоели, так всё глупо, прямо сумасшедшая страна. Правительство же совершенно не существует» (с. 84–85, запись от 13.V.1905).

В поисках причин происходящего он видит водораздел в царствовании Николая II — времени, когда

по хозяйственным условиям все были более самостоятельны. Теперь же всё “обобществлено”. Человек не может ни двигаться, ни есть, ни пить без общественной организации. И когда она распадается, как у нас, прямо гибель приходит для каждого человека» (с. 153, запись от 3.XI.1905). Война и революция в новом мире — это события, охватывающие каждого, от которых практически невозможно укрыться, они затрагивают всю повседневность существования — опыт, качественно отличный даже от ситуации середины XIX в.

правительство отвернулось от идеала самодержавия и восторжествовала абсолютная монархия:

14.III.1905: «А между тем мало-мальски сносное правительство могло бы всё устроить мирно. Но его нет и не может быть.

Вот что значит абсолютистская монархия! Каких-нибудь 10-ти лет достаточно, чтобы сокрушить себя и погубить страну» (с. 72).

17.V.1905 (после первых известий о Цусимской катастрофе): «А кажется недавно, совсем недавно, мы были не таковы. Гордо гремело русское имя на весь мир при Александре III... Да я тогда и не замечал такого разврата, подлости, трусости... И вот в течение каких-нибудь 11 лет — погибла вся нация!

Но действительно погибла, пала нравственно до состояния, видимо, сволочи, без чести, без искры ума. Это зрелище ужасное в своей страшной поучительности» (с. 86).

Этот взгляд Тихомиров сохранит до последних лет — он позволит ему утверждать истинность своего выбора, подлинность надежд на Александра III, не-утопичность того понимания, с которым он возвращался в Россию и той позиции, которую отстаивал до 1905 г. Десять лет спустя он записывал в дневнике:

«И это всего через 20 лет после Александра III! Двадцати лет было достаточно, чтобы всё уничтожить, чем жила Россия 1000 лет! Конечно, Людовик XVI уничтожил ее

(Францию. — А.Т.) быстрее, но перед ним был долгий период ничтожного правления. А у нас? Вспомнить только эпоху Александра III: ведь это вовсе не миф, не сказка, не сон, всё это был факт. И какое страшное крушение. Боже, Боже! Никакое ничтожество, никакая злонамеренность не могли бы этого сделать, если бы не было на это Твоей Воли... <...>

Как мы были “маньчжурцы”, так и остались “маньчжурцы”, куропаткинцы, бездарные, малодушные, отступленцы. А уж если военная доблесть иссякла, то что же остается? Ума не было, культуры не было, даже простой порядочности было очень мало, даже простого патриотизма было мало. Да и какой может быть патриотизм у страны, которая не знает сама, зачем живет, и каков смысл ее жизни для мира и человечества?

Казалось, что мы вспомнили при Александре III, но, видно, всё держалось личностью царя. Умер Царь, и оказалась в стране гнилая пустышка» (запись от 31.VIII.1915 (Дневник Л.А. Тихомирова 2008: 115–116))⁶.

⁶ Ср. с записью от 15.X.1906: «Скучно! Всё встают мысли о прошлом... Давно ли были дни Александра III, дни славы и великих побед? Как начисто всё это истреблено и стерто с лица земли! “Они” толкуют о революции... Революция не снизу, а сверху! Сгниет верх — и рухнет: вот и “революция”.

Мне говорят многие, будто бы нынешнее царствование опровергает самый принцип Монархии... Неправда! Оно опровергает только принцип абсолютизма и бюрократии. При истинно “монархических” учреждениях и нынешнее царствование могло бы быть очень хорошо. Царь имел бы опору в Соборе, и злоупотребления властных людей не могли бы вырасти до преступлений против России.

Задаваясь вопросом, «что такое делается с Россией?», он отвечал: «Это просто рушится старый строй, сгнил, не может держаться, и вот отчего революция. У него не хватает уже силы и ума произвести реформу. Запоздал! <...> Я лично думаю, что в основе это все-таки есть кара Божия. Бог покидает на ее собственные силы изменившую ему страну, и вот собственные силы ее оказываются гнилыми, никуда не годными» (с. 114–115, запись от 22.IX.1905), о себе же и своем судя так:

«Сам я, очевидно, конченный человек. Слаб силой, одолевают старческие болезни и старческий же объективизм. Я еще хороший наблюдатель, но уже никуда не годный деятель.

Господи, дай мне опору, дай мне “христианскую кончину” и “добрый ответ”. И да свершают Твое дело те, кому поручит это Воля Твоя! Аминь!» (с. 294, запись от 17.XII.1906).

Впрочем, для корректной оценки приведенных и многих других аналогичных записей Тихомирова следует помнить о жанровых и личных особенностях текста — дневник для него — это пространство не только

Но — всё это теория, отвлеченный принцип, а на практике — при этих людях, какие уже есть, может ли не рухнуть монархия? При нынешнем Государе — как ей удержаться? А если она рухнет, то, что мыслимо установить вместо нее?

По-моему — прямо ничего нельзя устроить. Нет данных ни для чего, ни для парламентаризма, ни для республики... Столыпин имеет идею сочинить такое правление, чтобы для народа оставалась “форма” Царя и вселяла доверие, а в то же время чтобы Царь в действительности не имел власти... Но это ужасная фантазия. Построить государство на фикции!» (с. 282).

«разговора с самим собой», но еще и выход для собственного настроения, где можно выговориться, поместить свои печали и сомнения, выплеснуть раздражение дня — и где мало места надеждам, подъемам, очарованиям. Когда он одержим работой, когда надеется достигнуть успеха — минутного или долговременного — тогда он действует, пишет, говорит вонне: дневнику отведено или сожаление о потерянном или предохранение от излишних надежд, как, например, отправив очередную статью, письмо, переговоры в делах, он отмечает, что «ничего не выйдет», заклиная судьбу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дневник Л.А. Тихомирова 2008 — Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

Репников 2013 — Репников А.В. Дневник Л.А. Тихомирова (декабрь 1905) // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 1. С. 86–120.

Тихомиров 2003 — Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос / Сост., вступ. ст., коммент. М.Б. Смолина. — М.: Москва, 2003.

REFERENCES

Dnevnik L.A. Tikhomirova. 1915–1917 gg. Sost. A.V. Repnikov. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008.

Repnikov A.V. *Dnevnik L.A. Tikhomirova (dekabr' 1905).* *Sotsiologicheskoe obozrenie.* 2013. Vol. 12, N 1. P. 86–120.

Tikhomirov L.A. *Tserkovnyy sobor, edinolichnaya vlast' i rabochiy vopros.* Sost., vstup. st., komment. M.B. Smolina. Moscow: Moskva, 2003.

С.Л. Фирсов

КРУШЕНИЕ «СИМФОНИИ»: ПРАВОСЛАВНАЯ РОССИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ И СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В 1917 г.

Рец.: *Соколова А.В.* Государство и Православная Церковь в России в феврале 1917 — январе 1918 года. СПб.: Д.А.Р.К., 2015. 660 с.

Исследование взаимоотношений Православной Российской Церкви и Российского государства в 1917 г. — тема, не только важная для понимания последующего развития церковно-государственных отношений в нашей стране, но и исключительно сложная, поскольку требует от изучающего ее ученого понимания и конкретных исторических событий, и социально-психологического их восприятия — как в период революционных пертурбаций, так и в последующие десятилетия, когда идеология победившего большевизма однозначно объясняла и русский «клерикализм», связанный с самодержавием, и классовую «светскость» победившей «рабоче-крестьянской» власти.

Безусловно, автор настоящей монографии — Арсений Владимирович Соколов — всё это прекрасно понимает, с самых первых строк своего исследования заявляя, что избранная им тема «всё время оставалась

достаточно политизированной», первоначально из-за противостояния идеологий СССР и Запада, с 1990-х гг. — в связи с переоценкой Октября и роли православия в истории России. Эту политизированность он и пытается преодолеть, пытаясь рассмотреть процесс постепенной трансформации церковно-государственных отношений, до Февраля бывших «симфоническими». Чтобы объективно подойти к решению поставленной задачи, автор выбирает хронологические рамки, включающие как деятельность Временного правительства, так и первые мероприятия Совета Народных Комиссаров, — вплоть до принятия знаменитого Декрета от 20 (23) января 1918 г. об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. На мой взгляд, это позволило ему системно проанализировать церковно-государственные отношения в революционной России, не разрывая объект исследования и показав некорректность противопоставления «церковной» политики Временного правительства и правительства ленинского (разумеется,

© С.Л. Фирсов, 2016.

в первые месяцы нахождения большевиков у власти).

Конечно, вопросы церковно-государственных отношений не были и не могли быть тогда приоритетными для светских правителей России, хотя Церковь в тот период являлась не только крупнейшей конфессией, но и ведомством. На данное обстоятельство А.В. Соколов обращает пристальное внимание, справедливо разделяя проблемы «духовного ведомства» и задачи, стоявшие в революционных условиях перед Церковью. Автор подчеркивает, что до Февраля «юридически Православной церкви в Империи как самостоятельного “установления” не имелось, а вера признавалась господствующей, и ее охраной занимался государственный аппарат во главе с царем». По сути это верное замечание, основанное на буквальном воспроизведении ст. 40 Свода законов Российской империи («Первенствующая и господствующая в Российской Империи Вера есть Православная Восточная Греко-российская»). Но в данном случае важно отметить, что под «верой» подразумевалась институция (Православная Церковь), а император понимался в качестве главы Церкви только в том смысле, что являлся верховным защитником и хранителем догматов веры, блюстителем правоверия (ст. 64 Основных законов 1906 г.). Синод, посредством которого самодержавная власть действовала в церковном управлении, был одновременно и церковным («Святейшим»), и государственным («Правительствующим») органом одновременно. Таким об-

разом, вопрос о юридическом статусе Православной Церкви в Синодальный период был неактуален, ибо разделение «православия» и «самодержавия» противоречило базовым принципам организации империи как «симфонического» государства. Актуальным сей вопрос стал лишь после отречения императора Николая II, когда стало ясно, что прежние политические порядки восстановлению не подлежат.

А.В. Соколов в своей работе и показывает, как указанный вопрос рассматривался — и церковными деятелями, и представителями «революционной» обер-прокуратуры и Министерства исповеданий. В соответствии с установившимися правилами, собственно исследование он предваряет анализом историографии и источников по теме, доказывая, что проблема церковно-государственных отношений в России указанного периода не являлась предметом специального исследования ученых. Действительно, многие историки рассматривали отдельные аспекты внутрицерковной жизни 1917 — начала 1918 г., но комплексно изменение положения Православной Церкви после Февраля и до Декрета от 20 (23) января 1918 г. не изучалось. Автор рассмотрел и работы большевистских публицистов, и труды обновленческих апологетов, и советских/российских исследователей. Не обошел вниманием и публикации западных историков (в том числе и русского происхождения), указав и на исследования, вышедшие из-под пера сторонников Русской Православной Церкви За Границей.

Он разделил подходы авторов на три основные группы, к первой из которых отнес изучавших церковное прошлое с точки зрения борьбы «реформаторских» и «консервативных» течений в РПЦ, ко второй — тех, кто говорил о борьбе «обновленного» государства против «реакционного» духовенства и «контрреволюционных» организаций, и к третьей — тех, кто рассматривал 1917 г. как начало гонений на Церковь. Сам А.В. Соколов выбрал иной подход, обратив внимание на вопрос о месте церковных учреждений в системе государственных органов революционной России, на изменение функций православного духовенства в государстве, на механизм принятия правительственных решений в религиозной сфере, а также на роль и влияние церковных идей в российском обществе. Так фундированно историю церковно-государственных отношений 1917 — начала 1918 г. до А.В. Соколова, сумевшего обобщить данные различных архивов, еще не рассматривали.

На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание: им проработаны материалы многих архивохранилищ страны: ГАРФ, РГАДА, РГИА, РГАЛИ, РГАПСи, РГАЭ, ЦГА СПб и ЦГИА СПб, ЦКАМО и ОР ГНБ. Простое перечисление этих архивов говорит о том, сколь скрупулезно автор собирал необходимый ему для исследования материал, насколько серьезно отнесся он к решению поставленных для исследования задач. Помимо источников, хранящихся в архивах, он привлек и многочисленные

опубликованные материалы — Журналы заседаний Временного правительства, Декреты Советской власти, Деяния Поместного Собора 1917–1918 гг., законодательные акты, делопроизводственные документы и многие другие. Им тщательно изучены материалы политических партий и религиозных организаций, дневники, воспоминания и письма современников, газеты и журналы 1917–1918 гг., историческая публицистика. Таким образом, степень подготовленности А.В. Соколова к проведению анализа церковно-государственных отношений в революционный период 1917 — начала 1918 г. следует признать более чем удовлетворительной.

Собственно, основная часть его труда — это три объемные главы, первая из которых посвящена изучению вопроса о Февральской революции и ее ближайших последствиях для РПЦ («Февральский переворот 1917 года и положение Православной Церкви в России»). Автор начинает исследование с рассмотрения того, как Ведомство православного исповедания встретило свержение самодержавия, детально излагая историю реакции Св. Синода на происходившие события и действия светских («революционных») властей. Он прав, когда пишет о негативном отношении революционных солдат и рабочих к духовенству, «в котором видели сторонников и защитников старого строя», не ошибается и когда утверждает: «Вовсе не большевики первыми инициировали “гонения” на православие: разрушение церквей началось задолго до Октябрьского переворота».

Однако, на мой взгляд, негативное отношение именно *революционных* солдат и рабочих следует понимать не как показатель антиклерикальных настроений в стране, получивших возможность выйти наружу, а как следствие глобальных социально-психологических пертурбаций, начало которым было положено еще на заре XX в., в период Первой российской революции. Тогда впервые и прозвучали циничные фразы о необходимости превращения храмов в конюшни, тогда впервые хулиганство показало себя как глобальное явление российской жизни (хотя хулиганские проявления существовали и ранее). Считать, что Церковь не могла достойно ответить на вызовы времени только потому, что была включена в структуру государственного управления — не вполне корректно. В условиях развивающегося индустриального общества и «пролетаризации» городов Церковь, издавна отдававшая на откуп государству все области человеческой жизни, не являвшиеся религиозными, была обречена следовать в фарватере государственной политики.

Испытав первый серьезный кризис идентичности в начале XX в. (в Первую революцию оставшись заложницей «симфонической» светской власти, тогда как другие конфессии получили относительную свободу), в 1917 г. Церковь оказалась обречена пережить второй подобный кризис. Новое государство в лице Временного правительства, стало отрывать ее от себя, волей-неволей навязывая мысль о необходимости организовывать самостоятельное социальное бытие, но в то же время

не разрушая (в надежде на решение Учредительного Собрания) «ведомственную подчиненность». Подобное положение не могло не сказаться на отношении Церкви (в лице ее иерархии и клира) к «революционным» правителям (хотя, как справедливо указывает А.В. Соколов, в среде духовенства «открытого неприятия революции в начале марта 1917 года было не так уж и много»). Церковная пассивность и растерянность в сложившейся ситуации должна характеризоваться скорее как естественная, даже закономерная. Традиции подчинения начальству, о которых справедливо пишет А.В. Соколов, в данном случае не только объяснимы, но и оправданы, как оправданы и представления распропагандированных революцией обывателей и оппозиционной самодержавию русской интеллигенции о духовенстве как об «агентах старого режима». Автор блестяще показывает это, приводя и примеры того, как новая власть исполняла обязательства власти свергнутой в части финансирования Ведомства православного исповедания.

Отдельно следует отметить, как А.В. Соколов излагает материал о расследовании Временным правительством действий наиболее одиозных православных деятелей, в частности — Петроградского митрополита Питирима (Окнова). К сожалению, он называет последнего высшим представителем Ведомства православного исповедания, что следует признать ошибкой. Во-первых, «высшим» в Ведомстве всегда был обер-прокурор Св. Синода, а во-вторых, в самом Св. Синоде «высшим» (т.е.

первоприсутствующим) являлся тогда митрополит Киевский Владимир (Богоявленский). В целом же называть синодалов, как и представителей архиерейского корпуса, «высшими чиновниками Ведомства православного исповедания» не вполне верно: «духовное ведомство» — это прежде всего обер-прокуратура, своеобразное «министерство по делам Православной Церкви», но не сама Православная Российская Церковь (несмотря на ее полную включенность в государственную систему имперской власти). Да, русское духовенство и архиереи часто воспринимались как «чиновники от Церкви», но одно дело — восприятие, другое — формальный их статус.

На множестве примеров А.В. Соколов показывает, что хотя Февраль не изменил положения Православной Церкви в России (с правовой точки зрения), но осуществил кардинальный перелом в ее жизни. И дело было не только в потере ею статуса «правлящей и господствующей», но и в социальной дезориентации большинства православных клириков, до 1917 г. в подавляющей массе исповедовавших монархические убеждения. Автор абсолютно прав, когда пытается подчеркнуть: церковное учение воспринималось как государственная идеология. К сожалению, он забывает добавить, что речь идет об учении Православной Церкви о самодержавном государстве, а не вообще о церковном учении. К догматам Церкви большинство людей никакой вражды не могли испытывать, поскольку догматы — это, согласно православному учению, непререкаемые исти-

ны веры, данные через Божественное Откровение, в большинстве своем определенные и сформулированные Церковью на Вселенских Соборах. Догматы в неизменном виде существуют в Русской Православной Церкви и до сего дня. Но это — к слову.

Важнее отметить, что автор сумел рассказать о том, как революционный обер-прокурор Св. Синода В.Н. Львов, фактически отказавшийся от подконтрольности Временному правительству, пытался влиять на церковную политику, желая административно регулировать ее в духе прежних, самодержавных времен (но уже под лозунгами о свободе и демократизации). Львов сумел добиться роспуска старого состава Св. Синода 14 апреля 1917 г., однако далее Временное правительство во внутренние дела церковного управления не вмешивалось. Это — принципиальный момент, на который необходимо обратить внимание. Для того чтобы лучше понять его, А.В. Соколов помещает в своем исследовании главу под названием «Государство и Православная Церковь весной — осенью 1917 года».

В этой главе он прослеживает изменения в сфере идеологии, гражданского права, народного образования, анализирует проблему защиты православного духовенства и церковной собственности, рассматривает центробежные тенденции в Церкви (на примере автокефальных движений на Украине и в Грузии), а также отдельно изучает проведение церковных реформ при обер-прокуроре В.Н. Львове

и деятельность Министерства исповеданий в период работ Поместного Собора. Не будет преувеличением сказать, что эта глава вполне могла бы стать самостоятельным исследованием, настолько полно и внятно изложены в ней проблемы церковно-государственных отношений периода между двух революций. На сегодняшний день, по моему мнению, А.В. Соколов может быть назван лучшим знатоком указанных проблем. Тем досаднее, что в его тексте порой встречаются не вполне правильные определения явлений, *описанных и правильно, и корректно.*

Так, говоря об отношении Временного правительства к деятельности военного духовенства, автор замечает, что светская власть видела «в православии надежную идеологическую опору», что вступает в противоречие с его же утверждением об отказе светской власти от идеологической связи с Православной Церковью. Указание *на православие* как на идеологическую опору власти встречается и в других частях диссертации. Вероятно, автор имел в виду Православную Церковь, ибо в учении (а православие — это христианское учение, оформившееся в течение I тыс. н. э. и означающее веру всей Церкви в противоположность разномыслию еретиков и совокупность догматов и канонических установлений Церкви) искать «идеологическую опору» светской власти бессмысленно. С историко-богословской и философской точки зрения бессмысленно и словосочетание «православная идеология», поскольку всякая идеология означает примат общего над частным,

«идеологической структуры» — над воспринимающим субъектом, «системы представлений» — над живой и живущей личностью. В этом смысле идеология и Церковь, равно как и идеология и православие — несовместимы по существу. Поэтому Церковь можно *только использовать* в идеологических целях, что, собственно, А.В. Соколов блестяще и доказывает на страницах своей работы.

Анализируя церковно-государственные отношения 1917 г., он верно отмечает, что «в сознании масс церковь не была отделена от государства, а прежняя служба духовенства монархии не забывалась. Следствием этого, — продолжает исследователь, — стали, с одной стороны, поток жалоб на контрреволюционность священно- и церковнослужителей, а с другой попытка найти среди клира своих борцов за свободу и объявить их “истинными пастырями”». Данное замечание позволяет понять, что ни о каких однозначных характеристиках церковно-государственных отношений указанного времени не может быть и речи: парадоксальность этих отношений следует воспринимать как своеобразную «норму патологии», поскольку революция — всегда нарушение естественного («нормального») течения социально-экономической и морально-нравственной жизни страны и ее граждан.

Нарушение «течения» жизни привело и к автокефалистским движениям на Украине и в Грузии, которые «православными окраинами» называть не стоит. Автор показал, что в революционных условиях

светская власть в лице Временного правительства вынужденно взяла на себя регулирование вопросов, связанных с автокефальным движением. Будучи правопреемником самодержавной государственности, Временное правительство было гарантом неделимости страны и не могло не понимать, что автокефалия есть путь, ведущий не только к церковному расколу, но и к государственному разъединению. А.В. Соколов на примере автокефального движения сумел качественно рассмотреть этот вопрос.

Описывая далее реформаторскую деятельность Св. Синода, он доказал, что основная ее направленность — придание законных рамок движению духовенства и мирян, что заседавший в Петрограде Предсоборный Совет стремился таким образом построить церковно-государственные отношения, «чтобы свести к минимуму прямую административную зависимость церкви от светских властей, сохранив одновременно все преимущества ее прежнего подведомственного состояния». В этом, думается, также следует видеть «норму патологии»: отказ от «симфонических» отношений не означал в глазах большинства церковных деятелей отказа от прежних привилегий. Парадоксальность подобных требований в 1917 г. многие деятели Церкви просто не замечали.

Отдельно следует сказать, что А.В. Соколов сумел по-новому взглянуть на деятельность обер-прокурора В.Н. Львова, отказавшись от старых клише. В его работе «церковная» деятельность Львова показана

объективно — и как стабилизирующая, и как деструктивная. Максимум обер-прокурора автор не уменьшает, точно так же как не преувеличивает и его стремление «обновить» и «демократизировать» Церковь. Короче говоря, портрет Львова дан в «революционной раме», что и позволило избежать его демонизации, не поддавшись на негативные характеристики, даваемые большинством современников порой не в меру деятельному обер-прокурору Св. Синода.

По существу и аргументированно пишет А.В. Соколов о причинах создания (в августе 1917 г.) Министерства исповеданий, которое справедливо рассматривает как следующий, после указа Временного правительства о свободе совести, шаг в русле построения в России внеконфессионального государства. Он показывает, почему Временному правительству было выгоднее приветствовать открытие Поместного Собора Православной Российской Церкви, ликвидировав институт обер-прокуратуры. В этой связи он много пишет о деятельности министра исповеданий — А.В. Карташева, желавшем, чтобы Церковь сама, без давления государства, подготовила на Соборе «правила», регулирующие ее жизнь, поскольку, как пишет А.В. Соколов, «получая от правительства разрешение на введение в действие собственного устава, церковь обретала самостоятельность и прекращала быть государственным ведомством».

Действительно, в течение весны — осени 1917 г. в жизни Православной Церкви произошли глобальные пе-

ремены, были проведены широкие реформы, состоялся Всероссийский съезд духовенства и мирян, прошли работы Предсоборного Совета, наконец открылись заседания Поместного Собора. В том, что всё это состоялось, автор справедливо усматривает заслуги и В.Н. Львова, и А.В. Карташева. При Карташеве, верно отмечает автор, «руководство деятельностью церковных учреждений было de facto передано Синоду». По его убеждению, «события весны–осени 1917 года способствовали тому, что церковь оказалась более или менее подготовлена к наступившим вскоре “гонениям”». О том, почему слово «гонения» автор поставил в кавычки и правомерно ли это, читатель может понять, ознакомившись с заключительной главой исследования – «Государство и Православная Церковь в ноябре 1917 – январе 1918 г.».

Глава состоит из трех параграфов, в которых последовательно излагается материал о работах Поместного Собора и Ведомства православного исповедания от Октября до разгона Учредительного Собрания; о церковной политике Советской власти после свержения Временного правительства (до Декрета об отделении Церкви от государства); и, наконец, о ликвидации Ведомства православного исповедания. Автор показывает, что в ноябре–декабре 1917 г. советская власть никак не вмешивалась в деятельность церковных учреждений столицы, причем «формально Православная церковь оставалась государственным ведомством Святейшего синода, сохранявшего статус “правительствующего”». Полагаю, это можно

считать парадоксом переходного периода, когда вопрос о Церкви не воспринимался большевиками и их союзниками как первоочередной. В результате, как показывает автор, «духовное ведомство стало одним из последних элементов государственного аппарата “буржуазного” Временного правительства, сумевшим просуществовать почти три месяца в условиях утверждающейся советской системы».

Одновременно с духовным ведомством, чье будущее было предопределено, существовала и Православная Российская Церковь, научавшаяся существовать в новых условиях укреплявшегося государственного секуляризма. «Научение», однако же, нельзя признать полностью успешным, ибо, как показывает А.В. Соколов, «церковь не хотела объявлять о своем разрыве с государством даже тогда, когда власть давно находилась в руках большевиков». Психологически это понятно: многовековые связи с государством, объявлявшим себя православным, невозможно было одномоментно забыть. Утверждение «формулы Кавура» в российских условиях означало преодоление и имперских «симфонических» традиций, и традиций церковного подчинения самодержавной власти, олицетворявшей «Помазанником Божиим». При этом до принятия Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви большевики выполняли финансовые обязательства, осуществляя выплаты церковным учреждениям из Государственного казначейства.

В целом, как показывает исследование А.В. Соколова, до начала 1918 г.

Совнарком избегал решительных шагов в отношении Церкви, — не было проведено и реквизиции имущества духовного ведомства, хотя неутешительные для Церкви тенденции наблюдались и в те месяцы. Примером сказанному может служить история с попыткой «реквизировать» Александро-Невскую Лавру Наркоматом призрения. Эту историю А.В. Соколов тщательно проанализировал, сделав вывод о том, что непосредственной реакцией на события в Лавре стало принятие Совнаркомом 20 января 1918 г. двух законодательных актов, на долгие годы определивших развитие церковно-государственных отношений в нашей стране. 20 января нарком призрения А.М. Коллонтай подписала приказ по своему ведомству, провозглашавший прекращение финансирования духовенства, а СНК утвердил неоднократно упоминавшийся Декрет об отделении Церкви от государства.

То было время, когда «организационная формула» Февральской революции окончательно и бесповоротно рухнула, поскольку Учредительное Собрание большевики разогнали, развернув вектор государственного строительства в сторону Советов. Автор справедливо пишет о том, что реакция Церкви на публикацию Декрета была резко негативной — ведь народные комиссары, подготавливая его, не провели согласования с Поместным Собором, отказавшись каким-либо образом войти с ним в контакт. Таким образом, противостояние Церкви и большевистской власти после опубликования Декрета закономерно должно было обостриться.

В условиях кризиса церковно-государственных отношений и происходил заключительный этап ликвидации Ведомства православного исповедания. Автор справедливо отмечает, что сама Церковь содействовала этой ликвидации: Святейший Синод, созванный весной 1917 г. светской властью, исчерпал свои полномочия к февралю 1918 г., передав дела новым учрежденным на Поместном Соборе церковным органам. «Таким образом, — пишет А.В. Соколов, — последний элемент системы Духовного регламента — Святейший Синод — оказался упразднен самой церковью». В то же время Советская власть приступила к реквизиции имущества Святейшего Синода и Министерства исповеданий в столице, «фактически проведя ликвидацию Ведомства православного исповедания с увольнением с государственной службы всех его чиновников». Упразднены были институты придворного и военного духовенства, приняты меры по реализации принципа светскости народного образования и обеспечению гражданской метрикации. Однако, как справедливо указывает автор, завершая свою работу, полномасштабная антицерковная политика развернулась в Советской России только с конца августа 1918 г., после появления инструкции Наркомюста. К тому же началась эпоха «красного террора». Вскоре, в сентябре 1918 г., вынужденно прекратил свою работу и Поместный Собор.

Резюмируя, А.В. Соколов заявляет, что именно «подведомственный статус» Православной Российской Церкви во многом позволяет

объяснить «покорное признание» духовенством перехода власти после Февраля к Временному правительству. Однако, по его мнению, не следует говорить о существовании какого-либо стратегического союза между Временным правительством и Церковью. Полагаю, что эти выводы принципиально верны, как верны и заключения автора о том, что в 1917 г. церковные структуры хотя и подверглись дезорганизации, но в то же время определенным образом укрепились (в результате проведения епархиальных выборов, повышения роли и значения рядового духовенства и мирян и т.п.). Вновь вспоминаю о событиях февраля 1917 г., автор говорит о процессе замещения религиозных символов революционными, «что свидетельствовало о стремительной утрате православием его позиций в умах значительной части населения. Таким образом, — пишет А. В. Соколов, — вовсе не большевики начали гонения против Православной Церкви в России, они только использовали и поощряли те антиклерикальные настроения, которые уже существовали до их прихода к власти».

Соглашаясь с тезисом о замещении символов, хотел бы все-таки поспорить с последующим утверждением автора — о гонениях. Конечно, сразу после Февраля представители

Церкви стали подвергаться разного рода притеснениям и нападениям, но за этим не стояло государство в лице Временного правительства. Гонений как таковых в ту пору не было и быть не могло. Другое дело — большевики, чья антирелигиозная риторика была хорошо известна в общественных кругах России. Именно большевики организовали систематические гонения на Православную Церковь, однако это произошло позже, — после того как ими была одержана победа в Гражданской войне (которую Ленин назвал «историческим чудом»).

В целом, подводя итоги, хочу сказать, что монография Арсения Владимировича Соколова выполнена на высоком профессиональном уровне, автор блестяще знает историографию и умело использует многочисленные источники по теме. На сегодняшний день его работа — наиболее полное и качественное исследование церковно-государственных отношений в России 1917 г., которое является серьезным вкладом в отечественную историографию и позволяет без какой-либо предвзятости судить о системном кризисе, с которым Православная Церковь столкнулась после того, как идеология «симфонии властей» навсегда была похоронена победившей революцией.

О.Е. Зубко

Рец.: *Базанов П.Н.* Книжное дело русской эмиграции: курс лекций. СПб.: СПбГИК, 2015. 192 с.

Чтобы проанализировать учебное пособие – оригинальный авторский материал известного специалиста по русскому зарубежью П.Н. Базанова, в первую очередь, попытаемся дать определения таким понятиям, как «эмиграция», «издательское дело» (в контексте пропаганды и морального выбора) и «учебное пособие».

Эмиграция – сложное социально-экономическое и политическое явление, подразумевающее добровольное или вынужденное перемещение населения из страны постоянного проживания в другое государство. Причины эмиграции, как правило, разнообразны и изменяются с течением времени в разные исторические периоды и эпохи. В прошедшем XX в. эмиграция стала просто массовым явлением. Не обошла она стороной и Россию: вначале была «нулевая волна», начавшаяся еще в конце XIX в. и продолжавшаяся до 1917 г., так называемая «трудовая»; затем «первая политическая» – 1917–1940-е гг.; далее «вторая политическая волна» – 1941–1956 гг. и, наконец, 1956–1988-е гг. – «третья политическая волна». «Перестроечное» и «послеперестроечное» время в Российской Федерации принесло очередную, «четвертую» – «трудовую» эмиграционную волну. Но независимо от характера и причин

этого явления перемещение всегда оставляет след как в жизни самого этноса, так и в жизни людей, собственно, оставивших Родину.

В жизни русской эмиграции первой, второй и третьей волн таким ярким следом является издательское дело. В широком понимании издательское (книжное) дело – отрасль культуры и производства, связанная с подготовкой, выпуском и распространением книг, журналов, газет, изобразительных материалов и других видов печатной продукции. Но для эмиграции издательское дело, как верно указал исследователь, это не просто функционирование и деятельность разнообразных издательств, это одновременно и пропаганда существования эмиграции в целом за рубежом, и осознанный ею моральный выбор своего исхода. Ценное замечание Петра Николаевича Базанова подтверждает, например, одно из писем известного украинского экономиста и педагога Владимира Фавстовича Левитского (1854–1939), к украинскому прозаику и поэту Александру Олесю. В 1924 г. Левитский писал: «Вы, наверное, согласитесь со мной, что сложный для украинского народа период эмиграции будет полезен только в том случае, когда большинство собственно эмигрантов постарается рано или поздно вернуться на Родину с определенным запасом знаний, полученным благодаря систематическому труду как на эконо-

¹ © О.Е. Зубко, 2016.

мическом, так и культурном участке работы...» (Лисенко 1999: 233). Очевидно, как культурный, так и экономический участки работы были актуальными и главенствующими как для украинской, так и русской эмиграций различных волн.

Понятие же «учебное пособие» подразумевает учебное издание, дополняющее или частично (полностью) заменяющее учебник. Обычно учебное пособие выпускается в дополнение к учебнику. Но в нашем случае учебное пособие Петра Николаевича Базанова является основным учебным изданием по дисциплине, относящейся скорее к факультативному компоненту на фоне таких фундаментальных предметов, как «Информационные ресурсы русского зарубежья» и «Культура русской эмиграции». Учебное пособие выделяется не только тем, что оно включает более новый и более актуальный материал (отметим, касающийся сугубо русских эмигрантов — людей, воспитанных в русской культуре, для которых русский язык был родным, вне зависимости от национальности и которые считали Россию своей первой или второй родиной), но и тем, что автор рассмотрел спорные вопросы, демонстрирующие разные точки зрения.

Рецензируемое издание является в целом курсом из 14 оригинальных авторских лекций, скомпонованных по хроно-генетическому и логическому принципам. Рассчитано пособие в первую очередь на студентов институтов культуры и учебных учреждений, готовящих работников издательств. Но, конечно, широкий круг проблем, очерченных

автором, делает книгу интересной и для филологов, политологов, культурологов, социологов, философов и историков. Каждая авторская лекция — самостоятельное, целостное и законченное научное исследование. Поэтому разделы пособия можно изучать и «нарушая» композиционные хронологию с логикой. Все лекции заканчиваются перечнем контрольных вопросов для самопроверки, тщательно разработанным в форме тестов, а также сопровождаются списками основной и дополнительной литературы.

Стоит также отметить и то, что впечатляющим отличием «Книжного дела русской эмиграции» является авторская форма изложения материала, которая способствует не только теоретическому изучению предмета, но и его практическому использованию. Практическому, заметим, со стороны тех исследователей, которые занимаются национальными потоками эмиграции. Так, во-первых, являясь специалистом в вопросах культурно-образовательного и политико-социального взаимодействия украинской и белорусской политических эмиграций в ЧСР в 1921–1939 гг., автор этой рецензии почерпнула очень многое для себя из первой Базановской лекции, знакомящей с русской эмиграцией в целом, как с феноменом мировой культуры XX в.: ее (эмиграции) социальным составом, центрами, уровнем образования, культурным вкладом и основными различиями. Собственно, текст лекции и предложенная дополнительная литература помогли автору рецензии разобраться с причинами длительного отторжения

украинской политической эмиграцией Булгаковской «Белой гвардии» (1925) и благосклонного прочтения ею его же «Роковых яиц» (1925). Оба произведения М. Булгакова были получены украинской эмиграцией в Праге по своим каналам в 1928 г. Стало понятно, что сюжет фантастической повести «Роковые яйца», переизданной в Риге в издательстве «Литература» в 1928 г., перекликается с сюжетом романа Герберта Уэллса «Пища богов» (1904). И именно поэтому повесть была так благосклонно воспринята всеми политическими течениями украинской эмиграции в ЧСР без исключения. Тогда как роман-реквием «Белая гвардия» с его детализацией событий Гражданской войны в Украине в 1918 г. и детализацией процесса разрушения мира русской интеллигенции, социалистической частью украинской политической эмиграции в ЧСР («шаповаловцами») критиковали якобы исключительно за лояльность автора к советской власти. А вот радикально-демократическая часть украинской политической эмиграции в ЧСР («петлюровцы») в 1928 г. пыталась добиться отмены постановки пьесы «Дни Турбиных» на сценах ряда пражских театров. Во-вторых, для исследователей, специализирующихся на изучении «нерусской» эмиграции, будут полезны уточнения Петра Николаевича, касающиеся употребления понятий «эмиграция» и «иммиграция», «Российское зарубежье» — «Русское зарубежье».

Крайне скрупулезно и детально изложен материал во второй и третьей авторских лекциях. Во второй лекции представлена историография

вопроса. Отмечая достаточную разработанность темы и разделенность отечественной литературы по рассматриваемому вопросу на эмигрантскую, советскую и современную российскую, Петр Николаевич тем не менее также указывает на наиболее существенные недостатки современных научных исследований книжного дела российской эмиграции в целом. К последним, по его мнению, относятся: дилетантизм; повторяемость фактического материала во многих работах; плагиат; отсутствие интереса к изучению специальных историко-книговедческих работ; превращение публикаций в простой перечень изданных книг (т.е. в библиографический список как таковой).

Третья авторская лекция посвящена Санкт-Петербургу как центру архивных материалов по истории книжного дела Русского зарубежья. В частности, Базанов обращает внимание, что Санкт-Петербург является одним из крупных центров изучения культурного и научного наследия русской эмиграции в России, уступая лишь Москве, но опережая Хабаровск и Владивосток. Все материалы по издательской деятельности русской эмиграции в архивах Санкт-Петербурга условно подразделяются им на три группы: материалы о доэмигрантском периоде жизни и деятельности лиц, связанных с зарубежными русскими издательствами и периодическими органами; проникновение печатной продукции русской эмиграции в СССР; собственно материалы по книжному делу российской эмиграции в Санкт-петербургских архивах и учреждениях.

Четвертая, пятая и шестая авторские лекции логически связаны информацией о русских издательствах «первой эмиграционной волны» — межвоенной — в Берлине. Германия 1920-х — 1930-х гг. вместе с Францией была той страной, которая приютила больше всего монархистов и левых социалистов (противников большевиков). До 1933 г. Берлин и Париж были центрами культурной жизни русской эмиграции.

Автор группирует издательства по принципу принадлежности к тому или иному политическому течению. Так, в четвертой лекции в частности идет речь об издательстве «Скифы», возникшем в 1920 г. и просуществовавшем до середины 1930-х. Первоначально издательство было рупором партии левых эсеров, но со временем оно стало издавать помимо политической литературы художественную литературу, книги по истории литературы и культуры, по социально-экономическим проблемам, мемуары, международное обозрение современного искусства «Вещь».

В пятой и шестой лекциях рассматривается деятельность издательств «Град Китеж», «Детинец» и «Медный всадник», примыкавших к российскому монархическому движению. Последние два были связаны с личностью герцога Георгия Николаевича Лейхтенбергского (1872–1929). Эти издательства наряду с политической выпускали также детскую, художественную и мемуарную литературу. А «Детинец» еще и печатал открытки «Великая Россия» с видами Родины и русскими пейзажами.

Авторские лекции с седьмой по двенадцатую повествуют уже о «второй эмиграционной волне» и, соответственно, о ее издательствах. Примечательно то, что какого-то плавного перехода от характеристики первой межвоенной эмиграции к описанию второй эмиграционной волны у исследователя не наблюдается. Общая картина и особенности послевоенного периода изложены им при рассмотрении деятельности конкретных издательств. «Вторая эмиграционная волна» связана с интенсивной работой различных издательств, которые должны были удовлетворить культурные запросы так называемых «перемещенных лиц» — «ди-пи». Эти издательства работали при поддержке американской и английской оккупационных властей. «Книжное дело ди-пи» Петр Николаевич условно подразделяет на три основных периода: первый период — УНРРА (аббревиатура по первым английским буквам Администрации по оказанию помощи и восстановлению ООН) (лето 1945 — осень 1946 г.), когда все вышедшие в лагерях для перемещенных лиц издания получали порядковый номер цензуры этой организации. Второй (осень 1946 — май 1947 г.), когда фактически было запрещена какая-либо издательская деятельность на территории лагерей «ди-пи». Книги в это время издавались за пределами лагерей. И, наконец, третий период — период ИРО (Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц) (июнь 1947 — 31 декабря 1951 г.). В это время издательская деятельность была вновь легализована.

Крупнейшими издательскими центрами в Европе были лагеря Менхегоф под Касселем и Шляйсгейм под Мюнхеном. В условиях лагерей «ди-пи» было основано примерно 50 эмигрантских издательств. Издательский репертуар в то время был своеобразен. В первую очередь, в обстановке постоянного стресса, когда в любую минуту могла последовать репатриация в СССР, большим спросом пользовалась детская литература и литература развлекательного жанра (авантюрно-приключенческие и детективные романы, фантастика), что объяснялось с одной стороны инфантильным подходом взрослых к проблемам («Будь что будет», «Тому бывать, чего не миновать!») и собственно наличием большого количества детей в лагерях, а с другой — желанием рассмотреть ситуацию под другим углом, увидеть то, что раньше ускользало от взора («Выжить вопреки всему!»). Но ко всему прочему переиздавались поэзия и классическая литература. А особенности жизни в условиях лагерей, когда было необходимо получить новую рабочую специальность, способствовало выходу самоучителей иностранных языков, словарей и прочей учебной литературы, брошюр по технике и медицине. К тому же в лагерях «ди-пи» у представителей второй эмиграционной волны началось возрождение интереса к религии. Но нельзя было сбрасывать со счетов и политическую литературу, которая пусть и отошла на «задний план», но всё же не растворилась в массе прочих изданий.

Период УНРРА связан с деятельностью издательства С.В. Завалишина

на «Златоуст» (1946–1949, Шляйсгейм). Здесь печатали, как говорится, всех («Объединение русских журналистов и писателей», «Союз Андреевского флага» и т.д.) и всё, так как это было издательство универсального профиля. Всего в издательстве С.В. Завалишина до 1949 г. было издано около 30 книг, включая разгромное «антивласовское» «Гуманное государство. Сталинский Вермахт».

В начале 1950-х гг. С.В. Завалишин переехал в США и уже в Нью-Йорке создал новое издательство при поддержке мецената и общественного деятеля, лидера русской эмиграции в США князя С.С. Белосельского-Белозерского.

Во второй послевоенный «книжный период» возникает известное издательство Народно-Трудового союза «Посев». Первоначально издательство базировалось в небольшом немецком городе Лимбурге-на-Лане. Его продукция, конечно же, имела идеологический, антисоветский и антикоммунистический характер. До 1951 г. здесь было издано 42 книги. В 1952 г. «Посев» переехал во Франкфурт-на-Майне. А в 1956 г. произошло событие, в корне преобразившее русское книжное дело в эмиграции. В № 32 журнала «Грани», издаваемого «Посевом», было опубликовано обращение издательства к деятелям литературы, искусства и науки «порабощенной России» присылать для публикации труды, не пропускавшиеся советской цензурой. Вначале советских писателей печатали без их разрешения, затем — с их согласия. А в 1964 г., уже после усиления цензуры, НТС вы-

вез из России, опубликовал и предал гласности более тысячи рукописей и документов как литературного, так и общественно-политического содержания. Фактически «Посев» стал мостом, соединяющим эмиграцию и диссидентов СССР с их «самиздатом». «Посев» в частности напечатал Солженицына, Сахарова, Максимова, Ахматову, Пастернака, Ахмадулину, Бродского, Галича, Булгакова и многих других. Пик его издательской деятельности – 1968–1978 гг. Кроме франкфуртского филиала издательства существовали филиалы в США и Австралии. А в 1992 г. «Посев» переехал в Российскую Федерацию, где успешно функционирует и поныне. В десятой лекции П.Н. Базанов детально анализирует, каким образом издания «Посева» распространялись как среди советских военнослужащих в Германии и Австрии, так и на территории СССР. Петр Николаевич упоминает даже о распространении листовок среди советских войск в Афганистане с помощью пленных моджахедов в 1979–1981 гг.

Заслуживает внимания и анализ деятельности нью-йоркского издательства им. Чехова (1951–1956) (одиннадцатая авторская лекция). Это издательство было примечательно тем, что по количеству выпущенных названий русских книг оно входит в число крупнейших эмигрантских издательств. Во второй половине XX в. только «Посев», «Эрмитаж» и «УМСА-Press» превосходили это издательство. В его репертуаре в основном были беллетристика и политическая публицистика, которые невозможно было издать в СССР.

Заканчивает знакомство со вторым послевоенным «книжным периодом» лекция об историке и издатель-эмигранте Н.И. Ульянове (1904–1985). За эмигрантский период жизни пламенный сторонник исторической науки, литературный критик и философ, выпускник общественного факультета Петроградского университета, последний ученик академика С.Ф. Платонова опубликовал восемь книг и три брошюры. П.Н. Базанов посвятил отдельную главу издателю-эмигранту, скорее всего, по той причине, что работы Ульянова по национальному вопросу стали классическими и эталонными в русской национально-патриотической мысли (Базанов б/д).

Третий «книжный период» издательской деятельности русской эмиграции представлен двумя издательствами – «Эрмитаж» и «Антиквариатом». «Эрмитаж» (дата основания 1979 г.) – издательство известного правозащитника и диссидента Игоря Марковича Ефимова. Это издательство, располагавшееся в США, специализировалось на выпуске правозащитной литературы, репринтных изданий «первой» эмиграционной волны и переводов зарубежных философов, которые не могли быть опубликованы в СССР по цензурным соображениям. Издательство же «Антиквариат», руководимое Э.А. Штейном – шахматистом, коллекционером, библиофилом, издателем и библиографом, выпускало главным образом репринты редких изданий «первой» эмиграционной волны. В качестве исключения «Антиквариат» печатал и современных

авторов; издавались также эссе на шахматную тематику. Последней публикацией этого издательства стал библиографический указатель создателя издательства «Поэзия русского зарубежья в библиотеке Эммануила Штейна» в 2000 г.

Таким образом, Петр Николаевич Базанов в учебном курсе показал, что русская эмиграция за рубежом в 1917–1988 гг. создала более тысячи издательств, как реальных, так и эфемерных. Многие из них создавались в так называемых «столицах Русского Зарубежья» – в «русском Берлине», «русском Париже», «русской Праге», «русских Харбине и Шанхае». После Второй мировой войны в лагерях «ди-пи» в 1945–1951 гг. работало не более 50 издательств и издательских организаций. Расцвет книжного дела за рубежом во второй половине XX в. был связан со вновь открывшимися возможностями распространения книг в СССР. Постоянно и одновременно действовало всего 20 издательств в Нью-Йорке и 10 в Париже. Из всего этого мно-

гообразия автором были выбраны самые интересные, но менее всего освещенные фрагменты в научной и учебной литературе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базанов б./д. – Базанов П.Н. Н.И. Ульянов и И.Л. Солоневич: два взгляда на национальный вопрос в России // Базанов П.Н. [Электронный ресурс]. URL: <http://solonevich.narod.ru/bazanov2006.html> (дата обращения 28.12.2015).

Лисенко 1999 – Лисенко Н. З еміграційного архіву О. Олесья // Хроніка-2000. Український культурологічний альманах. «Україна–Чехія» Ч. II: Рік видання VIII. Вип. 29–30. Київ, 1999.

REFERENCES

Bazanov P.N. N.I. Ul'ianov i I.L. Solonevich: dva vzgliada na natsional'nyi vopros v Rossii. *Bazanov P. N.* URL: <http://solonevich.narod.ru/bazanov2006.html> (date of access 28.12.2015).

Lisenko N. Z emigratsionnogo arhivu O. Olesia. *Hronika-2000. Ukrainskii kul'turologichnii al'manah. «Ukraina–Chehia»*. Part II. Rik vidaniia VIII. N 29–30. Kiev, 1999.

С.Б. Крих, О.В. Метель

СНОВА О ДВУХ ПАРАДИГМАХ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ М.А. БАЗАНОВУ

Любая дискуссия, коль скоро она касается важной проблемы, корректно построена и стремится к выяснению истинного положения вещей, только приветствуется в научном сообществе. Поэтому появление возражений М.А. Базанова на нашу статью, изначально задумывавшуюся в качестве дискуссионной, является хорошим знаком, тем более что рецензент постарался построить свои заметки, сосредоточившись в первую очередь на возражениях по существу, разумно ограничившись в мелочных придирках и постаравшись последовательно изложить противоположную точку зрения¹. В то же время отдельные

положения статьи М.А. Базанова вызывают у нас возражения, связанные главным образом с некорректной передачей рецензентом отдельных аспектов нашей первоначальной мысли. Без сомнения, часть ответственности за подобные искажения лежит на нас самих, раз мы не сумели кристально ясно очертить собственные позиции; частично сыграли свою роль причинны технического характера: статья в «Вопросах истории» вышла в немого сокращенном виде, и хотя основная аргументация сохранилась в целостности, некоторые детали, на которые, в частности, обратил внимание М.А. Базанов, оказались утраченными. Именно поэтому, дабы прояснить те положения, которые кажутся нам принципиальными для понимания наших идей и, следовательно, сделать дальнейшее обсуждение более плодотворным, мы сочли необходимым представить

© С.Б. Крих, О.В. Метель, 2016.

¹ Мы надеемся, что автор рецензии, в свою очередь, не воспримет как мелочные придирки наши замечания о том, что он неверно указывает название нашей статьи в списке литературы (вместо «двух парадигм в современной отечественной историографии» появляются «две парадигмы в современной историографии» (*Базанов* 2015: 62), а также неграмотно склоняет фамилию одного из авторов, что находит отражение уже

в названии и сохраняется на протяжении всей статьи (*Базанов* 2015: 55, 57, 58, 60).

предварительный ответ на рецензию М.А. Базанова.

Во-первых, значительную часть своего текста М.А. Базанов строит на приписывании авторам рецензируемой работы определенных эмоций. Он не приводит тенденциозных цитат, которые бы подтвердили его тезисы, но заявляет, что, дескать, и так ведь понятно, на чьей стороне симпатии авторов — они критикуют антропологическую парадигму и почти восхваляют концептуалистскую (Базанов 2015: 56). Конечно, выражать несогласие с таким умозаключением рецензента совершенно бесполезно: он читатель и имеет право видеть в тексте те смыслы, которые воспринимает, имеет он право не верить и нашим же словам о нежелательности абсолютной победы одной из парадигм (Крих, Метель 2014: 165). В конце концов, если наш собственный текст опровергает позицию рецензента, то почему бы и не обвинить нас в неискренности?! Со своей стороны, мы считаем нужным дать лишь одну ремарку: по нашему мнению, антропологическая парадигма доминировала и, безусловно, доминирует в отечественной историографии почти четверть века, поэтому описанию ее специфики изначально планировалось уделить больше внимания. Поскольку концептуалистская парадигма (новая, а не осколки прежней, советского образца) сейчас слаба и не в моде, то ее анализ был дан в самом общем виде. Опять же, М.А. Базанов счел эту часть текста хвалебной песней концептуализму, а наше указание на опасность, которую он в себе таит (Крих, Метель 2014: 165), веро-

ятно, списал на лисью изворотливость авторов.

К этой же категории, надо думать, были отнесены и наши рассуждения о положительном влиянии «антропологического поворота» на развитие историографических исследований в постсоветской России (Крих, Метель 2014: 161).

Во-вторых, хотя в тексте статьи и не было ряда важных деталей, которые должны были показать, что мы не воспринимаем деление на две парадигмы в черно-белой тональности, М.А. Базанов все-таки, по нашему убеждению, слишком просто изложил наши позиции, особенно в части общей характеристики названных парадигм (Базанов 2015: 56–57). В результате незнакомый со статьей в «Вопросах истории» читатель, доверяя нашему рецензенту, может решить, что мы действительно полагали, будто историк, работающий в антропологической парадигме, интересуется только лишь «повседневным бытом и кругом общения изучаемого персонажа», а сторонник концептуализма — только лишь научными трудами и концепциями (Базанов 2015: 56). А вся аргументация нашей позиции заключалась чуть ли не в подтасовке фактов, так как работы, которые не вписываются в нашу схему, «соответственно, не упоминаются в статье» (Базанов 2015: 58).

Мы готовы признать правоту рецензента и согласиться с тем, что в историографическом поле могут существовать работы, далеко не полностью соответствующие заявленным критериям, да и сами критерии, ве-

роятно, требуют дополнительного обсуждения. В то же время мы думаем, что вправе требовать от него точности в передаче авторской мысли как на уровне прямого цитирования, так и на уровне общей трактовки отдельных фрагментов, что позволило бы как минимум сохранить нюансы нашего подхода². Не можем мы согласиться и с однозначной «реконструкцией» мотивов, диктовавших нам выборку фактического материала: отсутствие той или иной работы в библиографии может объясняться не только тенденциозностью, но и стремлением привести примеры наиболее ярких трудов, созданных в той или иной парадигме, а также банальной нехваткой места в ограниченной по объему статье³.

² Приведем два примера неаккуратного цитирования нашей статьи и использования ее текста при построении собственного нарратива. Так, приводя цитату, характеризующую наше понимание концептуалистской парадигмы, М.А. Базанов говорит о том, что эта парадигма «исходит из объективного существования *мира* (курсив наш. — С. К., О. М.) и его способности оказывать воздействие на историка-исследователя» (Базанов 2015: 56), тогда как в оригинале речь шла об объективном существовании «*мира идей*» (Крих, Метель 2014: 164). Далее, основные изменения в историографии, по мнению М.А. Базанова, мы видим в «антропологическом *перевороте* (курсив наш. — С. К., О. М.)», сутью которого стало «растворение объекта научной деятельности в субъекте» (Базанов 2015: 56), тогда как в статье речь шла о формировании двух парадигм как о главной особенности периода, а положение о «растворении объекта научной деятельности в субъекте» хотя и оказывается близким по смыслу к содержанию антропологической парадигмы, но все-таки было приведено нами для характеристики сдвигов в *науковедении* (Крих, Метель, 2014: 160). И если уж быть совсем точными, то мы использовали устоявшийся термин «антропологический *поворот*» (Крих, Метель 2014: 161).

³ М.А. Базанов имеет право не читать другие наши работы, ограничившись полемикой

Одновременно автор упрекает нашу позицию в телеологизме (Базанов 2015: 58) за то, что мы выдвигаем нехитрый тезис: ученый приходит в науку не столько ради общения с коллегами, сколько ради самой науки (а значит, ради «поиска истины»). М.А. Базанов опровергает это следующим образом: «Полагаем, искусственность подобных построений ясна всем, кому приходилось длительное время тесно общаться с представителями научной среды. Личная жизнь заботит их не менее, чем занятия научной деятельностью, а элементарные человеческие симпатии зачастую определяют даже их концептуальные воззрения» (Базанов 2015: 58). Однако мы нигде и никогда ни прямо, ни косвенно не постулировали, будто ученые на своем научном пути *абсолютно* свободны от личных симпатий и антипатий, мы ставили вопрос о *степени* воздействия последних на результаты научного творчества. И, думается, дальнейшая дискуссия по данному вопросу оказалась бы более продуктивной, если бы рецензент привел конкретные примеры того, как человеческие симпатии (не политические взгляды, не экономическое положение или статусный разрыв, а именно человеческие симпатии и антипатии) влияли на концептуальные построения историка, а не ограничивался апелляцией к повседневному опыту и работам П. Бурдьё (Базанов 2015: 58), чей авторитет не может быть

против одной небольшой статьи, но все-таки подчеркнем, что некоторый материал, который он определяет как неучтенный, мы уже анализировали ранее (в частности монографию Л.А. Сидоровой). См. напр.: (Крих 2011; 2013).

неперекаемым для историографа до тех пор, пока не будет показано, что его теория действительно применима за пределами деклараций, при обработке конкретного материала⁴.

Точно тем же приемом уважаемый рецензент приписал нам призыв к возвращению концептуалистской парадигмы (Базанов 2015: 60) — который справедливо заклеил за его утопичность. Напомним: в статье говорилось о том, что новая (!) концептуалистская парадигма только формируется в настоящее время; возвращать прежнюю никто не призывал, как никто не требовал и исключения из поля зрения историографов «повседневного быта историков» (Базанов 2015: 60).

В-третьих, нас смутили общие посылы критики, которые не всегда выглядят как выражение полностью продуманной позиции. Так, несколько парадоксально то, что, отвергая сам принцип выделения двух парадигм, который кажется ему «губительным и неплодотворным» (Базанов 2015: 60), М.А. Базанов предлагает при этом скорректировать название антропологической парадигмы, представив ее в виде социокультурной (Базанов 2015: 58) или обсуждает корректность отнесения взглядов А.Л. Юрганова к концептуалистской парадигме (Базанов 2015: 60). Неужели нашему критику оказывается важнее количество полемических замечаний, чем то,

что одни из них дезавуируют другие? Наконец, более существенный пример: общий итог размышлений М.А. Базанова сводится к тому, что отдельные недостатки в развитии современной историографии мы, как он полагает, ошибочно приняли за «системный сбой» (Базанов 2015: 60). Из текста рецензии следует, что развитие современной историографии в нашей стране не знает никаких существенных (парадигмальных) проблем и не встречает на своем пути никаких преград (Базанов 2015: 56), более того, историография вообще аттестована как вспомогательная историческая дисциплина (Базанов 2015: 55, 59). При этом М.А. Базанов не только считает необходимым тратить свои силы и время на возражения авторам, которые кругом неправы в оценке современной ситуации и пытаются внести «диссонанс» в общую картину (Базанов 2015: 56), но даже призывает организовать «широкую дискуссию о целях, задачах и принципах современных историографических исследований» (Базанов 2015: 60)!

Высказанные нами замечания, однако, ни в коей мере не умаляют труда рецензента. Мы благодарны М.А. Базанову за проделанную работу и целый ряд высказанных им ценных и полезных замечаний. Прежде всего — за стремление обсудить степень корректности тех параметров, исходя из которых было совершено выделение двух парадигм в отечественной историографии. Все-таки, надо полагать, автор рецензии прекрасно понимал, что в небольшой статье невозможно было дать очерк этих параметров в безупречной опо-

⁴ Парадокс в том, что автор рецензии в собственном диссертационном исследовании показал, как теория П. Бурдьё работает только после ее существенной корректировки (Базанов 2014).

ре на фактический материал, но его возражения при этом заметно глубже, и мы признаём, что в этом пункте есть о чём спорить. Конкретные антитезисы, которые выдвинул рецензент, нас в большинстве случаев не убеждают, но ведь это не единственные возражения, которые можно представить, значит, их обсуждение должно быть продолжено, хотя лучше всего, чтобы избежать опасности безбрежного теоретизирования, проводить его параллельно с работой по специальным темам. В любом случае, проблема корректности выделения парадигм в современной отечественной историографии никак не может считаться разрешенной, а различные позиции, в том числе и наша собственная, нуждаются в дальнейшем прояснении и, вполне возможно, корректировке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базанов 2014 — Базанов М.А. Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2014.

Базанов 2015 — Базанов М.А. Две «парадигмы» и предметное поле историографических исследований: запоздалый ответ С.Б. Криху и О.В. Метели // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3). С. 55–63.

Крих, Метель 2014 — Крих С.Б., Метель О.В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

Крих 2013 — Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М., 2013.

Крих 2011 — Крих С.Б. Проблема методологии в изучении советской историографии древнего мира // Вестник Омского университета. 2011. № 3 (61). С. 88–89.

Юрганов 2011 — Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

REFERENCES

Bazanov M.A. *Alexandr Alexandrovich Zimin: Biografija istorika v kontekste razvitiia otechestvennoi nauki*: Dis. ... kand. ist. nauk. Cheliabinsk, 2014.

Bazanov M.A. Dve paradigmy i predmetnoe pole istoriographicheskikh issledovaniï: zapozdalyi otvet S.B. Krihu i O.V. Meteli. *Istoricheskaja ekspertisa*. 2015. N 1. P. 55–63.

Iurganov A.L. *Russkoe natsionalnoe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov epohi stalinizma*. Moscow, 2011.

Krikh S.B., Metel' O.V. Dve paradigmy v sovremennoi otechestvennoi istoriografii. *Voprosy istorii*. 2014. N 1. P. 159–166.

Krikh S.B. *Obraz drevnosti v sovetskoï istoriografii*. Moscow, 2013.

Krikh S.B. Problema metodologii v izuchenii sovetskoï istoriografii drevnego mira. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2011. N 3 (61). P. 88–89.

П.И. Тахнаева

ИМАМАТ ШАМИЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рец.: *Дадаев Ю.У.* Государственное образование (имамат) Шамиля: органы власти и управления. Махачкала, 2015. 504 с.

История Кавказа крайне актуальна для современной России, она привлекает многих исследователей, придерживающихся разных подходов и применяющих различные методы, что могло бы только обогатить отечественную историографию, если бы некоторые из них не выходили за рамки приемлемого и допустимого в научной практике. Острота всего, что связано с Кавказом вообще и политикой России на Кавказе в частности, требует от ученых предельной академической корректности не только в суждениях, но и в самих методических приемах работы.

Монография Ю.У. Дадаева посвящена, как сообщает аннотация, «одной из малоизученных тем кавказоведения — возникновению, становлению и функционированию органов власти в государственном образовании Имамат первой по-

ловине XIX в.». Заявлено также о том, что «впервые в историографии в данной работе подробно раскрываются вопросы возникновения и функционирования органов власти и управления в феодальных владениях и сельских общинах Дагестана и Чечни в XVIII в., создания на основе их опыта местных органов власти управления Имамата».

Рекомендована книга к изданию Ученым советом Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Рецензенты: д-р ист. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, РД Х.Х. Рамазанов, д-р ист. наук, проф., ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН Д.С. Кидирниязов, канд. ист. наук, доцент ДГУ А.М. Магомеддадаев. Ответственные редакторы: д-р ист. наук, проф. Н.А. Магомедов, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН Е.И. Иноземцева. Кроме рецензентов и ответственных редакторов у монографии

© П.И. Тахнаева, 2016.

почему-то присутствует внушительный список членов редакционной коллегии. Но это не периодическое издание и не сборник статей. Вероятно, это сделано с одной целью: показать, что монография известна в научных кругах, а члены «редколлегии» разделяют взгляды автора.

Несомненно, автор проделал определенную работу, рецензируемая монография состоит из 504 страниц. Тем не менее, замечу сразу, содержательная сторона, способ изложения, авторская концепция, способы ее аргументации и предполагаемая новизна не соответствуют академическому научному формату. Работа отличается методологической несостоятельностью и неадекватным терминологическим аппаратом. Компилятивность, некритичное отношение к источникам, причудливый сплав идеализированного подхода к истории имамата и обвинительного тона при характеристике действий России на Кавказе не позволяют назвать работу автора, несмотря на ее солидный объем, научным исследованием.

Многие положения или утверждения носят голословный характер (местами пафосный, патетический, публицистический), не имеют фактологической основы, подкреплены ссылками сомнительного характера или даже вообще обходятся без ссылок. Работа отличается не только специфическим характером изложения, но и сложным, загроможденным языком. Встречаются многословные предложения, лишённые смысла, никак не подтвержденные известными фактами, с неправомерным использованием тех или

иных терминов. Наверное, можно было бы говорить о необходимости серьезной научной стилистической редакции, если бы не сложилось устойчивое ощущение, что автор не понимает содержания сути происходящих событий и многих терминов. К примеру, название первой главы «Органы власти и управления Дагестана и Чечни в XVIII – перв. пол. XIX в.». Замечу, что «Дагестан» и «Чечня» рассматриваемого времени – это обозначения *культурно-исторических, этнокультурных и географических областей*, а не *политических государственных образований, обладающих органами власти*.

Предметом исследования являются государственные структуры в имамате. По стратегии автора, прежде необходимо рассмотреть предшествовавшие имамату формы власти в исследуемом регионе. Этой задаче посвящена первая глава «Органы власти и управления Дагестана и Чечни в XVIII – перв. пол. XIX в.». В трех последующих главах (гл. 2 «Начальный этап становления Имамата», гл. 3 «Роль и место имама Гамзата в создании основ государства Имамат», гл. 4 «Деятельность имама Шамиля по созданию органов власти и управления на начальном этапе становления государства Имамат (1834–1839)»), автор рассматривает роль и место каждого имама в создании основ «государства Имамат». И только пятая, заключительная глава «Законодательные, исполнительные и судебные институты государственной власти в Имамате Шамиля» рассматривает собственно предмет исследования, органы власти и управления: «Институты государственной власти в имамате

Шамиля: законодательная, исполнительная, судебная» (с. 285–405).

Поэтому хотелось бы начать с последней, основной главы. С вопроса о ее исследовательской новизне. В первом параграфе (5.1) «Общеимаматские съезды ученых, наибов, представителей сельских общин — высший орган государственной власти в Шамиля Имамате» (так в тексте), первое предложение практически повторяет его название: «Высшим органом власти и управления в государстве, созданном имамами <...> был созываемый по мере необходимости общеимаматский съезд ученых, предводителей, наибов, представителей сельских общин и джамаатов Дагестана и Чечни». Собственно, это факт, давно известный исторической науке (*Покровский* 2000: 346). Однако автор полагает, что «многие аспекты, в том числе причины, условия и особенности возникновения, функционирования и падения этого государства, прежде всего внутренние механизмы управления и организации власти в центре и на местах, еще достаточно полно не исследованы и не изучены» (с. 285). Он убежден, что «до сих пор недостаточно исследованным остается механизм возникновения и создания государственных органов, ранее вовсе не существовавших на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане и Чечне» (с. 285). Автор намерен восполнить эти исторические лакуны, поскольку «с введением в течение последних лет в научный оборот новых архивных документов, и особенно местного происхождения, на арабском, аварском, чеченском и других местных

языках выявляются неизвестные ранее, соответственно, неизученные и не обобщенные до сих пор чрезвычайно интересные факты и подробности организации в Имамате исполнительной, законодательной и судебной власти как в центре, так и на местах» (с. 285).

Замечу сразу: дальше намерений автору не удалось продвинуться. Возможно, произошло это по одной простой причине: не был использован ни один новый источник. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на с. 439–453, где приведены все ссылки по этой главе: ДГСВК (Махачкала, 1959), Гаджи-Али «Сказание очевидца...» (Махачкала, 1995), Мухаммад Тахир ал-Карахи (Махачкала, 1990), АКАКи, Абдурахман из Газикумуха «Книга воспоминаний» (Махачкала, 1997), Шарафутдинова Р. «Арабоязычные документы эпохи Шамиля» (М., 2001), Омаров Х. «Сто писем Шамиля» (Махачкала, 1997), Геничутлинский Х. «Историко-биографические очерки» (Махачкала, 1992), Шарафутдинова Р. «Арабские письма Шамиля из архива Б.А. Дорна» (М., 1974), «Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля», сб. док. (М., 2005), «Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в.» (Махачкала, 2002), Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У. «Хроника Иманмухаммада...» (Махачкала, 2010), Магомеддадаев А.М. «Мухаммад-Амин Асиялав...», сб. док. (Махачкала, 1998). Собственно, и всё. Из этого известного ряда выбивается недавним годом издания (2010) действительно уникальный источник «Хроника Иманмухаммада Гигат-

линского», но качество его перевода оставляет желать лучшего¹.

Таким образом, новые обещанные источники «на арабском, аварском, чеченском и других местных языках» в главе не встречаются, вместо них многообещающие фразы без конкретики и каких-либо ссылок: «анализ источников показывает, что...», «собранный нами архивный и полевой материал», «из исследованных на сегодня источников известно, что...», «таких документов нам пока обнаружить не удалось», «анализ архивных источников, <...> введенных в научный оборот за последние годы», «данные, обнаруженные нами в ходе полевых экспедиций 1991–1997 гг. в дагестанских и чеченских селениях», «из личного полевого архива автора», «до сих пор, однако, не обнаружены документы, отражающие подробно все решения Ругуджинского съезда», «на наш взгляд, существуют еще не введенные в научный оборот документы эпохи Шамиля, которые позволят глубже изучить проблемы...», «анализ многочисленных

арабоязычных документов внутриимаматского происхождения, выявленных за последние двадцать лет и введенных в научный оборот», «анализ исторических документов показывает», «поиск новых разнообразных источников, особенно архивных документов на русском, арабском и языках народов Дагестана и Чечни, несомненно, поможет раскрыть...», «как свидетельствуют многие источники русского и дагестанского происхождения», «однако историкам до сих пор не удалось обнаружить документы, характеризующие полный состав постоянных членов Государственного совета», «анализ имеющихся в нашем распоряжении источников показывает...», «к сожалению, до сих пор обнаружить эти документы в государственных и личных архивах не удалось», «анализ исторических документов убедительно показывает», «данные арабоязычных документов и на языках народов Дагестана и Чечни», «анализ внутриимаматских документов, вышедших в 1840–1852 годах»... Между тем автор не называет ни одного документа.

Тезис о «Совете алимов», «одном из первых государственных учреждений» имамата, на самом деле представляет собой пересказ тезисов Н.И. Покровского о «Совете ученых», автор не приводит ни одного нового источника или взгляда по этому вопросу. Ю.У. Дадаев утверждает, что «основная роль в совете Имамата принадлежала алимам» (с. 286), вместе с тем он пишет, что «для решения вопросов чрезвычайной важности в Имамате периодически созывались съезды ученых,

¹ Из перевода «Хроники...» (пер. Т.М. Айтберов): «Имам Шамиль один из великолепных рыцарей эпохи», «большое количество превосходных персон», «профессор Саид Араканский», «толпа <...> представленная главарями <...> из числа исламистов», «теластатый мужчина огромного роста», «кто долго сидит в клозете, не чувствует запаха испражнений», «поговорка, которую разносят по миру кавалеристы и путешественники», «унифицировать человеческие натуры», «далее сказал Шамилю вождь группировки, которая содержала претендентов на лидерство: “Мы освободили, таким образом, пространство, существующее между усадьбой и ее потенциальным строителем”», «скалы от них размягчались, а твердые субстанции растекались», «расовое сходство и родовитость» и т. д.

наибов, видных представителей духовенства и других лиц для управления страной» (там же). Речь идет о так называемых (по Дадаеву) «общееимаматских съездах», они же «собрания», «общееимаматские совещания», «общегосударственные съезды». Автор утверждает, что природа их возникновения, согласно «анализу источников» (они не упоминаются) состоит из «слияния и трансформации собраний ученых, представителей союзов сельских общин, различных обществ, джамаатов, известных предводителей народов Дагестана и Чечни, созывавшихся для ...определения общей политики и тактики борьбы за независимость и свободу...» (с. 289). Автор полагает, что общеимаматские съезды «на первоначальном этапе становления институтов государства еще не были окончательно сформировавшимися высшими органами государственной власти», «постепенно ...роль собраний резко возрастает», «в период расцвета государства Шамиля общегосударственные съезды выступают в роли высшего органа государственной власти, так как в их компетенции находятся все ключевые вопросы», «с началом распада Имамата ...они постепенно превращаются в съезды наибов, ученых и представителей различных обществ... часть полномочий переходит к постоянно действующему органу управления – Государственному совету (Диван-Хана), созданному по решению съезда и подотчетному съезду», «в дальнейшем общегосударственные съезды... превращаются в ...орган совещательного характера, теряют свою демократичность» (с. 288–292).

У Н.И. Покровского этот многостраничный текст выглядит так: «Очевидно, что из соединения народных собраний, созывавшихся первыми имамами, и совещаний самих мюридов, и вырос затем “совет ученых”. Позже, в эпоху расцвета и упадка имамата, “совет ученых” как будто исчезает и заменяется съездами наибов совместно с другими видными представителями движения. ...В дальнейшем съезды наибов ...превращаются в военные советы при главнокомандующем» (Покровский 2000: 348).

Ю.У. Дадаев все известные народные собрания со времен имама Газимухаммада определяет как «общедагестанские (на каком основании? – П.Т.) совещания представителей народов, союза сельских общин, джамаатов, отдельных владений», которые в устах автора получают высокий статус «общегосударственных съездов». В общей сложности он их насчитывает в истории имамата одиннадцать. Автор их также называет «общеимаматскими» съездами, почему не «имаматские»? Далее следует замечательная фраза: «Собранный нами архивный и полевой материал позволяет нам сегодня, с введением в научный оборот новых документов, остановиться на каждом съезде отдельно» (с. 290). Каждому съезду автор приписывает некие «общенациональные воззвания к народам Дагестана, Чечни и Северного Кавказа» (с. 290), текст которых, как и само их существование, исторической науке по настоящее время неизвестны.

Остановившись отдельно на ашильтинском (чиркатинском) «общеима-

матском съезде» (сентябрь 1834 г.), на котором был избран имамом Шамиль, автор передает его программную речь перед избирателями, в которой «он призвал народ на борьбу за достойное существование, обрушился на изменников и отступников, просил забыть взаимные обиды и сплотиться перед опасностью полного порабощения» (с. 291). Более того, автор заявляет о том, что именно на этом съезде имам Шамиль «объявил о необходимости объединения всех народов гор в независимое государство — Имамат, основанное на равенстве и свободе, вере и справедливости», «убеждал горцев, что только единое государство (? — П. Т.) свободных горцев сможет себя защитить, что только так простые горцы (? — П. Т.) избавятся от нужды и притеснений, и с ними всерьез станут считаться великие державы (? — П. Т.), и что лишь так можно обрести мир и покончить с войнами (? — П. Т.)» (с. 291). Однако ссылается при этом приведенном серьезном программном заявлении не на источник, а на исторический роман Ш. Казиева «Имам Шамиль» (М., 2001). Замечу, ни в одном из известных источников, в том числе и «Хронике Иманмухаммада Гигатлинского...», ничего подобного, похожего на программное заявление имама, не содержится.

Исторической науке также неизвестно о заявлениях «веротерпимости», которые автор приписывает имаму Газимухаммаду: «Гази-Мухаммад в своих воззваниях и высказываниях проявлял поразительную веротерпимость, признавая, как об этом свидетельствуют источники, христианство и иудаизм, Талмуд и Еван-

гелие, Моисея и Иисуса, утверждая, что каждая конфессия должна жить по своим законам и нормам. В частности, в одной из речей имам прямо заявил: “У христиан — свое Евангелие, у евреев — Талмуд, а у нас свой священный Коран и святой шариат, но к нашему стыду нам приходится признаться, что мы не знаем ни того, ни другого”» (с. 89) Ссылка не на источник, а на статью культуролога Д.М. Магомедова (*Магомедов* 1993). Комментарии излишни.

Вернемся к пятой главе. Как и автор, позволю себе «отдельно» остановиться на знаменитом ашильтинском съезде. Автор много пишет о нем в предыдущей, четвертой главе, словно пытаясь со всей щепетильностью исследователя разобраться с важными вопросами «избрания Шамиля имамом», точнее, убедить читателя в «законности избрания Шамиля и легитимности его власти» (с. 225), поскольку «в исторической литературе и в историографии существуют десятки самых разнообразных и противоречивых утверждений и повествований о том, как Шамиль стал Имамом» (с. 221).

Автор сообщает, что «сведения об избрании Шамиля имамом имеются на русском, польском, арабском, персидском, турецком, а также других языках, в том числе на языках народов Дагестана и Чечни» (с. 221). Правда, не называет их, но обещает «сделать небольшой анализ этих источников, обратив особое внимание на документы внутриимаматского происхождения» (Почему «внутриимаматские», а не «имаматские»? Были и «внеимамат-

ские»?). Автор немного интригует, сообщая, что «среди этих документов имеются... еще не опубликованные и не введенные в научный оборот» (с. 221).

И, что мы имеем в итоге? Корпус источников, на которые ссылается автор в этой главе, составляют традиционные хроники и сочинения: Мухаммад Тахир ал-Карахи, Хайдарбек Геничутлинский, Гаджи Али, Гасан-Эфенди Алкадари, Абдурахман из Газикумуха, Иманмухаммад Гигатлинский, Муртузали ал-Уради, «Арабоязычные документы эпохи Шамиля» Р.Ш. Шарафутдиновой и «анализ всех доступных источников и собранных нами полевых исследований». Но где обещанные источники на польском, персидском, турецком? И, самое главное, — на языках народов Чечни и Дагестана? Их нет.

Собственно, пространная информация об ашильтинских выборах содержится только в одном источнике — в хронике Иманмухаммада Гигатлинского. Но и в нем нет ни единого слова из того, что позволяет себе приводить автор, повествуя об этих выборах: «На съезде в своей речи Шамиль особо подчеркивал, какое место в жизни государства (? — П.Т.) занимает должность имама», «...подчеркивая значимость должности имама, *предложил свое понимание задач и обязанностей народного избранника*», «по его мысли, будущий имам должен был обладать *особыми полномочиями, необходимыми для организации государственности* (? — П.Т.)». Была бы очень признательна автору, если бы этот фрагмент он проиллю-

стрировал цитатой из какого-либо источника.

Для автора крайне важно доказать легитимность избрания имама на ашильтинском съезде, что должно свидетельствовать «о демократическом характере начала формирования высших органов власти и управления государства Шамиля». Эта высокая задача заставляет его подвергать сомнению все известные местные источники: «Гаджи Али как бы нарочно занижает количество делегатов съезда, <...> ни слова не говорит об известных личностях, участвовавших в собрании, о многочисленных сельских общинах, их союзах и джамаатах Нагорного Дагестана, представители которых также участвовали в работе съезда» (с. 222), «Гасан-Эфенди ал-Кадари неточно указывает не только дату проведения съезда, но также и географию делегатов съезда, ограничивает ее лишь населением Аварского района, что не соответствует действительности» (с. 223). В данном написании «ал-Кадари» автор проявляет полную неграмотность. Нисба «ал-Кадари» указывает на происхождение из даргинского селения Кадар (совр. Буйнакский район РД), тогда как известный просветитель, историк, поэт Гасан-Эфенди Алкадари был уроженцем лезгинского селения Алкадар в Кюринском округе Дагестана (совр. Сулейман-Стальский район РД). Как могли пропустить такую оплошность автора рецензенты и ответственные редакторы книги?

Немного больше повезло Абдурахману из Газикумуха, который «довольно обширно рассказал о количестве и составе делегатов съезда».

Автор цитирует его и приводит по нему список ученых, участников съезда — из Ашильты, Чиркея, Игали, Гоцатля, Могоха, Караты, Куллы (с. 224) — и всё. Ссылаясь на другой ценный источник, «Хронику Иманмухаммада из селения Гигатли», он расширяет географический охват дагестанскими «участниками съезда» — «представителей союза сельских обществ Гумбета, Анди, Хунзаха, Андалала, Гидатля, Караха, Технучала, Дидо, Анцуха, Ахваха, Хиндалала, Каралала, Салатавии, Ункратля, Чамалала, Багулала, Тиндала, Тлебея и Тлейсеруха и других обществ Дагестана». Но и этот источник не дает автору оснований для желаемого обширного географического охвата «делегатов съезда» (с. 232). Он почему-то уверен, что Иманмухаммад «перечисляет не всех участников съезда, а только тех видных деятелей ...которых он знал хорошо или видел», поэтому в его «сочинении ...не перечислены имена многих известных участников съезда из других территорий Южного и Северного Дагестана, и, возможно, Джара, Белокана, Чечни» (с. 238). Возможно?

У автора существует собственное представление о масштабности мероприятия, его участниках, поэтому следует «убедительное» опровержение приведенных источников: «Согласно нашим исследованиям, проведенным последние 30 лет, делегатами съезда были представители более 40 сельских общин, их союзов и джамаатов Нагорного, Южного, Предгорного Дагестана, а также отдельных обществ Чечни. Это же подтверждают выявленные за последние годы документы вну-

триимаматского происхождения на арабском языке, многочисленные документы и полевые материалы на языках народов Чечни и Дагестана» (с. 223). Надо ли говорить о том, что не называется ни один документ? Ни «внутриимаматского происхождения», ни «на языках народов Чечни и Дагестана». Между тем ссылка указывает на загадочные «полевые работы автора 1984–2013 гг.». Было бы крайне интересно знать, что же собой представляют эти «полевые работы автора», собранные им «в селах Унцукульского, Гумбетовского, Гергебильского, Гунибского, Чародинского, Ботлихского, Цумадинского, Ахвахского, Казбековского, Левашинского, Тляратинского, Рутульского районов Дагестана», которые «расширяют не только число участников, но также круг лиц, выступивших на съезде» (с. 242). Замечу, что ссылки на современные полевые исследования по событиям 150-летней давности носят сомнительный характер.

Трудно также понять автора, что он имел в виду, когда писал, что «Шамиль и его сторонники предложили принципиально демократические, соответствующие шариату правила избрания имама» (с. 230), поскольку «самым главным для Шамиля было на деле обеспечить всенародную гласность и демократичность выборов» (с. 231). И следом добавляет, что «это соответствовало мусульманскому праву и законам шариата». За одной нелепостью следует другая: «мусульманское право и законы шариата» к XIX в. уже достаточно сложились, чтобы не позволять кому-либо, даже из лучших

побуждений, вносить в них «принципиально новые правила избрания имама». Для убедительности подобных абсурдных утверждений автор использует дежурную фразу, за которой нет ничего, кроме слов, расположенных в определенном порядке: «Анализ опубликованных источников, а также многочисленные неопубликованные письменные источники на арабском языке, на языках народов Дагестана и Чечни, как и полевые материалы, собранные автором за последние тридцать лет, показывают, что ему и его товарищам это удалось» (с. 232).

Вернемся к съезду. Автор утверждает, что на выборы «впервые собралось большое количество известных дагестанских и чеченских ученых, кадиев, видных предводителей обществ и старшин сельских общин и их союзов», он его называет «Съездом представителей Дагестана и Чечни» (с. 233), на котором был избран «имам Дагестана, который позже станет имамом Чечни». Замечу, ни один известный источник не упоминает о присутствии представителей Чечни на этом собрании. И автор почему-то никого из них поименно не называет.

Иманмухаммад в своей «Хронике» упоминает по одному или по два представителя из аварских селений Хунзах, Ашильга, Кванада, Данух, Арадерих, Анди, Харахи, Аргвани, Ботлих, Карата, Гигатли, Тинди и «другие». Согласно «Хронике...», «совет знатных лиц», решавших судьбу будущего имама, состоял именно из этих людей (Айтберов, Дадаев 2010: 48). Сложно сказать, насколько один-два человека из од-

ного общества, присутствовавших на съезде, обладали полномочиями представлять общество. К примеру, по тому же источнику, «Хронике Иманмухаммада...», на съезде присутствовал Хаджияв Ботлихский. Но когда имам Шамиль после окончания съезда попытался войти в Ботлих, согласно «Хронике...», он был встречен здесь более чем недружелюбно: «Они даже вознамерились было сражаться с последним и, как результат, произошла тут драка, с применением палок и камней. Имела она место между этими ботлихцами, с одной стороны, и воинами Шамиля – с другой» (Айтберов, Дадаев 2010: 58). Другой пример. Автор называет в числе участников съезда представителя селения Харахи; между тем по прибытии в Харахи для принесения ему присяги имам Шамиль столкнулся с тем, что «среди ученых, которые тогда присутствовали в Харахинской соборной мечети и долго там между собой разговаривали, возникли разногласия. Одни из них говорили, что дать присягу Шамилю – допустимо. Другие же сказали, что делать это непозволительно» (Айтберов, Дадаев 2010: 86).

Далее автор совершенно непостижимым образом позволяет себе вывести следующее: «Съезд пришел к выводу, что в условиях Дагестана Шамиль является самой подходящей личностью, лучшим организатором, предводителем, подготовленным ученым для того, чтобы объединить разрозненные общества и народы Дагестана (и в целом Северо-Восточного Кавказа) в борьбе против царизма» (с. 233). Да, действительно, Шамиль был выдвинут

в имамы из нескольких присутствовавших на съезде претендентов, и был избран не столько религиозным, сколько политическим лидером. Однако ни один источник не позволяет приписывать съезду формулирование таких целей нового имама, как «объединение разрозненных обществ и народов Дагестана (и в целом Северо-Восточного Кавказа) в борьбе против царизма». Таким же непостижимым образом с ссылкой на исторический роман Ш. Казиева «Имам Шамиль» автор приводит ответную речь имама на съезде: «В своей речи Шамиль объявил о необходимости объединения всех народов гор в независимое государство – Имамат, основанное на равенстве и свободе, вере и справедливости. Он вдохновенно убеждал горцев, что только единое государство свободных горцев сможет себя защитить, что только простые горцы избавятся от нужды и притеснений, и с ними станут всеорез считаться великие державы, и что лишь так можно обрести мир и покончить с войнами» (Казиев 2001: 70) (с. 233).

Замечу, ни в одном из 11 известных науке исторических сочинений, посвященных периоду движения имама Шамиля («Резюме подробного изложения о деяниях имама Шамиля» Абдурахмана из Газикумуха, «Блеск горских сабель в некоторых шамилевских газаватах» Мухаммедтахира ал-Карахи, «Воспоминания» Абдурахмана из Газикумуха, «Сказание очевидца о Шамиле» Гаджи Али, «История» Курбана из Ашильты, «Эпоха Шамиля» Исхака из Урмы, «Ал-Хабар» Халила из Ангиды, «Книга о храбрых поступках героя

Хаджимурада» неизвестного автора, «Хроника Иманмухаммада из Гигатля», исторические очерки Гайдарбека из Геничутля) ничего подобного «программному» или «политическому» заявлению имама не приводится.

Но автора уже трудно остановить. «В обращении от имени участников съезда Шамиль писал: «Если на нас враги нападут, то мы отобьемся и ответим контратакой, сосредоточено будем сопротивляться всем, чем мы располагаем: шашкой, копьем, кинжалом, топором. Мы не пожалеем жизни в таком случае. Вообразите себе, если один из сородичей наших или соплеменников собирается обидеть другого даже мало-мальски, то мы это не терпим от гордости и самолюбия; а как вы думаете, если враги <...> посягнули на наш народ и намерились бы истребить нас и захватить страну нашу, тогда смерть в десять раз легче нам» (с. 234). Автора нимало не смущает этот сомнительный текст, он ссылается на шеститомный сборник документов (на т. 2, с. 84), изданный Р.М. Магомедовым (Махачкала, 2011). Но что же это был за уникальный документ, похоже, навсегда останется загадкой, поскольку открыв эту ссылку, находим другую, не менее сомнительную: «Из речи Шамиля, произнесенной на съезде представителей народов Дагестана в день его избрания имамом. Рукописный фонд ИИЯЛ». Больше ничего – ни указания фонда, ни описи, ни собственно названия документа.

Автор не изменяет своим непостижимым научным принципам, когда

позволяет себе сделать заключение: «В речи имама и воззвании, которое было принято съездом ко всем народам, обществам Дагестана и Чечни, впервые определены главные задачи борьбы за свободу и независимость» (с. 234). Ни одной цитаты, либо ссылки на источник. Повторюсь ни одного подобного «программного документа» — ни речи имама на съезде, ни воззвания — исторической науке неизвестно.

Ашильтинский съезд проходил в рамках многовековой традиционной исламской практики избрания имама, советом алимов (улемов), ученых-богословов. Не случайно Иманмухаммад из Гигатля, ссылаясь на имама Шамиля, писал: «Нужно было, ...чтобы <...> имамство стало бы правильным, соответствующим требованиям шариата» (Айтберов, Дадаев 2010: 86). Однако, в Ашильте при избрании Шамиля совету алимов не хватило представительности для приведения участников съезда к присяге. Как писал Иманмухаммад из Гигатля: «Те люди, которые собрались тогда в Чирката, назвали Шамиля имамом, но дать ему присягу там ...не получилось. Дело в том, что в названном месте отсутствовали тогда ученые; имеются в виду такие, которых можно было бы уподобить морям знаний» (Айтберов, Дадаев 2010: 56). Однако автор исследования склонен видеть в шариатской процедуре избрания имама «свидетельство об уровне правового и демократического, а также цивилизованного характера формирования высших органов государства, создаваемого на территории Дагестана и Чечни». Гарантом неизбежности «демократического

и цивилизованного характера» выборов и «формирования высших органов государства», по мнению автора, послужило не исламское право и традиция, а сложившиеся «веками на многих территориях Дагестана и Чечни ...традиционные и демократические формы формирования государственной власти и организации местного самоуправления» (с. 226).

Государственное законодательство в имамате было оформлено только в 1845 г. в с. Анди, спустя одиннадцать лет после ашильтинского съезда. В уложении — «Низаме», принятом в виде государственного законодательства имамата на собрании алимов в с. Анди (1845 г.) был определен целый ряд правовых основ управления в имамате, которые регламентировали обязанности и задачи его военных представителей, наибов, представлявших центральную власть на местах. Впервые был осуществлен принцип разделения властей: суд перешел в ведение кади сельских общин, над которыми были поставлены муфтии наибств, подчинявшиеся вместе с наибами имаму (Покровский 2000: 420). Помимо низамов, существовали письма и распоряжения имама Шамиля, в которых содержались частные постановления в области уголовного и земельного права, судопроизводства, административных и других правонарушений. Как было отмечено исламоведом М. Кемпером, «хотя все эти документы должны были лишь облегчить применение во владениях имамата законов шариата, в них Шамиль даже не пытается обосновать свои узаконения ссылками на исламскую правовую

литературу. Он обходится даже без ссылок на Коран и хадисы. Похоже, легитимность низамов Шамиля основывалась исключительно на фактическом авторитете имама. Иными словами, можно утверждать, что законодательные положения, с которыми Шамиль обратился к улемам в 1845 г., немало приблизились по своему характеру к законодательству (канун) светского государства» (Кемпер 2010: 116).

По мнению же Ю.У. Дадаева «в отличие от светского государства законодательной основой Имамата был шариат», который имам Шамиль «стремился творчески применять» (с. 388). Вопросы о легитимности творческого подхода к шариату в «демократическом» теократическом государстве для автора не существует.

В пятой главе «Законодательные, исполнительные и судебные институты государственной власти в Имамате Шамиля» автор продолжает крайне идеализировать имамат, находя его «государством нового, особого типа, в котором учитывались интересы абсолютного большинства населения, всех социальных слоев, народов и народностей, каждой территории и сельских общин, входивших в его состав» (с. 392). В этой главе любопытен параграф «Судебная система Шамиля (адат и шариат в Имамате). Суд и судопроизводство. Институт кадиев и муфтиев. Борьба со злоупотреблениями власти наибов», который представляет собой авторский пересказ известных в источниках и литературе положений, но с идеализацией положительной динамики роста

государственного строительства при каждом имаме, изначально обеспеченных «проблемами создания судебно-правовой системы, подбора, расстановки и формирования корпуса этих кадров из числа образованных и честных кадиев и мулл» (с. 411).

По мнению автора в имамате сложилась «выверенная система надзора и судопроизводства, основанная на принципах объективного рассмотрения тяжб и других дел» (с. 407). Странно, что мимо внимания исследователя прошел замечательный образец действия «выверенной» системы надзора и судопроизводства из широко им цитируемого источника. В «Хронике Иманмухаммада...» о периоде расцвета имамата современник писал: «Шамиль убивал теперь каждого, в ком замечены были малейшие элементы лицемерия или крошечное, хотя бы, отрицание шариатских решений. А таких людей было весьма много. Убивал Шамиль также и тех, на кого поступали сплетни от его наибов, ...наибы при этом нередко измышляли. ...Шамиль приказывал убивать жертву наибских сплетен, говоря, если тот муж таков, каковым его описывают, то убейте его» (Айтберов, Дадаев 2010: 61). Или другой пример судопроизводства в имамате, по Абдурахману из Газикумуха: «Наиб Мухаммадамин из Харахи. ...Он многих людей замучил, убил, бросил в реку. Долго оставался наибом» (Абдурахман из Газикумуха 1997: 55). О каком «объективном рассмотрении тяжб и других дел» в имамате можно говорить, если за намерение выйти «из-под сени имама», по Мухаммад-Тахиру ал-Карахи,

«совершенный наиб Микаил Гакваринский полностью уничтожил жителей одного селения» (*Тахир ал-Кафахи* 1990: 114), иначе говоря, «без суда и следствия». Подобных примеров в источниках немало. Все их можно было бы списать на отдельные случаи «злоупотребления наибов», но как тогда быть с уникальной имаматской «выверенной системой надзора и судопроизводства»?

Параграф третий пятой главы «Наибства и мудирства – основные органы местной управленческой и исполнительной власти в Имамате» (с. 322–388) не привнес новизны в рецензируемое исследование, поскольку слово в слово представляет собой текст второй главы «Наибства – основные органы системы управления в государстве Шамиля» из другой монографии Ю.У. Дадаева «Найбы и мудиры Шамиля» (с. 47–100), опубликованной в 2009 г. под грифом ИИАЭ ДНЦ РАН. Другой пункт пятого параграфа «Борьба со злоупотреблениями наибов» (с. 428–439) слово в слово повторяет одноименный параграф главы 2 той же монографии Ю.У. Дадаева «Найбы и мудиры Шамиля». В обоих изданиях автор, повествуя о формировании наибств, продолжает транслировать навязчивую идею «единства всех народов и частей Дагестана, Чечни и других регионов Северного Кавказа, идею общей борьбы против колониальных царских войск и местных ханов, феодалов, беков и других сторонников царизма» (с. 332). Попытаться осмыслить последнюю цитату, продираясь через «народы и части Дагестана», «ханов, беков и феодалов»,

очень сложно, однако порядок слов в первой части предложения в целом позволяет догадаться, что именно хотел сказать автор.

Автор утверждает, что «в период наивысшего подъема Имамата Государственный совет имел четко выраженную структуру управления», он даже не прочь назвать его подразделения «департаментами» или «министерствами», но в итоге останавливается на «управлениях». Надо заметить: термин «Государственный совет», по официальной шамилевской терминологии – «Диван-хана», – тоже изобретение Ю.У. Дадаева.

«Госсовет Имамата», по Ю.У. Дадаеву, состоял из: 1) «Административного управления», 2) «Шариатского управления», 3) «Управления вооруженными силами», 4) «Управления байтул-малом, или экономического управления», 5) «Управления по науке и учебным заведениям», 6) «Управления по делам христиан и покровительству им и веротерпимости», 7) «Контрольно-ревизионного управления или службы мухтасибов», 8) «Управления связи и информации», 9) «Управления законодательства» (с. 322). Вызывает только удивление, следуя исследовательской логике (точнее, методике) автора, как ему не удалось обнаружить в имамате «Управления по медицинскому обслуживанию населения» и т. п.

Особый интерес представляет неожиданно выявленное автором уникальное «Управление по делам христиан и покровительству им и веротерпимости», которое

«оказывало всемерную помощь гражданам Имамата, проповедующим христианскую, католическую, иудейскую и другие веры». Автор, к сожалению, не объясняет, что он имел в виду под «другими верами» (буддизм?), в чем именно заключалась помощь гражданам имамата — не-мусульманам и каково было их правовое положение. Хотелось бы здесь напомнить автору слова имама Шамиля (по Мухаммаду Тахиру ал-Карахи), которые он произнес во время переговоров с кавказским командованием о выкупе или обмене пленными: «Самое желанное для меня — казнь неверного» (*Taxir al-Karachi*, 1990: 106). Это был официальный ответ имама, даже если он и представлял собой часть дипломатической игры.

Основная концепция автора заключается в доказательстве того, что имамат представлял собой уникальное «демократическое, многонациональное, многоконфессиональное государство, впервые в истории на Северном Кавказе» (с. 76).

Несколько принципиальных замечаний собственно к концепции автора.

Первое. Назвать демократическим теократическое исламское государство имамат нельзя по определению. Демократия — это политическая система, в которой политическая власть осуществляется свободно выражающим свою волю большинством граждан. Теократия — это форма правления, при которой власть в государстве находится в руках религиозного института («политическое боговластие»). Ес-

ли в демократическом государстве законодательная власть принадлежит народу (или его делегатам), то в теократическом — незыблемым нормам религиозного права. Имамат — один из четырех типов исламского государства (султанат, эмират, имамат, халифат), представляет собой государство, основанное на исламской правовой доктрине, которая требует закрепления за шариатом функции единого законодательства. Демократическим назвать имамат невозможно и потому, что в имамате по шариату рабовладение было узаконено и частично сохранено; права подданных-мусульман имамата («зиммиев») были ограничены шариатом (они не имели права носить оружие, занимать государственные должности и др.).

Второе. Автором не обоснован активно декларируемый им тезис «о социальном равенстве и свободе личности» в имамате. Я не стану комментировать положения такого ряда, как «феодалы, ханы, беки были доведены до уровня простых граждан, лишены льгот экономических и политических преимуществ, административно-судебных рычагов», «система управления, введенная Шамилем, оптимально обеспечивала экономическое и социальное равенство между людьми» и т.д. (с. 343). Достаточно того факта, что в имамате Шамиля, как и в любом другом шариатском государстве, имел место институт рабства. Напомню, раб не является субъектом права как личность, как человек, и условия его жизни определяются лишь гуманностью его владельца. Вопрос о рабовладении в имамате историками отдельно

не выносился, кроме одной из ранних статей В.Г. Гаджиева «К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах» (1958 г.) (*Гаджиев* 1958: 151) и в последних «трудах» Ю.У. Дадаева.

В рецензируемом исследовании со ссылкой на цитату А. Руновского, с оговоркой «право владения людьми предоставлено Кораном каждому мусульманину свободного состояния», автор утверждает, что в имамате было отменено рабовладение: «Жители четырех деревень <...> расположенных неподалеку от Хунзаха ...первые получили свободу и тотчас были подчинены общим правилам, действовавшим в крае, <...> в деле освобождения остальных крестьян <...> Шамиль руководствовался указаниями Корана» (с. 14). И всё. Далее, вместо развернутой аргументации своего тезиса «о социальном равенстве и свободе личности» в имамате (пусть и с оговоркой, предполагавшей рабство) автор пытается ввести в тему обличительную антитезу: «Царское командование, представлявшее самодержавную крепостническую Россию, имевшую в своем распоряжении немало деревень с крепостными русскими мужиками, всецело поддерживало тех ханов и беков, у которых имелись рабы» (с. 15).

Для тех, кому этот довод покажется неубедительным, автор продолжает: «Необходимо также иметь в виду, что в России крепостное право сохранялось еще два года после пленения Шамиля». Автор настаивает: «В соответствии с Высочайшим

указом в Дагестане в 1860-е годы были освобождены несколько тысяч рабов. <...> Рабов на территориях подвластных ему, в свое время освобождал имам Шамиль» (с. 15). То есть рабов в имамате не было?

Н.И. Покровский цитирует письмо имама Шамиля (из фондов ДГОИАМ), датированное маем 1859 г.: «Эта женщина... освобождена во имя Аллаха и никто не может заставить ее быть рабыней». Оно относится к самому последнему времени существования имамата и «если бы в 1843 г. проведено было освобождение всех без исключения категорий зависимого населения, то в 1859 г. не было бы особой нужды выдавать особый документ об освобождении от рабства» (*Покровский* 2000: 344). Другой пример. В семье имама Шамиля вплоть до сентября 1859 г. содержались невольницы. В документах архива начальника Дагестанской области, сохранился письмо барона Врангеля от 4 сентября 1859 г., опубликованное Е.И. Козубским в 1896 г. («Русский Архив», № 9), в котором барон извещал о том, что «жена сына Шамиля, Магомы-Шефи, по прибытии в Шуру дала свободу двум невольницам-грузинкам, находившихся у нее в услужении. ...По отзыву жены Магомы-Шефи, невольницы куплены ею по 200 р.с. каждая».

Известен другой документ, из фондов ЦГА РД, также свидетельствующий о фактах работорговли (купле и продаже людей) в имамате в последние годы его существования: «...Абдул Халик Магомед-оглы в рапорте своем от 25 февраля 1864 г. <...> объяснил, что в 1856 г. он

купил у казикумухского жителя Гаджи Аминта девушку Ханзада за 270 руб. ...оказалось, что она жителька Осетинского округа, взятая в плен Гаджи-Муратом в сороковых годах ...Ханзада по взятии в плен была передана бывшему Андийскому наибу Галбац Дибирю, у которого находилась в услужении несколько лет, как невольница, впоследствии она была уступлена Галбац Дибиром ...казикумухскому жителю Джамалудину, который на другой же день ...отправил ее в Казикумух и продал там Абдул Халику Магоме оглы»².

Напомню, по одному из определений под работоторговлей понимаются все действия, связанные с захватом, приобретением какого-либо лица или с распоряжением им с целью обращения его в рабство. Здесь уместно вспомнить о 900 грузинских крестьянах (по сведениям ал-Карахи, 884 чел.), угнанных в неволю (в рабство) из 19 кахетинских сел в июне 1854 г. (Николаи 1882). Спустя несколько месяцев, в начале 1855 г., командующий войсками на Кавказской линии и в Черноморье сообщал Главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом ген.-ад. Н.Н. Муравьеву (Карскому) о том, что горцы готовы вывести пленных грузин по несколько человек «с намерением просить за это вознаграждение <...> за каждого доставленного нам пленного грузина без различия пола и возраста по 50 руб. серебром»³. Однако ген.-

ад. Н.Н. Муравьев (Карский) дает отрицательную резолюцию, в которой напоминает о том, что «выкуп пленных по Высочайшему повелению с 1840 г. воспрещен, чтобы они не служили поощрением к хищничеству из видов корысти и допускаются только в особо уважительных случаях»⁴. Замечу, речь идет о похищении представителей мирного гражданского населения «гражданами демократического, интернационального, многоконфессионального государства» (по Ю.У. Дадаеву) с целью последующего обмена, выкупа или продажи. Другое дело, если бы у автора речь шла о «горцах имамата, исламского государства». По фикху, согласно пояснениям известного дагестанского богослова XVIII в. Дауда ал-Усиши, всё это укладывается в рамки законности по шариату: «Если кто-то находится под покровительством одного из мусульманских государств, даже если он раб, то запрещено нам проливать их кровь, посягать на их имущество, брать их в плен» (Алхасова 2006: 159). Дагестанский ученый отрицал право мусульман отбирать материальные ценности (и личную свободу) у последователей других религий на территориях, подвластных мусульманам. Но поскольку Грузия к тому времени находилась в составе Российской империи, на них это право не распространялось.

Третье. Имамат не являлся многоконфессиональным государством. Автор пытается аргументировать:

² ЦГА РД. Ф. 129. Оп. 1. Д. 39. Л. 28–30.

³ ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 408. Л. 52. О выкупе или обмене на пленных горцев из плена Кахетинских жителей с семьями, взятых 4 июля 1854 г. в плен, при вторжении Шамиля в с. Шильды.

⁴ Там же. Л. 57 об. О выкупе или вымене на пленных горцев из плена Кахетинских жителей с семьями, взятых 4 июля 1854 года при вторжении Шамиля в с. Шильды.

«Многоконфессиональным мы можем назвать государство Шамиля потому, что в нем жили не только мусульмане, но и православные, католики (беглые русские и польские солдаты), иудеи, армяне и т. д.» (с. 76). Это предложение буквально напрашивается на самостоятельное исследование по истории бытования в имамате каждой упомянутой религии, но пока ограничусь замечанием, что «армяне» — это всё же не религия.

Известное по прежним публикациям утверждение автора, потрясающее своей безапелляционностью, о том, что «в Имамате было несколько действующих церквей, костелов и синагог, построенных с помощью горцев и за счет байтул-мала», вновь приведено без каких-либо ссылок на источники (с. 321). О костелах и синагогах в имамате современной исторической науке ничего не известно. О действующей церкви в имамате известен один, короткий и печальный, эпизод. И поскольку он стал предметом спекуляции в публикациях автора, немного подробнее о нем.

Абдурахман из Газикумуха в своих воспоминаниях писал о «целом селении из беглых русских солдат и староверов», проживавшем в Дарго-Ведено, «которые просили Шамиля разрешить им жить на его земле. Тот разрешил». По русским источникам, случилось это в 1849 г., когда старообрядцы из числа терских казаков, преследуемые российским правительством, ушли за Терек, в горы, и попросили разрешения у имама Шамиля организовать там уединенный скит. Другой со-

временник описываемых событий, Гаджи-Али Чохский, несколько подробнее повествует об этой истории, упоминая о «двадцати солдатах, которые с женами и детьми и двумя священниками пришли в Дарго-Ведено» и «просили у Шамиля земли поселиться. Он указал им место и землю, где они построили дома и церковь» (*Абдурахман из Газикумуха* 1997: 102). Община обустроилась на новом месте скоро. Абдурахман писал: «Они построили себе дома на возвышенности близ Дарго, в лесу», «построили еще одно строение, похожее на часовню. В углах они повесили свои иконы для поклонения» (*Абдурахман из Газикумуха* 1997: 102).

Через некоторое время, как передает Гаджи Али, в Совете Шамиля зашла о них речь, одни наибы утверждали, что «им дозволяется укрываться здесь», другие — категорически возражали им. Имам Шамиль принимает решение отослать их в Гидатль, к заброшенной церкви, которая, по Гаджи-Али, в стародавние времена была «построена грузинами». Решение имама Шамиля покровительствовать беглым христианам не являлось чем-либо из ряда вон выходящим. Как писал кавказовед М. Гаммер, «Шамиль действовал строго в рамках правил шариата. Для него представители этих групп, как и перебежчики, были *харбитами*, пришедшими на дар аль-ислам (землю ислама), а потому к ним имам относился как к *мустаминам* (нуждающимся в защите)» (*Гаммер* 1998: 375). Гаджи-Али пишет: «Шамиль отправил в Батлух, предписавши местному наибу поселить их там, отвести землю для

посева и охранять их» (Гаджи-Али 1995). Но, как передает Гаджи Али, староверы «увидели, что наиб не исполняет относительно их приказания, разбежались. Осталось их около 6 человек» (Гаджи-Али 1995). Маленькая община просуществовала здесь недолго, ее не станет в 1852 г.

О печальном конце этой истории Абдурахман писал: «Когда они занимались богослужением, никому не принося вреда, ни словом, ни делом, ночью на них напали неизвестные разбойники...». Гаджи-Али лаконично повествует об их участи: «Окрестные жители в одну ночь умертвили их». По Абдурахману, «когда Шамиль узнал об этом, он очень переживал, так как разрешил им жить на подвластной ему территории». По Пржецлавскому, смерть раскольников была мученической (Пржецлавский 1860). Гаджи-Али пишет, что имам Шамиль приказал отыскать виновников и взыскать с них.

Имамат нельзя называть «многоконфессиональным государством» по юридическому определению, согласно которому «многоконфессиональное государство — это государство, в котором церковь отделена от государства, а каждый человек может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой; одновременно при этом уважают множество народов, проживающих в государстве, которые могут исповедовать любую религию» (Словарь юриста 2005). А имамат, как известно, — теократическое исламское государство, которое по определению есть «особая форма организа-

ции государственной власти, при которой она принадлежит конфессиональной иерархии». Имамат как одна из форм мусульманской теократии, по определению ислаоведа Л.Р. Сюкияйнена, представляет собой «институт верховной политической власти и духовного руководства мусульманской общиной» (Словарь юриста 2005).

Четвертое. Практически все местные источники, записанные на арабском языке, связывают появление имамата с исламским правом, шариатом. Автор этого не отрицает. Однако авторское видение, понимание (точнее, непонимание) сути происходящих событий отражено в свете марксистско-ленинской теории классовой борьбы: «народ», который вел «народно-освободительную, антиколониальную, антифеодальную борьбу» — «в основном приветствовал шариат, поскольку он отвечал их классовым интересам. Противостояли ему лишь сословие эксплуататорских классов и небольшая часть людей, не понимавшая сути его идей» (с. 335).

Имамат, существовавший на территории Нагорного Дагестана и Чечни, возникший в результате вооруженного джихада трех имамов (Кемпер 2010: 117), для автора имеет несколько иную природу возникновения и представляет собой следствие «методов колониальной политики Российской империи, направленных на разделение и эксплуатацию горцев», которым противостояла «генетическая predisposition горцев к свободе и независимости», что, собственно, привело к «стремительному

сплочению и объединению разных обществ и этнических групп» и — «в том числе и на основе ислама».

В одной из глав, повествуя о «формировании основ будущего государства горцев — Имамата», автор пишет: «В каждом селении он (имам Шамиль. — П. Т.) старался создать группу своих последователей, способных организовать народные выступления, а при необходимости взять власть, сформировать боевые группы, обеспечить их оружием, продовольствием, фуражом» (с. 258); в тех же обществах, «которые управлялись русским приставом», имам Шамиль назначает из «местных предводителей» наибова, которые «среди этих обществ тайно и явно проводили политическую линию, направленную на утверждение повсеместно шариата и подготовку к выступлению против колониальных войск в нужное время» (с. 258). На этом фоне попытки автора провести в заключении параллели между историческим прошлым и современным Дагестаном, затрагивая очень важный вопрос, выглядят как-то неубедительно: «Сравнивать муридов Шамиля и самого имама Шамиля с <...> ваххабитами — по меньшей мере, кощунственно. Нет ничего общего между муридами имама Шамиля и современными отпетыми головорезами с лозунгами об исламе, которые бегают по лесам и горам...» (с. 461). Обличительный тон на грани эмоционального выппада камуфлирует отсутствие аргументов. Вопрос остался открытым.

Последнее предложение, которым автор завершает свой многостраничный труд, свидетельствует,

на мой взгляд, о его уровне владения темой исследования: «Бережь Великую Россию и верно служишь любимой Отчизне народам Северного Кавказа и всем нам завещал имам Шамиль» (с. 461). И вновь без ссылки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдурахман из Газикумуха 1997 — *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Махачкала. 1997.

Айтберов 2010 — *Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У.* Хроника Иманмухаммада Гигатлинского — текст об истории имамата. Махачкала, 2010.

Алхасова 2006 — *Алхасова Д.М.* Дауд Хаджи ал-Усиши. Махачкала, 2006.

Гаджи-Али 1995 — *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле / Под ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1995.

Гаджиев 1958 — *Гаджиев В.Г.* К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах // УЗ ИИЯЛ. Т. 4. Махачкала, 1958.

Гаммер 1998 — *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.

Казиев 2001 — *Казиев Ш.* Имам Шамиль. М., 2001.

Кемнер 2010 — *Кемнер М.* Шариатский дискурс имамата в Дагестане первой половины XIX в. // Дагестан и мусульманский Восток. М., 2010.

Магомедов 1993 — *Магомедов Д.М.* Уроки истории и современность // Газимухаммад и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни: Материалы конференции. Махачкала, 1993.

Николаи 1882 — Николаи А.П. Эпизод из истории Кавказской войны (1855–1857) // Русская старина. СПб., 1882. Т. 31.

Покровский 2000 — Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

Пржецлавский 1860 — Пржецлавский П. Кавказская летопись // Кавказ: Газета. 1860. № 27.

Словарь юриста 2005 — Словарь юриста. М., 2005.

Тахир ал-Карахи 1990— Тахир ал-Карахи М. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч. 1. Махачкала, 1990.

REFERENCES

Abdurakhman iz Gazikumukha. *Kniga vospominaniy sayyida Abdurakhmana, syna ustada sheykha tarikata Dzhamaluddina al-Khusayni o delakh zhiteley Dagestana i Chechni*. Makhachkala. 1997.

Aytberov T.M., Dadaev Yu.U. *Khronika Imanmukhammada Gigatlinskogo — tekst ob istorii imamata*. Makhachkala, 2010.

Alkhasova D.M. *Daud Khadzhi al-Usishi*. Makhachkala, 2006.

Gadzhali-Ali. *Skazanie ochevidtsa o Shamile*. Pod red. V.G. Gadzhieva. Makhachkala, 1995.

Gadzhiev V.G. K voprosu ob osvobozhdenii feodal'no-zavisimykh krest'yan Dagestana v khode bor'by gorskikh narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50-kh godakh. *UZ IYal*. Vol. 4. Makhachkala, 1958.

Gammer M. *Shamil'. Musul'manskoe soprotivlenie tsarizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana*. Moscow, 1998.

Kaziev Sh. *Imam Shamil'*. Moscow, 2001.

Kemper M. *Shariatskiy diskurs imamata v Dagestane pervoy poloviny XIX v. Dagestan i musul'manskiy Vostok*. Moscow, 2010.

Magomedov D.M. Uroki istorii i sovremennost'. *Gazimukhammad i nachal'nyy etap antifeodal'noy i antikolonial'noy bor'by narodov Dagestana i Chechni: Materialy konferentsii*. Makhachkala, 1993.

Nikolai A.P. Epizod iz istorii Kavkazskoy voyny (1855–1857). *Russkaya starina*. Saint Petersburg, 1882. Vol. 31.

Pokrovskiy N.I. *Kavkazskie voyny i imamat Shamilya*. Moscow, 2000.

Przhetslavskiy P. *Kavkazskaya letopis'*. *Kavkaz: Gazeta*. 1860. N 27.

Slovar' yurista. Moscow, 2005.

Takhir al-Karakhi M. *Blesk dagestanskikh saibel' v nekotorykh shamilevskikh bitvakh*. Part 1. Makhachkala, 1990.

КОНСПИРОЛОГИЯ И ОККУЛЬТНЫЕ СИЛЫ¹

Ключевые слова: конспирология, эзотерика, оккультный нацизм, тайные общества, масоны.

Конспирология оперирует идеей заговора неких тайных сил против человечества. Одно из течений современной конспирологии обращается к эзотерике и связывает эти силы с оккультными обществами. Среди рассматриваемых в этой связи сюжетов оказываются «оккультный нацизм», тайны Ордена тамплиеров, заговор иллюминатов и т.д. Одни авторы соответствующих построений ищут корни заговора в средневековой эпохе, а другие копают глубже и в своих фантазиях доходят до неких допотопных цивилизаций или деятельности космических пришельцев. В статье проводится анализ наиболее популярных из таких построений и показывается их связь с расизмом и антисемитизмом.

В предыдущей статье были рассмотрены некоторые конспирологические концепции, авторы которых ограничивали поиски заговора эпохой модерна (Шнирельман 2015а). Теперь настала пора проанализировать другой ряд конспирологических идей, связанных с поиском эзотерических основ заговора. Эзотерика исходит из представления об инволюции, циклическом времени и смене «расовых эпох». Для нее Золотой век остался далеко позади, и сегодня мы имеем дело с завершающей эпохой страшного упадка, которая закончится мировой катастрофой, после чего мир обновится и наступит новый Золотой век. Смена эпох осуществляется, по мнению эзотериков, взрывным образом, путем жестких революций, несущих большие

жертвы, но зато кардинальным образом меняющих мир, возвращая ему гармонию. Причем всё это происходит не само собой, а по воле тайных сил, сознательно разрушающих сложившиеся устои. Надо ли удивляться тому, что эзотерические концепции сплошь и рядом содержат идею заговора и их авторы с неувядающей энергией занимаются поисками «тайных обществ», замысливших погубить современный мир (Шнирельман 2014)?

Во второй половине XX в. определенную популярность получила идея о том, что нацизм являлся «тайным обществом», основанным на оккультных представлениях. Это дало толчок целому литературному направлению, специализирующемуся на неонацистской научной фантастике в стиле «эзотерического нацизма» (Черняк 1987: 175–176; Baker 2000). По сло-

© В.А. Шнирельман, 2016.

¹ Исследование проведено при поддержке РФФ грант № 15-18-00143.

вам британского исследователя Н. Гудрик-Кларка, «подобно тому, как нацисты мифологизировали историю своих мнимых арийских предков для того, чтобы оправдать свои претензии на расовое превосходство, нацисты сами стали объектом мифологизации для современных любителей оккультизма и конспирологии, которые хотят видеть в них невероятных носителей черных сил». В этом контексте создается нацистский культ, включающий отсылки к гностицизму и сатанизму, и, как писал Гудрик-Кларк, нацисты превращаются в, хотя и запретных для либеральной демократии, но всё же притягательных богов темного царства (*Goodrick-Clarke* 2002: 127)². Вся эта, по сути, бульварная литература основывалась на слухах и домыслах; никаких строгих доказательств в пользу содержащихся в ней идей как не было, так и нет (*King* 1982: 7). Тем не менее она публикуется большими тиражами и пользуется неизменной популярностью. Поэтому она и заслуживает обсуждения.

Во Франции интерес к «эзотерическому нацизму» вспыхнул в связи с книгой Луи Повеля (1920–1997) и Жака Бержье (1912–1978) «Утро магов», вышедшей в 1960 г. и создавшей нацистской Германии славу «оккультного Рейха». В 1991 г. эта книга в сокращенном переводе появилась и в России (*Повель, Бержье*

1991)³. Авторы ставили себе в заслугу новый неожиданный взгляд на гитлеризм, якобы раскрывающий его тайные пружины. Они делали акцент на его «антихристианстве» и пытались объяснить его с позиций иррационализма. Они уверяли читателя в том, что для Гитлера эзотерика была много важнее экономики и что в своих действиях он руководствовался оккультными знаниями о законах жизни. Якобы он увлекался псевдонаучными космогониями, что и привело ко всем тем ужасам, которые принес в мир нацизм. По мнению авторов, при Гитлере Германия самым таинственным образом превратилась на время в «чуждую нам цивилизацию» (*Повель, Бержье* 1991: 43, 53), где готовился «тайный заговор против человечества во имя захвата власти над людьми и во вред им» (*Повель, Бержье* 1991: 57–58). С этой точки зрения Вторая мировая война представлялась авторам гигантским ритуальным жертвоприношением (*Повель, Бержье* 1991: 66). Тем самым, по словам Н. Гудрик-Кларка, было положено начало демонизации Гитлера (*Goodrick-Clarke* 2002: 111)⁴.

³ Позднее полный перевод книги вышел в Киеве. Бержье был участником Сопротивления, затем одно время работал в британской контрразведке, после чего стал журналистом. Ученик Г. Гурджиева, журналист Повель, который и был основным автором книги, несколько лет сотрудничал с консервативной газетой «Фигаро», где писал об оккультизме и тайных обществах, создавая причудливую смесь из эзотерики и популярной фантастики. Но он дистанцировался от правого экстремизма. Об этом см., напр. (*Partner* 1982: 177; *Сэджевик* 2014: 346–347).

⁴ Он же указал на множество ошибок в этой книге. См. (*Goodrick-Clarke* 2002: 113–117). См. также: (*Жуков* 2006: 17–18). Действительно, Бержье и в дальнейшем показал себя

² Более 15 лет назад писатель Е.И. Парнов уже выступал против изображения нацистов «оккультными рыцарями» и отмечал, что это является издевательством над памятью их многочисленных жертв. См.: (*Парнов* 1999: 507–522).

В России эта тема была подхвачена коммерческим издательством «Крон-пресс», начавшим в 1997 г. выпускать серию «Таинственный мир», где и выходила такого рода литература. Одним из изданий этого цикла стала книга Вернера Жерсона «Нацизм — тайное общество», вышедшая во Франции в 1969 г. и опубликованная в России в 1998 г. (Жерсон 1998)⁵. В ней доказывалось, что миром правит небольшая кучка людей, связанных с тайными обществами. Речь шла об эзотерических организациях, прибегающих к услугам неких магических сил. В частности, автор изображал Гитлера пророком и могущественным медиумом, опиравшимся на помощь оккультных сил. Однако, говоря о его оккультных увлечениях, Жерсон, подобно своим предшественникам, Повелю и Бержье, ссылаясь на вызвавшую в свое время сенсацию книгу Г. Раушнинга (1887–1982) «Беседы с Гитлером». Но сегодня известно, что многое в ней является выдумкой ее автора (Tobias 1990: 91–105; Goodrick-Clarke 2002: 110; Линденберг 1997: 7–13; Жуков 2006:

безнадежным фантазером. Об этом недвусмысленно говорят его книги, переведенные на русский язык и выпущенные тем же издательством «Крон-пресс». В одной из них он, например, доказывал, что ряд известных исторических личностей умели перемещаться во времени из одной эпохи в другую. См. (Бержье 2000).

⁵ Жерсон — один из псевдонимов французского ультраправого писателя-конспиролога и масона Пьера Мариэля (1900–1980). В годы войны он сотрудничал с властями Виши и состоял в «Антиеврейском союзе журналистов», а после войны развивал идею о том, что как за коммунистами, так и за нацистами стояла мощная тайная организация (Caillet 2007).

9–13)⁶. Кроме того, как отмечал Гудрик-Кларк, пишущие на эту тему всегда оговаривались, что речь идет о предположениях, но доверчивые читатели это обычно пропускали (Goodrick-Clarke 2002: 127). Наконец, такие книги грешат противоречиями и откровенными искажениями исторических фактов, что говорит либо о легкомысленности, либо о неосведомленности авторов, либо же о сознательном введении читателей в заблуждение. Примечательно, например, что Жерсон воспроизводил эзотерический миф об Арктиде как о прародине «избранной расы, арийцев». Правда, ссылаясь в этом на этнологов, он признавал их поэтами, а не учеными. И тут же обнаруживается источник познаний Жерсона — псевдонаучная книга нациста Альфреда Розенберга, которого он, очевидно, и считал «этнологом» (Жерсон 1998: 139–141). Мало того, к концу книги автор выказывал уверенность в том, что нацизм вырос напрямую из Ветхого Завета (Жерсон 1998: 196–197).

Книга Жерсона подняла целую волну подобной литературы, авторы которой пытались перещеголять друг друга по части обнаружения всё более тонких нитей мирового заговора. Так, выпускник Школы высших исследований, французский масон и розенкрейцер Серж Ютен (1927–1997), сотрудничавший с журналом «Планета» Бержье и Повеля, посвятил свою книгу поиску тайных обществ среди средневековых рыцарских орденов

⁶ Жерсон повторил многие преувеличения, допущенные Повелем и Бержье.

и доказательству прямых связей между ними и нацистскими вождями (Ютен 1998). Он не скрывал эзотерических истоков своих убеждений, и апокалиптические мотивы сочетались у него с верой в наступление эпохи Водолея. Одними из главных героев его книги были тамплиеры и иллюминаты, причем он рассматривал их не в контексте сравнительно коротких периодов их реального существования, а пытался показать, что, однажды возникнув, они уже не сходили с исторической сцены и стояли за всеми важнейшими мировыми событиями. Разумеется, он возводил к ним корни масонства, которому, на его взгляд, и принадлежала реальная власть в мире. Правда, он специально оговаривался, что речь не идет о «еврейских интригах», — ведь тайные общества действовали и без евреев (Ютен 1998: 18–19, 80). Зато он неоднократно обращался к трудам французского мистика Сент-Ив д'Альвейдра и утверждал, что миром правит Синархия. В любой смерти своих героев он подозревал тайные убийства, но как убийцы, так и тайные правители, по его словам, оставались в тени, и никто о них ничего не знал. В процессе написания книги он становился всё раскованнее и рассуждал о полной Земле, о реинкарнации своих любимых героев и даже об инопланетянах, которые якобы и направляют эволюцию человечества. Примечательно, что в доказательство Ютен ссылался на таких же, как он, конспирологов⁷. Тем не менее, полной уверенности в истинности

своих построений у него не было, и его книга переполнена такими терминами как «возможно», «может быть» и пр. Если он в чем-то и был убежден, так это в приближении Апокалипсиса, о чём ему говорили пророчества. Но в соответствии с эзотерической доктриной он верил, что после «царства зла» наступит Золотой век.

От французов не отставали и англичане. В 1972 г. в Лондоне вышла книга «Копье судьбы» бывшего британского десантника, а затем узника немецкого концлагеря Т. Равенскрофта (1921–1989), ставшего после войны журналистом. Впервые книга была опубликована в русском переводе в 1998 г. (Равенскрофт 1998)⁸. В ней Гитлер был показан любителем и знатоком оккультных наук, с которыми он якобы глубоко познакомился в молодости. Но главным, что делало его поистине всемогущим, было копьё Лонгина, которым когда-то был пронзен распятый Иисус Христос. Автор настаивал на том, что это копьё принадлежало многим выдающимся историческим деятелям, начиная с Иисуса Навина, и наделяло их необычайной властью, открывавшей путь к покорению мира. Будто бы поняв, что копьё является ключом к успеху, Гитлер мечтал им обладать и добился этого, осуществив аншлюс и войдя триумфатором в Вену. Обретение копья сделало его всемогущим и позволило завоевать почти всю Европу. Правда, автор не объяснял, почему, будучи владельцем

⁷ У историков такие авторы (С. Ютен, Л. Шарпантье и пр.) давно пользуются слабой фантазеров. См.: (Черняк 1987: 36).

⁸ Здесь ссылки даются по 2-му изд. (М.; СПб.: Амфора, 2006).

копья, Гитлер стал терпеть поражения и в конечном итоге плохо кончил, а Германия потерпела крах. Зато автор много рассуждал о роли эзотерики в нацистской политике и делал приверженцами оккультизма многих из окружения Гитлера. Он даже пытался представить политические убийства, совершенные немцами крайне правыми в начале 1920-х гг., «ритуальными», а Гитлера показывал сексуальным извращенцем, причем по оккультным причинам. Автор знакомил читателя и с «тайной доктриной», повествующей об истории появления в Атлантиде «арийской расы» и о переселении этой расы в Тибет, что, по его словам, привело к появлению там центра власти, откуда осуществляется руководство миром. Равенскрофт утверждал, что эту тайну Гитлеру открыл Карл Хаусхофер (1869–1946), бывший не только известным геополитиком, но и великим магом.

Всё это не может не вызывать сомнений, и критики не раз ловили автора на сознательном или неосознанном искажении фактов (*Goodrick-Clarke* 2002: 118–121; *The spear of destiny*; *Жуков* 2006: 19). Но, похоже, в ряде случаев он намеренно занимался их подтасовкой, чтобы его концепция звучала убедительнее. В частности, он показывал Гитлера истовым противником христианства, что не подтверждается специалистами⁹. Многие его рассуждения были порождены чтением книги Раушнинга. Впрочем, сегодня известно, что внача-

⁹ Об амбивалентном отношении нацистов к христианству см., напр. (*Шнирельман* 2015б: 1: 44–45, 84).

ле он хотел издать свою книгу как фантастическое произведение и лишь под давлением издателя изменил свой замысел. Но для нас существенно, что автор настаивал на связи нацистских вождей с сатанизмом и всеми силами пытался изобразить Гитлера антихристом. А Розенберга он показывал «пророком антихриста из Протоколов сионских мудрецов» и утверждал, что именно тот вызвал зверя Апокалипсиса в лице Гитлера (*Равенскрофт* 2006: 140). Правда, далее мы узнаем, что Люцифера в Гитлере пробудил не он, а Хаусхофер (*Равенскрофт* 2006: 281 сл.). Всё это, разумеется, не стоит принимать за чистую монету. Но важно, что, рассуждая о гитлеризме, автор мыслит в категориях Апокалипсиса. И это еще раз подчеркивает правомерность анализа такого рода литературы в контексте эсхатологии.

В начале 1970-х гг. в Англии вышла книга Дж. Бреннана, посвященная «оккультному Рейху», а в Германии были опубликованы воспоминания В. Вульфа (1892–1979), известного астролога Гиммлера. Тридцать лет спустя обе они были переизданы в России (*Непомнящий* 2005). Бреннан фактически слепо следовал линии, намеченной Повелем и Бержье. Он представлял жизнь Гитлера «путем мага», а его деятельность — «сатанинскими делами», утверждая, что Гитлер использовал «доктрины темного оккультизма» (*Бреннан* 2004: 171). От себя он добавлял, что в своей политике нацисты помогали эволюции (*Бреннан* 2005: 65). Некоторые авторы не ограничиваются обсуждением связей Гитлера с оккультными силами, а относят

национал-социализм к категории тайных обществ, пытаясь проследить их корни едва ли не от средневековых исламских ассасинов (О'Нил 2005: 113–121).

Сегодня рассуждения об оккультных увлечениях Гитлера и его связях с Сатаной встречаются в конспирологической литературе, посвященной плану установления мирового правительства и введения Нового мирового порядка. Например, такие сюжеты можно найти в книге Хаггера (*Хаггер* 2009: 74–78).

Одним из самых известных и последовательных приверженцев доктрины «эзотерического гитлеризма» был бывший чилийский дипломат Мигель Серрано (1917–2009). В 1947–1948 гг. он в качестве журналиста побывал в Антарктиде, после чего опубликовал книгу о том, что Гитлеру удалось скрыться где-то на ее территории. В последующие годы Серрано установил дружеские связи с бывшими эсэсовцами, которые снабжали его нужными материалами и вдохновляли на писательскую деятельность. Покинув дипломатическую службу, он со всей страстью отдался своим былым увлечениям и написал несколько восторженных книг о Гитлере и его Рейхе. Он изображал Гитлера носителем «коллективного бессознательного», связанного с «памятью арийской крови», и даже аватарой индуистских богов. Он доказывал, что «арийцы» происходили от богов, прилетевших с других планет (*Goodrick-Clark* 1998: 219–222; 2002: 173–192). В своих произведениях он показывал борьбу богов, возглавлявшихся Вotanом, с хозяином

этого мира, Демиургом, за утраченную чистоту, что якобы произошло в эпоху Рыб¹⁰. При этом зловредный Демиург отождествлялся с Яхве, и это делало евреев поклонниками дьявола. В виде эксперимента Демиург создал роботов-евреев и наградил их христианством, которое исказило исконные арийские знания. Христианство Серрано называл «иудейской приманкой для арийцев» и доказывал, что оно было враждебно «арийской расе». В его романах христианство и евреи выглядели злейшими врагами «арийцев», укравшими их мудрость и с ее помощью захватившими власть над миром. Зато Гитлер выглядел отважным защитником «арийцев», и ему с его верными помощниками приходится скрываться где-то в подземных городах, расположенных у Южного Полюса. Серрано мечтал, что, очистив свою кровь, «арийцы» вернутся на Землю и восстановят там райскую жизнь. При этом важной частью этого мифа было предположение о мировом заговоре масонов и евреев, опиравшееся на «Протоколы сионских мудрецов».

Остается отметить, что один из таких романов, вышедший в Чили в 1986 г., был переведен и опубликован в Москве в 1994 г. (*Серрано* 1994), после чего издательство праворадикального журнала «Наследие предков» опубликовало его книгу «Наше мировоззрение», также посвященную «эзотерическому гитлеризму» (*Серрано* 2002).

¹⁰ Эзотерика представляет последние два тысячелетия эпохой Рыб, или иначе эпохой *калиога*, которая должна закончиться для современного мира катастрофой и гибелью.

Сегодня книги Серрано продолжают издаваться в России, см., напр. (*Серрано* 2007) издательством «Ex Nord Lux», которое связано с языческим расистским обществом «Белые традиции» и специализируется на издании работ «арийских» эзотериков и праворадикальных идеологов. При этом у Серрано в России имеются последователи, см., напр. (*Зубков* 2007). Всё началось с книги русского эмигранта В. Пруссакова проживавшего в США и именно там подхватившего тему «оккультного нацизма» в 1990 г. Как и многим другим, авторитетами ему служили Повесть и Бержье, Раушнинг и Равенскрофт, научившие его замечать «мистические склонности нацистских лидеров» (*Пруссаков* 1992)¹¹. Тогда же А. Дугин и Ю. Воробьевский подготовили телесериал об «оккультном нацизме», который транслировался по телевидению в 1993 г. (*Воробьевский* 2011а: 33).

С тех пор тема «оккультного Рейха», далекая от живой реальности¹², получила в России определенную популярность. Она представлена серией книг (*Первушин* 2003: 197–334, 499–555; *Мегре* 2002: 359–360; *Непомнящий* 2003; *Воробьевский* 2004, 2011б; *Назаров* 2004; *Стефанов* 2006: 208–219; *Рудаков* 2015; *Мистические корни фашизма* 2011), а также пользуется спросом на некоторых

¹¹ Уже отмечалось, что эта книга в значительной своей части являлась плагиатом произведения Повеля и Бержье. См. (*Жуков* 2006: 24). Впрочем, одним из первых на склонность вождей Третьего Рейха к оккультизму указал советский писатель Е.И. Парнов, но он писал об этом с осуждением. См. (*Парнов* 1985; 1991).

¹² О том, что Гитлера эзотерика мало интересовала, см. (*Сэдэвик* 2014: 162).

телевизионных каналах (особенно РЕН-ТВ). Тема «оккультного Рейха» развивается даже отдельными священниками (*Круглов* 2004: 314–318, 528, 623, 734–735) и учеными (*Попов* 2000: 174–183; *Телицын* 2001; 2004; *Четверикова, Крыжановский*, 2009: 451–452)¹³. Впрочем, дело доходит до того, что некоторые национал-патриоты в ответ пишут книги с опровержениями, доказывая, что нацисты не имели никакого отношения к оккультным обществам и, напротив, стремились следовать научным взглядам (*Жуков* 2006)¹⁴. Примечательно, что все такие книги выходят в одних и тех же издательствах «Эксмо» и «Яуза», заботящихся не о поиске истины, а о сенсационности и коммерческом успехе.

Помимо «оккультного нацизма» авторы книг, публиковавшихся издательством «Крон-пресс», интересовались более широким кругом эзотерических обществ, и поиски уводили их далеко вглубь истории. В частности, речь шла об эзотерических представлениях о происхождении людей от космических пришельцев, о затонувших континентах и погибших там высоких цивилизациях, о получении жрецами тайных знаний от спасшихся оттуда гигантов, о миссии белого человека и т. д. Одной из первых книг такого жанра, опубликованных в России,

¹³ Примечательно, что около половины всего объема одной из книг Телицына (*Телицын* 2004) занимали пространные выписки из «Майн Кампф».

¹⁴ В свою очередь А. Васильченко показывает, что оккультные науки пользовались пьестетом только в среде эсэсовцев. См. (*Васильченко* 2008).

стала книга французского журналиста и писателя Р. Шарру (1909–1978) (*Шарру* 1992). Робер Жозеф Груго, писавший под псевдонимом Шарру, начал свою карьеру почтового чиновника при правительстве Виши. После войны он избрал стезю писателя-фантаста и первым начал писать романы о космических пришельцах, оказав влияние на творчество Эрика фон Деникена.

Доказывая, что развитием человечества управляют оккультные силы, Шарру подводил читателя к мысли о том, что студенческие волнения 1968 г. (первое издание книги вышло в 1971 г.) были вызваны не столько социальным протестом, сколько изменением земного магнитного поля и повышением солнечной активности (*Шарру* 1992: 132–138). Тем самым, заговоры якобы получали естественнонаучное обоснование. Впрочем, автор не настаивал на своей точке зрения и называл все это «игрой ума». В то же время, Шарру, когда-то связанный с вишистским правительством, отправлявшим евреев в концлагеря, обвинял евреев в расизме и эгоизме и предсказывал скорый закат иудео-христианской цивилизации (*Шарру* 1992: 189–196). Тем самым, «игра ума» получала весьма сомнительный оборот.

О заговоре тайных обществ шла речь в обзорной популярной книге А. Дарола, покрывавшей едва ли не все континенты и эпохи от первобытности до начала XX в. (*Дарол* 1998)¹⁵. Многие из этих обществ

ставили своей задачей установление власти над миром либо силой, либо всевозможными мистическими приемами. В частности, автор посвятил целых две главы взлету и падению ордена тамплиеров, а также рассмотрел историю розенкрейцеров и иллюминатов, — все эти организации неизменно вызывают у конспирологов нездоровый интерес. Книга отличалась взвешенностью и стремлением рассматривать каждый случай в историко-культурном контексте, избегая спекулятивных построений, свойственных многим конспирологам. В этом смысле книге Дарола суждено было остаться в почти полном одиночестве, см. также (*Рейнольдс* 2007). Другие конспирологи этому примеру не следовали.

Одним из самых популярных авторов стал французский журналист Л. Шарпантье (1905–1979), ухитрившийся протянуть ниточку преемственности от Атлантиды до ордена тамплиеров. В одной из своих книг он обращался к эзотерической версии происхождения рас и описывал гибель Атлантиды, что и послужило толчком к расселению рас по планете (*Шарпантье* 1998a)¹⁶. Якобы именно от культуртрегеров атлантов остальное человечество узнало земледелие, скотоводство и основы науки. В соответствии с эзотерическими взглядами, пришельцы из Атлантиды виделись

выступал выходец из знатной афганской семьи Идрис Шах (1924–1996), проведший основную часть жизни в Англии, где был известен как знаток и учитель суфийской традиции.

¹⁶ Книга впервые вышла в Париже в 1969 г.

¹⁵ Первое издание вышло в Нью-Йорке в 1962 г. под названием «История тайных обществ». Под псевдонимом Аркон Дарол

автору легендарными гигантами, оставившими на поверхности Земли загадочные мегалиты (менгиры, кромлехи и дольмены). Едва ли не самое ценное их наследие он связывал с навыками строительства. Он утверждал, что именно те, кто получили и усвоили эти навыки, возвели храм Соломона, а затем строили величественные романские и готические соборы в Европе (намек на древние корни масонства звучал более чем прозрачно)¹⁷. Шарпантье также восхищался друидами как могущественными магами, благодаря которым в доримский период в галльских землях якобы царили мир и спокойствие. По его словам, всё это наследие затем усвоили тамплиеры.

Ордену тамплиеров Шарпантье посвятил отдельную книгу (*Шарпантье* 1998б)¹⁸. В ней он доказывал, что за возникновением и необычайным взлетом тамплиеров лежала тайна, связанная с поиском каких-то ценных древнееврейских документов. Якобы у основателей ордена была особая миссия — найти и забрать себе Ковчег Завета с Таблицами Закона, содержащими каббалистический ключ к «формуле Вселенной». Не имея ни малейших доказательств в пользу такой экзотической версии, автор прибегал к недомолвкам и, по его собственным словам, опирался на косвенные указания. О том, что упомянутые реликвии когда-то хранились в Иерусалиме, а затем были вывезены тамплиерами, ему говорили возникшие там христиан-

ство и ислам, а затем, по его словам, необъяснимый расцвет мусульманской культуры. После этого якобы с началом крестовых походов произошел расцвет христианской цивилизации, а мусульманская стала постепенно умирать (к этому выводу автора приводило его восхищение готическими соборами). Зато христианская цивилизация стала клониться к упадку после разгрома ордена тамплиеров.

Разумеется, нельзя не заметить в этой концепции многочисленных натяжек¹⁹. Ведь ислам возник вовсе не в Иерусалиме, а много южнее; мусульманское могущество проявилось и во время крестовых походов; разгром тамплиеров вовсе не привел к упадку христианской цивилизации (на самом деле автор имел в виду закат не христианства, а готической архитектуры). И, если могущество тамплиеров было связано с обладанием Таблицами Закона, то почему это не помешало их разгрому; и кто стал владельцем Таблиц после этого? Автора такие вопросы не волновали. Зато он обнаруживал у тамплиеров живые следы кельтского наследия и приписывал их благотворному влиянию оживленное церковное (храмовое) строительство. Мало того, надевая их некой тайной доктриной, он предполагал, что они задумали революцию, которая могла бы принести людям свободу и справедливость (*Шарпантье* 1998б: 114, 157)²⁰.

¹⁷ Эти рассуждения Шарпантье даже повлияли на исследования «священной географии». См., напр. (*Pennick* 1980: 93–94).

¹⁸ Книга впервые вышла в Париже в 1967 г.

¹⁹ Шарпантье давно известен своим буйным воображением и нежеланием следовать строгим научным подходам. См. (*Фо* 2004: 214–218).

²⁰ Исследование Г. Фо со всей очевидностью показало, что у тамплиеров не было никакой

Однако наветы и доносы недругов сделали свое черное дело, и орден был разгромлен. Вся вековая работа оказалась напрасной, и, как заявлял автор, цивилизация Запада рухнула. Вместе с тем он высказывал догадку о том, что далеко не все тамплиеры оказались за решеткой. Многие ушли в подполье и, как он намекал, с ними так или иначе было связано более позднее масонство, отомстившее своим врагам в ходе Великой Французской революции.

В отличие от многих других конспирологов, автор с симпатией относился к тамплиерам и масонам и, похоже, сочувствовал их идеям. Но это вовсе не означает, что так же их воспринимают читатели его книг. Многие русские конспирологи вынесли из них только то, что масоны оказались тесно связаны с тамплиерами. Но относятся они к ним резко отрицательно.

Тема тамплиеров в особенности полюбилась издательству «Кронпресс», так как в трудах западных конспирологов и «тайноведов» неизменно связывалась с масонами²¹. Первой книгой на эту тему, переведенной на русский язык и опубликованной издательством в 1997 г., была увлекательная работа трех британских авторов, посвященная истории тамплиеров и их наследников (*Бейджент, Лей, Линкольн* 1997)²². Авторы (среди них — недавший актер и кинорежиссер,

тайной доктрины. См. (*Фо* 2004).

²¹ Это, разумеется, не случайно, так как масоны сами с готовностью поддерживали такие слухи. См., напр. (*Мани* 2007).

²² Оригинал книги вышел в 1982 г. О ее критике см. (*Пикнетт, Принс* 2009).

романист и фотожурналист) настаивали на том, что тамплиеры были тесно связаны с катарами (альбигойцами) юга Франции. Они отмечали, что масоны видели в тамплиерах своих предтеч и полагали, что, участвуя во Французской революции, мстили королю за их гибель²³. Мало того, авторы утверждали, что в результате своих изысканий обнаружили тайный орден под названием «Сионский приорат», якобы учредивший орден тамплиеров и до сих пор оказывающий влияние на международную обстановку. Ссылаясь на источники неясного происхождения и неясной ценности, на народный фольклор, а также на популярные рассуждения журналистов, авторы выступали с гипотезой о том, что Иисус Христос чудесным образом спасся, что его женой была Мария Магдалина, которая принесла ему сына, что она бежала из Палестины и поселилась на юге Франции и что потомки Иисуса Христа дали начало династии Меровингов. Тем самым, эти «короли-жрецы» оказывались в родстве с евреями и потому проявляли к ним благорасположение. Якобы, будучи тайной организацией, «Сионский приорат» веками считал своей целью реставрацию династии Меровингов, а в XX в. замыслил объединить Европу во главе с царем-жрецом, происходившим от самого Иисуса Христа.

На самом деле как эти авторы, так и их последователи, о которых речь идет ниже, опирались на хорошо

²³ Идея такой мести восходит к концу XVIII в., когда ее использовали клерикалы и роялисты для объяснения Французской революции. Об этом см. (*Черняк* 1987: 128–129).

известную историю, полную фальсификаций и мистификаций. Речь идет о католическом священнике Ф.Б. Соньере (1852–1917)²⁴, объяснявшим свое неожиданное богатство обнаружением сокровищ Мерovingов, о беспринципном авантюристе П. Плантаре (1920–2000), объявившем себя потомком Мерovingов и главой «Сионского приората», а также о вышедшей в 1967 г. книге Ж. де Седа «Золото Ренна», где впервые излагались приключения выжившего Иисуса Христа и Марии Магдалины во Франции (*Рейнольдс* 2007: 89–114, 294–298; *Пикнетт, Принс* 2009)²⁵.

Повторяя вслед за Бейджентом и его соавторами фантазии о связи Мерovingов с Иисусом Христом и линией царя Давида, британец Л. Гарднер (1943–2010) писал о заговоре римско-католической церкви, которая якобы не хотела признать потомков Иисуса и, придерживаясь позиции гендерной дискриминации, сознательно принизила роль его жены Марии Магдалины. Основываясь на апокрифах и новых чтениях Евангелия с учетом материалов Кумранских рукописей, Гарднер призывал к восстановлению справедливости — воссозданию истинного христианского учения и написанию его правдивой истории, якобы донельзя искаженной Церковью (*Гарднер* 2000)²⁶.

²⁴ О Соньере см. (*Пикнетт, Принс* 2009: 149–176).

²⁵ О фантазиях де Седа и поддельных «средневековых рукописях» см. (*Фо* 2004: 211; *Пикнетт, Принс* 2009: 251–262).

²⁶ Впервые эта книга вышла в 1996 г. О ее критике за вольное обращение с источниками

В 2000 г. издательство «Крон-пресс» опубликовало русский перевод книги американца Д. Робинсона о масонстве, вышедшей в оригинале в 1989 г. (*Робинсон* 2000). Ее автор когда-то интересовался восстанием Уота Тайлера в 1381 г., но, обнаружив некоторые связанные с ним «странности», расширил поле своих исследований и стал изучать историю масонства. Его внимание привлекла необъяснимая ненависть восставших к ордену госпитальеров (иоаннитов), и он предположил, что восставшие находились под тайным влиянием тамплиеров, чья собственность после их разгрома перешла к монахам этого ордена. Правда, он признавал, что никаких документальных подтверждений того, что за восставшими стояла тайная организация, не было. Однако, на его взгляд, питать неприязнь к госпитальерам могли по указанной причине только тамплиеры (*Робинсон* 2000: 86–91, 96–97). Он, разумеется, признавал как полное отсутствие данных о каких-либо тайных обществах, учрежденных тамплиерами (*Робинсон* 2000: 238–239), так и то, что сами масоны неоднократно опровергали свою связь с ними (*Робинсон* 2000: 370). Но это его не смущало, и, опираясь на некоторые косвенные свидетельства, он утверждал, что именно тамплиеры, а вовсе не средневековые гильдии каменщиков, лежали у истоков масонских орденов. В частности, он доказывал, что враждебное отношение масонов к Ватикану вызывалось тем, что якобы именно Папа Клемент V разработал план

и прямые ошибки см. (*Пикнетт, Принс* 2009: 317–321).

уничтожения ордена тамплиеров. В целом Робинсон благожелательно относился к масонам и пытался по мере сил опровергать выдвигаемые против них обвинения.

Еще одним источником опасности, причем едва ли не самым зловерным, конспирологи называют орден иллюминатов, созданный Адамом Вейсхауптом (1748–1830) в Баварии в 1776 г. и просуществовавший менее десяти лет. Возникший на волне революционного радикализма и антиклерикализма, орден исповедовал ценности антимаонархизма, светскости, космополитизма и утопического социализма. Он выступал против христианства и в особенности иезуитов, но идея мирового правительства и тем более какой-либо единой мировой религии была ему чужда. После запрета Ордена его создатель занимался научной работой и уже не возвращался к мечтам своей молодости. Между тем консерваторы обнаружили в иллюминатах опасную политическую организацию уже после того, как орден прекратил свое существование. При этом они стремились возложить на него ответственность едва ли не за все революции, и страхи перед иллюминатами возбуждались непрерывно в течение 250 лет. По словам Л. Портера, одним из первых такие страхи начал раздувать в конце XVIII в. аббат О. Баррюэль (1741–1820), обвинивший иллюминатов в подготовке Французской революции (*Портер* 2007; *Viatte* 1979; *Печников* 1991: 63–97).

Затем эти страхи заняли видное место в развязанной во Франции в конце XIX в. антимасонской кам-

пании, сыгравшей далеко не последнюю роль в появлении поддельных «Протоколов сионских мудрецов». В начале 1920-х гг. иллюминаты привлекли внимание Несты Уэбстер (1876–1960)²⁷, положившей начало современной западной конспирологической традиции. В послевоенный период эту эстафету подхватил американец Р. Уэлч (1899–1985), основатель пресловутого «Общества Джона Бэрча». При этом миф об иллюминатах теснейшим образом переплетался с мифом о мировом еврейском заговоре (*Портер* 2007: 11–17, 145–182; *Крыну*, 2005: 97–112; *Goodrick-Clarke* 2002: 282–283; *Пайнс* 2008: 94–99).

Мало того, в США христианские фундаменталисты видели связь всего этого с Апокалипсисом. Такие настроения усилились в 1970-е гг., когда они усмотрели в образовании государства Израиль исполнение пророчеств. С тех пор в Америке массовыми тиражами выходили книги, где привлекавшие внимание конспирологов международные организации, а также введение электронных удостоверений личности и товарных штрих-кодов связывались со знаками «последних времен». Различные проповедники не только обсуждали всё это на телеканалах, но и постоянно делились со зрителями своими предсказаниями о скором приходе антихриста (*Boyer* 1992; *Парфрей* 2005: 71–77; *Портер* 2007: 223–263).

Между тем миф об иллюминатах проник и в Россию. Здесь вышло

²⁷ О связях Уэбстер с крайне правыми, включая фашистов, см. (*Goodrick-Clarke* 2002: 283; *Портер* 2007: 167–174).

русское издание работы испанского автора, который, справедливо критикуя преувеличения, допущенные другими конспирологами, тем не менее доказывал, что история развивается по плану, разработанному иллюминатами. При этом он предупреждал о приближении Нового мирового порядка и не забывал отметить, что якобы как капиталистическое развитие, так и коммунистические движения возглавляют евреи (*Мартинес Отеро* 2008). Примечательно, что свою книгу об иллюминатах он завершил рассуждениями о близости конца света и прихода антихриста (*Мартинес Отеро* 2008: 195–206).

Тема иллюминатов теснейшим образом связана с более общей темой о масонах и их роли в мировой политике, что было порождено страхом перед неведомой тайной силой, готовой разрушить привычный мир. Переводная литература о масонах получила в России популярность в течение последних 20–25 лет. Одна из последних книг, где темы масонов и иллюминатов тесно смыкаются, была выпущена американцем Д. Вассерманом, который фактически переиздал вышедшую в 1911 г. книгу популярной в те годы писательницы Уны Борх (1876–1949), сопроводив ее своим введением (*Вассерман, Борх* 2009). Борх доказывала, что иллюминаты наделили масонов радикальной политической идеологией, осуждавшей монархию и церковную тиранию. Ведь ранее многие масонские организации существовали для веселого времяпрепровождения, а революционные доктрины воспринимались там лишь как забавная экзотика.

Зато под влиянием иллюминатов французские масоны стали относиться к этим идеям не в пример серьезнее и воплотили их в жизнь. Борх исходила из того, что революционное движение невозможно без разработанной идеологии, которую и принесли с собой иллюминаты. Заслуживает внимания тот факт, что, по словам Борх, в предреволюционные годы французская общественность попала во власть эсхатологических настроений, и люди жадно ждали перемен (*Вассерман, Борх* 2009: 90–92). В своем введении Вассерман добавлял, что и последующие революции также вдохновлялись идеями Вейсхаупта. Примечательно, что как Борх, так и Вассерман оценивали идеи иллюминатов вполне позитивно, считая, что многие из них легли в основу современной западной цивилизации.

Таким образом, оккультная конспирология обращается к двум основным темам – во-первых, к «эзотерическому нацизму» и, во-вторых, к преемственности «тайных обществ», якобы идущей из глубин средневековья. Эти темы иной раз пересекаются, и отдельные конспирологи всеми силами пытаются связать тоталитарные режимы с «тайными оккультными доктринами» и обнаружить их истоки в учениях некоторых рыцарских орденов или «тайных обществ» Нового времени.

В любом случае, конспирологи зачарованы образами ордена тамплиеров и ордена иллюминатов. Первый привлекает их тем, что он якобы послужил основой для возникновения масонских лож. Этому поспособствовали сами масоны,

которых также манила тайна былого могущества этого ордена и в особенности его экзотические ритуалы, якобы связанные с оккультными знаниями. Что касается второго, то интерес конспирологов к нему вызывается его радикальной революционной теорией, в которой они усматривают прототип едва ли не всех последующих подобного рода концепций. При этом они не удовлетворяются установлением их идейного родства, а предполагают организационную и поведенческую преемственность. В обоих случаях они пребывают в уверенности, что эти ордена никогда не прекращали своего существования и действуют до сих пор, причем нередко под личиной тех или иных масонских организаций. Этим, по их утверждению, и объясняется смертельная угроза, постоянно грозящая миру со стороны «тайных обществ».

В некоторых конспирологических произведениях эта угроза получает «естественнонаучное» объяснение и изображается неизбежной. Тем самым «тайные общества» становятся орудием сил, находящихся за пределами человеческой цивилизации, — неумолимой «эволюции» (или «инволюции»), а то и неких «тайных хозяев мира», «космических пришельцев», если не самого Сатаны. Примечательно, что многие из рассмотренных выше конспирологов связывают «тайные общества» с евреями.

Казалось бы, такие параноидальные настроения отвечают прежде всего консервативной охранительской позиции. И действительно, среди

рассмотренных конспирологов преобладают люди консервативных или праворадикальных убеждений. Однако этим дело не ограничивается, и среди них встречаются также носители левых взглядов, обличающие нацизм. Но, если, демонизируя Гитлера, левые видят в нём абсолютное зло, которому всеми силами следует противостоять, то для правых радикалов приписываемые ему «оккультные склонности» видятся прежде всего как обладание огромным могуществом, пусть и опирающимся на магические практики и общение с загадочным миром демонов. Поэтому в их произведениях «нацистский оккультизм» выглядит привлекательным и далеко не исчерпавшим свои возможности. Так, ожидая чудесного появления Гитлера из льдов Антарктиды, некоторые из них, по сути, обнаруживают свои тайные надежды на возвращение нацистского режима. Тем самым якобы оправдывается концепция циклического времени и то, что уже ушло в небытие, вернется вновь. В этом контексте речь, разумеется, идет не об охранительской доктрине, а о революции, но о консервативной революции. Впрочем, находятся и такие авторы, которые пытаются изобразить Гитлера орудием «эволюции». Что же касается левых, то, ошеломленные его временными успехами, некоторые из них не находят иного объяснения, кроме связи с «инфернальными силами».

В то же время некоторые конспирологи относятся к «тайным обществам», включая масонов, вполне позитивно и одобряют их деятельность как ведущую по пути про-

гресса. Они отмечают, что многие лозунги масонов были воплощены в жизнь современным западным обществом и сегодня лежат в его основе.

Исследователи конспирологии уже не раз обращали внимание на то, что по сути она стала секуляризованной версией Апокалипсиса, сохранив многие представления о нем, веками развивавшиеся в русле христианского мировоззрения (*Хагемайстер* 2003; *Hagemeister* 2006: 249–252). В свое время немецкий социолог В. Зульцбах находил корни представлений о мировом заговоре в предшествующей вере в дьявола (*Зульцбах* 2009: 56). Сходный подход демонстрировал известный отечественный культуролог А.С. Ахиезер, считавший, что речь идет об «интерпретации древней веры во власть злых сил, демонов, обладающих скрытым, рационально не объяснимым коварством и могуществом» (*Ахиезер* 1998: 168). Российский социолог Л. Фишман пишет, что «изначальные версии теорий заговора — это оккультно-эзотерические версии, постулирующие наличие альтернативных Богу и Истории “хозяев” или “королей” мира, тайно управляющих миром высших рас и тому подобного», иными словами, они апеллируют к «князю мира сего», т.е. к антихристу (*Фишман* 2008). Некоторые американские авторы тоже подчеркивают прямую связь конспирологии с христианской эсхатологией (*Partridge, Geaves* 2007: 86–87). Например, как отмечал Д. Пайнс, для нее характерно переосмысление образа врага соответственно эпохе и смешение разнообразных фобий,

но при поразительном постоянстве особенностей, приписываемых врагу. Речь, таким образом, идет о смене идеологии без изменения образа мысли (*Пайнс* 2008: 188–206, 222–223).

Иными словами, конспирология подхватила идеи, вырабатывавшиеся веками некоторыми христианскими мыслителями, пытавшимися постичь «тайну беззакония», и адаптировала их к современности. Вряд ли можно удивляться тому, что при авторитарных режимах власть опирается на конспирологию для создания образа врага, направляющего недовольство и гнев народа по ложному руслу. Но не помогает и демократия, при которой общественность обеспокоена возможным посягательством тайных сил на ее свободу и благополучие (*Пайнс* 2008: 135–136). Примечательно, что особое развитие конспирология получила именно в США, причем немалую роль в этом сыграла эсхатология (*Boyer* 1992: 264–267). Поэтому неудивительно, что, как мы видели, некоторые из рассмотренных выше авторов упоминают «конец света» и антихриста.

Наконец, легко заметить, что такие издания выходят относительно большими тиражами — чаще 3–5 тыс. экз., но иногда до 10–15 тыс. экз., причем иной раз эти книги переиздаются два или более раз. А иной раз их весьма плодотворные авторы в том или ином виде воспроизводят или развивают свои теории в каждой последующей книге. Профессиональным историкам, издающим свои произведения в лучшем случае тиражом 1 тыс. экз., а чаще

и того меньше, остается просто позавидовать. Всё это наводит на размышления. Могут ли профессиональные историки сегодня успешно бороться с конспирологами за умы широкой общественности? И что им для этого следует делать? Если же они отстраняются от этого, то не стоит ли задуматься о том, насколько велико влияние конспирологии на общественность, какие настроения порождают в обществе конспирологические теории, как они влияют на уровень ксенофобии, какое воздействие оказывают на политиков, и к чему всё это в результате приводит?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахиезер 1998 — *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998.

Бейджендт, Лей, Линкольн 1997 — *Бейджендт М., Лей Р., Линкольн Г.* Святая кровь и святой Грааль. М.: Крон-пресс, 1997.

Бержье 2000 — *Бержье Ж.* Тайные хозяева времени. М.: Крон-пресс, 2000.

Бреннан 2004 — *Бреннан Дж.* Оккультный рейх. СПб.: БалтКнига, 2004.

Бреннан 2005 — *Бреннан Дж.* Оккультный рейх // *Непомнящий Н.Н.* (сост.). Зодиак и свастика. М.: Вече, 2005.

Васильченко 2008 — *Васильченко А.* Оккультный миф III Рейха. М.: Яуза-пресс, 2008.

Вассерман, Борх 2009 — *Вассерман Д., Борх У.* Тайные общества: иллюминаты, франкомасоны и Французская революция. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.

Воробьевский 2004 — *Воробьевский Ю.Ю.* Аненербе — оккультный меч Рейха. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Воробьевский 2011а — *Воробьевский Ю.Ю.* Черный снег на белом поле. Массовый идиотизм как наукоемкий продукт. М.: Тип. «Новости», 2011.

Воробьевский 2011б — *Воробьевский Ю.Ю.* Неизвестный Гитлер. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011.

Гарднер 2000 — *Гарднер Л.* Чаша Грааля и потомки Иисуса Христа. М.: Вече, 2000.

Дарол 1998 — *Дарол А.* Тайные общества. М.: Крон-пресс, 1998.

Жерсон 1998 — *Жерсон В.* Нацизм — тайное общество. М.: Крон-пресс, 1998.

Жуков 2006 — *Жуков Д.* Оккультизм в Третьем Рейхе. М.: Эксмо, 2006.

Зубков 2007 — *Зубков С.В.* Третий Рейх под знаменем оккультизма. М.: Вече, 2007.

Зульцбах 2009 — *Зульцбах В.* Два корня и формы евреиенавистничества. М.: Европа, 2009.

Круглов 2004 — *Круглов А.* Последняя война. М.: Просветитель, 2004.

Крупи 2005 — *Крупи Г.* Правые христиане, сионизм и наступление пентехолокта // *А. Парфрей* (ред.). Культура времен Апокалипсиса. Екатеринбург: Ультракультура, 2005.

Линденберг 1997 — *Линденберг К.* Технология зла. К истории становления национал-социализма. М.: Энигма, 1997.

Мани 2007 — *Мани У.Ф.* Меридианы тамплиеров. Тайные карты Нового Света. М.: АСТ, 2007.

Мартинес Отеро 2008 — *Мартинес Отеро Л.М.* Иллюминаты. Ловушка и заговор. СПб.: Евразия, 2008.

Мегре 2002 — *Мегре В.Н.* Родовая книга. М.—СПб.: Диля, 2002.

Мистические корни фашизма 2011 — Мистические корни фашизма, или Новая религия фюрера // Белорусская военная газета. 2011. 28 октября. № 206.

Назаров 2004 — Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. К познанию русской идеи в апокалипсическое время. М.: Русская идея, 2004.

Непомнящий 2003 — Непомнящий Н.Н. Тайны оккультного Рейха. Сенсации страшного двенадцатилетия. М.: Вече, 2003.

Непомнящий 2005 — Непомнящий Н.Н. (сост.). Зодиак и свастика. М.: Вече, 2005.

О'Нил 2005 — О'Нил Т. История мести и убийства в тайных обществах // Адам Парфрей (ред.). Культура времен Апокалипсиса. Екатеринбург: Ультракультура, 2005.

Пайнс 2008 — Пайнс Д. Заговор: мания преследования в умах политиков. М.: Новый Хронограф, 2008.

Парнов 1985 — Парнов Е.И. Трон Люцифера. 1-е изд. М.: Политиздат, 1985.

Парнов 1991 — Парнов Е.И. Трон Люцифера. 2-е изд. М.: Политиздат, 1991.

Парнов 1999 — Парнов Е.И. Наступит ли будущее? М.: Терра, 1999.

Парфрей 2005 — Парфрей А. От знака зверя к феномену чернокожего мессии: хроника Рона Дж. Стила, пытливого журналиста и автора пророчеств // Парфрей А. (ред.). Культура времен Апокалипсиса. Екатеринбург: Ультракультура, 2005.

Первушин 2003 — Первушин А. Оккультные войны НКВД и СС. М.: Эксмо; Язуз, 2003.

Печников 1991 — Печников Б.А. «Рыцари церкви». Кто они? Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. М.: Политиздат, 1991.

Пикнетт, Принс 2009 — Пикнетт Л., Принс К. Тайны «Приората Сиона». М.: АСТ, 2009.

Повель, Бержье 1991 — Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. М.: Миф, 1991.

Попов 2000 — Попов Г.В. Тайные культы и мировые конфессии. Лекции, прочи-

танные в Восточном университете при Институте востоковедения РАН в 1997–2000 гг. М.: ИВ РАН, 2000.

Портер 2007 — Портер Л. Кто такие иллюминаты: исследование мифа о секретном обществе. М.: Диля, 2007.

Пруссаков 1992 — Пруссаков В. Оккультный мессия и его рейх. М.: Молодая гвардия, 1992.

Равенскрофт 1998 — Равенскрофт Т. Копье судьбы. М.: Крон-пресс, 1998.

Равенскрофт 2006 — Равенскрофт Т. Копье судьбы. 2-е изд. М.; СПб.: Амфора, 2006.

Рейнольдс 2007 — Рейнольдс Д.Л. Тайные общества: мифы и реальность. М.: Мир книги, 2007.

Робинсон 2000 — Робинсон Д. Массонство. Забытые тайны. М.: Крон-пресс, 2000.

Рудаков 2015 — Рудаков А.Б. Проект «Подземный Рейх» // А.И. Фурсов (ред.). De Aenigmatе. О тайне. Сборник научных трудов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.

Серрано 1994 — Серрано М. Воскрешение героя. М.: Родное слово, 1994. (2-е изд.: 1997).

Серрано 2002 — Серрано М. Наше мировоззрение. М.: Наследие предков, 2002.

Серрано 2007 — Серрано М. Золотая цепь. М.: Ex Nord Lux, 2007.

Стефанов 2006 — Стефанов Ю. Мистики, оккультисты, эзотерики. М.: Вече, 2006.

Сэджвик 2014 — Сэджвик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. М.: НЛО, 2014.

Телицын 2001 — Телицын В.Л. Проект «Аненербе». Наследие предков и Третий Рейх. М.: АСТ, 2001.

Телицын 2004 — Телицын В.Л. Святой Грааль и Третий Рейх. М.: Эксмо; Язуз, 2004.

Фишман 2008 — Фишман Л. О двух секулярных ересях // Неприкосновенный запас. 2008. № 3.

Фо 2004 — Фо Г. Дело тамплиеров. СПб.: Евразия, 2004.

Хагемейстер 2003 — Хагемейстер М. Миф о заговоре против России // К. Аймермахер, Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов (ред.). Мифы и мифология в современной России. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003.

Хаггер 2009 — Хаггер Н. Синдикат: история мирового правительства. М.: Алгоритм, 2009.

Черняк 1987 — Черняк Е.Б. Невидимые империи. Тайные общества старого и нового времени на Западе. М.: Мысль, 1987.

Четверикова, Крыжановский 2009 — Четверикова О.Н., Крыжановский А.В. Культура и религия Запада: Религиозные традиции Европы: от истоков до наших дней. М.: Московский учебник, 2009.

Шарпантье 1998а — Шарпантье Л. Гиганты и тайна их происхождения. М.: Крон-пресс, 1998.

Шарпантье 1998 — Шарпантье Л. Тайны тамплиеров. М.: Крон-пресс, 1998б.

Шарфу 1992 — Шарфу Р. Погибшие миры. Научные секреты древних. М.: Общество по изучению тайн и загадок Земли, 1992.

Шнифельман 2014 — Шнифельман В.А. Конец света или начало нового цикла? Представления о конце времен в христианстве и эзотерике // Антропологический форум. 2014. № 23.

Шнифельман 2015а — Шнифельман В.А. Иностранцы агенты: западные источники современной русской конспирологии // Историческая экспертиза. 2015. № 4.

Шнифельман 2015б — Шнифельман В.А. Арийский миф в современном мире: В 2 т. М.: НЛО, 2015.

Ютен 1998 — Ютен С. Невидимые правители и тайные общества. М.: Крон-пресс, 1998.

Baker 2000 — Baker A. Invisible eagle: the history of Nazi occultism. London: Virgin, 2000.

Boyer 1992 — Boyer P. When time shall be no more: prophecy belief in modern American culture. Cambridge, Mass: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1992.

Caillet б/д. — Caillet S. Les sept têtes du dragon vert (<http://sergecaillet.blogspot.ru/2007/07/les-sept-ttes-du-dragon-vert.html> (date of access 28.12.2015)).

Goodrick-Clark 1998 — Goodrick-Clark N. Hitler's priestess. Savitri Devi, the Hindu-Aryan myth, and Neo-Nazism. New York: New York University Press, 1998.

Goodrick-Clark 2002 — Goodrick-Clarke N. Black Sun. Aryan cults, esoteric Nazism and the politics of identity. New York: New York University Press, 2002.

Hagemeister 2006 — Hagemeister M. The Protocols of the Elders of Zion and the myth of a Jewish conspiracy in post-Soviet Russia // J.H. Brinks, S. Rock and E. Timms (eds.). Nationalist myths and modern media: contested identities in the Age of Globalization. London: I.B. Tauris, 2006.

King 1982 — King Ch. E. The Nazi state and the new religions: five case studies in non-conformity. New York: The Edwin Mellen Press, 1982.

Partner 1982 — Partner P. The murdered magicians. The Templars and their myth. Oxford: Oxford Univ. Press, 1982.

Partridge, Geaves 2007 — Partridge Ch., Geaves R. Antisemitism, conspiracy culture, Christianity and Islam: the history and contemporary religious significance of the Protocols of the Learned Elders of Zion // J.R. Lewis O. Hammer (eds.). The invention of sacred tradition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.

Pennick 1980 — Pennick N. Sacred geography. Symbolism and purpose in religious structures. San Francisco: Harper & Row, 1980.

«The spear of destiny» б/д. — «The spear of destiny»: Hitler, the Habsburgs and the Holy Grail (<http://badarchaeology.wordpress.com/tag/trevor-ravenscroft/> (date of access 28.12.2015)).

Tobias 1990 — Tobias F. Auch Fälschungen haben lange Beine. Des Senatspräsidenten Rauschnings «Gespräche mit Hitler» // Karl Corino (ed.). Gefälscht! Betrug in Politik, Literature, Wissenschaft, Kunst

und Musik. Frankfurt am Main: Eichborn Verlag, 1990. S. 91–105.

Viatte 1979 — Viatte A. Les source occultes du Romantisme: Illuminisme-Théosophie, 1770–1820. Paris, 1979.

V. Shnirel'man. Konspirologiya i okkul'tnye sily [Conspiracy theory and occult forces]

Key words: conspiracy theories, esotericism, occult Nazism, secret societies, the Freemasons.

Conspiracy theories operate on the idea of a conspiracy of some secret forces against humanity. One of the currents of modern conspiracy refers to the esoteric and connects these forces with occult societies. Among the stories considered in this context, stories are «occult Nazism», the Knights Templar, the Illuminati conspiracy, etc. Some authors of these constructions are looking for the roots of conspiracy in the medieval era, while others dig deeper in their fantasies and reach a certain antediluvian civilizations or the activities of space aliens. The article analyses the most popular of these constructions and shows their relationship with racism and anti-Semitism.

REFERENCES

«The spear of destiny»: Hitler, the Habsburgs and the Holy Grail (<http://badarchaeology.wordpress.com/tag/trevor-ravenscroft/> (date of access 28.12.2015)).

Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. 2. Teoriya i metodologiya. Slovar'. Novosibirsk, 1998.

Baker A. *Invisible eagle: the history of Nazi occultism*. London: Virgin, 2000.

Berzh'e Zh. *Taynye khozyaeva vremeni*. Moscow: Kron-press, 2000.

Beydzhent M., Ley R., Linkol'n G. *Svyataya krov' i svyatoy Graal'*. Moscow: Kron-press, 1997.

Boyer P. *When time shall be no more: prophecy belief in modern American culture*. Cambridge, Mass: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1992.

Brennan J. Okkul'tnyy reykh. Nepomnyashchiy N.N. (sost.). *Zodiak i svastika*. Moscow: Veche, 2005.

Brennan J. *Okkul'tnyy reykh*. Saint Petersburg: BaltKniga, 2004.

Caillet S. *Les sept têtes du dragon vert* (<http://sergecaillet.blogspot.ru/2007/07/les-sept-ttes-du-dragon-vert.html> (date of access 28.12.2015)).

Chernyak E.B. *Nevidimye imperii. Taynye obshchestva starogo i novogo vremeni na Zapade*. Moscow: Mysl', 1987.

Chetverikova O.N., Kryzhanovskiy A.V. *Kul'tura i religiya Zapada: Religioznye traditsii Evropy: ot istokov do nashikh dney*. Moscow: Moskovskiy uchebnyk, 2009.

Darol A. *Taynye obshchestva*. Moscow: Kron-press, 1998.

Fishman L. O dvukh sekulyarnykh eresakh. *Neprikosnovenny zapas*. 2008. N 3.

Fo G. *Delo tamplierov*. Saint Petersburg: Evraziya, 2004.

Gardner L. *Chasha Graalya i potomki Iisusa Khrista*. Moscow: Veche, 2000.

Goodrick-Clark N. *Hitler's priestess. Savitri Devi, the Hindu-Aryan myth, and Neo-Nazism*. New York: New York University Press, 1998.

Goodrick-Clarke N. *Black Sun. Aryan cults, esoteric Nazism and the politics of identity*. New York: New York University Press, 2002.

Hagemeister M. The Protocols of the Elders of Zion and the myth of a Jewish conspiracy in post-Soviet Russia. J.H. Brinks, S. Rock and E. Timms (eds.). *Nationalist myths and modern media: contested identities in the Age of Globalization*. London: I.B. Tauris, 2006.

Hagemeister M. Mif o zagovore protiv Rossii. K. Aymermakher, F. Bomsdorf, G. Bordyugov (red.). *Mify i mifologiya v so-vremennoy Rossii*. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna, 2003.

Hagger N. *Sindikaty: istoriya mirovogo pravitel'stva*. M.: Algoritm, 2009.

King Ch. E. *The Nazi state and the new religions: five case studies in non-conformity*. New York: The Edwin Mellen Press, 1982.

Kruglov A. *Poslednyaya voyna*. Moscow: Prosvetitel', 2004.

Krupi G. Pravye khristiane, sionizm i nastuplenie pentekholokosta. A. Parfrey (red.). *Kul'tura vremen Apokalipsisa*. Ekaterinburg: Ul'trakul'tura, 2005.

Lindenberg K. *Tekhnologiya zla. K istorii stanovleniya natsional-sotsializma*. Moscow: Enigma, 1997.

Mann U.F. *Meridiany tamplierov. Taynye karty Novogo Sveta*. Moscow: AST, 2007.

Martines Otero L.M. *Illyuminaty. Lovushka i zagovor*. Saint Petersburg: Evraziya, 2008.

Megre V.N. *Rodovaya kniga*. Moscow — Saint Petersburg: Dilya, 2002.

Misticheskie korni fashizma, ili Novaya religiya fyurera. *Belorusskaya voennaya gazeta*. 2011. 28 oktyabrya. N 206.

Nazarov M.V. *Vozhdyu Tret'ego Rima. K poznaniyu russkoy idei v apokalipsicheskoe vremya*. Moscow: Russkaya ideya, 2004.

Nepomnyashchiy N.N. (sost.). *Zodiak i svastika*. Moscow: Veche, 2005.

Nepomnyashchiy N.N. *Tayny okkul'tnogo Reykha. Sensatsii strashnogo dvenadtsatiletiya*. Moscow: Veche, 2003.

O'Nil T. Istoriya mesti i ubiystva v taynykh obshchestvakh. Adam Parfrey (red.). *Ku-*

l'tura vremen Apokalipsisa. Ekaterinburg: Ul'trakul'tura, 2005.

Parfrey A. Ot znaka zverya k fenomenu chernokozhego messii: khronika Rona Dzh. Stila, pytlivogo zhurnalista i avtora prorochestv. Parfrey A. (red.). *Kul'tura vremen Apokalipsisa*. Ekaterinburg: Ul'trakul'tura, 2005.

Parnov E.I. *Nastupit li budushchee?* Moscow: Terra, 1999.

Parnov E.I. *Tron Lyutsifera*. 1-e izd. Moscow: Politizdat, 1985.

Parnov E.I. *Tron Lyutsifera*. 2-e izd. Moscow: Politizdat, 1991.

Partner P. *The murdered magicians. The Templars and their myth*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1982.

Partridge Ch., Geaves R. Antisemitism, conspiracy culture, Christianity and Islam: the history and contemporary religious significance of the Protocols of the Learned Elders of Zion. J.R. Lewis O. Hammer (eds.). *The invention of sacred tradition*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.

Payps D. *Zagovor: maniya presledovaniya v umakh politikov*. Moscow: Novyy Khronograf, 2008.

Pechnikov B.A. «Rytsari tserkvi». *Kto oni? Ocherki ob istorii i sovremennoy deyatel'nosti katolicheskikh ordenov*. Moscow: Politizdat, 1991.

Pennick N. *Sacred geography. Symbolism and purpose in religious structures*. San Francisco: Harper & Row, 1980.

Pervushin A. *Okkul'tnye voyny NKVD i SS*. Moscow: Eksmo; Yauza, 2003.

Piknett L., Prins K. *Tayny «Priorata Siona»*. Moscow: AST, 2009.

Popov G.V. *Taynye kul'ty i mirovye konfessii. Lektsii, pročitannye v Vostochnom universitete pri Institute vostokovedeniya RAN v 1997–2000 gg.* Moscow: IV RAN, 2000.

Porter L. *Kto takie illyuminaty: issledovanie mifa o sekretnom obshchestve*. Moscow: Dilya, 2007.

- Povel' L., Berzh'e Zh. *Utro magov*. Moscow: Mif, 1991.
- Prussakov V. *Okkul'tnyy messiya i ego reykh*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1992.
- Ravenskroft T. *Kop'e sud'by*. 2-e izd. Moscow; Saint Petersburg: Amfora, 2006.
- Ravenskroft T. *Kop'e sud'by*. Moscow: Kronpress, 1998.
- Reynol'ds D.L. *Taynye obshchestva: mify i real'nost'*. Moscow: Mir knigi, 2007.
- Robinson D. *Masonstvo. Zabytye tayny*. Moscow: Kronpress, 2000.
- Rudakov A.B. Proekt «Podzemnyy Reykh». A.I. Fursov (red.). *De Aenigmat. O tayne. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2015.
- Sedzhvik M. *Naperekor sovremennomu miru: Traditsionalizm i taynaya intellektual'naya istoriya XX veka*. Moscow: NLO, 2014.
- Serrano M. *Nashe mirovozzrenie*. Moscow: Nasledie predkov, 2002.
- Serrano M. *Voskreshenie geroya*. Moscow: Rodnoe slovo, 1994. (2-e izd.: 1997).
- Serrano M. *Zolotaya tsep'*. Moscow: Ex Nord Lux, 2007.
- Sharpant'e L. *Giganty i tayna ikh proiskhozhdeniya*. Moscow: Kronpress, 1998a.
- Sharpant'e L. *Tayny tamplierov*. Moscow: Kronpress, 1998b.
- Sharru R. *Pogibshie miry. Nauchnye sekrety drevnikh*. Moscow: Obshchestvo po izucheniyu tayn i zagadok Zemli, 1992.
- Shnirel'man V.A. *Ariyskiy mif v sovremennom mire*. V 2 t. Moscow: NLO, 2015b.
- Shnirel'man V.A. Inostrannye agenty: zapadnye istochniki sovremennoy russkoy konspirologii. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2015a. N 4.
- Shnirel'man V.A. Konets sveta ili nachalo novogo tsikla? Predstavleniya o kontse vremen v khristianstve i ezoterike. *Antropologicheskii forum*. 2014. N 23.
- Stefanov Yu. *Mistiki, okkul'tisty, ezoteriki*. Moscow: Veche, 2006.
- Telitsyn V.L. *Proekt «Anenerbe». Nasledie predkov i Tretiy Reykh*. Moscow: AST, 2001.
- Telitsyn V.L. *Svyatoy Graal' i Tretiy Reykh*. Moscow: Eksmo; Yauza, 2004.
- Tobias F. Auch Fälschungen haben lange Beine. Des Senatspräsidenten Rauschnings «Gespräche mit Hitler». K. Corino (ed.). *Gefälscht! Betrug in Politik, Literatur, Wissenschaft, Kunst und Musik*. Frankfurt am Main: Eichborn Verlag, 1990. S. 91–105.
- Vasil'chenko A. *Okkul'tnyy mif III Reykha*. Moscow: Yauza-press, 2008.
- Vasserman D., Borkh U. *Taynye obshchestva: illyuminaty, frankomasony i Frantsuzskaya revolyutsiya*. Rostov-na-Donu: Feniks, 2009.
- Viatte A. *Les source occultes du Romantisme: Illuminism-Théosophie, 1770–1820*. Paris, 1979.
- Vorob'evskiy Yu.Yu. *Anenerbe – okkul'tnyy mekh Reykha*. M.: Yauza; Eksmo, 2004.
- Vorob'evskiy Yu.Yu. *Chernyy sneg na belom pole. Massovyy idiotizm kak naukoemkiy produkt*. Moscow: Tip. «Novosti», 2011a.
- Vorob'evskiy Yu.Yu. *Neizvestnyy Güttler*. Moscow: Eksmo; Algoritm, 2011b.
- Yuten S. *Nevidimye praviteli i taynye obshchestva*. Moscow: Kronpress, 1998.
- Zherson V. *Natsizm – taynoe obshchestvo*. Moscow: Kronpress, 1998.
- Zhukov D. *Okkul'tizm v Tret'em Reykhe*. Moscow: Eksmo, 2006.
- Zubkov S.V. *Tretiy Reykh pod znamenem okkul'tizma*. Moscow: Veche, 2007.
- Zul'tsbakh V. *Dva kornya i formy evreenenavistnichestva*. Moscow: Evropa, 2009.

И.В. Саверкина

КОНФЕРЕНЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА «ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ В ЛИЦАХ» (С 1998 ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

В 1981 г. в историческом здании — дворце А.Д. Меншикова на Васильевском острове, была открыта новая экспозиция Государственного Эрмитажа «Культура России первой трети XVIII века». Автор концепции экспозиции и первая заведующая нового подразделения Эрмитажа — Н.В. Калязина, специалист по светскому интерьеру Петровского времени.

С первых лет работы во дворце Меншикова проводились научные конференции. Принадлежность в прошлом здания, в котором размещалась экспозиция, А.Д. Меншикову, ближайшему сподвижнику Петра I, в значительной мере определила тематику конференций.

Вначале конференции не носили регулярного характера. В 1982 г. прошла конференция, посвященная первой годовщине открытия новой экспозиции Эрмитажа. В ее работе приняли участие как сотрудники Эрмитажа, так и Ленинградского отде-

ления института истории СССР АН СССР. Тематика докладов была преимущественно связана с личностью А.Д. Меншикова — его политической и дипломатической деятельностью, а культурным аспектам — художественному убранству его дворцов и формированию коллекций. Сборник материалов этой конференции был опубликован только в 1992 г. (Русская культура... 1992). В 1997 г. была проведена конференция «Русское просветительство конца XVII — XVIII века в контексте европейской культуры» (Русское просветительство... 1997). В 2000 г. скончалась Н.В. Калязина. В 2001 г. была проведена конференция ее памяти «Проблемы русской культуры XVIII века» (Проблемы русской культуры... 2001).

В тематике конференций нашла отражение еще одна страница истории здания. С 1732 г. в стенах бывшего дворца Меншикова разместился Сухопутный шляхетный (Первый Кадетский корпус).

В 2007 г. отмечалось 275-летие его основания. Хотя эта дата и не является круглой, но она значима для истории этого учебного заведения. Празднование 175-летия корпуса в 1907 г. было последним, отмечавшимся в стенах этого здания. 200-летие отмечалось в 1932 г. уже в Париже. В 2007 г. во Дворце Меншикова была организована выставка «Первый Кадетский корпус во Дворце Меншикова. К 275-летию основания» и прошла конференция на эту же тему (Первый Кадетский корпус... 2007а; 2007б).

С 1998 г. во Дворце Меншикова проводится ежегодная конференция «Петровское время в лицах». Сборники материалов конференции выходят ежегодно, в 1998–2005 гг. как краткое содержание докладов, а с 2006 г. – как сборники статей в формате Трудов Государственного Эрмитажа (Содержание материалов, 2008; Петровское время... 2009; 2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2015).

На конференциях за эти годы выступили специалисты из музеев и научных учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, Саратова, Казани, Челябинска, Петрозаводска, Новосибирска и других городов Российской Федерации. Выступали специалисты из-за рубежа – из Парижа и Таллина. За годы работы конференции сформировался круг постоянных авторов, он постоянно пополняется новыми исследователями.

На конференциях выработались основные тематические направления. В докладах рассматриваются различные сферы деятельности Петра I и А.Д. Меншикова. Исходя

из темы конференций, анализируются персоналии петровского времени, в число которых входят как выдающиеся деятели, «птенцы гнезда Петрова», так и представители других социальных слоев: художников и архитекторов, русских и иностранных специалистов, солдат и моряков и др. Судьбы людей анализируются на широком историческом фоне, в тесной связи с событиями эпохи.

В тематике конференций нашла отражение музейная направленность, закономерная для Эрмитажа. Персоналии рассматриваются в связи с портретной живописью, мемориальными предметами в собраниях музеев, историей коллекций петровского времени. Судьбы людей петровской эпохи изучаются в контексте культуры петровского времени, что позволяет раскрыть новые грани их личностей. На конференциях были прочитаны доклады, в которых рассматриваются вопросы повседневной жизни, личных вкусов и пристрастий, интересов к искусству известных политических деятелей и полководцев.

Таким образом, материалы конференции «Петровское время в лицах» с 1998 г. по настоящее время представляют собой яркую и разнообразную картину эпохи реформ через судьбы конкретных людей, позволяют реконструировать русское общество времени, «когда Россия молодая... мужала с гением Петра».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Первый Кадетский корпус... 2007а – Первый Кадетский корпус во Дворце

Меншикова. К 275-летию основания. Каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб., 2007.

Первый Кадетский корпус... 2007б – Первый Кадетский корпус во Дворце Меншикова. К 275-летию основания. Материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII). СПб., 2007.

Петровское время в лицах 2009а – Петровское время в лицах – 2009. К 300-летию Полтавской победы (1709–2009). Материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLVII). СПб., 2009.

Петровское время в лицах 2009б – Петровское время в лицах – 2010. К 300-летию Дворца Меншикова. (1710–2010). Материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. Т. LI). СПб., 2009.

Петровское время в лицах 2011 – Петровское время в лицах – 2011. К 30-летию отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011). Материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. Т. LVIII). СПб., 2011.

Петровское время в лицах 2012 – Петровское время в лицах – 2012. К 280-летию первого Кадетского корпуса (1732–2012). Материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLVII). СПб., 2012.

Петровское время в лицах 2013 – Петровское время в лицах – 2013. К 400-летию Дома Романовых (1613–2013). Материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXX). СПб., 2013.

Петровское время в лицах 2014 – Петровское время в лицах – 2014. К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014). Материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXIII). СПб., 2014.

Петровское время в лицах 2015 – Петровское время в лицах – 2015. Матери-

алы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXVIII). СПб., 2015.

Проблемы русской культуры... 2001 – Проблемы русской культуры XVIII века. Конференция памяти Н.В. Калязиной. Краткое содержание докладов / Государственный Эрмитаж. СПб., 2001.

Русская культура... 1992 – Русская культура первой трети XVIII века. Дворец Меншикова. Сборник научных трудов / Государственный Эрмитаж. СПб., 1992.

Русское просветительство... 1997 – Русское просветительство конца XVII – XVIII века в контексте европейской культуры: Тезисы докладов научной конференции / Государственный Эрмитаж. СПб., 1997.

Содержание материалов... 2008 – Содержание материалов научных конференций «Петровское время в лицах». 1998–2007 // Петровское время в лицах – 2008. К 10-летию конференции «Петровское время в лицах». (1998–2008). (Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIII). СПб., 2008. С. 284–291.

REFERENCES

Pervyy Kadetskiy korpus vo Dvortse Menshikova. K 275-letiyu osnovaniya. Katalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh. Saint Petersburg, 2007a.

Pervyy Kadetskiy korpus vo Dvortse Menshikova. K 275-letiyu osnovaniya. Materialy nauchnoy konferentsii (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. XXXVII). Saint Petersburg, 2007b.

Petrovskoe vremya v litsakh – 2009. K 300-letiyu Poltavskoy pobedy (1709–2009). Materialy nauchnoy konferentsii (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. XLVII). Saint Petersburg, 2009.

Petrovskoe vremya v litsakh – 2010. K 300-letiyu Dvortsa Menshikova. (1710–2010). Materialy nauchnoy konferentsii (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. LI). Saint Petersburg, 2009.

Petrovskoe vremya v litsakh – 2011. K 30-letiyu otдела Gosudarstvennogo Ermitazha «Dvorets Menshikova» (1981–2011). Materialy nauchnoy konferentsii (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. LVIII). Saint Petersburg, 2011.

Petrovskoe vremya v litsakh – 2012. K 280-letiyu pervogo Kadetskogo korpusa (1732–2012). Materialy nauchnoy konferentsii (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. XLVII). Saint Petersburg, 2012.

Petrovskoe vremya v litsakh – 2013. K 400-letiyu Doma Romanovykh (1613–2013). Materialy nauchnoy konferentsii (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. LXX). Saint Petersburg, 2013.

Petrovskoe vremya v litsakh – 2014. K 300-letiyu pobedy pri Gangute (1714–2014). Materialy nauchnoy konferentsii (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. LXXIII). Saint Petersburg, 2014.

Petrovskoe vremya v litsakh – 2015. Materialy nauchnoy konferentsii (Trudy Gosudarstven-

nogo Ermitazha. Vol. LXXVIII). Saint Petersburg, 2015.

Problemy russkoy kul'tury XVIII veka. Konferentsiya pamyati N.V. Kalyazinoy. Kratkoe sodержanie dokladov Gosudarstvennyy Ermitazh. Saint Petersburg, 2001.

Russkaya kul'tura pervoy treti XVIII veka. Dvorets Menshikova. Sbornik nauchnykh trudov Gosudarstvennyy Ermitazh. Saint Petersburg, 1992.

Russkoe prosvetitel'stvo kontsa XVII – XVIII veka v kontekste evropeyskoy kul'tury: Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii. Gosudarstvennyy Ermitazh. Saint Petersburg, 1997.

Soderzhanie materialov nauchnykh konferentsiy «Petrovskoe vremya v litsakh». 1998–2007. *Petrovskoe vremya v litsakh – 2008. K 10-letiyu konferentsii «Petrovskoe vremya v litsakh» (1998–2008)* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XLIII). Saint Petersburg, 2008. P. 284–291.

Н.М. Сперанская, А.А. Златопольская

«ВОЛЬТЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2015: ВОЛЬТЕР, РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО»

(Российская национальная библиотека, 05–06.11.2015)

5–6 ноября 2015 г. в РНБ прошла ежегодная международная конференция «Вольтеровские чтения». Инициированная Н.А. Копаневым (1957–2013), основателем Центра изучения эпохи Просвещения на базе Библиотеки Вольтера, конференция этого года, одиннадцатая по счету, была проведена в рамках программы Года литературы.

Несмотря на изученность темы, перед любознательными слушателями и зрителями снова развернулись все грани дарования фернейского патриарха — поэта, драматурга, историка и философа, свойственного фернейскому патриарху. Конференция впервые проходила на двух площадках — в старом и новом здании РНБ — и включала обширную культурную программу.

Небольшой зал Библиотеки Вольтера едва смог вместить всех желающих посетить экскурсию по выставке «Русские имена в Библиотеке Вольтера». Редкие исторические

и литературные документы иллюстрируют связи фернейского долгожителя с Россией. Так, книга с экслибрисом А.Д. Кантемира, умершего в 1744 г., соседствует здесь с «Посланием к Нинон де Ланкло» А.П. Шувалова, в том же году родившегося. Ему же, молодому графу Шувалову, которого часто путают с другим корреспондентом Вольтера, меценатом И.И. Шуваловым, принадлежит французская «Ода на смерть Ломоносова», сохранившаяся в единственном экземпляре. Выставка «Все жанры хороши, кроме скучного», расположившаяся в здании на Московском проспекте, рассказывала об истории вольтеровских постановок в России (а заодно представляла фотоработы А. Бисинбаева и С. Спиридонова с недавней постановки оперы «Горе-богатырь Косометович» на либретто Екатерины II и А.В. Храповицкого).

Традиционно сопровождающее Вольтеровские чтения выступление ансамбля «Солисты Екатерины» под руководством А.Ю. Решетина было дополнено в этом году опытами Д.В. Ведерникова (ГМЗ

«Петергоф») в области реконструкции аутентичного чтения русской и французской поэзии XVIII в.

Большая часть сообщений касалась, как и следовало ожидать, рецепции Вольтера в России. Материальному ее аспекту был посвящен доклад В.А. Сомова о том, как поставлялись в Россию сочинения Вольтера и как здесь знакомились с его перепиской с Екатериной II (детективная история об изъятии неугодных императрице мест из издания, напечатанного «господином Фигаро» — так Екатерина II называла Бомарше — была исследована Кристофом Пайяром, членом редколлегии ПСС Вольтера, который для этой конференции подготовил другой сюжет, связанный с театральными заботами драматурга).

Малоисследованную тему восприятия религиозных взглядов Вольтера в русской философской мысли затронула А.А. Златопольская. Об идеологических приключениях вольтеровского наследия — в отношениях с властями и цензурой и в спорах о языке эпохи Наполеоновских войн — говорили П.Р. Заборов и С.В. Власов. Н.М. Сперанская представила находки из московских архивов — копии вольтеровских маргиналий, сделанные в XVIII в., неподцензурные переводы XIX и неожиданную попытку Николая Гумилева около 1919 г. отредактировать старый перевод трагедии «Заира».

Литературоведческие штудии — «Ф.М. Клингер и Вольтер» и даже исследование влияния маркиза де Сада на «Воскресение» Толсто-

го — представили И.Н. Лагутина и В.Д. Алташина.

Не остались забыты и «темные архивы истории», куда, как помнят все читавшие Пушкина, Вольтер первым «внес светильник философии»: С.А. Мезин сравнил «Достопамятные повествования» А.А. Нартова с «Анекдотами о царе Петре Великом» (напомним, что этот текст Вольтера, немало смутивший русский двор при своем появлении в 1748 г., был переведен на русский язык тем же С.А. Мезиным, только в 2001 г.).

Наблюдения над восприятием Вольтера в России были сделаны российскими исследователями. Но двойным отражением русских мотивов стали заметки специалистов из Института и Музея Вольтера в Женеве. Флавио Борда д'Агуа поставил под вопрос принадлежность к сатирическому жанру поэмы «Русский в Париже» (подписанной греко-русским псевдонимом Ivan Alethof, сиречь Иван Правдоруб). А Франсуа Жакоб, директор института и по совместительству режиссер-постановщик спектакля, завершившего конференцию, представил блестящий анализ романа В. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки». Французские читатели смогли познакомиться с романом почти сразу после его выхода на русском языке, в 2005 г. «Кулинарное» название французской версии — «À la Voltaire» — свидетельствует о трудности перевода на язык Декарта фантазмагории русского прозаика. И тем не менее читатели и оригинальной, и переводной версии ставятся не только

**А.А. Крих, С.А. Мулина,
Ю.А. Сорокин, Н.Г. Суворова**

«АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ» — 10 ЛЕТ СПУСТЯ

24–26 октября 2015 г. в г. Омске состоялась Международная научная конференция «Азиатская Россия: люди и структуры империи», посвященная 60-летию профессора А.В. Ремнева. Научные задачи конференции заключались в обсуждении проблем имперской истории, ее теоретико-методологического инструментария, современного состояния и перспектив развития в изменившихся политических условиях, новых условиях развития исторической науки. Привлечение внимания научного сообщества к значимости и плодотворности региональных исследований, возможности их сочетания с национальным и институциональным подходами, предполагало обращение к вкладу профессора А.В. Ремнева в современные отечественные и зарубежные исследования по имперской тематике, исторической регионалистике и сибиреведению. Научное творчество профессора

А.В. Ремнева было посвящено проблемам имперского строительства на азиатских окраинах, предложенные им концепции имперской географии власти, ментального конструирования сибирского пространства, дискурсивных практик постколониальной теории динамично развиваются в современной гуманитаристике не только как самостоятельные направления сибиреведения, но и в целом новой имперской истории. Достижения ученого нашли отражение в многочисленных публикациях и получили высокую оценку современных исследователей. Участникам конференции предлагалось поделиться результатами своих исследований, а также впечатлениями о сотрудничестве, посвятить коллег в секреты научной мастерской историка.

Организаторы конференции, определяя характер мероприятия и круг участников, ориентировались на весьма скромный, к сожалению, «юбилейный опыт» А.В. Ремнева, которого он коснулся в интервью «О профессиональном сообществе... в тематическом научном пространстве» в 2010 г. («О профес-

© Коллектив авторов, 2016.

¹ Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания вузам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект № 2619.

сиональном сообществе...» 2015). Размышляя о проблемах институционализации научного сообщества, в том числе в провинциальных городах, современных ценностях науки, коммуникациях в ней, он сослался на собственный опыт создания «сборника “памяти себя”» в 2005 г. (Азиатская Россия 2005). Главная проблема научного сборника: «Как он должен выглядеть, кого я туда позову», была решена приглашением друзей, т.е. людей, с которыми он общался профессионально, «в особом интересном проблемном поле». Понятные сложности научного творчества коллег: «Они долго откладывали написание статей, говорили, что им абсолютно некогда. Приходилось напоминать, просить и даже угрожать — забуду и вычеркну адрес из записной книжки...» — были решительно преодолены юбилеем. В результате сборник «Азиатская Россия: люди и структуры империи» получил высокую оценку коллег по профессиональному цеху, хотя и отмечались недостатки, в частности отсутствие введения, которое справедливо ставилось в вину редактору этого издания (Bailey 2007). Подводя итоги этому своему юбилейному изданию, А.В. Ремнев отметил, что «логика и структура сборника понятна, но нужно было более четко прописать саму идею, как этот сборник выстроен, по каким принципам, а не просто собрали вместе разные статьи под одной обложкой».

Другое напутствие юбиляра было связано с его суждениями о провинциальных конференциях: «Мне абсолютно не нравится то, что происходит в Омске в конференциальном

движении. Есть два типа: один я называю “мероприятием”. Это большие залы, куда собирают студентов и курсантов военных училищ, проводят пленарные заседания, выступают певцы и танцоры, издают объемные и даже многотомные тезисы. Может быть, про нее покажут по телевизору. Это вызывает во мне чаще всего нежелание участвовать в них. Другой вид — это конференция типа научного семинара <...> с ограниченным и тщательно подобранным составом участников, предварительным ознакомлением с текстами (но без опубликованных тезисов!), презентациями на самом совещании и обязательным наличием так называемых “дискуссантов”. Впрочем, организация такой работы — дело трудоемкое и недешевое, но весьма продуктивное. Это другой формат, другая организация. Организаторы ищут людей, заранее приглашают, договариваются. На них больше 20 человек не собирается. Проведение таких конференций не является самоцелью. Как правило, это часть большого проекта. Проведение конференции ради конференции для меня мало интересно».

Учитывая мнение А.В. Ремнева, его ученики и коллеги решили подготовить сборник научных статей, предварительно собрав в Омске его участников. Изначально планировался действительно узкий круг участников, связанных с А.В. Ремневым общими проектами, в частности международным семинаром «Империя и регион: российский вариант», который проходил в Омске в 1999 г., мастерской «Власть и общество в политическом

и этноконфессиональном пространстве России: история и современность» (Санкт-Петербург, 2000), уже упоминаемым юбилейным сборником 2005 г. и др. Реализовать этот замысел «тесного круга» организаторам по многим причинам (и далеко не только научным) не удалось, но и в формальное юбилейное «мероприятие» конференция не превратилась. Ученых, которые работали с А.В. Ремневым на общем «имперском» поле, которые признают его своим учителем и наставником, другом, оказалось значительно больше. Перешагнув масштабы «рабочего семинара», конференции всё же удалось стать эффективной площадкой научного диалога, и, что не менее важно, сохранить теплоту личного общения.

Организаторами конференции выступили Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, международный научный журнал «Ab Imperio», Генеральное консульство Республики Польша в г. Иркутске. Соорганизаторами конференции стали Омская государственная областная научная библиотека им. А.С. Пушкина, Исторический архив Омской области, Омский филиал Российского фонда культуры, Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. Конференция прошла при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-14057).

Для участия в конференции подали заявки и направили тезисы докладов около 70 авторов из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Оренбурга, Челябинска, Новосибирска, Екатеринбурга, Иркутска, Барнаула, Тюмени, Тобольска, Сургута, Якутска из ведущих университетских и академических центров РФ и РК (Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, Казахстанский национальный университет им. аль-Фараби), Польши (Университет Адама Мицкевича). На конференции были представлены крупные научные центры России: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт российской истории РАН, Европейский университет г. Санкт-Петербурга, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Институт истории Сибирского отделения РАН, Казанский федеральный университет, государственные университеты Новосибирска, Томска, Барнаула, Иркутска, Тюмени, Сургута, государственный нефтегазовый университет (г. Тюмень), филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Челябинск); Оренбургский государственный педагогический университет и многие другие.

Открытие конференции и пленарное заседание проходило в Музее книги Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина. При регистрации участникам конференции были вручены ценные издания от соорганизатора конференции Тюменского регионального общественного бла-

готворительного фонда «Возрождение Тобольска» и его председателя А.Г. Елфимова. К открытию конференции была издана и вручена участникам конференции монография А.В. Ремнева «Сибирь в имперской географии власти XIX — начала XX века» (Ремнев 2015). В основу этой книги были положены две монографии, посвященные административной политике самодержавия в отношении Сибири, вышедшие в 1995 и 1997 гг. (Ремнев 1995; 1997).

В ходе пленарного заседания с докладами выступили авторитетные ученые, много лет изучавшие различные аспекты заявленной темы, известные общественно-политические деятели. Модератором заседания выступила Т.Б. Смирнова, доктор исторических наук, проректор по учебной работе ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Участников и гостей конференции приветствовал председатель оргкомитета, ректор Омского государственного университета, доктор исторических наук А.В. Якуб.

С содержательным докладом на тему «Азиатское пространство Российской империи в экономическом, этническом, социальном и политическом измерениях» выступил губернатор Омской области (1991–2012 гг.), президент регионального общественного фонда «Духовное наследие», почетный профессор Омского государственного университета Л.К. Полежаев. А.В. Ремнев продолжительный период времени сотрудничал с экс-губернатором, прежде всего в рамках крупных издательских и общественных про-

ектов. Богатый административный и личный опыт докладчика позволил ему представить свое видение ключевых проблем формирующегося сибирского окраинного пространства в широких хронологических рамках.

Доклады Л.Е. Горизонтова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва) и Ю.А. Сорокина (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) были посвящены научному творчеству А.В. Ремнева, его месту в отечественной историографии. При этом профессор Л.Е. Горизонтов сосредоточился на проблематике исследований Ремнева, новаторской и пионерской, а Ю.А. Сорокин попытался увязать профессиональные качества историка А.В. Ремнева с особенностями регионального, именно сибирского историописания.

Всегда актуальным для отечественной исторической науки является многоаспектный комплекс отношений между государством и церковью в России. Инварианту этих отношений в Сибири посвятила свой доклад профессор Н.П. Матханова (Институт истории СО РАН, г. Новосибирск). Используя значительный корпус источников, она сообщила о конфликтах, контактах и компромиссах между сибирскими губернаторами и епископами в XIX в. Профессор Л.М. Дамешек (Иркутский государственный университет) прочитал яркий доклад на тему «Сибирский вариант инкорпорации аборигенов в империю: соотношение методов». В докладе были охарактеризованы методы интеграции, их соотношение

на различных этапах сибирской истории, предложен сравнительный анализ аграрной политики самодержавия в отношении народов Сибири, Башкирии, Казахстана, Туркестана. Вывод о сословной неполноправности инородческого населения Сибири в отношении землепользования подтверждался статистическим материалом. Профессор Ж.А. Ермекбай (Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова) сосредоточился на трудах А.В. Ремнева по истории Казахстана. Докладчик смог показать значительность вклада ученого в исследование казахстанской истории, многие его дерзкие для своего времени, но ставшие уже привычными сегодня положения и выводы. К их числу Ж.А. Ермекбай отнес тезис о том, что граница Российской империи в принципе не могла проходить по степи, но лишь по границам центральноазиатских горных систем. Профессор А.Г. Еманов (Тюменский государственный университет), однокурсник А.В. Ремнева, рассказал о своих контактах с Анатолием Викторовичем, продолжительных беседах с ним, которые в том числе касались сравнительной империологии, новых векторов в ее развитии.

Профессор И.В. Побережников (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН) рассмотрел действие региональных акторов на российскую модель имперской модернизации. При этом автор уделил пристальное внимание именно компаративному измерению модернизации Российской империи. Видный сибирский этнограф, долгие годы поддерживающий плодот-

ворные контакты с А.В. Ремневым, профессор Н.А. Томилов (Омский филиал Института Сибирского отделения РАН) сообщил о результатах интеграционных процессов в исторических общностях современного мира.

Содержательные доклады не только вызвали живой интерес у слушателей, но и спровоцировали их на многочисленные вопросы. Обсуждение актуальных и существенных научных проблем, затронутых в докладах, продолжилось на секционных заседаниях. Таким образом, пленарное заседание задало тон работе всей научной конференции, определило ее высокую интеллектуальную планку.

В ходе работы первой секции «Вокруг империи: в поисках новых исторических нарративов» было заслушано 10 докладов, посвященных различным колониальным и антиколониальным стратегиям российского государства. Секцией руководили доктор исторических наук, профессор Д.А. Аманжолова (Институт российской истории РАН) и старший научный сотрудник кандидат исторических наук В. М. Рынков (Институт истории Сибирского отделения РАН). Особенностью докладов, представленных в первой секции, являлось внимание к проблемам терминологии и методологическому инструментарию, используемому в империологических исследованиях, к вопросам преемственности российской имперской политики и национальных проектов Советской России, сравнения имперских методов управления в различных империях.

В докладе заведующего сектором Отдела стран СНГ Института востоковедения РАН кандидата исторических наук В. О. Бобровникова был поставлен вопрос о корнях инородческой политики Российской империи и ее параллелях в других европейских и мусульманских державах эпохи колониальных империй. Основное внимание исследователь уделил сравнению имперской политики Франции в Алжире и России на Кавказе и соотношению различных категорий «неполноценных» мусульманских подданных Российской и Французской империй, сконструированных усилиями военных, законодателей и администраторов. Автор отметил, что трансферы являлись привычной практикой имперских государств. Истоки военно-народного управления, сложившегося на Российском Кавказе, следует искать в Османской империи, а итоги работы Первого Сибирского комитета можно обнаружить не только за Уралом, но и в других регионах Российской империи, в том числе на Кавказе. Особый интерес участников конференции вызвал вопрос об участии ученых в дискуссиях об инородцах и моделях туземного управления. В ходе дискуссии были обозначены следующие проблемы: почему возникают трансферы, была ли известна французская колониальная литература в России, сравнивали ли российские эксперты российский опыт с практикой других империй? В.О. Бобровников продемонстрировал, как осуществлялся трансфер моделей колониальных реформ через ученых, публицистов, дипломатов, военных, подтвердив тезис профессора А.В. Ремнева, что наука

не только служила империи, но и создавала особое интеллектуальное пространство.

Проблема интерпретации советскими учеными сибирской истории XVII столетия через концепт империи была поставлена в докладе научного сотрудника Института истории СО РАН кандидата исторических наук И.Р. Соколовского. Обобщив примеры использования терминов с корнем «импер-», автор вышел на проблему соответствия языка описания историческим реалиям XVII в. и социально-политическим условиям, в которых формировалась школа изучения Сибири в первые десятилетия советской власти.

Возможности постколониальных теорий в имперских исследованиях представляет доклад профессора Познанского университета Адама Мицкевича И.О. Пешкова. Автор подчеркнул, что новая постколониальная перспектива в гуманитарных дисциплинах является определенным вызовом для исследователей Внутренней Азии, реакция на который требует взвешенной оценки эффективности нового научного словаря для исследования колониальных практик. В своем докладе И.О. Пешков применил постколониальный дискурс для изучения колониальных практик Цинского правительства, а именно: влияния системы управления китайско-российской границей на цинскую политику по отношению к северовостоку империи. В этой перспективе появляется возможность одновременного анализа практик включения монголов в маньчжурскую систему управления и политики

превращения монгольских земель в колонию Китая с особым статусом. В ходе дискуссии были обозначены вопросы релевантности новых подходов, применимости теоретических схем, рожденных западным опытом, к характеристике восточных обществ.

Часть докладов была посвящена описанию и интерпретации отдельных (локальных) примеров российской имперской политики. Так, старший научный сотрудник Института истории РАН кандидат исторических наук В.М. Рынков проанализировал имперские экономические практики, сложившиеся в годы Первой мировой войны под влиянием военной мобилизации экономики. Одним из инструментов воздействия центра на регионы (а докладчик рассматривал прежде всего Сибирь), стала ценовая дискриминация, в результате которой сибирский крестьянин получал от продажи масла и других сельскохозяйственных продуктов меньший доход, чем крестьянин Европейской России. Подобные методы управления, опробованные в начале XX в., нашли свое продолжение в первое десятилетие советской власти, когда экономика периферии была полностью подчинена имперским целям.

Доклад профессора Института истории РАН доктора исторических наук Д.А. Аманжоловой был посвящен процессу формирования советской этнобюрократии в 1920-х гг. Большевизация национальных кадров происходила одновременно со становлением советской политической системы и была ее непременным

условием. Укрепляя власть, большевики активно и целенаправленно искали и апробировали разные средства, прежде всего выявление и привлечение лояльных представителей коренного населения, а также включение в них испытанных партийной историей деятелей, хотя бы минимально знакомых с этнокультурной спецификой региона. Докладчик отметил, что во всех республиках наиболее сложными для большевизации управленцев-националов и советского государственного строительства оказались проблемы взаимодействия присланных из Москвы руководителей с традиционной элитой и интеллигенцией, влиявших на местное чиновничество, на характер и смысл реализуемых центром проектов преобразований. Особую роль в становлении системы и кадров управления играли не только вовлекавшиеся поначалу в органы власти лояльные представители бывших национальных партий и движений (так называемые националистические буржуазные элементы), но и основанные на многовековой социальной иерархии внутриэтнические противоречия. В процессе обсуждения участники секции согласились с мнением докладчика, что трансформация казахской элиты произошла в 1920-х гг., именно в это время она стала частью вертикали советской власти, а использование в это же время казахской интеллигенции в деле советизации Монголии имело под собой внешнеполитическую подоплеку.

Широкое освещение в докладах, представленных на секции, получила проблема воображения и понимания азиатских пространств России.

Так, советская визуальность и ислам стали объектом внимания профессора компании ТАИФ по истории исламских народов в составе России Европейского университета в Санкт-Петербурге кандидата исторических наук А.К. Бустанова. В презентации были представлены фотографии советских мусульман послевоенного периода, демонстрирующие симбиоз исламских и советских практик. Докладчик отметил, что существуют как минимум две опции для обсуждения значимости подобных фотодокументов: 1) читать их как текст, т.е. пытаться интерпретировать то, что непосредственно изображено на каждом из снимков и их совокупности; 2) погрузиться в культуру фотографии: что, кем и как должно было изображаться, какого эффекта хотел добиться фотограф, каков язык общения фотографии с аудиторией. Второй аспект и стал основным и в докладе автора, и в обсуждении участников секции. Присутствовало ли намеренное стремление фотографа самоориентализироваться, представить себя и мир вокруг себя частью экзотического Востока, можно ли говорить о внутренней потребности показать свою близость к центру и что на представленных фотографиях проявилось в большей степени — советизация или адаптация ислама.

Иному аспекту репрезентации и моделирования Востока был посвящен доклад руководителя лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета доктора социологических наук К.В. Григоричева. Этнические рынки автор рассматривал как место встречи

культуры сибирских городов и мира Азии, где происходит конструирование «Востока» и освоение этого «воображенного» пространства. В этом процессе происходит встреча с некогда утраченной имперской периферией, отчасти узнаваемой, отчасти конструируемой в соответствии с текущими потребностями. Вызывает интерес замечание автора о том, что способы и характер организации «китайского» рынка обеспечивают органичное совмещение в его рамках столь разных «востоков»: Северо-Восточной Азии, постсоветской Центральной Азии, Кавказа и Закавказья, которые, как отдельные ряды на рынке, оказываются не самостоятельными пространствами, а лишь элементами более масштабной конструкции. Автор подчеркнул перспективность исследования этнических рынков, которые могут рассматриваться также как фактор миграционных процессов, элемент этнизации городского пространства и своеобразный адаптационный механизм для мигрантов.

Доклад старшего научного сотрудника Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского кандидата исторических наук С.А. Мулиной был посвящен формированию образа Сибири в межвоенной Польше. Подчеркивая живучесть в польском сознании «черной легенды» Сибири, сложившейся под влиянием масштабной польской ссылки XIX столетия, автор объясняет, почему восстановление польского независимого государства и гибель Российской империи не избавили поляков от «сибирского комплекса», а только укрепили

шляхетские традиции в восприятии Сибири как места изгнания, страдания, смерти. В ходе обсуждения были заданы вопросы о влиянии депортаций польского населения в 1930–1940-х гг. на образ Сибири и трансформации образа коренных народов Сибири в польском общественном сознании.

В докладе омских этнологов И.А. Селезневой (Сибирский филиал Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева) и А.Г. Селезнева (омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН) «В поисках новой мифологии истории: новые региональные движения в Сибири» были подняты проблемы развития новых сакральных пространств, оказывающих заметное влияние на культурный ландшафт современной России, на примере сакрального центра в районе деревни Окунево Муромцевского района Омской области. Были рассмотрены археологический фактор как основа хронотопа сакрального комплекса, новые нарративы и причудливое мифологическое осмысление исторического процесса, взаимовлияние сакрального центра и медиапространства. Проанализированы идеология и мифология истории, характерная для разнообразных новых религиозных движений, получивших развитие в рамках Окуневского сакрального центра.

На второй секции «Азиатское пространство Российской империи в экономическом, этническом и социальном измерениях», проходившей 24 октября в Центре кра-

еведческой информации Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина, было заслушано семь докладов. Секцию возглавляли профессор, доктор исторических наук В.И. Дятлов (Иркутский государственный университет) и ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук А.Ю. Конев (Тюменский государственный нефтегазовый университет).

Началась работа секции с доклада А.Ю. Конева (ТГНУ) «Народы Сибири в социально-правовом измерении империи (XVII – начало XX века): современные подходы к изучению», в котором раскрывались тенденции изучения отечественными и зарубежными историками политики империи в отношении индигенных народов Сибири с момента вхождения региона в состав Русского государства и до начала XX в.

Доклад сопровождался презентацией, иллюстрирующей институциональный аспект зарубежных исследований темы положения сибирских народов в составе Российской империи, и был разделен на тематические части, посвященные: а) терминологии, посредством которой империя описывала и классифицировала коренных обитателей Сибири; б) способам, институтам и инструментам интеграции индигенных народов в состав России; в) конфессиональному и этническому/этнополитическому аспектам и сословной парадигме в политике и практике империи на восточных окраинах. В заключение делался вывод о предопределенности

перехода к проблемам сословной стратификации российского общества периода империи в постсоветской историографии.

Доклад М.О. Акишина (НГУ) «Ямышевское озеро в приграничных отношениях России и Джунгарии в XVII веке» продолжил тему межэтнических взаимоотношений в Сибири, перенеся проблему добычи соли на Ямышевском озере в плоскость международных российско-джунгарских отношений. На основе опубликованных архивных материалов были рассмотрены хронология и формы взаимодействия российских и джунгарских военных отрядов, дана характеристика договорного процесса между Россией и Джунгарией. В конце сообщения М.О. Акишиным был сделан вывод о том, что сибирские территории присоединялись к России международно-правовым способом.

Тема статуса сибирских инородцев была проанализирована в докладе С.Н. Корусенко (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) «Татары Сибири в источниках XVII–XX веков: этносословные штудии», в котором раскрывалась динамика этносоциальной идентификации таких групп тюркоязычного населения, как бухарцы, служилые и ясашные татары. На архивных материалах XX в. был продемонстрирован процесс перевода этносословных категорий в национальную терминологию, а на основе полевых этнографических материалов дана характеристика многоуровневого этнического самосознания сибирских татар. Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, доктор истори-

ческих наук С.Н. Абашин выступил с докладом «Собственность и налоги “туземного” населения Туркестанского края», в котором на основе архивных и полевых этнографических материалов была показана сложная экономическая игра, разворачивающаяся между представителями имперской власти и аборигенным населением вокруг формы и объема взимаемого налога, уплата которого воспринималась бы обеими сторонами как проявление верноподданнических чувств и лояльности к империи.

В сообщении профессора В.И. Дятлова (Иркутский государственный университет) рассматривалась специфика вербализации оценки миграционной ситуации на Дальнем Востоке имперскими властями и различными кругами российского общества. Докладчик охарактеризовал специфику массовых трансграничных трудовых миграций из Китая, Кореи и, в меньшей степени, из Японии, не организованных властями Российской империи. Осознание полной зависимости от труда мигрантов властями и населением региона активно переживалось и обсуждалось, что привело к выработке отношения к мигрантам, а также стереотипов как механизмов регулирования взаимоотношений с ними. Основным эпитетом в адрес трансграничных мигрантов становится термин «желтый». Особо подчеркивалось в докладе, что азиатские подданные империи, например буряты или якуты, в категориях «желтые» не идентифицировались. Наблюдая за вариативностью употребления в источниках термина

«желтый», В.И. Дятлов пришел к выводу о признании российским обществом нечеловеческой или недочеловеческой природы «желтых», что являлось естественной и необходимой предпосылкой демонизации «чужого», превращения реального или потенциального противника в смертельного врага.

На основе анализа позднеимперских текстов было построено и выступление А.А. Крих (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского), посвященное этносословной риторике в прошениях о переселении в Сибирь. Акцент был сделан на анализе прошений, поступивших в Переселенческое управление от некрестьянских социальных групп (мещан, разночинцев, почетных граждан и др.), которые в силу сословного характера переселенческого законодательства, не могли воспользоваться тем порядком переселения, который предусматривался для крестьян. Несмотря на преобладание сословной терминологии в рассматриваемом виде источников, этнические маркеры использовались просителями для создания собственного привлекательного образа в качестве колонизаторов Сибири.

Тема образов была продолжена в докладе М.Л. Бережновой (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) «Сибиряки и поморы: идентичность как наследие предков?». Обратившись к идее А.В. Ремнева о ментальном освоении сибирского пространства и построении на его основе региональной идентичности, М.Л. Бережнова констатировала типичность подобных процессов для других колонизируемых окраин России, таких

как Поморье или Урал. Географическое «расширение» территории Поморья, смещение границы далее на юг и восток, привело к тому, что поморами стали называть себя жители далеко расположенных от Белого моря населенных пунктов. Подчеркивалась схожесть проблем применения терминов «поморы» и «сибиряки»: употреблять ли их в узком значении, т.е. применительно к русскому населению, или же включать в границы терминов индигенное население Сибири и Поморья.

По окончании выступлений докладчиков развернулась интенсивная и плодотворная дискуссия, начатая профессором Иркутского государственного университета, доктором исторических наук Л.М. Дамешком с проблемы инкорпорации инородцев в состав Российского государства. Было отмечено, что подобная проблема стояла и перед другими государствами, расширяющими свои территории в XVI–XIX вв., в связи с чем представляется невозможным разделить понятия «колонизация» и «завоевание». Однако применительно к Сибири был подобран наиболее удачный термин «присоединение», который проводит четкое различие между процессами колонизации Сибири и Северной Америки. Принципиальная разница заключалась в том, по мнению Л.М. Дамешка, что в результате русского продвижения в Сибирь аборигены превращались в подданных российской монархии. Признаком подданства являлась выплата аборигенным населением налогов в российскую казну. Продолжая развивать идеи, высказанные

в своем докладе, А.Ю. Конев заметил, что инородцы — это не столько сословие, сколько особый разряд населения («состояние»), состоявший из множества сословных групп. Причина сословного разнообразия инородцев кроется в специфике адаптации социальных структур присоединяемого к России населения. Несмотря на декларируемость (и даже желательность) унификационных процессов в империи, Российская империя расширялась не только географически, но и социально, создавая для интегрируемого населения новые сословные группы.

Свою точку зрения на сущность понятия «инородцы» высказал ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета доктор исторических наук, кандидат юридических наук М.О. Акишин, который заявил о том, что «иноземцы» — это правовое понятие, означающее прямое холопство — подданство московскому царю, а ранее прозвучавшие термины — «иноземцы» и «иноверцы», — есть не что иное, как рецепция римского права: термин «иноземцы» является калькой с латинского слова «пилигримы», а слово «иноверцы» скопировано с термина «инославие». М.О. Акишин, позиционируя себя как юриста, выступил с жесткой критикой исторического подхода к описанию правовых понятий, отмечая пренебрежение историков в отношении разработанной и четко аргументированной правовой терминологии.

Другим острым вопросом стала коннотация термина «желтый». М.Л. Бережнова отметила, что в Западной Сибири данный эпитет, употребляемый как часть сложного слова (например «челдон желторотый»), не имел расового подтекста. В.И. Дятлов выступил против деления авторов текстов, содержащих эпитет «желтый», на приезжих и местных, не видя прямой зависимости в трансляции «желтой угрозы» от места рождения транслятора. Не рассматривает В.И. Дятлов и русско-китайскую войну в качестве поворотного момента в кристаллизации «желтой угрозы», отмечая, что события в Благовещенске, в результате которых погибло 5 тыс. человек, не имели такого сильного резонанса в России, как погром в г. Кишиневе, в котором погибло 5 человек. Продолжая свою мысль, В.И. Дятлов отмечал, что смыслы, которые стояли за словом «желтый» «плыли», менялись. Этнический взгляд на этот термин был более поздним, вероятно, связанным с модернизацией, в ходе которой, например, иудей становился евреем. В дореволюционных источниках слово «желтый» перенасыщено расовыми коннотациями. Сегодня же другой ракурс: китаефобия сохранилась и обществом осознается «китайская угроза», но она не описывается в позднеимперской терминологии «желтой опасности».

Третья секция конференции «Люди и институты империи» проходила 25 октября в стенах конференц-зала Центра изучения Гражданской войны. Работой этой секции руководили: доктор исторических наук, профессор Сергей Константинович

Лебедев (институт истории РАН, г. Санкт-Петербург) и кандидат исторических наук, доцент Егор Петрович Антонов (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск). Секция объединила более сорока участников и гостей конференции. Сотрудники Центра перед началом мероприятия провели для участников конференции обзорную экскурсию с кинолекторием. Гости конференции, занимающиеся изучением периода революции и Гражданской войны, получили возможность ознакомиться с информационными ресурсами Центра и поработать с его научной библиотекой. В рабочем порядке сотрудники Центра рассказали гостям об основных формах и результатах своей научной деятельности.

В рамках работы секции были объединены два взаимосвязанных направления имперских исследований: люди империи и институты империи. Понятие «люди империи» было раскрыто как на конкретных примерах администраторов разных уровней и ведомств, военачальников, идеологов и практиков империи, так и на примере социокультурных, профессиональных, сословных групп, находящихся на службе империи или формирующихся как ее оппозиция (имперские эксперты и их частный инвариант, аграрные эксперты; ученые и профессора, сибирские депутаты и казаки, ссыльные революционеры). Типизируя «людей империи», встраивая их взгляды и деятельность в пространство осваиваемой имперской окраины, ис-

следователи продемонстрировали плодотворность обращения к изучению механизмов и технологий сотрудничества властных институтов и представителей общества. Исследователи обсудили вопросы, связанные с ролью государственных, политических и общественных деятелей, чья жизнь была связана с азиатским пространством Российской империи. В отдельных докладах были освещены неизвестные факты биографий сибиряков, оставивших след в укреплении институтов российской государственности и освоении зауральских территорий в имперский период.

Наиболее широко с точки зрения исследовательских подходов (от учрежденческого и институционального до социокультурного и ментального), хронологического среза (включая XVIII – начало XX в.) и ведомственной принадлежности на секции были представлены имперские институты. Классический анализ нормативно-правовой базы высших, центральных, судебных и сельских органов управления с акцентом на окраинной, сибирской специфике, существенно дополнялся обращением к неформальным практикам, обусловленным в том числе социальными, сословными и региональными факторами.

Мемориальная составляющая конференции была реализована в проведении двух книжных выставок для участников, гостей конференции, а также преподавателей и студентов ОмГУ, организованных Омской государственной областной научной библиотекой им. А.С. Пушкина и научной библиотекой Омского

государственного университета им. Ф.М. Достоевского. На выставках были представлены научные и учебно-методические труды профессора А.В. Ремнева, энциклопедические и справочные издания, в которых он принимал участие как составитель, редактор и автор статей, редактируемые и рецензируемые им издания, авторефераты диссертаций, а также рецензии и публикации о его научной деятельности. В память о безвременно ушедшем ученом 26 октября 2015 г. во втором корпусе ОмГУ была открыта аудитория его имени. В аудитории предполагается создание библиотеки Лаборатории имперских исследований азиатских окраин России, основу которой составят работы А.В. Ремнева и его коллег по цеху.

На завершающем пленарном заседании руководители секций профессора Д.А. Аманжолова, В.И. Дятлов и С.К. Лебедев подвели итоги работы конференции, охарактеризовали общие результаты прошедшей встречи. Участники и гости конференции отметили, что имперская тематика исследований, представленная в докладах, востребована и отвечает современной историографической ситуации. Участники конференции отметили высокий научный уровень представленных докладов, высказали слова благодарности оргкомитету, учреждениям-организаторам и организациям, оказавшим финансовую поддержку данному мероприятию. Участники конференции высказали конкретные предложения и рекомендации, во-первых, по систематизации, описанию и введению в научный оборот материалов личного архи-

ва А.В. Ремнева, дальнейшей публикации его научного наследия, в том числе работ по истории Омска, Степного края, Казахстана; во-вторых, по продолжению имперских исследований Азиатской России, как в рамках новой лаборатории, так и периодических конференций по имперской тематике. По итогам работы конференции участники предоставили статьи для публикации в сборнике. Мы надеемся, что сборник, куда войдут полные тексты докладов, статьи участников конференции, воспоминания о профессоре А.В. Ремневе, его интервью и письма, позволит научному сообществу вновь обратиться к научному наследию знаменитого сибирского империолога, и продолжить обсуждение поставленных на конференции проблем и вопросов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

«О профессиональном сообществе...» 2015 — «О профессиональном сообществе... в тематическом научном странстве»: интервью с Анатолием Викторовичем Ремневым (29.04.2010) // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2015. № 4. С. 177–196.

Азиатская Россия 2005 — Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей, посвященных 50-летию профессора А.В. Ремнева. Омск, 2005.

Ремнев 1995 — Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. Омск, 1995.

Ремнев 1997 — Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX века. Омск, 1997.

Ремнев 2015 — Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX — на-

чала XX века: Монография / Под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015.

Bailey 2005 – Bailey S.C. [Рецензия] // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 454–458. (На англ. яз.; рец. на кн. : Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. ст. [к 50-летию со дня рождения А.В. Ремнева] / Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. 599 с.).

REFERENCES

«О professional'nom soobshchestve... v tematicheskoy nauchnoy prostranstve»: interv'yū s Anatoliem Viktorovichem Remnevym (29.04.2010). *Vestnik Omskogo universiteta*. Istoricheskie nauki. 2015. N 4. P. 177–196.

Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh

50-letiyu professora A.V. Remneva. Omsk, 2005.

Remnev A.V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika pervoy poloviny XIX v.* Omsk, 1995.

Remnev A.V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka*. Omsk, 1997.

Remnev A.V. *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX veka: Monografiya*. Pod red. N.G. Suvorovoy. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2015.

Bailey S.C. [Retsenziya]. *Ab Imperio*. 2007. N 2. P. 454–458. (rets. na kn. : Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii : sb. nauch. st. [k 50-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Remneva] / Om. gos. un-t im. F.M. Dostoevskogo. Omsk : Izd-vo OmGU, 2005. 599 s.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Dino Messina (Д. Мессина) – ведущий рубрики «Наша история» в старейшей итальянской газете *Corriere della sera* (Милан)

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (Москва)

Бобровников Владимир Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Москва)

Златопольская Алла Августовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» (Отдел редких книг РНБ) (Санкт-Петербург)

Зубко Ольга Евгеньевна – кандидат исторических наук, специалист Центра международных связей и деятельности Винницкого национального аграрного университета (Винница, Украина)

Кацва Леонид Александрович – учитель истории Московской гимназии на Юго-Западе № 1543 (Москва)

Крех Анна Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)

Крех Сергей Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)

Лукин Павел Владимирович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Медоваров Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Ниžний Новгород)

Метель Ольга Вадимовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)

Мулина Светлана Анатольевна – старший научный сотрудник в Научно-техническом отделе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)

Олейников Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Пчелов Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий

кафедрой вспомогательных и специальных исторических дисциплин факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Рыбалко Наталия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Волгоградского государственного университета (Волгоград)

Саверкина Ирина Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая сектором научно-экспозиционной работы отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Скаков Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН (Москва)

Сорокин Юрий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)

Сперанская Наталия Михайловна – кандидат филологических наук, заведующая Центром изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» (Отдел редких книг РНБ) (Санкт-Петербург)

Степанов Юрий Геннадиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» СГАУ им. Н.И. Вавилова (Саратов)

Степанова Анжела Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель Индустриально-педагогического колледжа СГТУ им. Ю.А. Гагарина (Саратов)

Суворова Наталья Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)

Тахнаева Патимат Ибрагимовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

Терехова Наталья Геннадиевна – старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Санкт-Петербург)

Тесля Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Фирсов Сергей Львович – доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения философского факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Хухров Игорь Александрович – учитель истории и обществознания СОШ № 29 (Санкт-Петербург)

Шнифельман Виктор Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

ABOUT THE AUTHORS

Adelgeim Irina E. – Doctor of Sciences (Philology), leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Bobrovnikov Vladimir O. – Ph. D., Senior Research Fellow of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Dino Messina – author of the column «Our history» in the oldest Italian newspaper *Corriere della sera* (Milan)

Firsov Sergey L. – Doctor of Sciences (History), professor of the Department of religious studies, philosophical faculty of St. Petersburg state University (St Petersburg)

Katsva Leonid A. – history teacher at the Moscow gymnasium in the South West No. 1543 (Moscow)

Khukhrov Igor A. – history and social science teacher at the SOHS № 29 (St Petersburg)

Krikkh Anna A. – Ph. D., associate Professor of the Department of Ethnology, anthropology, archaeology and museology of Omsk state University F.M. Dostoevsky (Omsk)

Krikkh Sergey B. – Ph. D., associate Professor of the Department of General history of Omsk state University F.M. Dostoevsky (Omsk)

Lukin Pavel V. – Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow of the Institute of Russian History of the

Russian Academy of Sciences (Moscow)

Medovarov Maxim V. – Ph. D., senior lecturer of the Department of information technologies in the Humanities of Nizhny Novgorod state University N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod)

Metel Olga V. – Ph. D., senior lecturer at the Department of general history of Omsk state University F.M. Dostoevsky (Omsk)

Mulina Svetlana A. – senior researcher at the Scientific and technical Department of Omsk state University F.M. Dostoevsky (Omsk)

Oleinikov Dmitry I. – Ph. D., associate Professor of the Department of history and theory of historical science at the faculty of history, political science and law of the Russian state humanitarian university (Moscow)

Pchelov Eudeny V. – Ph. D., head of the Department of auxiliary and special historical disciplines at the faculty of archives of Institute of History and archives of the Russian state humanitarian university (Moscow)

Rybalko Natalia V. – Ph. D., associate Professor of the Department of Russian history, Volgograd state University (Volgograd)

Saverkina Irina V. – Ph. D., associate Professor, head of sector, scientific-expositional Department “Menshikov Palace” of the State Hermitage Museum (St Petersburg)

About the authors

Shnirelman Victor A. – Doctor of Sciences (History), chief researcher of the Institute of Ethnology and anthropology N.N. Miklukho-Maklai Russian Academy of Sciences (Moscow)

Skakov Alexander Y. – Ph. D., senior research fellow at the Centre for the study of Central Asia, Caucasus and Ural-Volga region of the Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Sorokin Yury A. – Doctor of Sciences (History), Professor of Omsk state University F.M. Dostoyevsky (Omsk)

Speranskaya Natalia M. – Ph. D., head of the Center for the studies of the age of Enlightenment “Voltaire,s Library” (Department of rare books of the NLR) (St Petersburg)

Stepanov Yury G. – Ph. D., associate professor of the Department of social-legal and humanitarian-pedagogical sciences of the Samara state aerospace University N.I. Vavilov (Saratov)

Stepanova Angela V. – Ph. D., lecturer of the industrial-pedagogical College, SSTU Y. A. Gagarin (Saratov)

Suvorova Natalia G. – Ph. D, associate Professor of Omsk state University F.M. Dostoevsky (Omsk)

Takhnaeva Patimat I. – Ph. D., research fellow of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Terekhova Natalia G. – senior lecturer of the National research University “Higher school of Economics” (HSE) (St. Petersburg)

Teslia Andrey A. – Ph. D., associate Professor of the Department of philosophy and Culturology of the Pacific state University (Khabarovsk)

Zlatopolsky Alla A. – Ph. D., Senior Research Fellow of the Center for studies of the age of Enlightenment, “Voltaire’s Library” (Department of rare books of the NLR) (St Petersburg)

Zubko Olga E. – Ph. D., specialist at the Centre of international relations and activities of Vinnytsia national agrarian University (Vinnytsia, Ukraine)